ЛЕОН ДЕГРЕЛЛЬ

РУССКАЯ КАМПАНИЯ
1941-1945

В ПАМЯТЬ
и
ВО СЛАВУ
двух тысяч пятисот
бельгийских добровольцев
из Легиона «Валлония»,
геройски погибших
на Восточном фронте
в 1941-1945 годах
в борьбе против
большевизма,
за Европу
и
за свою Родину.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1936 году я был самым молодым политическим лидером в Европе.

Когда мне было двадцать девять лет, я заставил содрогнуться мою страну до самых сокровенных ее глубин. С большой верой и страстью за мной шли сотни тысяч мужчин, женщин, юношей и девушек. Как ураган, я вбросил в бельгийский парламент десятки депутатов и сенаторов. Я мог стать министром: мне надо было лишь сказать слово и принять участие в политической игре партий.

Я предпочел быть вне официальной политиканской трясины, выбрав суровую борьбу за порядок, справедливость, чистоту, поскольку был одержим идеалом, не допускавшим ни компромиссов, ни колебаний.

Я хотел избавить мою страну от диктаторской власти сил денег, которые коррумпируют власть, разъедают государственные учреждения, загрязняют совесть людей, приводят к краху экономику, труд.

Анархическому режиму старых партий, пораженных проказой политико-финансовых скандалов, я хотел легальными средствами противопоставить и создать государство сильное и свободное, организованное, ответственное, выражающее настоящую энергию народа.

Речь шла ни о тирании, ни о диктатуре. Речь шла о здравом смысле. Страна не может жить в беспорядке, в некомпетентности, в безответственности, неуверенности, гнилой коррупции.

Я требовал авторитета в государстве, компетентности в общественных делах, последовательности в национальных делах, реального, живого контакта между массами и властью, умного и продуктивного согласия между гражданами, которых разделяли и противопоставляли только искусственные распри: борьба классов, религиозные разногласия, языковые различия, тщательно и заботливо подпитываемые и поддерживаемые, так как представляли саму жизнь противоборствовавших партий, с одинаковым лицемерием театрально оспаривавшим или делившим между собой привилегии власти.

Я устремился с метлой в руках в гущу этих коррумпированных банд, истощавших силу моей Родины. Я их перетряхнул и высек. Я разрушил перед народом убеленные алтари, за которыми они прятали свои мерзости, свой разбой, свои преступные сговоры. Как ветер молодости и идеализма, веяя над моей страной, я вдохновил духовные силы, возродил высокую память борьбы и славы народа стойкого, трудолюбивого, жизнелюбивого, достойного изобилия и красоты.

Организация REX стала реакцией на коррупцию, продажность той эпохи. REX стала силой политического обновления и социальной справедливости. REX был особенно страстным порывом, выплеском тысяч душ, хотевших дышать, светиться, подняться над низостью режима и времени.

Такой была борьба до мая 1940 года.

Вторая Мировая война – которую я проклял – изменила все в Бельгии, как и в других странах. Старые учреждения, общественные институты, старые доктрины рухнули, как замки из сухого дерева, давно уже замшелого.

REX никоим образом не был связан с победоносным Третьим Рейхом, ни с его главой, ни с его партией, ни с каким бы то ни было из его руководителей или

его пропагандистов. REX был по существу движением исключительно национальным, абсолютно независимым. В захваченных архивах Третьего Рейха не нашли ни малейшего следа какой-либо связи, прямой или косвенной, рексизма с Гитлером до вторжения в 1940 году. Наши руки были чисты, наши сердца были чисты, наша любовь к Родине – горячая и ясная, была чиста от всякого компромисса.

Немецкий натиск оставил нашу страну изнемогающей.

Для восьмидесяти девяти процентов бельгийцев и французов война в июле 1940 года была закончена; доминирование Рейха было, впрочем, реальностью, к которой старый демократический и финансовый режим горел желанием адаптироваться как можно быстрей.

Было своего рода соревнование, кто из хулителей Гитлера в 1939 году быстрее всех бросится в ноги победителя 1940 года: руководители крупных левых партий, финансовые магнаты, владельцы самых влиятельных газет, государственные министры-масоны, бывшее правительство, – все просили, выклянчивали благосклонность, возможность сотрудничества.

Разве можно было отдавать позиции дискредитированным призракам старых партий, финансовым гангстерам, для которых золото – единственная родина, или темным продажным бандитам, разбойникам без таланта, без достоинства, готовым на самые гнусные работы прислуги для удовлетворения своей жадности или своих амбиций?

Проблема была не только патетической: она была срочной, требовавшей безотлагательного решения. Почти всем наблюдателям немцы казались окончательными победителями. Надо было решаться. Могли ли мы из-за страха ответственности оставить нашу страну плыть по течению?

Я раздумывал многие недели. И только после того, как я спросил и получил на высоком уровне одобрительное мнение, я решил возобновить издание газеты рексистского движения «Настоящая страна».

Бельгийское сотрудничество с немцами, начатое в конце 1940 года, происходило тем временем в гнетущей атмосфере. По всей очевидности, германские оккупационные власти больше интересовали силы капитала, а не идейные силы.Никому не удавалось точно узнать, что замышляла Германия.

Бельгийский король Леопольд III изъявил очень смелое желание прояснить ситуацию и добиться получения уточнения. Он попросил у Гитлера аудиенции, которая была получена. Но, не смотря на свою добрую волю, король Леопольд вернулся из Берхтесгадена не получив и не узнав ничего нового.

Было ясно, что нашей стране нужно дожидаться мира. Однако, мир пришел бы слишком поздно. До конца военных действий надо было добиться права вести эффективные переговоры и с достоинством говорить от имени древнего и гордого народа.

Как добиться такой возможности?

Сотрудничество внутри страны было всего лишь делом достаточно медленного вложения сил, своеобразным изматыванием в борьбе за влияния, борьбе повседневной и раздражающей, которую вели темные «мелкие сошки». Эта работа не только не дала бы никакого престижа тому, кто ей занимался, но и могла бы дискредитировать его.

Я не хотел попасть в эту ловушку. Я искал, я ждал другого. Это другое случилось внезапно: этим стала война 1941 года против Советов.

Это был уникальный случай, возможность для нас добиться уважения Рейха через сражения, страдания и славу.

В 1940 году мы были побежденными, наш король был пленным королем.

В 1941 году внезапно нам представилась возможность стать соратниками и равными с победителями. Все зависело от нашего мужества. Наконец-то мы имели возможность завоевать достойную позицию, которая позволила бы в день реорганизации Европы говорить с высоко поднятой головой от имени народа, пожертвовшего свою кровь.

Определенно, устремляясь к сражениям в восточные степи, мы хотели исполнить наш долг европейцев и христиан, но, мы это говорим открыто, мы это заявили прямо и ясно с первого дня, мы прежде принесли в жертву нашу молодость, мы отдали нашу молодость прежде всего для того, чтобы гарантировать будущее нашего народа внутри спасенной Европы. Это за нее прежде всего погибли многие тысячи наших товарищей. Это за нее сражались тысячи мужчин, сражались четыре года, страдали четыре года, поддерживаемые этой надеждой, подкрепляемые этой волей, усиленные уверенностью, что они придут к цели.

Рейх проиграл войну. Но он мог бы определенно ее выиграть. До 1945 года победа Гитлера оставалась возможной.

Гитлер-победитель, я в этом уверен, признал бы за нашим народом право жить и быть великим, право, которого добились для него тысячи наших добровольцев.

Им стоило двух лет эпических сражений, чтобы добиться внимания Рейха. В 1941 году бельгийский добровольческий Легион «Валлония» не был замечен. Наши солдаты должны были совершить многие подвиги, сотни раз рисковать своей жизнью, чтобы водрузить имя своей страны на уровень легенды. В 1943 году наш добровольческий Легион стал знаменитым на всем Восточном фронте своей идейностью и отвагой. В 1944 году он достиг вершины своей славы во время одиссеи при Черкассах. Немецкий народ больше чем какой-либо другой восприимчив к воинской славе.

Наш моральный дух оказался уникальным в Рейхе, намного выше любого другого из оккупированных стран.

Я два раза долго видел Гитлера. В тот год это был визит солдата, но визит, ясно показавший мне, что мы выиграли партию. С силой пожимая мне руку двумя своими руками в момент прощания, Гитлер сказал мне дрожащим от волнения голосом: «Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он стал таким, как вы». Как после этого отказать моей родине жить в чести? Мечта наших добровольцев была достигнута: в случае немецкой победы они блестяще обеспечили возрождение и величие своего народа.

Победа союзников временно сделала ненужным это ужасное усилие четырех лет боев, жертвы наших погибших, голгофу выживших.

Сегодня мир с яростью обрушивается на побежденных. Наши солдаты, наши раненные, наши калеки были осуждены на смерть или заключение в гнусных лагерях и тюрьмах. Нет уважения ни к чему, – ни к чести солдата, ни к нашим родителям, ни к нашим семьям.

Но невзгоды не сломят нас. Величие никогда не бывает напрасным, бесполезным. Ценности, завоеванные в боли и жертвах сильнее, чем ненависть и

смерть. Как солнце, возникающее из глубоких ночей, эти ценности рано или поздно воссияют.

Будущее пойдет намного дальше этой реабилитации. Оно не только воздаст честь героизму солдат на Восточном фронте во время Второй Мировой войны, оно скажет, что они были правы в отрицании, так как большевизм есть конец всяким ценностям; что они были правы в положительном, так как объединенная Европа, за которую они сражались, была единственной возможностью выжить, может быть, последней возможностью для старого чудесного континента, бухты нежности и страсти людей, но изуродованного, разорванного, расчлененного до смерти.

Придет день, когда будут горько жалеть о поражении в 1945 году этих защитников и этих строителей Европы.

А пока скажем правдивыми словами, какой была их эпопея, как они сражались, как страдали их тела, какими самоотверженными были их сердца.

Через эту эпопею бельгийских добровольцев, одной части из сотен частей, вновь встанет перед глазами весь русский фронт с солнечными днями побед, с еще более волнительными днями больших поражений, поражений, навязанных материей, но которые не принимал дух наш.

Там, в бесконечных степях, люди провели часть своей жизни.

Читатель, друг или враг, посмотри, как они воскресают, потому что мы живем в то время, когда нужно много искать, чтобы найти настоящих мужчин, а эти были такими до мозга костей, ты это увидишь.

Л.Д.

I. БРОСОК НА УКРАИНУ

22 июня 1941 года начался как и все добрые летние воскресенья.

Я рассеянно повернул рычажок радиоприемника. Вдруг меня зацепили слова: войска Третьего Рейха перешли европейскую границу СССР!

Польская кампания 1939 года, норвежская кампания, голландская, бельгийская и французская в 1940 году, военные операции в Югославии и Греции весной 1941 года были всего лишь предварительными или отвлекающими. Настоящая война, та, в которой будет разыграно будущее Европы и мира, только что началась. Это была больше война границ и интересов. Это была религиозная война, и как и все религиозные войны, она была безжалостной.

Прежде чем бросить свои танки в степи, Рейх долго хитрил, как кот на охоте.

Национал-социалистическая Германия 1939 года переживала беспрецедентное напряжение, но она распрямилась посреди таких электрических разрядов, в громе и ослепительном свете таких мощных бурь, что вся Европа, весь мир почувствовал дрожь. Если бы все ее западные враги обрушились бы на Рейнскую область и Рурский бассейн, если бы в то же время советская масса покатилась на Восточную Пруссию и Берлин, то Гитлер сильно рисковал бы быть задушенным. Он охотно повторял, что Вильгельм II проиграл войну 1914-1918 годов из-за того, что ему не удалось избежать войны на два фронта. Он собирался сделать и допустить вдвойне худшее. И однажды увидят, как бок о бок по руинам дворца рейхсканцелярии в Берлине прогуляются не только шотландцы и мужики, но и негры Гарлема и вкрадчивые, хитрые киргизы азиатских степей.

***

В августе 1939 года, накануне вторжения в Польшу, Гитлер в последний момент избежал этого удушения.

Сталин должен был только свести свои старые счеты с национал-социализмом: его сотрудничество с союзниками казалось заранее установленным и гарантированным. Лондон и Париж послали советскому царю военные миссии, которые были приданы широкой, яркой и звонкой огласке. В течение этого времени, в полном секрете, Гитлеру удалось ослабить веревку.

Сталин так же, как он, сыграл ловко. Он был сильно заинтересован сначала в том, чтобы ослабить плутократические демократии и национал-социализм. Он был врагом как одних, так и другого. Чем больше они ослабеют, тем легче в конечном счете будет задача для коммунистов. Сталин вел свою игру как хитрый азиат и главарь международной банды, уверенный в своих людях. Он смог открыто обозначиться союзником Третьего Рейха. В целом мире коммунистическая дисциплина была абсолютной.

Результаты этой необычной солидарности сразу же почувствовались. Мировая война была официально и «целомудренно» развязана. Поскольку Гитлер захватил Польшу, Сталин сделал тоже двумя неделями позже… Никто в союзнических канцеляриях не осмелился отреагировать.

Тем не менее, советский вождь вонзил нож в спину покачнувшейся Польши. Он смог это сделать безнаказанно. Он аннексировал более трети ее земли. Союзники не решились объявить войну правительству СССР.

Это моральное и военное отречение придало коммунистическим бандам, рассеянным по всей Европе, непоколебимую уверенность. Сталина испугались! Перед ним отступили! То, что было не терпимым исходя от Гитлера, было терпимым, исходя от Советов!

Союзники проглотили, как ужи, жабы, скорпионы, мораль и принципы, потому что они боялись укрепить альянс Сталина с Третьим Рейхом. Они также боялись саботажа, тщательно приготовленного, или даже в стадии подготовки, различных коммунистических партий внутри каждой из союзнических стран. Интерес, выгода, как всегда, возобладали над любыми другими соображениями.

В реальности все длилось не более двух недель. С сентября 1939 года у союзников была только одна мысль и цель: не нервировать СССР, обозначить примирение со Сталиным, несмотря на его агрессию в отношении их союзника – Польши.

Сталин мог предаваться многим диктаторским действиям, положить конец независимости Эстонии, Латвии и Литвы, вырвать у румын Бессарабию. Важно было одно: сделать возможным изменение направления вектора лагеря русских.

Менее чем через два года это было сделано.

***

Германия в 1939 и в 1940 годах выиграла сражения в Польше, Норвегии и на западе. Но она воевала уже более пятисот дней, не достигнув главного: победоносно высадиться на английской земле.

Англия со своей стороны в 1941 году также не ступила пока на европейский континент: Черчилль говорил о многолетней подготовке.

Таким образом, путь для Сталина был свободен. Свободен в направлении Рейха. Особенно свободен на Балканах.

Игра становилась все более и более напряженной. Немцы умело выдвинули свою пехоту в направлении Бухареста, Софии, Белграда. Необдуманный поступок Югославии, разорвавшей в мае 1941 года пакт, заключенный с Рейхом неделей раньше, привел к решающему событию. Советы, тайные подстрекатели операции, смотревшие дальше, чем игрушка британского шпионажа – молодой король Петр, публично телеграфировали о своей симпатии к югославскому правительству.

Конечно, бронетанковые войска немцев в две недели смели Белград, Сараево, Салоники и Афины, десантники маршала Вринга оккупировали остров Крит. Но германо-советский разлом был явным. С тех пор альянс с Рейхом отжил свое. Он принес Советам все то, что Сталин мог ожидать: свежий кровяной кусочек Польши, три прибалтийские страны, важные позиции в Финляндии, прекрасную Бессарабию.

Гитлеровский «лимон» был полностью выжат. Пришло время выжать и второй «лимон» – демократический. Известно, какой сок в конце концов дал этот лимон Советам в 1945 году: оккупацию территорий, населенных двумястами миллионов европейцев и азиатов, Красную Армию, разместившуюся в Тюрингии, на Эльбе, перед Любеком, в Петсамо, в Манчжурии, в Корее, на Курилах!

Югославский вопрос, претензии, заявленные Молотовым на Балканы, военные приготовления Советов в течение весны 1941 года не оставили Гитлеру сомнения в отношении амбиций СССР. Чем больше бы он промедлил, тем более неспособен бы был принять удар. С целью концентрации своих сил на востоке он временно отказался от своего плана вторжения в Англию. Он попытался различными средствами найти мирное урегулирование конфликта, разделявший Германию и Соединенное королевство. Это было слишком поздно. Англичане не были расположены отменять матч: он начался и больше не остановится.

В течение двух лет каждая страна с холодным спокойствием просчитала все, сделала свои подсчеты по тысячелетнему закату национального эгоизма и выгоды.

В конце, все пришли точно к одним и тем же заключениям. Русские, ловко подталкиваемые англичанами и стимулируемые новыми приманками, рано или поздно нападут. Немцам, чувствовавшим, что игра сделана, ничего не оставалось, как опередить. 22 июня 1941 года началась смертельная битва между национал-социалистическим Рейхом и Советской Россией: два империализма, две религии, два мира покатились по земле в скрипучих песках Востока.

***

Англия, изолированная от Европы морем, имея свои главные богатства разбросанными по дальним землям, могла точно не чувствовать важности дуэли. Она реагировала, думая больше о своем сиюминутном, непосредственном интересе, – освобождении Острова, чем о судьбе Европы, если Советы будут однажды победителями.

Зато для нас, народов европейского континента, эта битва была решающей.

Если побеждает национал-социализм, Германия, то она будет владеть на Востоке сказочно богатыми землями, примыкающими прямо к ней, прямо связанными с ней железными дорогами, реками, каналами, открытыми ее организаторскому и производственному гению. Великий германский Рейх в полном возрождении, имеющий замечательную социальную арматуру, обогащенный этими сказочными землями, простирающимися огромным блоком от Северного и Черного моря и до Волги, достигнет такой мощи, будет иметь такую притягательную силу, предоставит двадцати народам, забывшим Старый свет, такие возможности расцвета и развития, что эти территории составят стартовую базу для неизбежной европейской федерации, о которой говорил Наполеон, о которой думал Ренан и которую воспевал Виктор Гюго.

Если бы, напротив, победили Советы, кто бы в Европе смог им сопротивляться, как только огромный германский бастион был бы разрушен? Обескровленная Польша? Прогнившие, хаотичные, оккупированные, прирученные, забитые Балканы? Обезлюдевшая Франция, не имеющая никакого оппозиционного слова перед лицом двухсот миллионов азиатов и большевистской идеологией, раздутой победой? Греция, Италия – очаровательные болтуны, со своими бедными народами, застывшими на солнце, как ящерицы? Мозаика маленьких европейских наций, выживших в тысячелетней гражданской войне, неспособных купить по сто танков каждая? Если Советы побеждают Рейх, тогда Сталин ляжет на тело Европы, не способной к сопротивлению и готовой для насилия.

***

Конечно, потом попытаются спасти эту на три четверти советизированную Европу. Вчерашние союзники испугаются, поскольку СССР не удовлетворится этой близкой добычей, потому что его жадные руки сразу после окончания Второй Мировой войны потянутся к Тихому океану, к Китаю, к Персидскому заливу, к Средиземному морю, к Суэцкому каналу, разоряя колонии, сырьевые ресурсы, крупные международные тресты.

Но англо-американцы не будут больше стараться спасти Европу для Европы: просто они постараются сохранить на Западе трамплин, позволяющий сохранить им их империализм и реагировать на империализм советский, даже, если надо будет, однажды превратив этот трамплин в огромное поле развалин атомными ударами.

Мы, сыны Европы, думали о жизни Европы.

Какой бы ни была наша оценка способа, которым война была развязана, какое бы мы ни чувствовали сожаление о прошлом, какой бы ни была горькой иностранная оккупация наших родных стран, каждый из нас понял что-то намного более важное, чем удовлетворение или неприятности, которые ощутили с 1939 по 1941 разные европейские страны, ибо на карту была поставлена судьба всей Европы.

Этим объясняется необычный подъем бесчисленного множества молодых людей от Осло до Севильи, от Антверпена до Будапешта.

Тех, кто покинул свои родные семейные очаги Ютландии или Боса, в Арденнах или в Пуште, в Лимбурге или Андалузии не для того, чтобы служить частным интересам Германии. Они отправились на войну, чтобы защитить две тысячи лет самой высокоразвитой цивилизации. Они думали о баптистерии Флоренции и о соборе в Реймсе, об Алькасаре в Толедо и о колокольне в Брюгге. Они погибли там без счета не за служебные посты в Берлине, но за свои древние страны, позолоченные веками и за общую родину, Европу – Европу Вергилия и Ронсара, Европу Эразма и Ницше, Рафаэля и Дюрера, Европу святого Игнатия и святой Терезы, Европу Великого Фридриха и Наполеона Бонапарта.

Между этой тысячелетней Европой и ужасной советской лавиной уравниловки и кишащего потока ее народностей их выбор был сделан. Вся молодежь поднялась по всем четырем сторонам света. Гиганты-блондины скандинавы и прибалты, мечтательные венгры с длинными усами, коренастые и чернявые румыны, испанцы со смоляными глазами, зубоскалы-французы, датчане, голландцы, швейцарцы, англичане, канадцы, австралийцы, южно-африканцы и ново-зеландцы, в целом около пятидесяти, все-таки пятидесяти народов.

Тысячи бельгийцев собрались по языковому принципу внутри фламандского Легиона и валлонского Легиона. Они составили сначала два батальона, затем в 1943 году две бригады, потом в 1944-м – две дивизии: дивизию «Валлония» и дивизию «Фландрия».

Я же в течение сорока шести месяцев был одним из этих добровольцев Европы и познал со своими товарищами самую грандиозную и ужасную эпопею, я продвигался пешком в течение двух лет до порога Азии, потом бесконечно отходил от Кавказа до Норвегии, прошел от опьянения наступлений 1941 и 1942

годов до горькой славы поражения и изгнания, в то время как на половине обескровленной Европы распространялась желтая волна победителей-Советов.

Завоеванная Украина

В октябре 1941 года нужно было две-три недели, чтобы покрыть путь от границы Рейха до русского фронта.

Мы проезжали Лемберг, где трамваи развевали по ветру маленькие украинские флажки, желтые и голубые. Едва мы проникли в деревни на юго-западе, мы сами могли судить о разрушениях, причиненных Советам: сотни бронемашин в кюветах вдоль дороги, каждый перекресток был кладбищем железа.

Зрелище длилось полчаса, затем следы боев исчезли. Мы прибыли в сердце Украины, Украины нетронутой, где в бескрайних покрытых грязью равнинах вставали сотни гигантских стогов, огромных, как дирижабли.

В мирных деревнях роились избы, белые или бледно-голубые хаты с толстыми, густыми соломенными крышами. Каждая избушка отделялась от другой рощицей молодых вишен, отливавших медью.

Стены были соломенные, глинобитные. Но местные мастера любовно вырезали из дерева простенькие скульптуры, птичек, цветы, стрелы, гирлянды, которые окаймляли маленькие окна. Это обработанное дерево было разрисовано, как и ставни, яркими цветами. Окна были двойными, герметично закрытыми, разделенными широкой, с ладонь, доской, на которой в вате лежали стеклянные игрушки, апельсины или помидоры из раскрашенного цемента.

Полные девки с плоскими скулами суетились перед маленькими фермами. Их светлые волосы были завязаны в синие или красные платки. Они были одеты в мольтоновые, плюшевые куртки, придававшими им вид лапландских скафандров. Обутые как казаки, они весело шлепали по грязи, среди визжащих поросят.

Часами поезд стоял среди полей или перед затерявшимися домами. Мы покупали кур, которых варили в кипятке паровоза. Украинские мальчики с гордостью показывали нам свои домашние задания по немецкому языку. В тех же тетрадях мы читали на первых страницах: , затем на последних страницах проверенную и исправленную осторожным учителем формулу. Детвору это, казалось, не смущало.

Некоторые встречи давали нам представление о том, чем были победы сентября-октября 1941 года: это были поезда, перевозившие в Рейх фантастические орды пленных.

На каждой остановке мы бежали посмотреть вагоны. В изумлении смотрели мы на этих мохнатых, желтоватых гигантов, с маленькими сверкающими кошачьими глазками. Многие были азиаты. Они ехали стоя, по восемьдесят, даже по сто человек в каждом вагоне.

Однажды ночью нас разбудили ужасные крики. Мы стояли на вокзале. Мы спустились и открыли двери вагона с пленными: азиаты, прожорливые как мурены, дрались, вырывая друг у друга куски мяса. Этими кусками мяса было человеческое мясо! Вагон дрался из-за мертвого монгола, рассеченного осколками консервных банок. Некоторые пленные почувствовали себя обделенными, – отсюда эта свара. Обглоданные кости были выброшены наружу

через решетки. Они были разбросаны, окровавленные, вдоль вагона, на глинистой земле.

Мы узнали потом, что сотни тысяч людей, которых так набивали в вагоны, иногда стояли по три недели и кормились, когда была пища вблизи путей. Многие из этих азиатов, пригнанные из их диких степей, предпочитали жевать ребро какого-нибудь калмыка или татарина, чем подвергаться риску умереть с голоду. На одном вокзале я видел, как много людей рыли землю. Они вырывали красных земляных червей, длиной с ладонь. Они их глотали, как яйцо. Кадыки этих червоедов двигались с явным удовольствием.

***

Однажды утром мы прибыли к реке Буг. Большой железный мост в долине был разрушен. Мы развязали наше имущество и расположились в городе Первомайск.

Нам снова удалось послушать сводку. Наше наступление было не таким блестящим, как нам говорили простаки с железной дороги. Напротив, немецкое наступление замедлялось, Москва не была взята, Ленинград тоже; со стороны Ростова положение было также неясным. Оптимизм был еще велик, но уже была заметна некоторая сдержанность. Немцы под Первомайском мягко намекали на трудности дивизий, брошенных за тысячу километров от границ Рейха.

Мы смотрели на грязь под ногами и думали об этом море грязной земли, отделявшего наши бывшие армейские базы от передовой. От Первомайска шла дорога к Днепру. Грузовики по оси погрязали там в грязи. Грязь была черной, густой, как битум. Самые мощные моторы останавливались, бессильные преодолеть ее.

Железнодорожные пути тоже были не для использования. Видимо, с царских времен к ним не прикасались; поезда передвигались с черепашьей скоростью; рельсы поднимались и опускались, как качели. Передвижение, перевозки были слабыми, хотя расширение путей было сделано с необыкновенной расторопностью.

Окончательно все губила необходимость перегрузок и пересадок личного состава. Когда мы достигли Буга, надо было пешком спускаться до самой глубины долины и подниматься по ее склонам грязной обходной дорогой на много километров. Этот путь был настоящей рекой: мы шли по колено в воде. И вот в таких условиях через разрушенные мосты надо было перевозить подкрепления для армии группы «Юг».

Немецкие армии были брошены на восток как в открытую могилу. Однако, эта смелая операция определенно удалась бы, если бы война закончилась бы в очень короткий промежуток времени. Победоносные войска как-нибудь разобрались бы с проблемами на месте. Инженерные войска на свежую голову организовали бы сообщение с тылом, укрепили бы, обустроили дороги, навели мосты за несколько месяцев; это не было бы драмой.

К несчастью для Рейха, война не закончилась в сроки, намеченные командованием. Дивизии еще пытались идти вперед, но осенний потоп полностью захватил степь. Обмундирование, снаряжение, горючее, необходимые подкрепления неделями тащились по России, расчлененной осенней распутицей.

Армия, которая сражается в бездне. И к тому же приближалась зима. В 1812 году точно в такое же время Наполеон с болью в душе вынужден был решиться оставить Москву.

Но армии Рейха останутся в России. Однако, речь в данном случае шла не об одной стреле прорыва, не об отдельном наступательном клине, но о целом фронте в три тысячи километров, простиравшемся от Белого до Черного моря!

Когда мы видели пустые вокзалы, разрушенные мосты, грузовики, утопавшие в грязи, мы не могли отогнать наши мысли о сотнях тысяч людей, брошенных в глубь России, которые должны были попытаться сделать то, что Наполеон не осмелился попытаться: продержаться, не смотря ни на что, среди голой степи, имея впереди себя врага, а сзади пустыню со снегом, что валил с небес, и с морозом, что разъедал тело и дух.

И, тем не менее, у нас была такая вера в непогрешимость и мудрость верховного немецкого командования, что мы не предавались излишним сомнениям и размышлениям. Война еще могла закончиться здесь до наступления больших холодов. Если нет, то все (видимо) было предусмотрено, определено, как и всегда.

Мы перегрузились в другой эшелон после того, как пересекли залитую долину Буга. Днем местность была спокойной, но ночью по поездам стреляли. Утром вдоль путей мы замечали трупы советских солдат. Они пытались организовать одиночное, неорганизованное сопротивление. Это были одиночные выпады. Их выгнутые дугой тела лежали в длинных фиолетовых шинелях.

Начало сильно морозить. Утром на стоянках эшелона нам надо было разбивать лед в ямах, чтобы умыться. Мы были набиты по сорок человек в вагон вот уже семнадцать дней. Второго февраля, очень рано мы преодолели большие противотанковые рвы, пересекавшие русские холмы.

Поезд шел под уклон. Мы ехали вдоль бесконечных обгорелых стен заводов. Затем перед нашими глазами внезапно возникла великолепная, чудесная голубая лента сверкающей бирюзы, омытая солнцем. Это был Днепр, шириной более километра.

Днепропетровск

Между Галичиной и Днепром мы почти не воевали. Как только мы достигли предместий Лемберга, бои по окружению группировки врага при Балте решили судьбу великолепной украинской равнины, усеянной кукурузой и пшеницей, большими бело-голубыми деревнями, украшенной тысячами вишневых садов. Бронетанковые войска Рейха без препятствий продвинулись до Днепропетровска.

Бои на подступах к городу были жестокими. На кладбище возле вокзала осталось шесть сотен немецких могил. Горели целые улицы, но город еще держался. Проспект Карла Маркса, сразу переименованный в авеню Адольфа Гитлера, бесконечно простирался вдаль, как Елисейские поля.

Теперь война уже пересекла реку. Последнее явление этой войны при вступлении частей в жилые кварталы было скорее живописным, чем устрашающим: длинные вереницы пьяниц лежали, смертельно пьяные, вдоль желобов и канавок, по которым из резервуаров, взорванных отступавшими большевиками, потоками стекало сто тысяч литров водки. Пьянчуги лакали

алкоголь прямо из грязи, затем, тая от блаженства, пузом кверху ждали вступления в город победителей.

Сталинский режим организовал в городе большой строительный бум. Сначала мы были очень поражены, приближаясь к пригородам, когда увидели огромные кирпичные пролетарские здания, воздвигнутые Советами. У них были современные контуры. Строения были огромны и многочисленны. Бесспорно, коммунисты что-то сделали для народа. И если нищета крестьян была огромной, то, по меньшей мере, пролетарий, казалось, воспользовался новым временем.

Но надо было еще увидеть и осмотреть эти здания. Шесть месяцев мы жили в угольном бассейне Донецка. У нас было вполне достаточно времени, чтобы проверить наши предположения при вступлении в Днепропетровск. Эти конструкции, эти строения, такие впечатляющие издалека, были всего лишь гигантским обманом, фальшивкой, предназначенной для того, чтобы мистифицировать интуристов и зрителей киноновостей.

Как только мы приближались к этим блокам зданий, мы чувствовали отвращение от вялого запаха грязи и испражнений, исходящего из болотистого окружения каждого из этих зданий. Вокруг них не было ни плит, ни камней, ни щебенки. Русская грязь царила там, как и повсюду. Отвод дождевых вод производился прямо через почву. Обветшалые трубы свешивались с водостоков и сбрасывали дождевую воду прямо на землю, в сторону. Стены были облупленными и потрескавшимися по всем направлениям. Качество использованных материалов было из самых худших. Балконы везде тоже потрескались. Цементные лестницы были выщерблены и изношены. Тем не менее, этим зданиям было всего лишь несколько лет.

На каждом этаже было несколько квартир, выбеленных известкой, с маленькой коммунальной кухонькой на несколько семей. Электрические провода свисали гирляндами. Стены были глинобитными, и невозможно было вбить гвоздь, так как они рассыпались.

Как правило, водоснабжение не работало. Пролетарской популяции не удавалось установить санузлы, она справляла свои естественные надобности прямо вокруг зданий, что превращало округу в огромную выгребную яму. Холода способствовали отвердеванию этих «хранилищ», которые при каждой оттепели оттаивали, распространяя вонь. В конечном счете, эти квартиры оказывались более некомфортабельными, чем жалкие избы, где на самой богатой и плодородной земле в Европе миллионы русских крестьян существовали посреди мрачной нищеты, одетые в лохмотья, обноски, поедая пищу из общих мисок ложками, вырезанными прямо из кусков дерева.

Семьдесят пять процентов наших солдат были ремесленниками. Многие из них были когда-то восприимчивы к советской пропаганде. Теперь они открывали рот от изумления при виде того, в каком состоянии разрухи и прострации находился русский пролетариат. Они качали головами, еще раз глядя на зрелище, прежде чем ему поверить.

Вообще, Гитлер предпринял опасный опыт. Сотни тысяч немецких рабочих, мобилизованных и посланных на Восточный фронт, могли бы сделать для себя неутешительные сравнения, если бы Советы сделали бы действительно что-нибудь значительное для рабочего класса.

Каждый немец, наоборот, думал об удобных рабочих домах Рейха, об их комфорте, о семейном садике, о народных клиниках и родильных домах, о досуге,

оплачиваемых отпусках, о замечательных круизах по Скандинавии или Средиземноморью. Он вспоминал о своей жене, о своих детях, радостных, здоровых, хорошо одетых; видя русский народ в обносках, смотря на несчастные избы, на мрачные и ненадежные рабочие квартиры, он делал абсолютно четкие выводы. Никогда еще рабочая масса не совершала подобного учебного путешествия.

Четыре года спустя сравнение происходило в обратном направлении: наворовав ручных часов, драгоценностей, одежды во всей Восточной Европе, советский солдат с ворчанием возвратится в СССР, пораженный комфортом некоммунистических стран и с отвращением от своей деревянной ложки, изношенных платьев и мерзких экскрементов вокруг домов-казарм.

Через три дня мы получили новый приказ выступать: за последние ночные часы нам надо было перебраться на левый берег Днепра и занять боевую позицию.

В шесть часов вечера наш Легион собрался на выступе над рекой. Шум воды доходил до нас. Я вышел из строя, чтобы еще раз напомнить моим товарищам об их долге европейцев, патриотов и революционеров. Странное волнение охватывало нас. Кто из нас преодолеет реку?

В полночь наши колонны построились. Форсирование Днепра осуществлялось односторонним движением по длинному деревянному мосту в километр триста метров. Он много раз был разбит ударами советской артиллерии и авиации. Мощная зенитная батарея Д.С.А. защищала этот узкий проход, единственную связь с Южным фронтом. Темная масса воды расцвечивалась сотнями огромных льдин, похожих на сказочные лотосы. Остовы затонувших лодок высовывались из воды.

Мы ускоряли шаг. Мы молчали, взволнованные от предстоящей встречи с войной.

Фронт в грязи

Тот, кто не уяснил для себя важность грязи в русской проблеме, не может ничего понять в том, что произошло за четыре года на восточноевропейском фронте. Русская грязь – не только богатство, где степь оживляется, она так же является защитой территории, защитой даже более эффективной, чем снег и мороз.

Холод еще возможно победить, преодолеть, двигаясь при сорока градусах ниже нуля. Русская грязь же уверена в своем превосходстве. Ничто не способно ее победить, ни человек, ни машина. Она царит в степи в течение многих месяцев. Ей принадлежат весна и осень. И даже в течение нескольких месяцев лета, когда огненное солнце испепеляет потрескавшиеся поля, каждые три недели гремят ураганные грозы. Эта грязь крайне липкая, так как почва пропитана маслянистыми элементами. Вся земля пропитана мазутом. Вода не вытекает, не утекает, она застаивается. Земля липнет к ногам, липнет к упряжи.

Уже высаживаясь у реки Буг, в октябре месяце, мы были поражены картиной грузовиков, погрязших в этой черноватой каше. Но только когда мы сами вошли в это украинское болото, мы по-настоящему поняли ситуацию.

От Днепропетровска поезда не ходили, мосты и пути были взорваны и отрезаны.

В октябре 1941 года германские войска, как при попутном ветре, устремлялись вглубь Донецкого бассейна, оставляя за собой огромную территорию: с началом дождей она превращалась в мертвую зону, практически непреодолимую. Части, выпущенные как стрелы, в течение недель должны были сражаться отрезанными этой лужей в триста километров длинной.

Сталин избежал катастрофы с разрывом всего около двух недель. Еще бы две недели солнца, и весь гужевой транспорт победителей мог бы проскочить. Сталин, оказавшись на краю гибели, был спасен этой независимой грязью, которая добилась того, чего не смогли добиться ни его войска, ни его техника.

Гитлер раздавил миллионы советских солдат, уничтожил их авиацию, их артиллерию и танки, но он ничего не смог сделать против этих хлябей, что падали сверху, против этой гигантской маслянистой губки, в которой вязли ступни его солдат, колеса его бензозаправщиков, гусеницы его танков. Самая грандиозная и стремительная победа всех времен была остановлена в конечной стадии грязью, ничем больше, как грязью, элементарной грязью, старой, как мир, бесстрастной, более мощной, чем всякие стратегии, чем золото, чем мозг, чем людская гордость.

Наш Легион прибыл на Украину как раз чтобы бороться или, точнее, отбиваться от этого врага. Бесславная, изматывающая борьба. Борьба, которая отягощала и внушала отвращение, но борьба, вернувшая смелость тысячам советских солдат, разбросанным по всем направлениям немецкими танками, обогнавшими их двумя-тремя неделями раньше.

Они, как и французы в июне 1940 года, сначала подумали, что все было кончено. Все указывало на это. Они спрятались, потому что боялись. Пошли дожди. С опушек тополиных рощ, с соломенных крыш изб, где они прятались, они заметили, что эти великолепные войска Рейха, которые произвели на них такое сильное впечатление, больше не были неуязвимыми: их грузовики были побеждены, их танки были побеждены. Они слышали, как беспомощные шоферы ругались возле своих машин. Страстно увлеченная наступлением мотопехота плакала от ярости, будучи не в состоянии вытащить из грязи свои машины. Мало-помалу советские беглецы вновь почувствовали уверенность.

Так родилось сопротивление, от остановки, которую предоставила грязь и картины уязвимости сил Рейха, неотразимых несколькими неделями до этого, когда их фантастические бронированные колонны сверкали на солнце.

Грязь была оружием. Снег был другим оружием. Сталин мог рассчитывать на этих бескорыстных союзников. Ничего решающего, ничего значительного не произойдет в течение шести месяцев. Полгода передышки, когда противник прижат уже к земле. Ему будет достаточно до мая 1942 года держать войска Рейха, которые, измотанные стихией, только и хотели, что спокойно перезимовать. За спиной немецких дивизий уже организовались партизаны, досаждая им как болотные комары, быстро налетая и быстро отлетая сразу после укуса.

Мы мечтали об очаровании боя. Нам же пришлось узнать настоящую войну, войну усталости, изнеможения, войну этих трясин, в которые плюхается тело, войну зловонных трущоб, бесконечных маршей, ночей и воющего ветра.

Мы прибыли на фронт, когда летнее наступление закончилось, тогда как армии Гитлера отбивались в чудовищных болотах, когда партизаны возникали из-за каждого куста орешника и повсюду устраивали засады.

Вот против них нас и направили по прибытии в Днепропетровск. Теоретически фронт находился в двухстах километрах от Днепра. На самом деле, он был в пятидесяти метрах пути. Прямо в нескольких лье от Днепра тысячи партизан обосновались в ельнике по обоим берегам речки Самары. Ночью взлетали соседние мосты, исчезали солдаты, когда передвигались в одиночку, таинственно вспыхивали пожары. Вечером нашего прибытия в большой рабочий поселок Новомосковск был подожжен гараж, где находились от четырех до десяти грузовых машин Вермахта. Вся окрестность озарилась заревом.

Этих скрытных налетчиков надо было загнать в тупик и уничтожить. Наш Легион получил приказ выдвинуться на запад, юго-запад и юг от того леса, логова врага.

***

Пересечение полосы грязи, отделявшей нас от этих лесов, стало дьявольским испытанием; каждый метр трясины был препятствием, требовавшим усилия и страдания.

Вся местность была погружена в густую тень, полную воды. Ни одного огонька какой-нибудь фермы. Мы сваливались в овраги, роняя оружие, и его нужно было искать на ощупь. Вода доходила нам выше колен. Провалы были такими опасными, что мы должны были связаться по трое, чтобы вовремя удержать того, кто вдруг провалится в яму.

Нам потребовалось около двадцати часов, чтобы преодолеть эти сатанинские километры. Мы поднимались после падения, мокрые с головы до ног. Все наше имущество пропало в воде. Наконец, мы рухнули на пол в каких-то пустых избушках. Мы разожгли огонь из соломы и досок, нам пришлось снять все наши одежды. Все мы были скользкими, липкими от гнилостной грязи, что покрывала все наше тело. Наши тела были сырыми, как у тюленей. Мы долго обтирались сеном, и в ужасной вони, голые, как адамиты, мы ожидали рассвета среди едких волн кострового дыма.

***

Вот так сотни тысяч солдат-земноводных пытались воевать на этом вязком фронте в три тысячи километров. Надо было противостоять врагу спереди, сзади, по флангам, напрягая дух и с обессиленным телом.

Эта грязь отравляла души. Наименее сильные падали, отравленные. Мы были только в прелюдии всего этого, когда один из наших товарищей упал навзничь в болотах с простреленной головой. Истратив все свое мужество, он выстрелил себе в рот.

Видимо, земля тоже имеет свое оружие. Старая русская земля, вытаптываемая иноземцем, применяла свое вечное оружие; она защищалась, она мстила. Она мстила уже в ту дождливую осень 1941 года, когда мы смотрели на эту лужу сиреневой крови в черной грязи, гладкой и непроницаемой.

Деревня

Деревню Карабиновскую, где мы провели три месяца, сдерживая партизан, как и все русские деревни пересекала бесконечная дорога шириной в пятьдесят метров, по обеим сторонам которой стояли избы, изгороди из досок и вишневые сады.

Эти соломенные хижины, пригнутые толстой крышей из тростника, были почти одинаковыми, за исключением цвета извести. Мы входили в темные маленькие сени и прямо в общую комнату. Вялая духота встречала нас запахом грязи, помидор, человеческого дыхания, испарений и мочи молодых домашних животных, лежавших вповалку с людьми.

Во время зимы русские не покидали скамейки и хромые табуретки изб. Родители выходили только для того, чтобы ухаживать за скотом на другом конце дома: поросенком, коровой или бычком. Они возвращались с охапкой кукурузных стволов и подсолнуха, чтобы подбросить в печку.

Эта печка была на все случаи жизни: кухня, центральное отопление и кровать для целой семьи. Это был внушительный куб из кирпича и глины, побеленный известью. Он занимал треть или половину комнаты и поднимался двумя колоннами до полуметра от потолка. В эту печку два или три раза в день засовывали охапку тростника или немного сухих поленьев. Вечером семья в полном составе забиралась на полати печки. Отец, мать, дети вперемешку, свернувшись калачиками, спали прямо на теплой глине, покрытые тряпками и красными перинами, из под которых торчала шеренга плоских и почернелых ног. Похожие на фигурки в верхней части шарманки, ребятишки проводили на этой печи шесть или семь месяцев. Вся их одежда состояла из рубашонки, закрывавшей половину тела. Они были грязные и крикливые, с сопливыми носами. В России детская смертность была огромной, безжалостный отбор происходил в самом начале жизни.

***

Целый угол избы был занят иконами. Некоторые из них, особенно красивые, относились к XV-XVI векам. Задний фон этих миниатюр был восхитителен: зеленые и белые замки, грациозно ступающая живность. Чаще всего они представляли Святого Георгия, убивающего змия, или Святого Николая, добродушного и с бородой, или Деву Марию с опаленным цветом лица, с глазами-миндалинами, с маленьким Исусом на руках.

Эти иконы красовались среди зеленых или розовых бумажных гирлянд. Раз двадцать в день крестьяне крестились, проходя перед ними. Иногда у них можно было видеть старенький обтрепанный молитвенник, из которого вечером они вдохновенно читали при дрожащем свете масляной лампы.

Эти люди никогда не спорили между собой, смотрели вдаль мечтательными голубыми или темно-зелеными глазами.

Изба была заполнена домашними растениями и цветами. Их широкие маслянистые листья поднимались на два метра высоты, почти до потолка. Они придавали этим бедным лачугам вид джунглей.

К избе примыкал загон для скота.

Богатые крестьяне, кулаки, давно уже миллионами отправились в Сибирь, чтобы учиться там презирать земные блага. Те, кому удалось избежать выселения, довольствовались одной буренкой, одним или двумя поросятами, дюжиной кур и несколькими голубями.

Это было все их добро, которое они ревниво оберегали. Поэтому телята и поросята были перенесены в тепло, в единственную комнату семьи сразу же с наступлением холодов.

Колхоз, где каждый строго следовал и служил режиму, имел почти целиком всю посевную площадь пшеницы, кукурузы и масличных культур региона. Но, благодаря такому тотальному обиранию крестьян, Сталин мог делать бронированную технику и пушки, готовить мировую революцию. Крестьянину же ничего не оставалось как печально проглотив вечером сковородку картошки с луком молиться перед своими иконами, с чистыми глазами и пустой волей.

Осень заканчивалась. Воздух потерял свою мягкость и влажность, вечера становились сухими. За несколько дней грязь затвердела, затем пошел снег. Это было началом большой русской зимы. Деревца поблескивали тысячами сверкающих соломинок. Небо окрашивалось в голубой цвет, а так же в белый и золотого отлива. Солнце было еще мягким над ивами, окаймлявшими озера.

К этим ивам однажды утром спустилось все население деревни. Эти большие пруды были усеяны множеством камыша, похожего на частокол копий высотой в три метра с коричневыми и розовыми кисточками наверху. Мороз уже схватил эти серые палки-стебли. Крестьяне попробовали прочность темного льда, припорошенного снегом. Он был прочным. Все пошли за серпами и косами.

Это была странная жатва. Под холодным ноябрьским солнцем деревня скашивала высокий тростник, который покроет белесые избы.

Урожай падал живописными снопами. Тысячи маленьких толстеньких воробьев прыгали и чирикали по берегу. В три дня пруды были скошены. Тогда деревня вернулась домой и закрыла свои двери на зиму. К тому же пора была закрываться. Иногда пули вонзались в глинобитные стены и ломали ветки вишен.

II. ЗИМА В ДОНБАССЕ

Советские войска составляли особый род военных частей. Они были нигде. И они были повсюду. Засев в кустарнике, в стоге сена, у слухового окна какой-нибудь избы, их наблюдатели тихо следили в течение дня за каждым шагом противника. Они вычисляли сараи и технику, места проездов и переходов рек, ход саперных и инженерных работ.

Следующей ночью какой-то мост был заминирован и взорван, сгорели какие-то грузовики. Очереди, залпы вылетали с откосов. Мы устремлялись туда, но было слишком поздно. Мы находили на месте только старую меховую шапку или следы валеных сапог, ничего больше. Лес бесшумно укрывал убегавших.

Мы должны были одной ротой прикрывать многие километры большака Днепропетровск – Сталино; следить за целым километром опушки леса, отделенной от деревни двумя километрами холмистой местности, где качались несколько букетов кустарника.

Наши посты находились в трехстах метрах за избами. Мы выставляли там часовых, у которых белели носы и мерзли руки. Холод становился злющим, а у нас не было никакого зимнего обмундирования.

Но и оставаться в дозоре в этих условиях было недостаточно. Русские по-кошачьи просачивались ночью между наших постов. Как только они их проходили, то спокойно могли выполнять свои партизанские задачи. Поэтому половина нашего личного состава должна была непрерывно патрулировать открытые места, выгоны от деревни до леса.

Мы падали в снежные дыры, провалы. Мы стучали зубами, съедаемые, издерганные этими бесконечными часами игры в кошки-мышки. Мы возвращались промерзшими до костей, наше обледенелое оружие долго испускало пар у огня из палок подсолнухов.

Изо дня в день наше кольцо вокруг соснового леса сжималось все больше. Раза два мы совершили глубокие рейды в лес. Снег скрипел под ногами. Мы обнаруживали повсюду следы валеных сапог. Но ни одна ветка не шевелилась, ни одна пуля не просвистела над головой. Партизанская война была войной ударов исподтишка, она избегала регулярных прямых столкновений.

На нашем правом фланге германские войска также теснили врага. По вечерам, в сухом воздухе, под сверкающими звездами, на золотом фоне выделялись черные стропила и перекладины горящих изб. Красные попытались прорваться в нашем направлении. Они выступили ночью, около одиннадцати часов. Лежа в снегу, мы расстреляли все боеприпасы наших автоматических винтовок. Трассирующие пули устремлялись вдаль, похожие на букеты цветов. В течение часа степь перечеркивали эти горящие стрелы. Чувствуя, что заслон крепкий, русские вернулись в свои потайные логова. На северо-западной опушке леса, на правом берегу Самары красные построили солидные доты. Речка была скована льдом.

Наши люди получили приказ взять приступом вражеские позиции. Едва они оказались вблизи реки, как их встретил яростный шквал огня. Рота должна была в этих условиях атаковать стремительно, чтобы пересечь открытую местность в

двадцать пять метров гладкого льда. В этот день у нас были тяжелые потери, но бункеры были взяты, русские вбиты в снег или обращены в бегство.

Русская земля приняла наших павших. Сколько еще других погибнут в мороз, в грязи или под золотым солнцем в Донбассе и на Дону, на Кавказе и в Эстонии… Но эти первые розовые пятна, рассыпанные, как лепестки, на снегу Самары, были исполнены незабываемой чистоты первых жертв, первых цветов и первых слез…

***

Мы должны были оставить эти могилы. Нам нужно было выдвигаться на крайний участок фронта, для соединения с дивизией, врезавшейся в глубину Донецкого угольного бассейна. В конце ноября, без перчаток, без шерстяных шлемов, без каких-либо меховых вещей, в тонкой военной униформе, продуваемой холодным ветром, мы начали продвижение на двести километров.

Ледяные дороги

Мороз в течение осени 1941 года совершенно преобразил дороги Донбасса. Река грязи стала рекой ухабистой лавы. Хлябь затвердела, а сотни грузовиков продолжали ее кромсать и толочь. Она смешалась в переплетение каменнообразных гребней высотой в полметра. Эти блестящие колеи цвета черного мрамора по пятьдесят или сто метров шириной раскрывались и выгибались, нарезанные длинными полосами.

Бессмысленным было желание бросить между этими канавами обычные автомашины. Бензобаки машин с первых километров были пробиты. Только тяжелые машины и вездеходы, исключительно высокие на своих лапах, могли отважиться двинуться на этот гололед и колесить между ухабов и ям.

Передвижение пешком было настоящей бедой. Мы едва осмеливались поднимать ступни, мы их только толкали. Падения были болезненными, потому что этот лед был тверд, как железо.

Мы должны были держать оружие наготове для боя, при малейшем сигнале тревоги. Снаряжение одного солдата-автоматчика весило тогда более тридцати килограмм, не говоря о трехдневном походном пайке и всей обычной амуниции. Напряжение жгло нам сухожилия. Мы вынуждены были ножами порезать задники наших загрубелых башмаков, чтобы придать им немного эластичности. Каждый стискивал зубы, чтобы переносить страдание. Иногда от напряжения сдавали нервы и человек падал. Он хрипел, уткнувшись лицом в лед. Мы поднимали его в первый проходящий грузовик на кучу буханок хлеба или ящики с обмундированием. Затем колонна продолжала свое продвижение по черному гололеду.

***

И, тем не менее, местность была приятной на вид. Широкая степь была утыкана сотнями тысяч серых стволов подсолнухов. Облачка воробьев летали, резвились шерстяными комочками. Небо особенно было прекрасным: бледно

голубое, кристальной чистоты и такой прозрачности, что каждое дерево на горизонте являло каждую оголенную ветку с античной чистотой.

Крестьяне иногда показывали нам какую-нибудь платановую аллею или ряд старых берез – последние следы помещичьих усадеб. Но от строений былых времен не осталось ни доски, ни камня, ни даже следов фундамента. Все было снесено, выровнено, отдано на волю растительности.

Также было и с большинством церквей. В нескольких оставшихся из них, давно загаженных, были устроены амбары, склады, клубы, конюшни или электростанции. Красивый зеленый или золотой купол всегда блестел над белыми стенами. Иногда мы обнаруживали обломки деревянных алтарей или роспись, которую не смогли достать под сводами маляры или штукатуры. В остальном же – навоз и кукурузный силос, которыми был усеян паркет.

Эти церкви-конюшни, эти церкви для техники, подсолнуха или советских собраний были, впрочем, крайне редки. За два года мы пешком преодолели более двух тысяч километров от Днепропетровска до границ Азии: мы могли по пальцам пересчитать церкви, встреченные нами по дороге, все оскверненные до неузнаваемости.

В начале декабря мы пересекли Павлоград, затем задержались на пустых хуторах. Кружила метель. Мы отправились в дорогу в четыре или в пять часов утра. Снежные вихри выли вокруг наших голов, стегали и ослепляли нас. Мы тратили целые часы, чтобы дотащить до дороги наши тяжелые железные повозки, нагруженные снаряжением. Лошади падали на гололеде, ломая себе ноги. Несчастные животные безуспешно храпели в свистящей пурге, они фыркали, поднимались в полроста и снова, обезумев, падали на снег.

Снег шел так плотно, что дороги и степь полностью смешивались. Еще не воткнули вдоль дороги высокие колышки, которыми русские, знающие свой крест, метят свои дороги, когда зима нивелирует, смешивает в одну пустыню эти бескрайние просторы.

Стрелки, указывавшие направления, были покрыты шапками снега. Наши части плутали, заблудившись.

Вершиной несчастий было то, что населенные пункты или другие места, которые мы искали, обычно два или три раза за последние двадцать пять лет меняли названия: старые карты указывали названия царских времен; карты 1925 года – темно-красные названия революционного времени; карты 1935 года – имя какого-нибудь советского царька, по примеру Сталинграда и Сталино. Иногда, впрочем, оказывалось, что упомянутый царек получил тем временем пулю в затылок в застенках НКВД – отсюда новое, четвертое крещение! Зато пятьдесят, сто степных деревень сохранили одно и то же имя, это были имена жен или дочерей царей, употребленных из лени и оставленных из лени.

Во время перехода до Гришино мы целый день кружили в метели и дошли до этого населенного пункта, сделав крюк в пятьдесят три километра, и все равно это Гришино было не наше Гришино.

Не только поселение получило три различных названия за двадцать пять лет, но и вдобавок оказалось два Гришино: Гришино-вокзал и Гришино-село, между которыми было семь километров! Все типично славянские усложнения! Только утром мы прибыли в нужное нам Гришино, утопая в снегу выше колен.

Мы пришли первыми. Надо было сорок восемь часов (двое суток) ждать, когда прибудут другие роты, кроме одной, так и оставшейся блуждать, скитаясь

две недели, заморив до смерти всех своих лошадей и догнав нас уже на самой линии фронта на Рождество, эскортируя древнюю, как у Меровингов, колонну из здоровых белых волов, запряженных в свои грузовики.

К несчастью, одиссея не всегда ограничивалась сменой экипажей. Эта местность, где мы были игрушками для снежных бурь, была напичкана советскими минами. Их накрыл снег, так что колышки, поставленные там и сям первыми отрядами немецких саперов, были под снегом.

Заблудившись среди этих снежных вихрей, круживших на три метра высоты, одна из наших рот нарвалась на минное поле. Командир шел впереди, на коне. Это был молодой капитан бельгийской армии, у него было красивое деревенское имя Дюпре. Его конь наткнулся на один из этих смертельных заядов. Лошадь, взлетев столбом на два метра в высоту, рухнула с разорванными кишками, тогда как ее всадник лежал на земле с искалеченными в куски ногами.

Степь вопила, свистела, мяукала о своей победе. Наши солдаты двумя палками скрепили, как шинами, искалеченные конечности и перенесли на еловых ветках своего несчастного капитана. Через несколько километров они дошли до пустой избы.

Потребовалось двадцать шесть часов, чтобы вездеход скорой помощи смог прибыть к умирающему. У него было одиннадцать переломов и разрывов. Он курил маленькими короткими затяжками. Он попрощался со своими парнями. Крупные капли пота стекали по его лицу, настолько сильно он мучился. Он умер, без единого слова сожаления, затянувшись последний раз своей сигаретой…

***

После Гришино были станицы Александровские. В СССР их сто или двести, этих Александровских. Мы блуждали между всеми Александровскими Донбасса.

Наконец, мы добрались до рабочих поселений. Мы подходили к цели. Резкая оттепель стоила нам последнего «грязевого» этапа. В конце грязных полей мы увидели как поблескивал мокрый гололед Щербиновки, районного центра шахтеров в сорок тысяч жителей. Они стояли неподвижно, молча вдоль стен домов. Многие пристально смотрели на нас недобрыми глазами.

Большевистские войска перегруппировывались, откатившись в степь на три километра восточнее. Но за нашей спиной, мы это чувствовали, сподручные коммунистов были в засаде, готовые к удару.

Рождество в Щербиновке

Восточный фронт в декабре 1941 года был капризен, изменчив, как рисунок пляжа. Каждая армия Рейха несла на него свою волну по максимуму своих возможностей. Каждая часть в конце октября оказывалась увязшей в предательских поселках, имея пустые зоны слева и справа, зная лишь приблизительно намерения и расположение врага, который так же наступал изо всех сил в беспорядке, часто походившем на водевиль.

Используя распутицу, красным удались некоторые военные операции: они отвоевали Ростов; из-за нехватки бензина немцы должны были или оставить его, или сжечь там сотни грузовиков.

Осмелев от этого локального успеха, Советы ободрились и на востоке Донбасса, на левом крыле нашего участка. От Славянска до Артемовска их атаки были крайне яростными.

Русские давили на нас главным образом в двадцати километрах северо-восточнее наших блиндажей. Перед нашими позициями в Щербиновке враг сначала не атаковал активно, поскольку, как и мы, погряз на местности, которая оттаивала, как если бы ее положили в горячее озеро.

Наше тыловое обеспечение тратило пятьдесят часов или более, чтобы преодолеть двадцать километров, отделявших нас от складов в станице Константиновской. Даже ни один мотоциклист не мог проехать. Лошади подыхали в дороге на исходе сил, падая мордами в грязь.

***

Щербиновка стала абсолютно невыносимой, отвратительной. Повсюду оттаивавшие испражнения отравляли воздух. Загаженность и нищета города трагически свидетельствовали о том, что сделал советский режим с крупными пролетарскими центрами. Оборудование угледобывающей промышленности использовалось с 1900 или с 1905 года, приобретенное в благоприятные времена импорта из Франции.

Шахты, взорванные отступавшими большевиками, были непригодны для использования.

Так было со всем промышленным оборудованием оккупированной России. Систематично, с дьявольским профессионализмом, команды советских специалистов-подрывников разрушали заводы, взрывали шахты, склады в каждом промышленном районе, в каждом городе, в каждом пригороде.

Выжженная земля! Выжженные недра!

Даже лошади были забиты и сброшены в шахты. Тошнотворный запах этих гниющих животных распространялся по всей округе, так как вентиляционные люки шахт выходили прямо на улицы.

Эти ямы были едва прикрыты полусгнившими досками. Из этих ям обыкновенно беспрерывно выделялся углекислый газ и удушающие испарения падали.

Советы эвакуировали или разрушили все снабжение города. Народ кормился чем угодно. Изысканными блюдами были куски сдохших лошадей, валявшихся в грязи. Люди яростно вырывали их друг у друга.

Мы должны были застрелить неизлечимо больную лошадь, покрытую отвратительными гнойниками. Мы не успели даже сходить за телегой, чтобы перевезти труп за город. Двадцать человек бросились на это, отрезая и хватая еще дымящееся мясо.

В конце концов осталась лишь требуха, кишки, еще более отвратительные, чем все остальное. Две старухи бросились и на это, на желудок и кишки, разрывая их каждая на себя. Рубец лопнул, облив обеих женщин желто-зеленой смесью. Та, которая оторвала больший кусок, убежала, не вытерев лица, дико прижимая к груди свою добычу.

Под стать этим чудесам были и места дислокации части. Когда мы возвращались с наших позиций, мы набивались в школьные помещения, недавно построенные государством: три длинных постройки, называемые современными,

точно в таком же стиле, как мы видели, начиная с Днепропетровска. Первый солдат, захотевший вбить гвоздь в стену, чтобы повесить свое оружие, сразу пробил ее одним ударом молотка. Паркетный пол состоял из расщелившихся досок, между ними гулял воздух. Под этим импровизированным полом открывалась пустота, поскольку здания стояли лишь на нескольких сваях.

Между тремя этими постройками находился свободный участок земли, настолько грязный, что мы вынуждены были поставить ящики и выстроить из них переход от одного здания к другому. Запах углекислого газа постоянно ощущался вокруг школы.

К 20 декабря снег и морозы возобновились. Мы внезапно ощутили двадцать градусов ниже нуля. На наших, не пригнанных плотно, со щелями, досках мы дрожали от холода, съежившись под одним одеялом.

Наступили праздники, праздники для других. Мы совершили молитву в церкви, которой мы возвратили ее культовый статус. Хор русских певчих пел пронзительные, разрывающие душу псалмы. На улице большими хлопьями падал снег. Лежа за своими пулеметами, часть наших солдат находилась в карауле, охраняя все четыре направления к зданию.

Но наши души обледенели от этих недель скитаний в бесцветной тишине, посреди которой наши мечты плыли, как по течению.

Европейские легионы, популярные в газетах Рейха, были встречены на фронте 1941 года крайне скептически. Некоторые немецкие генералы опасались вкрапления в свои элитные дивизии частей, посланных на восток в целях пропаганды. Они не всегда представляли себе весь энтузиазм, воодушевление и добрую волю наших добровольческих частей. Это непонимание было нам в тягость.

Нам хотелось быстрее дождаться того момента, когда какое-нибудь событие или случай заставит по достоинству оценить силу наших убеждений. Но такой момент долго не наступал. Тем временем, неизвестные и непризнанные, мы должны были довольствоваться службой горькой и полной всяких придирок и упреков.

Мы отметили Рождество и Новый год без особой радости, в наших увечных комнатах. Ясли-хлев, огороженные на глинобитном полу для хранения древесного угля, напоминали нам наши домашние рождественские праздники. Дымились чахлые лампадки. Расположившись на соломе, мы смотрели в пустоту. На вершине склона, на верхушках деревянных крестов, стальные каски наших товарищей были покрыты шапками снега, похожими на хризантемы, упавшими с неба.

Итальянцы Донбасса

Иностранные части были очень многочисленные на советском фронте. На юге находились экспедиционные корпуса Центральной Европы и Балкан, своеобразные в некотором роде части, но раздираемые всяким соперничеством. Венгры и румыны всегда были готовы выцарапать друг другу глаза из-за какой-нибудь буковой рощи или десяти метров поля люцерна в Пуште. Хорваты, более славяне, чем украинцы, были разделены на мусульман и католиков.

Итальянцы в 1941 году составляли самую многочисленную часть иностранцев на всем Восточном фронте. Их прибыло шестьдесят тысяч, разделенных на три дивизии и многочисленные отряды военных специалистов. Их видели повсюду от Днепра до Донбасса. Невысокие, чернявые, смешные в своих пилотках-двууголках или похожие на райских птичек под своими касками, на которых степные вихри развевали внушительные снопы петушиных перьев!

Винтовки у них были похожи на игрушки, которыми они владели с большим умением, охотясь и убивая всех кур в округе.

Мы познакомились с ними во время нашей высадки в Днепропетровске. Мы сразу же высоко оценили их дух инициативы и сноровку. Они окружили огромную бочку, лежавшую на железнодорожной платформе. Это была бочка кьянти. Сбоку они проделывали едва заметную дырочку, в нее вставляли соломинку; жидкость чудесным образом вытекала наружу.

Изобретение имело огромный успех среди наших любителей, подходивших в большом количестве и возвращавшихся потом к этому чудесному фонтану, достойному славы бургундской свадьбы Карла Смелого или Филиппа Доброго. Итальянцы, уверенные в будущем – это была бочка на две тысячи литров, с большой любезностью уступали нам место. С этого момента валлонские добровольцы прониклись исключительной любовью к Италии, и были счастливы от помощи, оказываемой ею на Восточном фронте.

***

Фронт состоял не из одной сплошной линии, а из опорных, укрепленных точек. У наших постов в Щербиновке на левом и правом флангах не было ничего, кроме снега. Чтобы добраться до итальянцев, чей участок располагался к югу от Сталино, нам нужно было два часа пути по степи. Мы ходили к ним поболтать во время затишья. Очевидно, что не без интереса к их лимонам и кьянти, но нас притягивало так же их обаяние.

Сложность была в том, что они ненавидели немцев. Те не могли выносить их мародерства, недостойного разврата в разрушенных избах, их залихватскую униформу и выправку, их цветистую латинскую беспечность, полную спеси и горделивости, беззаботность, любезность и радостную, веселую болтовню, так далекие от прусской строгости.

С другой стороны, итальянцы испытывали боль в шее и спазм в горле, как только они видели какого-нибудь немца, вставшего по стойке «смирно» и выкрикивавшего какие-то команды. Это никак не вязалось с их руками в карманах, раскрашенными плюмажами и повадками гаврошей.

Их понятия о национализме тоже не совпадали. Итальянцы любили Муссолини и по всякому поводу орали ему славу как оглашенные, но эти излияния чувств были только сентиментального свойства. Имперские мечты Муссолини их не трогали. Они были гордые, как петухи, но без амбиций.

Однажды, когда они настаивали на своем желании мира любой ценой, я им возразил:

– Но если вы не будете воевать до конца, вы потеряете свои колонии!

– Ба-а! – ответили они мне, – зачем воевать за колонии? Мы счастливы у себя дома. Нам ничего не нужно. У нас есть солнце. У нас есть фрукты. У нас есть любовь…

Это была философия, стоившая другой. Гораций говорил тоже самое, но не так открыто.

Они считали так же абсолютно ненужным, бесполезным работать сверх меры. Наше понимание, наша концепция труда совершенно не захватывала их. Зачем столько работать? И они опять начинали вяло, обворожительно и певуче приговаривать: солнце, фрукты, любовь…

– В конце концов – удивленно продолжал я, – работа – это радость! Вы не любите работать?

Тогда один итальянец с юга с княжеской элегантностью, естественно и великолепно ответил мне:

– Но, сударь, работа изнашивает человека.

Это изнашивает! Когда немцы слышали подобные ответы, они задыхались от возмущения целую неделю на грани апоплексии.

К несчастью, так же истощают, изнуряют и караулы день и ночь, а также неблагодарная служба в снегу на морозе.

Часто болтуны-часовые покидали свой пост, предпочитая ему тепло какой-нибудь избы, где они болтали, шутили, забавлялись и вблизи изучали прелести местных богинь. В конце концов, русские узнали это. Они готовили серьезный удар. Наши заальпийские друзья дорого заплатили за свое романтическое разгильдяйство.

Однажды ночью на южной части участка усиленные части казаков вклинились на своих резвых конях через густые снега. На заре они смогли свободно окружить три деревни, занятые итальянцами, но не охраняемые часовыми, занятыми сном и любовью. Это было полной внезапностью.

Советы питали особую ненависть к итальянцам. Они их презирали еще больше, чем немцев, на всем Восточном фронте обходясь с ними с большой жестокостью. Одним махом они овладели тремя деревнями, никто не успел прийти в себя. Пленных подвели полностью раздетыми к колодцам, где началось истязание. Казаки набирали полные ведра ледяной воды и выливали ее на тела своих жертв. Было тридцать, а то и тридцать шесть градусов ниже нуля. Несчастные в трех деревнях все замерзли заживо.

Никто не спасся, даже врачи. Даже полевой священник, оголенный, как римский мрамор, также подвергся ужасной ледяной казни. Через два дня эти три деревни были отбиты. Повсюду на снегу валялись голые тела, скрюченные, сжавшиеся, как будто они сгорели в огне.

С того дня итальянские войска в Донбассе были усилены бронетанковыми частями Рейха. Вдоль их позиций, в густом снегу пыхтели тяжелые немецкие танки, полностью выкрашенные в белый цвет.

***

Это было необходимо. Красные все более и более активизировались. Слева и справа от нас шли яростные бои, день и ночь степь дрожала от канонады. Внезапно появлялись советские самолеты. Их бомбы выбивали вокруг нас большие серые воронки.

Холод становился все пронзительнее, резче. Температура в середине января опускалась до тридцати восьми градусов ниже нуля.

Наши невысокие лошади были совсем белые от мороза. Из их ноздрей, мокрых от крови, по капле падали на санные следы сотни розовых пятен, похожих на гвоздики…

Воющая степь

Наша жизнь под Щербиновкой становилась невыносимой. Мы кое-как заткнули соломой окна, в которых отступавшими советскими бандами была выбита половина стекол. Но холодный ветер врывался и ожесточенно продувал нас между досками пола. Мы надевали на себя все наше жалкое обмундирование, мы всовывали ступни в рукава шинелей. Но что была шинель, легкое одеяло, немного соломы против ветра, которым бросалась в нас проклятая степь, пронизывая эти бараки?

Мы раскалывали топором маргарин, колбасу и хлеб, твердые, как скала. Несколько яиц, которые доносила до нас служба снабжения, доходили до нас замороженными, почти серого цвета. Это все были часы ожидания.

***

Наши передовые позиции находились в трех километрах к востоку от Щербиновки.

Мы отправились туда группами по снегу, обычно достигавшим сорока-пятидесяти сантиметров. Мороз колебался от двадцати пяти до тридцати пяти градусов ниже нуля.

В некоторых ротах маленькие блиндажи были вырыты прямо на склонах угольных терриконов. Другие обосновались прямо в голой степи.

Но снег был ничто по сравнению с жестокой снежной бурей. Она выла, по-кошачьи стонала длинными завываниями, бросая в нас тысячи маленьких острых стрел, как струя камней разрывающих нас.

Наконец-то мы получили шерстяные шлемы и перчатки из очень тонкого трико, которые почти не защищали нас. Но у нас по-прежнему не было ни меховой одежды, ни валенок.

У того, кто снимал перчатки, сразу леденели пальцы. Мы натягивали свои шерстяные шлемы до самого носа: наше дыхание сквозь них превращалось в толстые ледышки на уровне льда, в длинные белые усы на бровях. Даже наши слезы леденели, превращаясь в крупные жемчужины, болезненно сковывавшие веки. С большим трудом мы размыкали их. В любой момент чей-то нос или щека становились бледно-желтыми, как кожа барабана. Чтобы избежать обморожения, надо было растирать кожу снегом. Часто это было слишком поздно.

***

Эти снежные круговерти давали очевидное преимущество ударным советским частям. Русские были привычны к такому невероятному климату. Им помогали их лыжи, их собаки, сани и быстрые кони. Они были одеты так, чтобы сопротивляться холодам, в подбитые ватой телогрейки, в валенках, не вязших в снегу, сухом, как кристальная пыль. Они неизбежно должны были

воспользоваться муками тысяч европейских солдат, брошенных смелым ударом в эти степи, в этот холодный ветер, в этот мороз без соответствующей тренировки, снаряжения и обмундирования.

Они просачивались повсюду. Их шпионы, переодетые в гражданскую одежду, проникали сквозь наши посты, добирались до рабочих поселков, находили там пособников. Большинство крестьянского населения ничего не знало о коммунизме, кроме его бесчинств и репрессий; но в промышленных центрах советская пропаганда достигала цели среди молодых рабочих. Это к ним обращались шпионы Красной Армии, смелые и идейные комиссары-смутьяны.

Однажды мне в составе расстрельного взвода пришлось расстреливать двоих из таких шпионов, чьих признаний перед военным судом было для этого вполне достаточно.

Когда мы вышли в открытую степь, мы построились. Оба приговоренных, держа руки в карманах, не сказали ни слова. Наш залп повалили их. Какое-то необычное мгновение тишины, в которой дрожало эхо расстрела. Один из этих коммунистов дернулся, как бы желая собрать последние остатки сил. Он вынул правую руку из кармана, выбросил ее вверх со сжатым кулаком над снегом. И мы услышали его крик, последний крик, он крикнул по-немецки, чтобы его поняли: «Хайль Сталин!»

Сжатый кулак упал рядом с другим трупом. У этих людей тоже были свои идейные борцы, идеалисты…

***

Обычно же осужденные на смертную казнь русские принимали свою участь с фанатично тупым видом, опустив руки.

Немцы, чтобы не беспокоить солдат и чтобы воздействовать на психику людей, стали вешать схваченных шпионов. Осужденные русские подходили разбитым шагом, с пустыми взглядами, потом они влезали на стул, поставленный на стол. Они ждали так, не прося ничего, не сопротивляясь. Над ними висела веревка, которую им надевали на шею петлей. Это было так… Так все было… Они не сопротивлялись. Удар ногой, выбивавший стул, завершал трагедию.

Однажды немцы за один раз должны были привести в исполнение смертный приговор пятерым осужденным. У одного из повешенных разорвалась веревка и он рухнул на землю. Он поднялся, не говоря ни слова, сам поставил опять стул на стол, встал на него и совершенно невозмутимо ждал, пока ему наденут на шею другую веревку.

В глубине этих сердец был какой-то восточный фанатизм, детская невинность, беспомощность, а также долгая привычка получать удары и страдать. Они не противились смерти, не протестовали, они не пытались объясниться. Они принимали как должное свой конец, как приняли и все остальное: мрачную избу, кнут помещиков и рабство коммунизма…

***

Вторые две недели января 1942 года были намного беспокойнее. Многие части меняли дислокацию. Советские самолеты атаковали нас три-четыре раза в день.

Мы еще не знали, что произошло.

Отборные советские части, подтянутые из Сибири, перешли по льду Донец на севере «нашего» промышленного района. Они обошли оборонительные линии немцев и достигли важнейших железнодорожных магистралей, в частности Киев – Полтава – Славянск. Они захватили крупные склады боеприпасов и откатились к западу. Русским и сибирякам удалось совершить глубокий прорыв в направлении Днепра. Они грозили отрезать всю Южную группировку, они уже перешли реку Самару.

Казачьи разъезды доходили даже до самого Днепропетровска, до которого оставалось лишь двенадцать километров.

Немецкое командование спешно собрало необходимые силы для контрнаступления. Контрнаступление, в то время как термометр показывал тридцать пять-сорок градусов ниже нуля.

Мы почти не догадывались о том, что нас ожидало, когда срочный приказ поднял нас по тревоге. В ту же ночь мы снялись с места. В четыре часа утра мы уже шагали за нашими фургонами посреди прекрасной степи, которую, ослепляя нас, заметал снег.

Мы ничего не знали о направлении нашего движения. И, тем не менее, приближался час крови и славы.

Казаки

Это было, если мне не изменяет память, 26 января 1942 года.

Мы не знали точно, на какую глубину прорвались сибирские части, скользя на своих собачьих нартах, и казаки на невысоких быстрых конях, очень выносливых.

Враг должен быть где-то близко. Это все, что мы смогли узнать. Впрочем, мы, простые пехотинцы, знали мало. Мы даже наивно думали, что отступаем. Я, как простой солдат, ничего не знал больше своих товарищей, моя жизнь была в точности жизнью моей части, и я не имел никакого контакта с высшим руководством.

Нашей задачей, которую мы знали, был опять населенный пункт Гришино, расположенный в шестидесяти километрах к северо-западу от Щербиновки. Несомненно, в течение всего перехода мы вплотную подходили к вражеским порядкам? На первом этапе марша у нас был приказ воспользоваться неиспользуемыми обходными путями, позволявшими «срезать» расстояние.

Нам потребовалось четыре часа, чтобы выступить в снежной буре. Мы не видели ничего дальше десяти шагов перед собой. Когда мы вышли на открытую местность, степь обступила нас со всех сторон. Дорога поднималась и опускалась по невысоким и крутым холмам. Мы тащили с собой штальвагены – стальные повозки, весившие более тысячи килограмм, замечательные средства перевозки для мощеных или асфальтированных дорог Европы, но абсолютно не подходящих к условиям снегов и льдов степи. Русские крестьяне используют только деревянные сани и телеги, легкие, с тонкими и очень высокими колесами. Наши огромные катафалки неслись с сумасшедшей скоростью на спусках, не смотря на тормоза. Лошади падали, кувыркались в снегу, повозки опрокидывались. На подъемах же нам надо было толкать их по двадцать человек каждую. Через

несколько часов многие такие фургоны увязли или застряли в снежных ямах на крутых подъемах.

Наш этап был длиной всего лишь в двенадцать километров. Между тем, нам потребовалось пробираться целую ночь. Только к шести часам вечера следующего дня мы смогли доставить все снаряжение и боеприпасы. Уже четыре сибиряка пришли на разведку в деревню и были убиты у первых домов.

***

В пять часов утра наше продвижение возобновилось. Снежные вихри прекратились, но зато мороз стал еще злее. От него обледенела дорога по склону и стала под снегом, как поток. Лошади не могли двигаться вперед, многие сломали ноги. В полдень мы едва преодолели чуть более километра.

Перед нами пролегала узкая долина. Пурга сильно завалила ее снегом. Весь наш батальон должен был взяться за работу, чтобы прорыть коридор в пятьдесят метров в длину и три в глубину.

Подъем был тяжелым! Ужасно изнурительной была операция по втаскиванию наверх наших стальных телег. В девять часов вечера с первыми фургонами мы достигли вершины подъема. За шестнадцать часов мы одолели ровно три километра!

Мы завезли наши повозки в какой-то сарай. Только несколько человек смогли влезть туда и разместиться. Один крестьянин показал нам дорогу к хутору, что находился километрах в четырех в стороне от долины. Мы тронулись при свете луны. Снег порой доходил нам до живота. Наконец, мы дошли до места, где нашли несколько избушек, такого убогого вида, которого мы еще никогда нигде не видели.

Мы устроились вдесятером на глинобитном полу в единственной комнатушке одной из хижин, полной гражданских людей, очевидно, скрывавшихся и ждавших прихода сибиряков. Одна дородная девица, красная, как омар, переходила от одного русского к другому, освещая себе дорогу масляной лампой. На ней была только тонкая фланелевая рубашка, наполовину закрывавшая тело. Она бесстыдно хихикала, неутомимо продолжая свой обход, пока не прошла по кругу. После этого она залезла на печку, отпуская грязные присказки. Но самцы уже не слышали ее, они уже храпели, сделав свое дело.

В комнатушке слышалось дыхание и движение скотины, вонь от которой была невыносимой. В шесть часов утра мы снова углубились в снега, вернувшись к нашим повозкам.

***

С вершины плато мы видели, как рота, оставшаяся вчера внизу, в изнеможении толкала свои стальные фургоны. Подъем точно продлится до ночи.

Меня послали на разведку в поисках места для лагеря в направлении одного совхоза, в четырех-пяти километрах к востоку. Мы поехали втроем на тройке, найденной в сарае. Совхоз еще существовал, многие русские суетились там. Пригодная для жилья комната была заселена телятами, размещенных от холода у семейного очага на извечном земляном полу, который они непрерывно орошали. Приспособленное под это ведро всегда опаздывало, и аромат стоял неизменно.

Один из моих товарищей уехал на санях, чтобы показать дорогу нашим. Со мной остался однополчанин – шахтер из Боринажа, с густым певучим говором, с эпохальной фамилией и именем: Ахилл Роланд. Люди в хате были неприветливые, хмурые. Советские самолеты, пролетая над совхозом, разбрасывали листовки, где говорилось о прибытии Красной Армии. Все наши аборигены наблюдали за линией холмов и небом.

Около двух часов дня показались силуэты всадников. Мужики переглянулись с понимающим видом. Они исподтишка наблюдали за нами из-под своих мохнатых бровей.

В четыре часа дня никто из наших не прибыл. Мы ждали появления казаков во дворе. Я установил свой пулемет в прихожей. С нашим вооружением мы могли бы здорово подраться. За поясом у нас были связки гранат на случай, если бы понадобилось успокоить наши тылы, вздумай совхозные мужики нас атаковать.

Но они молчали, видимо, под впечатлением. Одна привлекательная молодая украинка, знавшая несколько слов по-немецки, встала на нашу сторону. Ей было шестнадцать лет, у нее были красивые каштановые волосы с зеленоватым отливом. Она наблюдала за поведением мужиков и украдкой кидала на нас понимающие и одобрительные взгляды. Она щедро приняла нас как семейных телят и поила, как и их, густым молоком.

На дворе вновь завыла пурга. Время от времени я выходил с гранатой в руке осмотреть окрестности. Снежная круговерть была великолепна. По всей видимости, в такую погоду наши однополчане вряд ли смогли бы добраться до нас. Но где же они могли быть? Не разбиты ли атакой казаков или сибирскими пушками на плато, по которому они тащили свои железные фургоны?

Наступил вечер. Семь часов. Восемь часов. Никто не пришел. Мужики по-прежнему что-то ждали. Было видно, что они очень хотели бы нас зарезать, но их останавливал вид лент, опоясывавших наш пулемет. В конце концов они разлеглись на земляном полу среди скотины с кастрюлей на расстоянии вытянутой руки.

***

Ветер выл, с шумом открывая ветхую дощатую дверь коридора и бросая нам горсти снега. Мы думали о том, что будет утром.

Мой товарищ решил с рассветом пойти на разведку в сторону нашей роты. Это был последний шанс.

Мне показалось, что на часах пять часов утра. Отважный Ахилл устремился в пургу. Через час он вернулся, похожий на Деда Мороза: на нем был по меньшей мере кубометр снега. Он застрял в метели.

Мы взглянули на часы. Было примерно полвторого ночи. Мы, видно, спутали пять часов и двадцать пять минут первого. Бедный Ахилл отряхнулся и пошел греться у глиняной печки. Мы, лежа у пулемета, дождались настоящего рассвета.

Он пришел. Больше никто, кроме этого рассвета. Снежная буря была такая, что невозможно было представить, что кто-то из пехотинцев сможет дойти до нас. Пройдет день, два. Когда степной бред прекратится, казаки отрежут путь.

Вдруг в одиннадцать часов утра какие-то сани круто развернулись перед дверью, подняв снежный столп до самой крыши хаты. Это был один валлонский унтер-офицер, мой старый знакомый садовник из Брюсселя. Он пробился сквозь

буран, до смерти исхлестав четверку лошадей. Один конь сдох сразу, как очутился около двора.

Мы поправили постромки, всю сбрую, упряжь. Русские, не смотря на пронизывающий снежный ветер, собрались у порога. Их глаза метали молнии. Но красивая молодая украинка из-за спины этих недобрых мужиков, покраснев, послала нам очаровательный поцелуй, который стоил с десяток подобных наших приключений.

Через час мы добрались до части, по-прежнему блокированной на вершине плато. Как только кто-нибудь отваживался пойти по этому голому гребню, ураган бросал его в снег. Все набились вместе с лошадьми в сарай, все вместе были закоченевшие от холода. Но делать было нечего, надо было ждать. Степь была сильнее нас.

Мы подождали. На следующий день утром ветер спал. Мы выставили патрули на дороге, поверх которой лежал метр снега.

Тем не менее, оставаться было нельзя. Наша колонна подготовилась к выступлению, как вдруг на горизонте появились серые точки.

Через полчаса мы встретили необычный кортеж: наш командир, идя нам навстречу, гнал впереди себя сто восемьдесят русских, лопатами расчищавших проход в океане снега. В результате мы смогли преодолеть двадцать километров, штыками сбивая лед, постоянно нараставший на наших бутсах. К вечеру мы добрались до населенного пункта Экономическое.

Там у нас почти не было остановки: в полночь стало известно о возможной атаке трех сотен казаков. Мы должны были занять боевую позицию в снегу у подножия одной красивой мельницы, простиравшей свои большие черные руки в свете луны. Бело-голубая степь искрилась всеми своими кристаллами. Ночь была освещена миллионами звезд, которые образовывали через небо нежные, дрожащие, переливающиеся словно драгоценный мех сполохи. Это было так красиво, что мы забывали про холод, пронизывавший наши тела своими иголками.

В полночь, преодолев четыре лье, мы вошли в Гришино. В течение многих дней город подвергался такой бомбежке, которую русские еще никогда до сих пор не проводили. Все окна были искрошены. Казаки и сибиряки были уже у ворот города. Если бы они захватили его, то один из самых крупных шоссейных и железнодорожных узлов Донбасса был бы потерян.

Мы должны были быть готовыми выполнить свой долг. Нас расположили в здании школы, в котором целым осталось только одно оконное стекло. У нас было всего по два легких одеяла. Термометр показывал сорок градусов ниже нуля.

Невозможно себе представить, что такое отдых в такой холод, в совершенно открытом здании. Мы не смогли уснуть ни на секунду. Невозможно было даже сидеть.

Впрочем, нам почти не оставили времени, чтобы рассуждать о наших несчастьях. В час ночи нас построили по-ротно: мы начинали контратаку.

Роза Люксембург

Зима 1941-1942 годов была самая страшная, которую русские знали за сто пятьдесят лет.

Какое-то число немецких частей, дислоцированных на относительно спокойных участках, приспособились, как могли, к этим ужасным холодам и к нехватке мехового обмундирования. Другие части выдерживали сильные удары противника, противодействуя его прорывам. Они пережили необыкновенные приключения, странствия по степи, часто неделями контратакуя врага, сопротивляясь ему своими маленькими боевыми островками.

Донецкий участок фронта был одним из наиболее беспокойных. Советы бросили туда отборные войска, совершившие глубокий прорыв, остановленный ценой неслыханных усилий и жертв. Но в самом Донецке была еще значительная советская группировка. Она была рассеяна только к концу мая 1942 года во время битвы за Харьков.

Начало февраля 1942 года было пиком трагедии. Русские развернули свои войска вплоть до нескольких километров от Днепра. Была предпринята яростная контратака немцев. Она действительно была яростной.

Верховное командование бросило войска в атаку всеми средствами, которыми оно располагало, а этих средств было немного.

Таким вот образом, 3 февраля мы пошли в бой в нескольких вагонах, которые тащил локомотив-снегоочиститель. Снег был такой глубины, что он замедлил бы наше продвижение пешим ходом. Думая, что путь не был разрушен, мы бросились на противника в вагонах для перевозки скота!

***

В качестве пайка мы получили круглую буханку хлеба, кое-как привязав ее к вещмешку или на грудь. Мы должны были нести на спине все свои пожитки, оружие и много личного имущества. Лошади и повозки не могли нас сопровождать, походные кухни тоже. Ничего, кроме того, что можно было нести с собой. Это составляло для пулеметчика, каким был я, более сорока килограмм веса, из них тридцать составляло оружие и коробки с боеприпасами.

Снегоочиститель в течение четырнадцати часов готовился к отправлению, чтобы покрыть двадцать километров. Разумеется, вагоны были без отопления. Их пол был голым, как галька. Мороз по-прежнему свирепствовал; тем утром было сорок два градуса ниже нуля. Сорок два градуса! Чтобы не погибнуть от холода, мы должны были беспрестанно бегать один за другим внутри вагонов поезда.

Каждый был на исходе сил после целых часов этой смешной беготни, от которой, впрочем, зависела наша жизнь. Один из наших товарищей в изнеможении отказался бегать. Он лег в углу. Мы думали, что он уснул. Мы встряхнули его; он был заледенелым. На остановке мы смогли набрать снега. Минут пятьдесят мы растирали его с ног до головы. Тогда он немного пришел в себя. Потом он испустил страшный рев, как раздавленная корова. Целых полтора года он провел в госпитале, беззубый, как броненосец.

Локомотив разрывал и выбрасывал снег на высоту более двух метров. Но он вынужден был остановиться перед настоящей непреодолимой ледяной стеной. Впрочем, большевики были уже в трех километрах.

Когда мы спустились со склонов в степь, мы думали, что все умрем. Снежные вихри секли нас по щекам, валили наземь. Офицеры и солдаты падали

на снег. У некоторых лица были ужасны, с выступившими красными полосами, фиолетовые, с кровавыми подтеками в области глаз. Поскольку мои руки были заняты и блокированы моим пулеметом и сотнями патронов в коробках, вскоре я тоже отморозил одну щеку. У других были отморожены ступни, которые позднее разлагались на длинные полосы черноватой плоти. У других были обморожены пальцы ног, быстро становившиеся похожими на крупные абрикосы, из которых сочился оранжевый гной.

Но самые несчастные среди нас были те, у кого были отморожены половые органы. Страдания этих бедных парней были неописуемыми… Всю войну их перевозили из госпиталя в госпиталь. Безрезультатно. В тот отвратительный день люди обморозились до самых глубин своей ужасно опухшей плоти.

Перед нами находилась деревня, которую можно было занять. Она носила имя знаменитой еврейской революционерки из Берлина Розы Люксембург. Русским, должно быть, было так же холодно, так как при нашем приближении они улизнули, не особенно спрашивая у нас объяснений. У нас погиб всего один, самый молодой доброволец шестнадцати лет, получивший автоматную очередь прямо в живот. В пять часов мы заняли первые избы, в то время как великолепное яркое красное солнце на западе всходило и тот час тонуло в снежной пыли степи.

Пришлось расположиться как попало. Мой взвод занял две избы, представлявших собой подобие шалашей. В одной из них жили две женщины и семь детишек, справлявших свою нужду прямо посреди комнаты на пол. Матери небрежно отбрасывали испражнения к глинобитной стене, потом опять брали на печке свои семечки, которые они лузгали беспрестанно и неустанно.

Вторую половину ночи мы провели в степи в карауле, вполне ожидая возможности возвращения русских. А что мы могли бы сделать? Мой пулемет был полностью скован морозом, который держался на уровне сорока градусов. Не было возможности привести в действие никакое оружие. Единственно возможным был бой гранатами и штыками.

В шесть часов утра поднялась ослепительная заря, захватившая все небо: золотая, оранжевая, фиолетовая, марганцево-малиновая с мягкими сиреневыми полутонами в светло-серебряном кружеве. Я смотрел на небо восхищенным взглядом, в полном экстазе от этих разливов красок с пурпурной каймой, сверкавших и струившихся над голой степью; я забыл свои страдания в этой любви к тому, что открылось взору. Прекрасное – прежде всего, какой бы то ни было ценой! Я видел над собой самые красивые краски в мире. Ранее я наблюдал небо в Афинах; но мое восхищение и волнение было больше перед пышностью и прозрачностью этого неба России. У меня замерз нос, мой пулемет был куском льда, но вся моя чувственная восприимчивость пылала. В этом переливчатом восходе над станицей Розы Люксембург я был счастливее Алкивиада, смотревшего на фиолетовое море с вершин террас Акрополя.

***

Через два дня был новый бросок на восток. Холод был уже не такой сильный. С наших лиц, испещренных морозом, стекал красноватый гной.

Наша часть, развернутая на манер армий Людовика XV, продвигалась вдоль двух холмов, довольно отдаленных один от другого. Это было красивое зрелище. Впереди нас танки ломали советские позиции. Продвижение было нетрудным.

Мы остановились в такой же грязной деревне, как и все, но населенной табором цыган. Женщины, сидя, по-турецки скрестив ноги на печи, молча покуривали из толстых трубок. У них были черные, почти темно-синие волосы, они были одеты в похожие на лохмотья юбки, они с особенным убеждением сплевывали на пол.

На следующий день мы достигли деревни Благодать, где только что закончился яростный бой нашего авангарда. Перед нами боезапас советской пушки получил прямое попадание. Одно голое тело лежало без головы. На месте шеи зияла огромная черноватая рваная дыра. Подкожный жир на бедрах расплавился, открывая длинные белые полосы тела.

Я поискал голову этого артиллериста, и вдруг увидел приклеившуюся на железный щит необычную человеческую маску. Взрыв скальпировал несчастного, содрав кожу с лица, глаз и волосы передней части черепа. Ужасный холод сразу заморозил эту кровавую пленку, которая в точности сохранила свою форму и цвет: открытые голубые глаза смотрели на меня. На ветру шевелилась прядь светлых волос. От такого реализма можно было взвыть от ужаса.

Несколько немцев смогли броситься с автоматами в деревню. Русские вернулись и бросились в атаку сразу с трех сторон, как дети. С одной стороны атаковали казаки, одетые в великолепные синие шаровары, вооруженные своими саблями с рукоятью в виде орлиной головы. Они скакали галопом на своих быстрых конях, пристав на седлах из алюминия и ивняка. Все они были безжалостно сметены. Лошади падали на землю, подкосив дугой передние ноги. Красавцы казаки катились в снег во все стороны или были схвачены холодом в своих седлах, соединившись в смерти со своими конями.

С двух других холмов сибирская пехота бросилась в атаку по голой степи также наивно, как и казаки. Ни один из нападавших не отошел от домов более, чем на тридцать метров. Трупы многих сотен казаков усеяли снег. Все были прекрасно экипированы, одеты в толстую фланелевую униформу американского производства, а так же в более толстое белье и сверху в толстые полушубки с масхалатами. В такой одежде они могли не бояться жестоких морозов.

Почти все они были желтой расы, со щетиной на теле, жесткой, как у кабанов. Мороз мумифицировал их сразу, с момента падения. У одного из них глаз был выбит из орбиты прямым попаданием пули в голову и мгновенно обледенел. Он болтался длиной с палец под надбровной дугой, похожий на какой-то страшный оптический инструмент. Зрачок уставился на нас, как будто его хозяин монгол был еще жив. Глаза убитых при таких сорокаградусных морозах сохраняли необычайную ясность.

***

Деревня находилась в ужасном состоянии.

Мы провели ночь среди молодой живности, что избежала резни. Кроме маленького теленка и кур в нашей комнатушке была дюжина голубей, которые спокойно ворковали, нечувствительные к людской ярости.

Когда мы проснулись, нас ожидал новый сюрприз: оттепель! Полная оттепель! Деревня плавала в двадцатисантиметровой глубине воды.

Но солдаты сражаются в любую погоду, и мы пошли навстречу врагу среди трупов, плававших в колеях как брошенные по течению лодки.

Оттепель и мороз

Русские оттепели отличаются необыкновенной скорость. В начале февраля 1942 года было сорок два градуса ниже нуля. Через четыре дня колеи стали реками глубиной в тридцать сантиметров.

Мы с трудом пробирались по склону, заваленному трупами, от Благодати на восток. Мы подцепляли сани, найденные в избах, к нескольким лошаденкам, бродившим в снегах. У нас не было ни сбруи, ни упряжи, ни вожжей; мы привязали лошадей красными электрическими кабелями, которые сто раз разрывались и которые мы неустанно восстанавливали.

Мы встретили одну советскую санную упряжь, чей возница и лошади были убиты: солдат, коренастый монгол, орехово-коричневый, весь окоченелый, смотрел на дорогу выпученными глазами. Рядом с ним лежала огромная зеленая бутыль, содержавшая двадцать литров томатного сока. Лошади были убиты, монгол был убит, а бутыль осталась целехонькой.

С самого начала спуска мы очутились в полном наводнении. Снег на полях таял, тысячи ручейков стекали на дорогу, но гололед сопротивлялся, вода поднималась все больше. Мы шли в этих ледяных речках по колено в воде.

***

Мы должны были остановиться на ночлег в одном хуторе, состоявшем из двух домов. В единственной комнате каждой избы, прижавшись друг к другу, стоя, расположились восемьдесят хорватских добровольцев.

Невозможно было больше ни одному человеку протиснуться в две эти человеческие конуры. Два этих маленьких свинарника кишели массой изнуренных солдат, им невозможно было обсохнуть.

Нам ничего не оставалось, как пролезть по лестнице в пространство между потолком и соломенной крышей. На линии конька это «помещение» имело один метр высоты. Еще надо было пролезть от балки к балке под угрозой рухнуть на спины восьмидесяти хорватов. Нам пришлось целой сотней проползти до кровельных стропил и устроиться, прижавшись цепочкой друг к другу, в двух этих черных дырах. Мы могли оставаться, сидя на корточках или свернувшись калачиком. Такое положение было изнуряющим. У нас оцепенели ступни в больших башмаках, наполненных ледяной водой. С самого утра мы ничего не ели, кроме ломтя старого хлеба, да и то, у многих не было даже этого.

В девять часов вечера откуда то с верхнего конца лесенки ударил свет электрического фонарика. Надо было выступать! Среди ночи, по этим залитым водой колеям! Под черным небом, доходившим до земли. Мы должны были преследовать отступавшего неприятеля и занять до рассвета один большой колхоз, находившийся восточнее.

Никто из нас даже не различал соседа на марше. Мы вслепую двигались в воде.

Но самое худшее – это был гололед. Под талой водой простирался ужасный ледяной каток. То и дело кто-нибудь скользил и падал. Как и другие, я тоже

плюхнулся со своим пулеметом, потом еще раз опрокинулся уже на спину, сполна глотнув водной дороги. Мы промокли до нитки.

Мы барахтались в таком потопе и в такой тьме, что перешли речку Самару, пробираясь поверх льда, растянувшись в ширину на двадцать пять метров, и ни один солдат не заметил, что он пересек водную преграду, реку! К половине второго ночи мы, наконец, подошли к колхозу. С десяток крупных дохлых лошадей лежали на сугробах подтаявшего снега. Не было видно ни одного обитаемого места, кроме трех конюшен, совсем маленьких и забитых навозом.

***

Человек сорок из нас вошли в одну из них. Из обломков ларя для отрубей мы разожгли костер. Когда он разгорелся, я поспешил подвесить на палке над пламенем мои кальсоны и рубашку. С моей привычной неловкостью я сделал это так хорошо, что мое белье внезапно вспыхнуло, великолепно осветив конюшню. До конца зимнего наступления мне пришлось воевать в одной гимнастерке и в старых потертых штанах.

Запах навоза был нашей единственной пищей до следующего вечера. Колхоз этот был довольно мрачный. Обследуя насыпь, спускавшуюся к Самаре, я увидел тело на таявшем снегу. Я спустился, и ужас охватил меня, когда я увидел молодого немца, которому красные с особым садизмом отпилили обе ноги на уровне колен. Операция была выполнена, несомненно, профессионалом с помощью пилы дровосека. Этот несчастный немец входил в состав разведгруппы, исчезнувшей два дня назад. Было видно, что после расправы он еще полз метров пятнадцать с той отчаянной волей молодых, которые не хотят умирать…

***

Мороз ударил вновь также внезапно, как и оттепель. За одну ночь температура опустилась до двадцати градусов ниже нуля. На следующий день Самара вновь замерзла. Дорога вдоль долины превратилась в ужасный каток.

Трупы русских, плававшие в воде два дня назад, теперь вмерзли в лед, из которого торчали то чья-то рука, то сапог, то голова…

Проезжавшие сани понемногу выравнивали эти препятствия, состругивая носы, щеки, торчавшие после как опилки изо льда. Через несколько дней все было выровнено: только полуруки-полулица просматривались на уровне льда, как чудовищные рыбы у стекол аквариума.

***

Как только лед стал достаточно прочным, мы продолжили путь.

Русская авиация сурово расстреливала нас. Через два километра мы были уже вблизи Самары. Форсирование проходило медленно. И вот тогда на нас с яростью ос набросилась эскадрилья советских самолетов.

Они пикировали, разворачивались, возвращались. Я бросился с несколькими парнями вперед, чтобы освободить здоровый фургон с боеприпасами, застрявший на дороге и представлявший отличную мишень, которая могла взлететь на воздух в любую минуту. Я толкал его изо всех сил, чтобы оттащить его в укрытое место.

Самолеты снова спикировали на нас. Машина покачнулась и задела меня. Я ничего не успел увидеть и очнулся только через полчаса в какой-то избе. Мои глаза различали лишь кружение каких-то сиреневых кругов, похожих на орхидеи.

У меня было два перелома левой ступни. Я понял, что меня хотят отправить в госпиталь. Эта мысль окончательно привела меня в чувство. У санитаров, что вытащили меня с поля боя, была лошадь и узкие сани. Меня положили сверху. И через мертвецов, инкрустированных во льду, я погнал лошадь в восточном направлении.

Час спустя я добрался до моих товарищей. Вместе с ними на носилках из трех досок я добрался до Ново-Андреевской. Русские самолеты по-прежнему донимали нас. У нас был один убитый и много раненых. Но к вечеру Легион уже расположился в деревне.

***

Надо было двигаться дальше.

Моя ступня была похожа на голову черного теленка. Один из моих товарищей нашел в снегу огромный валенный сапог, которые танкисты обувают на свои обычные башмаки. И это был как раз левый сапог. Мне засунули в него ногу, превосходно там уместившуюся, и, снова положенный на мои санки, я продолжил путь с моей ротой.

В третий раз мы должны были перейти по льду извилистой Самары. Советские самолеты уже вычислили нас и начали охоту. Когда мы пересекали замерзшую речку, они расстреливали нас, затем бросили три большие бомбы. Они были сброшены с такой малой высоты, что не успели стабилизироваться, принять вертикаль, и покатились нам под ноги, как три огромные серые собаки.

Мы поднялись на крутой берег, потеряв несколько бойцов.

Нам нужно было занять господствующие высоты над долиной, которые продолжали линию водных путей региона. Тот, кто контролировал плато – контролировал нижнее течение Самары. Мы достигли этих высот к одиннадцати часам утра семнадцатого февраля.

Деревенские избы стояли по обеим сторонам ледяных прудов. В тот момент, когда мы проходили по ним, русские открыли по нам шквальный огонь.

Наш отряд все же смог добежать до первых изб и укрыться. Лежа пластом на моих санях и неспособный сделать ни шагу, я слышал, как осколки снарядов рикошетили по обеим сторонам и били по доскам саней. Один хорват, который бежал, вытянув руки, рухнул на меня: вместо глаз у него были две страшных красных дыры, размером с кулак каждая.

Вот так вошли мы в станицу Громовая Балка, где нам суждено было потерять убитыми и ранеными половину наших легионеров.

Адские дни

Под Громовой Балкой, как и везде, не было сплошной линии фронта. Слева от нас на семь километров простиралась нейтральная зона. Справа, в трех километрах, в маленькой деревне расположились дружественные нам войска СС.

Русские держали большую часть своих сил в нескольких километрах восточнее, но их передовые посты были совсем близко от нас, в стогах сена, которые поднимали в степи свои белые вершины, похожие на соски.

Поскольку станица Громовая Балка была расположена в небольшой впадине, мы заняли позицию наверху, на гребне. Земля была твердая, как гранит, и окопаться было невозможно, на зато мы обложились огромными глыбами смерзшегося снега, вырубленными с помощью топора.

На случай возможного отступления вблизи изб были развернуты запасные позиции. Наши добровольцы в основном вырывали их в кучах навоза с соломой, что было намного легче сделать. Это преподнесло нам неожиданный приятный сюрприз, когда наши солдаты откопали два ящика французского коньяка, в спешке отступления закопанных русскими. Увы, это было единственное утешение, так как нашим солдатам суждено было провести в Громовой Балке дни настоящего ада.

Чтобы разместиться, у нас было всего лишь по две-три избы на роту. Почти все стекла домов были выбиты в то время, как мы прибыли в станицу. Большевики по своему обычаю вырезали весь скот. Трупы скотины лежали внутри и на порогах избушек. Одна молодь, умирая, упала, свесившись поперек одного из двух окон, загородив его на три четверти. Две другие лошади лежали мертвые в конюшне.

Враг подстерегал нас день и ночь, и половина личного состава должна была постоянно находиться в карауле в снегах. Из-за холода роты сменялись по половине состава каждые два часа.

Таким образом, в течение этих десяти дней наши солдаты не могли спать более полутора часов подряд. Надо было будить их за четверть часа до караула. По возвращении они теряли еще четверть, чтобы обустроиться и улечься для сна. Впрочем, если более половины солдат еще могли отдохнуть одновременно, то все равно, невозможно было втиснуть их в единственную комнатушку этих соломенных избушек разом, настолько они были тесными. Двадцать пять человек, которые спускались к нам с позиций на два часа отдыха, не могли даже разлечься на полу. Они должны были отдыхать стоя или на корточках. Холод постоянно пронизывал помещения сквозь разбитые окна, их не удалось как следует закрыть.

Я сам со своей разбитой ступней мог примоститься и лечь только на каком-то верстаке у стены высотой с метр. И вот с этого насеста я день и ночь, заиндевелый и беспомощный, наблюдал пробуждение и возвращение моих горемычных товарищей.

***

Снабжение было чрезвычайно скудным. Сани добирались до нас за сорок или пятьдесят часов. Вражеская артиллерия неотступно выцеливала их черные точки на белом фоне дороги на последних километрах, если они рисковали ехать днем. Если же они пытались добраться до нас ночью, они блуждали в степи и натыкались на какой-нибудь разъезд или патруль врага.

Мы получали только то, что нужно было, чтобы не рухнуть: хлеб, который мы раскалывали штыками и банки с мясом, замороженные на фабрике и снова замороженные на тройках, везших их к нам.

Недостаток сна убийственно действовал на солдат. Холод ужасно утомляет, включая в борьбу все тело. Наши роты должны были, не двигаясь ни на метр, оставаться в снежных ямах по двенадцать часов. Ступни у людей стояли на льду. Если они на что-то облокачивались или упирались, то это тоже был лед. Все время было двадцать-двадцать шесть градусов мороза. Короткий промежуток отдыха в избе не позволял им согреться, так как там было так же холодно, как за дверью. Так же они не могли восстановить свои силы, не имея возможности прилечь на пол, ни просто отвлечься, успокоиться, поскольку в любой момент постоянно разрывались вражеские снаряды, пробивая стены, порой от них отваливались огромные куски.

За несколько дней советская артиллерия выпустила по нам многие тысячи снарядов. Избы горели. Другие от попадания в крышу разбрасывали горящую солому в радиусе двадцати метров. Было много раненых от прямого попадания.

Один из наших пулеметов от прямого попадания взлетел на четыре метра вместе с пулеметчиком; тот упал на землю невредимый, держа еще приклад, остальная часть оружия была обрублена снарядом.

Один снаряд влетел прямо в окно избы, где находились на отдыхе с десяток наших бойцов. Это была сцена настоящей бойни. Одного солдата так и не нашли, когда вытащили из зияющей дыры в стене кучу мертвых и раненых. Его нашли на следующий день в виде нескольких остатков костей и мяса, словно каша размазанных по штукатурке. Это было все, что осталось от нашего бойца. Снаряд попал ему прямо в грудь.

***

Наша телефонная связь постоянно обрывалась. Сорок парней, которые должны были обеспечивать связь между ротами и командным пунктом батальона, затем между батальоном и дивизией, с начала наступления претерпели неимоверные муки. Каждую ночь, в течение нашего продвижения вперед, в сорокаградусный мороз или в оттаявших водах рек, они должны были раскручивать километры телефонного кабеля. Они возвращались из степи с огромными обморожениями рук, щек, носов и ушей.

В Громовой Балке они провели десять дней и десять ночей, ползая по снегу и льду под обстрелом вдоль своих чертовых кабелей, повреждаемых три-четыре раза в час.

Но ничего не поделаешь, связь была необходима. Эти кабели были артериями батальона. Много наших телефонистов полегло за эти кабели.

Среди них был один престарелый папа, совсем седой, но всегда первый в деле. Его тоже зацепило, и у него хватило сил вытащить из кармана Библию и прочитать перед смертью две-три строчки псалма.

Крайне прискорбное положение, в котором мы находились, было усугублено другими, более интимными неприятностями. Мы в большинстве своем были покрыты странными ранками, которые солдаты Восточного фронта называли каким-то странным местным именем.

Беда начиналась с невероятного зуда в ступнях и икрах. Почти невозможно было не чесаться. Однако, если мы начинали чесаться, сразу возникали осложнения. Образовывались синеватые ранки, крайне раздражимые, как если бы на них сыпали соль или перец. Они кровоточили и гноились. Это отвратительно

было видеть. Конечно, не надо бы было чесаться, но наши нервы не выдерживали напряжения. Если днем еще хватало мочи сопротивляться этой гадости, то ночью во сне руки бессознательно тянулись к ногам и икрам, ногти вцеплялись в эти разъеденные пятна, впиваясь в окровавленную плоть. Нам надо было не разуваться для сна, чтобы не быть во власти этого ужасного зуда.

Тысячи, десятки тысяч солдат Восточного фронта были эвакуированы, настолько трудно выводимыми оказались эти сукровичные ранки. У Громовой Балки некоторые из наших солдат были поражены до костей. Но, несмотря на перевязки, бинты, фиолетовые дыры этих ран, изъеденные своей тайной кислотой, притягивали пальцы, притягивали ногти, будь то ночью или днем…

Сотни вшей пожирали каждого из нас. Мы провели все контрнаступление в Донбассе, не меняя нижнего белья. Каждая из хижин, где мы располагались, была до этого приютом для орд монголов, татар, сибиряков, нагруженных этим ядом. Совместное расквартирование по сорок-пятьдесят человек, сгрудившихся в подобных грязных условиях, отдавало нас во власть жадных, безжалостных, кишащих паразитов.

Многие солдаты на исходе сил не хотели терять еще один час и без того такого малого сна, чтобы предаваться бесполезной охоте на этих бестий. Если вы уничтожили ваших вшей, то ваш сосед не делал этого. К моменту подъема половина его вшивого состава уже перекочевывала на вашу территорию. И как организовать всеобщую чистку среди такого скопища скрюченных тел, не способных даже вытянуться и пошевелиться?

Нам достаточно было провести рукой подмышками или между ляжек, чтобы почувствовать в руке горсть отвратительных вшей. Среди них были маленькие, шустрые, беловатого цвета, длинные, как кинжальчики или иглы, круглые, их красный желудок был величиной с булавочную головку. Их раскраска удивительным образом приспосабливалась к цвету одежды.

Эти вши прекрасно чувствовали себя, соприкасаясь с ранами. В большом количестве они проникали под бинты. Я чувствовал их беспрестанное шевеление вдоль моей перевязанной ступни. Ничего не оставалось делать, как терпеть, позволяя поедать себя заживо, стиснув зубы.

***

Каждый день Советы становились все агрессивнее. С неделю мы почти больше не спали. Даже когда люди спускались с позиций на два часа отдыха в избу, гранаты, снаряды летели так густо, что все бросались на пол, в суматохе, в любой момент ожидая получить снаряд прямо в середину помещения.

Ни какого-либо укрытия, ни подвалов не было. Начиная с 25 февраля красные выступили с заходом солнца. Они подходили на несколько сот метров, делали несколько выстрелов и исчезали в сумраке. У наших патрулей происходили постоянные кровавые стычки с передовыми отрядами русских.

У советских войск план действий был элементарно простым: они старались одно за другим убирать все препятствия на своем пути. Сначала они бросили все свои силы на деревню, занятую войсками СС в трех километрах к юго-востоку от нашего расположения. Если бы это укрепление пало, то мы остались бы тогда одни защищать спуск к реке Самаре, что было целью, на осуществление которой Советы были решительно настроены бросить все свои силы.

Эсэсовцев было около двух сотен. Это были боевые ребята. Наши бойцы, поддерживавшие связь с их командным пунктом, не переставали удивляться их спокойствию и флегматичности. Русские находились в тридцати метрах от них, они обстреливали их от дома к дому. Они выдерживали до десяти атак врага, в двадцать раз превосходящего по силам. Они сопротивлялись, непоколебимые, невозмутимо играя в карты в любой момент передышки.

Но к концу недели они владели в западном направлении только небольшим коридором в сотню метров. Три четверти этих героев погибли.

27 февраля 1942 года в пять часов утра русские бросились в количестве нескольких тысяч в атаку на оставшиеся десятков пять наших солдат. В течение часа шла обоюдная резня. Только несколько немцев уцелели из этой бойни. Мы видели, как они бежали к нам по снегу, плотно преследуемые большевиками.

Они прибыли, чтобы стать свидетелями наших собственных несчастий, потому что не только их деревня была захвачена, но и одновременно масса советских войск, сконцентрированных накануне к востоку от Громовой Балки, двинулась в нашем направлении.

В шесть часов утра два полка в количестве четырех тысяч солдат были брошены на нас, поддерживаемые четырнадцатью танками.

Нас было едва сотен пять.

И у нас не было ни одного танка.

Громовая Балка

В течение всей ночи наш батальон был в боевой тревоге. Наши патрули отметили крупную перегруппировку врага для атаки. Мы чувствовали, что удар будет неминуем.

Падение деревни, занятой СС, оставляло нас изолированными посреди пятнадцати километров степи. Советы, таким образом, ждали реванша и постараются опять во второй раз спуститься в балку, откуда они были выбиты две недели назад.

Во всяком случае, они не пожалели ничего, чтобы их успех был окончательным. Их артиллерия доминировала, контролируя любое наше движение в Громовой Балке. Она буквально выровняла всю местность.

Наши солдаты стали походить на приведения.

В полночь была первая тревога. В шесть часов утра новый сигнал тревоги бросил наших бойцов на боевые позиции. Почти сразу же повсюду извергся пулеметный потоп.

***

Я лежал на двух досках в избе, в сорока метрах позади от наших ледяных укреплений, лицом на восток, с тревогой вслушиваясь в грохот боя. Крыша начала потрескивать: полыхала солома.

Прыгая на одной ноге, я добрался до окна: внушительная масса русских двигалась сомкнутыми рядами. Сначала я подумал, что это были добровольцы хорваты: у них были примерно такие же, фиолетового оттенка, шинели. Но нет!

Снаряды падали вокруг них – немецкая артиллерия, которая поддерживала нас, била почти в упор по этим тысячам солдат.

Они возникли из какого-то рва и прямо шли к центру деревни, в обход наших рот. Можно было подумать, что они отправлялись на учения, настолько они были спокойны и бесстрастны.

Они развернулись в боевой порядок только тогда, когда подошли примерно на сто метров от моей избы, первой с северо-восточной стороны. Тогда я заметил четырнадцать советских танков, они шли прямо на меня.

Моя рота, отсеченная этой атакой, перегруппировывалась за второй избой.

У меня больше не было ни одной минуты. Мои пястные кости должны были выправиться за две недели. Я разбил каркас из шин вокруг ступни и, опираясь на винтовку, хромая, пересек голый пятачок, отделявший меня от моего боевого отряда.

***

Я забыл свою боль и занял свою позицию пулеметчика, выбрасывая в сторону врага длинные розовые снопы пуль. Нас было с десяток, зацепившихся в двадцати метрах от второго дома. Я устроился между двух больших павших лошадей, твердых, как скала, по которым как-то смешно шлепали пули.

Враг развернулся с востока на северо-восток перед двумя рядами деревенских изб. Он атаковал нас, одновременно наступая с другой стороны пруда на дома, что защищали наши товарищи из второй роты.

Они совершили чудеса отваги, сдерживая врага. Но их выдвинутые вперед позиции были сметены лавиной атакующих. Бойцы, поддерживаемые старшими офицерами, были убиты на месте в этой бойне, замедлив атаку стаи нападавших. Русские и азиаты преодолели линию первых домов с северо-востока, после ужасной резни в рукопашном бою.

И тут в воздух взлетела одна из наших старых рекситстских боевых песен. В это военное время у нас еще сохранились привычки другого поколения, и наши солдаты воодушевлялись пением. Те, кто уцелел из второй роты, контратаковали и растормошили русские ряды. Их командир, лейтенант Бюидс, промышленник из Брюсселя, бросился вперед с ручным пулеметом в руках. Его рота поднялась за ним и пробилась до домов, где были недавно их боевые позиции.

Но каждому из наших бойцов противостояло несколько красных. Советские танки утюжили все очаги сопротивления. Лейтенант Бюидс не выпускал своего пулемета. Он стрелял до тех пор, пока русские не подошли к нему на несколько шагов: тогда он получил пулю в грудь и умер, уронив голову на свой пулемет.

Красные отбили первые хаты на северо-западе. Мы видели, как их танки гнали наших раненых, валили и давили их своими гусеницами.

***

Наше положение было не лучше. Большевики занимали теперь дымящиеся остатки нашей первой избы и прекрасно могли укрыться для стрельбы. С северо-запада они обстреливали нас из многочисленных пулеметов «Максим». Между ними и нами находился один сквозной ангар: кирпичи и черепица двойного ряда и

коньковая черепица, разнесенные стрельбой, валялись, как разбросанная колода карт.

Наши солдаты падали, пораженные разрывными пулями, оставлявшими ужасные раны. Один из моих товарищей рухнул, пробитый почти насквозь: его голова была как один погребальный обруч; глаза, нос, щеки, рот исчезли, опустошенные разрывом. Красные были не только перед нами. Они не только занимали дома на нашем левом фланге, но и достигли наших бывших позиций в снегу на восточном гребне. Оттуда они всей массой обрушились на деревню.

Наши солдаты зацепились за свою территорию малыми, исключительно активными группами, и их нелегко было выбить.

Мы вели бой преимущественно винтовочным огнем, сберегая боеприпасы, каждым выстрелом роняя одного большевика. Эти люди шли вперед с какой-то ослиной бессознательностью. Красивое золотое солнце встало за спиной атаковавших нас. Русские, занимавшие наши укрепления во льду, представляли, таким образом, совершенную мишень. Каждая голова, рискнувшая на секунду подняться над ледяной глыбой, получала пулю. Но и у нас самих были большие потери.

Через час из моего маленького отряда я остался один, между трупами двух смерзшихся лошадей, настоящих защитных скал. Повсюду рикошетили пули. Одна из них прочертила бороздку на прикладе винтовки у моей щеки, длиной с палец. Русские полностью обошли меня слева. Их было с три десятка, в десяти метрах от меня. И вот тогда я почувствовал, как кто-то потащил меня назад за мою здоровую ногу. Это молодой капрал из моего взвода по имени Анри Беркман, видя, что я пропал, подползко мне и на животе стащил меня, как буксируют горные сани.

Через двенадцать метров этого непредвиденного трансфера я добрался до порога хаты, где отстреливался остаток нашей роты.

Увы, моему спасителю-герою повезло меньше, чем мне: осколками гранаты ему глубоко срезало подъемы обеих ступней; он умер в страшных муках.

Было около девяти часов утра. Советские танки, захватившие северо-западный участок, находились в многих сотнях метрах позади нас. Они устроили настоящую охоту за людьми, кружа вокруг изб, развлекаясь тем, что давили наших товарищей одного за другим, будь то раненные, не раненные или мертвые. Мы отчетливо сознавали, что будем вот так же раздавлены этими чудовищами, тем более, что юго-восточный участок принял удар советских войск, выдвинувшихся из деревни, где они уничтожили последние гнезда сопротивления СС.

Мы были мишенью яростной пальбы. Лед вокруг нас разлетался сотнями маленьких танцующих цветков. Каждый укрывался как мог за крестьянскими санями или подоконными стенами.

Один старый ветеран войны 1914-1918 годов по имени Штенбрюгген был особенно увлечен боем. Задетый пулей в затылок, он рухнул, с криком подняв правую руку. Мы подумали, что он погиб. Через четверть часа его тело распрямилось: ожил наш старый вояка! Он был жив, не смотря на пулю в голове! Он смог дотащиться до медпоста; он, видно, родился в рубашке.

Всякое удовольствие кончается. Один советский танк, явно решив разделаться с нами, повернул в нашем направлении, пересек ледяной пруд и двинул на нашу хату.

***

Танк навел свою пушку. Мы успели броситься на пол избы. Три снаряда, посланные с совершенной точностью, полностью пробили фасад. Мы были засыпаны осколками штукатурки. Солома пылала. Люди обливались кровью, у одного из них была отсечена левая рука.

К счастью, один из трех выпущенных снарядов пробил брешь в задней стене дома высотой с метр. Мы смогли протащить через нее наших раненых и вылезти сами.

Нам надо было добраться до следующего дома, преодолев метров тридцать. Люди, бежавшие не останавливаясь, были срезаны огнем. Чтобы спутать прицел врага, надо было через пять метров (не больше) бросаться на землю, затем бежать еще метра четыре-пять и опять падать. Вражеские стрелки, каждый раз раззадоренные этими перебежками, начали тогда искать менее подвижную цель.

Один из наших молодых солдат спрятался за убитого. Испуганный, обезумевший, он не видел ничего. Но вдруг он увидел уставившиеся на него неподвижные серо-голубые глаза мертвеца. Это был его отец, славный брюссельский портной.

***

Мы заняли оборону в соседней избе. Она тоже заполыхала над нашими головами. Мы сгрудились у порога дома за ледяной горкой, желтой от замерзшей мочи.

Танки донимали нас. Сотни русских солдат расстреливали нас в упор. Сзади нас огромным факелом рухнула соломенная крыша.

Советские танки почти замкнули круг сзади нас. Мы стреляли только из винтовок, зная цену каждой пуле. Развязка приближалась. Командир нашей роты положил свою руку на мою:

– Вы погибнете, – сказал он мне просто, спокойно, – я вас не переживу, тоже погибну.

Впрочем, ни один, ни другой не были убиты. Мы не поняли точно, что произошло. Сверлящий грохот бил нам по головам. Танки взрывались! Избы взлетали на воздух! Целые группы русских взлетали вверх!

Это были пикирующие бомбардировщики Рейха!

С удивительной точностью они ударяли по советским танкам, разметав группы нападавших, по глупой привычке собравшихся вместе. Вражеские танки спешно отступили, чтобы избежать этих смертельных пике. Вся пехота повалила за ними.

Командир нашего батальона сразу же бросил в контратаку остатки своих сил. Их волна с воем прокатилась, обогнав нас. В полдень Легион «Валлония» полностью овладел Громовой Балкой, отбив даже первые избы с двух сторон пруда. Повсюду лежали трупы русских. Мы захватили много пленных, монголов, уродливых, как обезьяны, киргизов, сибиряков, пораженных такой яростной атакой. Они неустанно повторяли: «Хороши, бельгийцы, хороши!», и моргали маленькими желтыми глазками.

Все наши раненые, увы, умерли, раздавленные танками или добитые штыками.

***

Отбомбившись, как провидение, «Юнкерсы» улетели. Русские перегруппировались, их танки снова двинулись вперед. Все начиналось сначала.

Мы были беспомощными против этих танков. В это время не было еще фаустпатронов. У нас не было противотанковых ружей. У нас не было даже противотанковых мин.

С самого начала этого обреченного для нас боя, 100-я немецкая дивизия, к которой мы были тактически прикреплены, обещала нам помощь. Танковая колонна двинулась к Громовой Балке. Но она была перехвачена группой русских танков, навязавших ей бой на несколько часов. Пехотные подкрепления тоже были блокированы.

Наши люди должны были опять принять оборонительный бой, защищая избу за избой, сарай за сараем, склон за склоном. В три часа дня они были прижаты к самым последним домам и к какому-то вишневому саду на юго-западе деревни. Если бы их выбили из этих последних укрытий, то они оказались бы в голой степи, без единого куста и в снегу на многие версты.

Надо было действовать, чтобы не быть запертыми в этой роковой крайности. Командир, капитан, собрал остатки своей роты и с гранатой в руке первым бросился в контратаку с нашим древним боевым кличем. Все, кто остались целыми из батальона, устремились за ним, включая вооруженцев, поваров, связистов, шоферов. Это была яростная свалка. Убивали друг друга внутри домов, проламывали голову ударом пистолета в дверных проемах.

Русские танки из-за нехватки снарядов сновали повсюду, стараясь раздавить наших солдат. Но те перебегали от избы к избе. Советская пехота, изнуренная и издерганная, замешкалась и начала уступать позиции. В самом разгаре рукопашной в снегу на западе показались немецкие подкрепления, тогда разгром врага уже был полным. В третий раз деревня перешла в наши руки.

Танки красных еще какое-то время гонялись за солдатами. Но тут на склоне появились наши танки, победители степной битвы. Через полчаса бронетехника и пехота врага исчезли в голубых снегах на северо-востоке.

Наступал вечер.

Мы победили.

Семьсот трупов красных лежало на снегу, восемьсот на льду пруда, рядом с развалинами домов. Но и двести пятьдесят наших товарищей тоже погибли или были ранены за эти двенадцать часов безумия.

Немецкие танки ушли через час в сторону другого опасного участка. Избы Громовой Балки представляли собой только кучи пепла, остужаемого ледяным ветром.

Ледяной фронт

Конечно, вечером 28 февраля дымящиеся остатки Громовой Балки были в наших руках. Но, между тем, надо было смотреть правде в глаза: позицию

удерживать было невозможно. Деревня была разрушена. Но, самое главное, то, что она находилась в глубокой ложбине. С восточного склона враг следил за каждым нашим движением.

В течение десяти дней нас беспрестанно выцеливали и обстреливали. Мы удержались в этой деревне, не смотря на наступление четырех тысяч советских солдат и четырнадцати танков только потому, что на карту была поставлена честь нашего народа. Мы все предпочитали погибнуть, но не опозориться. Горячий патриотизм воодушевлял наших солдат: они представляли нашу страну, за нее половина наших товарищей лежала на земле, заледенев в своей смерти или обливаясь своей кровью. Только национальная гордость позволила совершить чудо этих трех контратак и этой победы.

Но было бессмысленно повторить этот бой на следующий день. Мудрость подсказывала оставить эту впадину и обустроить оборону на западном склоне, который доминировал над лощиной. Там нас было бы нелегко прицельно обстреливать.

Командир 100-й дивизии, генерал Занне, приказал нашему батальону занять позицию на гребне под покровом ночи. Наши передовые посты оставались на месте до последней минуты. Русские не заметили ничего. На рассвете они адским огнем разнесли руины Громовой Балки. Затем они пошли в атаку на пустые позиции.

Теперь настала очередь нашей артиллерии сделать им такую невозможную жизнь в низинной деревне, что они тоже не смогли удержать там свои силы. Рассеянные, они отступили на несколько сот метров на восточный склон.

С того момента мы смотрели друг на друга и обстреливали друг друга с вершин склонов. Деревня стала ничейной землей, где из остатков изб и белизны снега торчали лишь черные трубы.

Наши новые окопы были вырыты прямо в снегу и во льду при тридцатиградусном морозе.

Вернулись тяжелые немецкие танки, стреляя на ходу. Они бороздили вершину склона, приземистые, похожие на средневековые бастионы, в то время как немецкая артиллерия устанавливала свои батареи в глубине долины на западе.

В нашем распоряжении не было ни малейшего домика, ни малейшего очага: ничего, кроме наших белых дыр, где наши две сотни уцелевших, без всякого обмундирования должны были противостоять советским солдатам.

Снаряды сыпались со всех направлений. Взлетел на воздух склад боеприпасов. Наши бойцы щелкали зубами как кастаньетами, настолько холод продирал их до самых костей. У некоторых из них лица просто позеленели. Мороз с предыдущей ночи одолевал эти две сотни бездомных солдат. Затем последовала другая, еще более суровая ночь. Наше положение стало абсолютно критическим. С трудом верилось, что посреди огромной степи, в такой холод, изнуренные люди, измотанные месяцами боев, могли еще жить, не двигаясь в течение десяти часов, терзаемые ужасным морозом.

Люди нашего батальона, сгруппировавшись в каре, поклялись держаться до конца. Мы эвакуировали только потерявших сознание. На рассвете следующего дня Легион «Валлония» опять был на боевом посту. Ни русские, ни мороз не одолели его стойкости.

***

Чтобы преодолеть страдания, мы сравнивали наши невзгоды с теми, что выдерживали наши сто пятьдесят раненых, на десятках саней двигавшихся по степи.

В Громовой Балке нужно было дождаться ночи, чтобы эвакуировать большинство наших товарищей, потому что многие раненые были задеты вторично советскими пулеметчиками, яростно обстреливавшими санитарные обозы, четко чернеющие на блестящем снегу.

Наши обозные сани могли как раз проделать путь в семь километров от наших позиций к станице Ново-Андреевской. Там они быстро разгружали свой окровавленный груз и возвращались.

Для первых таких перевозок мы использовали редкие одеяла, уцелевшие от пожаров в избах. После пришлось довольствоваться сухим сеном или соломой из последних домов поселка. Ледяной ночью несчастные раненые тряслись на санках в снегах, накрытые лишь какими-то лохмотьями, охапками соломы или сена. Их страдания были неописуемы.

В Ново-Андреевской дежурные врачи не знали, где их разместить. Десятками они лежали на голой земле хижин. Эта деревня была лишь перевязочным пунктом. Несчастных нужно было эвакуировать за более чем сорок километров оттуда до Гришино. К тому же возобновилась непогода, снежные бураны поднимали всю белую степь.

До ротного госпиталя Гришино сани шли двое-трое суток. Раненные, перевязанные бинтами или с наложенными шинами, умирая, в основном, от холода, сохраняя осколки снарядов и оставляя пули в своем теле, подвергались ужасным мукам.

В Гришино скопление раненых было неимоверным. За пять недель их привезли одиннадцать тысяч. Некоторые из наших тяжело раненых должны были ждать пять дней пока у них снимут временные повязки, почерневшие и жесткие, как холстина. Они с трудом могли говорить. Большинство из них не знали немецкого языка, и поэтому ни от кого не могли услышать слово ободрения или поддержки в своем бедственном положении. Они прошли до самых глубин телесных и душевных мук.

Многие не смогли пережить эти лазареты и завершили свою Голгофу в длинных рядах военных кладбищ, где под стальной каской им покрасили кресты в черно-желто-красный цвет флага их Родины, за которую они так отважно сражались и столько выстрадали…

2 марта 1942 года, утром, Легион «Валлония» потерял по меньшей мере треть своих солдат. Из двадцати двух офицеров оставалось два, один из них немного погодя был эвакуирован из-за нервного истощения.

Немецкие части, что должны были нас заменить, были в пути. Саперы рыли для них земляные укрытия, которые должны были дать возможность противостоять врагу с меньшим дискомфортом на этой стороне балки, обдуваемой снежными бурями. Тем не менее, не смотря на сооружение этих укрытий, батальон, сменивший нас, потерял на этом плато только за один март месяц более тридцати процентов личного состава. Смена происходила в полдень. Наши парни, лохматые, с диким, но гордым взглядом, спустились вниз. По всему донбасскому фронту было уже известно, с каким героизмом они сражались. Генерал 100-й дивизии только что вручил им тридцать три Железных Креста. В то

время для одного батальона это была фантастическая цифра. Еще более громкая слава – то, что их отметили в специальном выпуске в коммюнике Генерального Штаба Вермахта.

***

Мы расквартировались на второй линии в Благодати.

Снежное поле освободили от сотен синих трупов казаков и монголов в белых полушубках, которых мы одолели во время наступления.

Мы опять разместились в домах, бедных, да, жалких, да, но в домах! У нас не было большем спереди азиатских орд с узкими блестящими глазками, которые по-кошачьи прыгали в страшные рукопашные схватки.

Но все же мы смотрели, мы искали… Наши несчастные убитые товарищи, братья наших снов, витали вокруг нас, охватывая наши мысли… Каждый из нас потерял очень дорогих друзей. Наш Легион был братской когортой. Все связывало нас. Наши сердца страдали, склонившись над этой пустотой…

И мы вкушали славу как фрукт, ледяной и горький.

III. БИТВА ПОД ХАРЬКОВЫМ

Бои в районе Громовой Балки обозначили последнее значительное военное действие Советов в Донбассе зимой 1941-1942 годов.

Наш Легион находился в Благодати в резерве, готовый вступить в бой при первой тревоге. Но на фронте не было серьезных потрясений.

Ночью лишь злобно трещали пулеметы. С порога наших изб мы смотрели на огни, что вспыхивали и перекрещивались в степи. Но 28 февраля большевики на этом участке получили свой добивающий, последний удар. Их зимнее наступление было остановлено окончательно.

Оставалось только ждать весны. Благодать еще была завалена толстым слоем снегов. Снегопады чередовались с морозами. Можно было подумать, что зима будет здесь всегда. Вот уже полгода мы были в снегах. От этого мы чувствовали какую-то завороженность этой белизной. Белая степь, белые крыши домов, белое небо, пылавшее над нашими головами…

***

Деревня, измученная боями, находилась в крайне бедственном положении. Мы спали на нескольких досках или на соломе, прямо на земляном полу соломенных хижин. Жалобные крики и визг бледнолицей детворы бил нам в уши. Эти несчастные люди жили только на сырой картошке с солью. Коровы были убиты. Убитые лошади были брошены населением вповалку с пятьюстами трупами советских солдат в глубокий карьер, откуда торчали людские головы и копыта лошадей.

Мы пили воду из деревенского колодца. Однажды ведро упало и потонуло. Один солдат спустил толстую веревку с крюком и поскреб им дно. Крюк за что-то зацепился. Мы думали, что это ведро. Но это было что-то намного тяжелее, и трудно было поднимать. Потребовалась помощь нескольких солдат. Наконец, из колодца показался ужасный мохнатоногий монгол, наполовину сгнивший, зацепленный за ремень. Вот так мы пили этого монгола несколько недель.

Избы представляли собой гнезда вшей. В нашей хате был запас зерна для посевной, и это зерно постоянно шевелилось от такого количества паразитов.

Многие из нас страдали от какой-то, похожей на малярийную, лихорадки. Она приводила нас в состояние какого-то оцепенения. По вечерам температура поднималась у нас до тридцати девяти. Но утром она падала до тридцати пяти-тридцати пяти с половиной, не выше. Мы едва кормились без всякого аппетита, и неуклонно слабели. Все плыло, кружилось у нас перед глазами. Мы не могли ни выходить на улицу, ни работать.

Этот кризис в самой обостренной форме длился три-четыре недели, в конце которых мы могли уже болезненно подниматься, с головами как у несчастных, старых меланхолических кляч.

Редко удавалось вылечиться за один раз. Вшивая лихорадка вновь появлялась, время от времени, как малярия. Наши врачи не располагали никаким лекарством, чтобы бороться с этой местной хворью, кроме вечного аспирина, единственного лекарства всех армий мира.

***

Мы пытались вернуться к нормальным привычкам личной гигиены. Мы брали на час квашню из дома, представлявшую собой плоское корыто, вырубленное топором из ствола дерева. Мы растапливали в ней полкубометра снега, затем садились в эту крошечную и смешную лодчонку. При первом неосторожном движении мы опрокидывались вместе с бадьей.

Русские не мыли тело всю зиму. У них был живописный способ умывать лицо: они наполняли рот водой, брызгали изо него четыре-пять раз на ладони и проводили руками по щекам. Так же они обрызгивали лица своих плачущих малышей.

Сцены убиения вшей были настоящей церемонией.

Приходила соседка. Она становилась на корточки, распускала свои волосы на колени своей подружки. Та в течение одного-двух часов вытаскивала сотни маленьких насекомых с помощью большого деревянного гребня. Потом была ее очередь сесть на пол, а та другая возвращала ей долг.

Летом эти операции происходили на пороге двери. Это было забавно видеть. Вшей убивали сообща друг у друга. Это был какой-то честный, простой коммунизм.

***

По мере того, как восстанавливались наши легко раненые, мы переформировали наши роты, но уже с личным составом, уменьшенным наполовину.

Капрал во время контрнаступления, в разгар боев у Громовой Балки я был произведен в унтер-офицеры. Я контролировал демонтаж пулеметов и качество стряпни с таким же прилежанием, как если бы руководил объединением в пятьдесят тысяч членов партии. Я любил солдатскую жизнь, прямую, как палка, свободную от светской жеманности, амбиций и выгоды.

Вот уже несколько месяцев у меня не было ни малейшего известия о перипетиях Форума. Меня тошнило от гадючьего кишения политических противников, самолюбивых и беспечных игроков на политических аренах. Я предпочитал дворцам министров мою мрачную избу, мою изношенную военную гимнастерку – душному комфорту посредственной буржуазии. Я смотрел в чистые глаза моих солдат, омытые страданием. Я чувствовал, как во мне всходил здоровый дух их идеала. В свою очередь, я отдавал им все, что жгло мое сердце.

***

Часто к нам приходили немецкие товарищи, или мы ходили в их расположение. Часами спорили мы о послевоенных проблемах.

Что последует за смертями?

Лишь наполовину интересовали нас вопросы границ и вопросы материального порядка. Живя беспрерывно перед лицом смерти, мы самым острым чутьем поняли важность духовных сил. Фронт держался только потому, что на нем были души, которые верили, которые излучали веру и таяли, как свечи.

Победы были завоеваны не только оружием, но и благодеяниями, душевными ценностями.

Послевоенная проблема будет у всех одна.

Экономических побед будет мало. Политических реорганизаций будет мало. Нужно будет великое моральное искупление, оно смоет грязь нашего времени, вернет душам жажду свежего воздуха и безусловного, бескорыстного служения.

Национальная Революция – да, Социальная Революция – да, Европейская Революция – да! Но прежде всего – революция душ, в тысячу раз более нужная, чем внешний порядок, чем внешняя справедливость, чем братство на словах.

Миру, вышедшему из бойни и ненависти войны, прежде всего будут нужны чистые сердца, верящие в свое предназначение, миссию, отдающие этому все силы и которым верят толпы, идущие за ними.

Наши споры вспыхивали, как огонь. Маленькая керосиновая лампочка высвечивала черты лиц. Эти лица светились. Мы принесли эту зиму страданий на очищение наших мечтаний. Никогда мы не чувствовали в наших сердцах столько силы, столько ясности и легкости, вдохновения.

Раньше у нас могла быть банальная жизнь, испачканная всякими отречениями банальных необходимостей. Фронт дал нам страсть и вкус к внутренней встряске, очищению. Нам были чужды любая ненависть или порочная страсть. Мы обуздали наши тела, убили наши амбиции, очистили и напрягли наши природные способности. Сама смерть уже не страшила нас.

***

Снег держался долго. В Святой (Чистый) Четверг он еще несколько часов падал огромными снежинками. Потом воздух смягчился.

Мы смотрели на белую степь, где черные палки подсолнухов становились все выше. На холмах появились серые проблески конца зимы. Проступала земля.

В соломе сходили с ума воробьи. Каждый день солнце припекало в долине. Потекли ручьи. Крестьяне топорами, заступами и тяпками разбивали окружавший избушки лед в тридцать-сорок сантиметров толщиной. Через несколько дней этого освобождения ото льда поселок превратился в огромную клоаку. Поля были жирные, как таявший сироп. Из одного конца деревни в другой мы могли передвигаться только верхом, далеко в обход через гребни.

Некоторые, более шустрые, настроили аквапланы; они передвигались по Благодати в шайках, запряженных мулами. От избы к избе мы положили переходные мостики, брошенные на полуметровую толщу грязи. Вода, подпитываемая тысячью ручейков, стекала с холмов настоящими реками, шириной в сорок или в пятьдесят метров, образовывая гигантские водопады. Первая же повозка крестьянина, что хотела переехать, была унесена потоком; женщина, правившая лошадью, исчезла, закрученная течением. После двух недель солнца мы смогли добраться до стогов на вершине гребня. Мы весело расположились там с голыми торсами, открыв наши тела жаркой весенней жизни.

Лед на прудах исчез: крупные мерзлые карпы сотнями плавали вблизи плотин.

Однажды я поехал верхом далеко на запад. Река поворачивала. Я заметил вдали маленький лесок. Он начинал зеленеть нежно-желтоватой зеленью. Я

привстал на стременах, вдохнул полной грудью эту новую весну, она так хорошо пахла!

Солнце победило зиму!

Дороги подсыхали. Ветряная мельница махала крыльями в голубое небо.

Наступил месяц май. Десятого числа мы получили секретный пакет. Мы переходили на другой участок фронта, выступать надо было той же ночью. Назревали крупные военные события. Шатаясь от счастья, мы покинули наши избы, с песнями о войне, славе и жаркой весне, созвучной нашим сердцам.

На крик кукушки

Никогда в течение всей ужасной зимы 1941-1942 годов сомнение не касалось духа ни одного немецкого солдата и ни одного европейского добровольца Восточного фронта.

Страдания были неслыханные. Но мы знали, что воющий холодный ветер, мороз под сорок два градуса ниже нуля, нехватка экипировки были единственной причиной наших неудач. Сталин тут был не причем. Теперь железнодорожные сообщения были восстановлены и железнодорожные перевозки были бесперебойными; восстановлены мосты; почту доставляли быстро. Была даже роздана меховая одежда, мягкие женские меха или старые шкуры от баварских пастухов. Мы получили их в самый разгар оттепели. Мы как раз успели им немного обрадоваться и вернули обратно.

Никакое тревожное известие не потревожило весны. Америка, официально вступившая в Мировую войну в декабре 1941 года, в течение зимы имела только неудачи. Англичане, до этого неоспоримые чемпионы по погрузке судов во всех странах, эвакуировались из Гонконга и Сингапура после того, как побили рекорд скорости пантер и других кошачьих, убегая из джунглей Бирмы.

Армия на Восточном фронте твердо верила, что англичане и американцы, крепко получившие отпор в Азии, не представляли больше опасности для Рейха. Пока они продолжали свои бездарные военные операции в последних владениях в Полинезии, Германия могла бы спокойно добить СССР.

Сталин ответил? Он отвоевал свои позиции за зиму? Это было правдой. Но армии Рейха прошлой осенью пробились на восток сломя голову. Кое-где они вообще достигли незащищенных участков. Были, конечно, критические моменты. Но именно несмотря на нерегулярность прорывов, несмотря на мороз, несмотря на препятствия, той же зимой с неимоверной мощью ситуация была выровнена.

В 1941 году русские понесли огромные потери. Их зимнее наступление провалилось. Бесспорно провалилось.

Теперь нам предстояло броситься на них в последнем раунде. Для всех бойцов из Европы на Восточном фронте исход был предрешен заранее. Никогда германская армия не была так красива в своей силе.

Рейх совершил неимоверные усилия, чтобы залечить раны, полученные зимой и привести все свои войска в боевой порядок. Все части были полностью укомплектованы личным составом. Кроме того, дивизии получили резервные батальоны, до пятнадцати тысяч солдат каждая, для того, чтобы пополнять потери во время наступления.

В каждой части было изобилие экипировки и совершенного вооружения. Питание было отличным. Это было настоящее удовольствие, видеть эти дивизии, составленные из пятнадцати-семнадцати тысяч чудесных парней, прямых и сильных, как деревья, в обрамлении офицеров и унтер-офицеров как у никакой другой армии в мире.

Зима была забыта. О ней говорили только смеха ради. Чем больше страдаешь в какой-то момент жизни, тем слаще и сильнее страсть рассказывать затем про несчастья прошлого. О том, у кого сильнее всех был обморожен нос, о самой мрачной избе, о самом заплесневелом хлебе, о самых людоедских вшах. Это становилось чем-то вроде смакования. И эти разговоры, если начинались, были бесконечными.

Однажды разразился настоящий военный спектакль, давший возможность немецкому командованию лишний раз показать свое мастерство в военном превосходстве.

Высшие немецкие офицеры обладали несравнимой взвешенностью и спокойствием. Их генералы устраивались перед штабными картами, как шахматисты перед своими фигурами. Они не спешили и реагировали только наверняка.

10 и 11 мая 1942 года германское командование перегруппировало все свои части в Донбассе, чтобы атаковать в восточном направлении. В самый разгар этой перегруппировки советский маршал Тимошенко в сильнейшем порыве сам бросился в наступление на северном участке нашего фронта. Он вышел под Харьков и бросил многие сотни тысяч солдат в сторону Полтавы и Днепра.

Брешь, которую он открыл, была глубокой. Сталин опубликовал сводки о блестящих победах. Радио Лондона и Москвы сообщило о неминуемом прорыве русских к Днепру. Эти мрачные слухи распространяли и перебежчики, доходившие до нас.

Худо-бедно, но Советы опередили германское командование. Оно же восприняло сложившуюся ситуацию без лишних слов и дерганья. И, что особо следует отметить, не отказалось от своего плана наступления. Все военные приготовления невозмутимо шли своим ходом, как и было предусмотрено. Русские бежали вперед? Им позволили это сделать в течение пяти суток и сделать огромное скопление, центром которого была Полтава. В течение этого времени каждый немецкий батальон занимал свои позиции в самом полном спокойствии. Ни одна военная операция не была ускорена ни на час.

***

Наш Легион не получил еще новое подкрепление. Однако мы получили довольно широкий участок как раз у самого узкого прохода фронта Донбасса.

Блиндажи и траншеи были в отличном состоянии. Они шли до вершины больших склонов, спускавшихся в долину, к реке и населенному пункту под названием Жаблинская.

Жаблинская закрывала этот проход по долине. Русские сделали здесь крепкий заслон, их артиллерия контролировала всю долину. Их снаряды, как бильярдные шары, летели к нашим позициям.

Ночью добровольцы из нашего Легиона проходили, проворные, как куницы, через минные поля нашего сектора. Они ходили в расположение русских на

разведку. В их задачу входило замаскироваться в расположении врага и целый день тщательно вести наблюдение за перемещениями русских, расположением их пулеметных гнезд и артиллерии.

На рассвете мы наблюдали в бинокль за выступами русских позиций. Из-за какого-нибудь стога сена высовывалась и махала чья-то рука, показываясь на мгновение, иногда с платком. Это были места, где укрывались наши люди. Наши пулеметы держали под прицелом окрестности, чтобы в случае заварушки прикрыть наших сорви-голов.

Каждый вечер по два человека отправлялись в такие рейды. Следующей ночью мы улавливали легкий шум в условленном месте прохода: тогда мы ползли по краю наших минных полей, чтобы принять разведчиков. Они возвращались живые и невредимые с точными сведениями и рассказывали друзьям всяческие смешные свои приключения.

16 мая был получен приказ к наступлению. Мы знали, к чему приведет нас атака. Как и должно было, цели определялись только на первый день. В армии не следует напрасно ломать голову, стараясь увидеть дальше настоящего момента. Для нас 16 мая 1942 года это была, в основном, горловина под Жаблинской.

В два часа пятьдесят пять минут утра наступление началось. На нашем левом фланге по северо-восточному склону реки массированно атаковала немецкая бронетехника, прошла Жаблинскую и устремилась в долину.

Нам надо было бросить в бой лишь часть наших волонтеров. Они должны были выкинуть русских из Жаблинской, провоцируя фронтальной атакой. Но наша атака должна была быть лишь маневром, уловкой. В то время, как советские части будут таким образом рассеяны нами, немецкие танки на северо-восточном направлении нанесут главный удар. Остальная часть наших сил должна была продержаться какое-то время на боевых позициях на гребне, ожидая развития событий.

***

Ночь с 16 на 17 мая как по капле протекла в полной и необычной тишине.

В половине третьего утра обозначились первые предрассветные волнения. Тысячи людей, готовых к атаке, затаили дыхание. Ни один выстрел не нарушил покоя рождавшегося дня.

На вершине гребней медленно высветились зеленые и серебристые отблески. Затем возникло неожиданное, радостное и страстное пение кукушки. Ку-ку! Ку-ку! Кукушка куковала для самой себя над этой долиной, где через мгновение должен был грянуть гром, где появится смерть!

Ку-ку! Ку-ку!

Затем крик прекратился. Лязг танковых гусениц поднялся до края неба. 17 мая 1942 года. Без пяти три утра. Наступление на участке Донецк-Харьков началось.

Жаблинская

Начало любого наступления сразу резко бросает в ступор тысячи людей, как если бы на них обрушился ураган. Утром 17 мая 1942 года в три часа советские

войска, дислоцированные в Донецком бассейне, видимо, ничего не ожидали. Они все были в радости от своего наступления в направлении Харьков-Полтава и не могли вообразить, что чем больше их дивизии продвигались на запад, тем быстрее они устремлялись к своей погибели.

От станицы Жаблинской в глубине долины в течение длительного времени не раздалось ни одного выстрела. Это было обычное окончание ночи, похожее на другие.

Но, как только послышался шум немецких танков, мы увидели как зашевелились цепи круглых спин в окопах и укреплениях врага.

Мощный рокот танков прокатился по полям плоскогорья. В течение десятка минут в занимающейся свежей утренней заре оранжевого и зеленого отлива был слышен лишь полный драматизма грохот железных лап. Затем загромыхала артиллерия из сотен стволов сразу.

С наших позиций на склоне мы были изумленными свидетелями разрывов снарядов. Советская деревня была взрыта, перевернута и раздавлена, как будто бы некий гигант огромным заступом обрушился на нее. В этот момент наши люди бросились в долину.

***

Склоны были крутыми и голыми. В глубине во фланг врагу текла река, проходя вдоль полей, усеянных старыми, брошенными стогами. Горловина для прохода, этот котел, были узкими, затем поля расширялись вдоль реки на полтора километра до первых домов Жаблинской, стоявших на отроге.

По утвержденному плану, наши волонтеры должны были только не давать передышки врагу, сдерживать его силы, пока танки проутюжат плато. Но наши ребята были неудержимы. Как только они бросились в долину, вместо того, чтобы вовремя остановиться, закрепиться в окопах и рвах, откуда на расстоянии обстреливать русских, они продолжили наступление ускоренным шагом, одним махом преодолев более километра.

Мы были поражены их смелостью, но зная важность позиции врага, мы чувствовали неизбежность катастрофы.

И она не замедлила случиться. Маленькая равнина, по которой бежали наши люди, в одно мгновение вздыбилась от разрывов снарядов. Несчастные едва замедлили атаку. Они запутались в колючей проволоке, продолжая, тем не менее, рваться к Жаблинской. Мы увидели тот момент, когда горстка их вот-вот должна была достигнуть первых домов.

Тогда разрывы вокруг них стали просто невероятными, как при галлюцинациях. Повсюду толстыми снопами взлетала земля. Наши люди падали во все стороны. Мы посчитали их уничтоженными. Почти все тела лежали неподвижно. Только несколько раненых шевелились и двигались. В бинокль мы видели, как они сжались за небольшой складкой местности, стараясь раскрутить бинты.

Идти им на помощь было невозможно. Вход в этот котёл преграждал шквал снарядов такой интенсивности, что броситься туда было бы непростительной ошибкой.

***

Наши солдаты сами собирались выбраться на месте и с честью.

Мы не сразу поняли их замысел. Наши бинокли шарили по долине от одного стожка сена к другому. Нам казалось, что некоторые из них не были на своем месте, когда наши глаза снова встречали их. Мы присмотрелись к одному стогу. Бесспорно, стог двигался: почти незаметно, но он перемещался.

Некоторое количество наших людей в этом железном потопе бросилось в эти стога сена. Они пролезли под них и, похожие на черепах, продвигались к врагу мелкими перемещениями.

Это было и смешное и увлекательное зрелище. Русские не могли беспрестанно обстреливать долину. При каждой паузе стожки продвигались на несколько метров. Это перемещение было настолько скрытным, что мы могли судить о его результате лишь фиксируя определенные ориентиры.

Наши солдаты-черепахи определенно подзывали вполголоса товарищей, что притворялись убитыми на открытой местности. Некоторые из них в течение часа сохраняли неподвижность каменной глыбы. Но когда стог приближался, легкое скольжение уводило предполагаемый «труп» под сено к товарищам!

Стогов было много: русским было практически невозможно разгадать, какие среди них скрывали и защищали наших хитрых парней. По истечении двух часов этот маневр успешно завершился. Большинство наших товарищей смогли под этим удачным камуфляжем достигнуть подножия маленьких высоток в ста метрах от врага. Их пулеметы начали косить русские позиции.

Таким образом, в течение всего утра они смогли выполнить свою задачу сверх всяких ожиданий, беспрестанно обстреливая русских, заставляя их держать свои силы у этой горловины, в то время как вдоль склона наши танки продвинулись уже на многие километры.

За танками следовала пехота Рейха. Мы видели, как она прошла по северо-восточному склону с восхитительной осторожностью немецких частей, так отличавшейся от буйной неудержимости наших валлонцев, резвых и непредсказуемых, как козлята.

Но через несколько часов зеленые цепи Вермахта раскрутились в глубину. Положение русских при Жаблинской было отчаянным.

***

Они, впрочем, защищались с необыкновенным мужеством. Наши пулеметы обстреливали их брустверы. Немецкая артиллерия сыпала на них сотни снарядов, с невероятной точностью попадая прямо в укрепления врага. Видно было, как эти укрепления взлетали на воздух, рушились избы. Но русские беспрерывно возвращались, бросались на руины, перестраивались. Советские конные повозки с пушками спешно подтягивались из деревни за три километра. Немецкая артиллерия вычислила эти пушки и повозки с боеприпасами и начала крушить их на пути следования. Но, не смотря на эти разрушения, подкрепление поступало бесперебойно.

Тогда в дело вступили немецкие пикирующие бомбардировщики – «Юнкерсы».

Во время зимних боев авиация Рейха довольно редко помогала нам, вступая лишь в крайних ситуациях, и самолетов было немного.

На этот раз, сверкая в небе, более шестидесяти «Юнкерсов» кружили над нашими головами. Шестьдесят четыре, если точно, на одном только нашем участке! Это было грандиозно. Все небо воспевало мощь людей. Самолеты скользили один за другим, затем бросались вниз как свинцовая масса, с воем своих сирен. В последнюю секунду они выпрямлялись из пике в то время, как на десять метров высоты взмывал потрясающий сноп из земли, людей, разломанных крыш. Самолеты возвращались также в безупречном строю, прекрасно выполняли вираж и снова ныряли вниз.

С героическим упорством русские выбирались из руин сразу же, как только «Юнкеры» взмывали в небо. Согнув спины, они прыгали в новую яму и опять начинали стрелять.

***

Это невероятное сопротивление закончилось в три часа дня.

Танки, за которыми шла пехота, спустились со склонов за населенным пунктом Жаблинская. Наши солдаты выпрыгнули тогда из своих стогов, не желая никому оставлять честь первыми войти в горящую станицу. Они бросились через реку, преодолели небольшой подъем и бросились на передовые позиции русских.

Одна из наших рот, одновременно бросившись из своих окопов, овладела деревней напротив Жаблинской, с другой стороны реки.

Долина была открыта.

***

Побежденному врагу не следовало оставлять передышку.

Судьба Жаблинской должна была посеять ужас в советских тылах. Германское командование рассчитывало немедленно воспользоваться ситуацией, и в восемь часов вечера началась вторая атака, второй рывок вперед.

Горящие стога сена освещали холмы. Мы проскользнули через минные поля русских. Тысячи людей двигались именно таким образом, большей частью ползком, так как иллюминация вырисовывала каждый силуэт. Время от времени какой-то солдат «ловил» мину и взлетал, разорванный на куски. В долине конная тяга артиллерии взлетала по четыре или по шесть лошадей вместе с пушками. Но надо было идти вперед, до рассвета достигнуть новой линии высот в восьми километрах к востоку.

В четыре часа утра мы смогли это сделать. Нас поразила и очаровала одна неожиданность, один сюрприз. Накануне жара подскочила до сорока градусов: за одну ночь на плодородных склонах долины расцвели сотни вишневых садов.

И через это чудесное море белых и свежих цветов мы многими тысячами бросились на встречу врагу.

Пятьдесят градусов

Сражение под Жаблинской было одним из эпизодов битвы за Харьков. Но во всем донецком мешке советские части были смяты и раздавлены точно также, как и на нашем участке. Повсюду линия фронта, выровненная с начала марта, была

сломана танками и «Юнкерсами». Советские укрепления с этого времени были преодолены волнами атак. Где и как, за что теперь было закрепиться Советам? Вообще, они были в полном отступлении на всем Донецком бассейне.

18 мая 1942 года во время нашей утренней атаки в долине мы смяли лишь остатки арьегарда и некоторых замешкавшихся, опоздавших. Надо было преследовать противника по пятам. Нас полным аллюром бросили в пыльную степь.

***

Встало палящее солнце, еще более жаркое, чем накануне. Мы весело шагали в облаке пыли высотой в три или четыре метра. Мы обгоняли сотни беженцев, женщин и детей, крестьянок в синих или красных косынках, босоногих ребятишек, коров с телятами, крепко связанных цугом, чтобы они не резвились по дороге. Эти люди свалили на повозки свои скудные пожитки, одну-две меры муки, тесто в деревянных кадках, ярко-красные перины, ведро для воды. Мы бросали взгляды на красивых девушек. Толпа сразу понимала, что мы не были людоедами и останавливалась. Мы возвращали их обратно в завоеванные деревни, и маленькие телята смешно взбрыкивали, привязанные к хвостам своих матерей…

Так мы преодолели походным маршем двадцать километров, покрытые пылью, облизывая губы, которые поблескивали розоватым цветом на наших, как у негров, лицах.

По дороге поднялось сильное облако выше нашего. Это была кавалерия! Как в былые давние времена! У Советов было много частей великолепных казаков. Германская кавалерия галопом обогнала нас, преследуя врага!

***

Это были трепетные весенние дни. Мы останавливались в пропитанных весенним запахом деревнях. Полковой священник раздавал причастие под миллионами цветов черешни, сверкавших под проникающими лучами солнца. Жара стояла до пятидесяти пяти градусов выше нуля. Мы познали сорок два градуса ниже нуля в феврале в том же Донбассе. Около ста градусов разницы! И на нас была точно такая же униформа!

Крестьянские подворья поблескивали под рождавшейся листвой. Все было красиво: солома, серая и желтая, ставни голубые, зеленые, красные со своими резными деревянными наличниками в виде голубей или полевых цветов. В пыли резвились черные и розовые свиньи. У женщин были счастливые глаза, счастливые от того, что не было больше страха, счастливые видеть столько молодых мужчин…

По прибытию в деревни мы оставили на себе лишь белые тонкие майки, открывая солнцу наши бледные тела. Вода в речках была ледяная, но мы бросались в нее от удовольствия почувствовать нашу жизнь более сильной, чем побежденная зима! Потом мы ложились на землю на спину, раскинув руки и ноги, впитывая жару, разогревая наши тела, напоенные новой жизненной силой! Почти голые, мы скакали на наших лошадях, пьяные от рассекаемого воздуха, от молодости, силы, со страстными, жаркими взорами над жаркой степью!

В низинах и многочисленных овражках степи еще оставались белые кучки снега. Но солнце жарило в синеве. Кружили крылья ветряных мельниц. Щебетали славки. Мы жевали лепестки вишен. И враг по-прежнему отступал.

***

Мы достигли линии лесов.

На нашем пути в большом количестве гнили трупы красных. На подходе к этим лесам в полосе сильной обороны бои были суровые. Трупы монголов и татар валялись на земле, из всех отверстий разлагавшейся плоти слезали желтоватые черви. Мы продвинулись еще и попали в брошенный советский лагерь. Этот лагерь, замаскированный под деревьями, был прекрасно оборудован, разделен на аллеи круглых и островерхих бараков, как в Лапландии. Вход в эти убежища был очень маленький. Красные спали там на кучах сухих опавших листьев. Зима здесь, возможно, переносилась по другому, чем в наших разрушенных снарядами избах без оконных рам. Конюшни были оборудованы просто и изобретательно. Это был настоящий лагерь сибиряков. Но эта первобытная орда лучше чем мы знала, как успешно сопротивляться смертельной зиме.

Война в России была войной варвара и цивилизованного.

Варвар ютился где попало и ел что попало. Цивилизованный человек был во власти своих привычек, желания комфорта, своих зависимостей и своего незнания природы. Татарину, самоеду или монголу достаточно было кучи листьев, а мы не могли обойтись без зубных щеток, которые доходили до нас по два месяца!

Сложное оборудование, багаж всякой обслуги, всякая дребедень цивилизации непременно были обречены на поражение. И человек на груде листьев после тысячи километров, без всякой потребности, выиграв битву дикого с культурным, закончит тем, что веселый и мохнатый пройдет парадным маршем под славной квадригой улицы Унтер ден Линден.

***

Мы поставили наши пестрые палатки в той части леса, где было меньше трупов.

Погода стала прохладной и дождливой. Мы дрожали в наших промокших палатках. Из-за войны лес стал похож на джунгли. Много лошадей, изгнанных превратностями войны, обратилось в первобытное существование. Они жили вдали от людей, вдали от жилья, в тенистых чащах, как придется.

Мы выслеживали их по берегам черных прудов у водопоя. Наши парни превратились в ковбоев и научились успешно бросать лассо и с триумфом приводили коней, которые били копытами, сверкая гордыми и полными ярости глазами.

Иногда они ловили кобылицу, и из наших палаток сквозь листву мы видели маленькую дрожащую мордочку. Это был красивый жеребенок, иногда восьми дней отроду, искавший свою мать и дрожавший на своих длинных ногах.

Мы многих из них взяли с собой. Их иногда не надо было привязывать, они рысили и в меру резвились вдоль колонны, нервно дергая головами, с нежными и строптивыми взглядами. На привале они тянули свои тонкие длинные шеи под

живот своих матерей, долго сосали молоко, потом хитро смотрели на нас, облизывались, как бы говоря: «Это чертовски вкусно!»

Но это ковбойское ремесло было опасным. Наш лошадиный лес был начинен советскими солдатами, прятавшимися в чащах. Они видели, что мы делали и приходили охотиться на нас у прудов. Много людей было ранено или убито, и мы должны были отказаться от нашего зарождавшегося призвания укротителей диких коней.

***

Нам нужно было укротить Советы.

Ночью мы опять были на марше, в походе по меловым дорогам, белым и мокрым. Тиски сжимались. Дивизии большевиков, зажатые под Полтавой, откатились к Востоку, отбиваясь, безуспешно пытаясь сломить железную стену Вермахта.

Немецкое командование опасалось возможной отчаянной попытки прорыва в направлении Изюма, расположенного на реке Донец. Нас выставили как плотину. Мы получили грузовики, чтобы иметь возможность быстрого передвижения по всему участку.

Но советские части были крепко заперты в мешок. Только несколько человек попытались прорваться и были уничтожены. Дивизии маршала Тимошенко, сломленные, сдались одна за другой.

Перед нами находились две русские кавалерийские части. Казаки любят своих коней, малорослых, резвых, с быстрым взглядом, полудиких, ноздри которых всегда ловят запахи сухой степи. Казаки не захотели, чтобы их кони стали добычей победителя. Тысячами они загнали их в долину, где каждый застрелил своего боевого спутника: более двенадцати тысяч лошадиных трупов лежали один на другом в страшных кучах.

Только после этого казаки сдались.

Зловоние от этой двенадцатитысячной падали стало скоро таким, что нельзя было приблизиться к этой живодерне больше чем на три километра окрест.

Сражение закончилось. Крестьянки вернулись на поля, красивые, совсем теплые, черноземные поля. Они сажали кукурузу, всаживая в землю зерно за зерном. Иногда они останавливались и пели хором страстные и грустные песни.

Наши новобранцы прибыли из Бельгии, сотни совсем молодых ребят, которые любопытными и веселыми глазами смотрели на эти залитые солнцем деревни, эти избы, раскрашенные в яркие цвета, этих крепких и простых женщин с детскими голосами.

Вся грязь России была закрашена весной. Мы завершили прочесывание последних березняков, где скрывались беглые солдаты, и затем вечером, под проливным дождем, поднялись на лесистые берега Донца.

Берега реки Донец

В русских грозах есть что-то апокалипсическое.

Майские и июньские дни пылают жаром. Вся земля наслаждается теплом. Но дня через три все небо трескается, раскрывается, и на четыре часа превращает поля и дороги в пруды и черные болота.

В такое время нельзя предпринимать наступление. В июле, августе и сентябре грозы менее часты, между ними перерывы в три недели. Тогда можно атаковать, мгновенно останавливаясь в случае грозы.

Сражение за Харьков в мае 1942 года было дано кстати: враг был отброшен к долине Донца, от Харькова до Изюма. Надо было дождаться сухих месяцев на этой линии фронта.

Мы подошли к самой реке в конце мая. Половину ночи мы провели, выбираясь из грязи дороги, что вела до холмов правого берега. Подразделение терялось, путалось в этих лесах, заполненных водой. Ни одна повозка с имуществом не могла проехать: ноги лошадей оставались в иле, как в мастике. К часу ночи мы добрались до вершины холмов. Оттуда нам следовало опять спуститься к берегам Донца.

Чтобы достигнуть своих позиций, каждая рота должна была следовать по маленькой лесной тропе, что спускалась и поднималась зигзагами на отрезке в три километра. Никто ничего не видел: мы держали путь по телефонному кабелю, настоящей нити Ариадны, бежавшей в темноте, и за которую каждый бережно держался рукой.

***

Наши позиции простирались на семь километров вниз от Изюма, его блестящие купола мы видели у подножия высоких беловатых скал.

Левое крыло нашего участка было замаскировано лесистыми холмами, довольно крутыми, прерывавшимися просеками и противопожарными полосами шириной в пятьдесят метров. Пересечь эти голые участки, обстреливаемые русскими, было почти невозможным в течение дня.

Мы бросались в серо-зеленую реку, беззаботно текущую между белых песчаных берегов. Лес и берег, ведущие к ней, были усеяны перевернутыми автомобилями, пропагандистским материалом и мешками с почтой. Письма, свернутые треугольником, нескладно написанные химическим карандашом, почти все заканчивались набожными советами и призывами к божьей защите.

Эта военная почта показывала нам – все в европейской России говорило об этом – что если крестьянство и пострадало от коммунизма, то идейно оно не было завоевано им ни в какой мере. Эти простодушные и бесхитростные земледельцы писали в точности теже письма, что и во времена попов и царей, благословляя свою семью, говоря о своей деревне, о своем доме. Ни один из авторов писем не упоминал имени Сталина.

Эти несчастные, подталкиваемые вперед политруками, не знали даже, почему они воюют и ждали лишь возможности вернуться домой. Только неуемное господство полицейском мафии и звериный террор, который практиковали ее наперсники на фронте, удержали мужиков в строю, утопив их в волнах полудиких азиатов, многими миллионами бросив на смерть, одурманив и политически отравив выживших.

Но в 1942 году русские крестьяне были еще крестьянами 1912 года.

***

Прибрежный песок был усеян трупами людей и лошадей, разлагавшимися на солнце. Зияли натянутые сероватые ребра лошадей. Влезая в животы убитых солдат, ползали вонючие грызуны. Почерневшие тела иногда колыхались, как живые. Ночью вся эта тварь устраивала мрачную круговерть.

Русские были начеку на расстоянии полета стрелы арбалета от нас, с другой стороны реки. Левый берег Донца был плоским, но заросшим пышным лесом. Головы русских появлялись и исчезали. Малейшая неосторожность с их или с нашей стороны могла стоить жизни. Залп бросал свое длинное пламя через зеленую листву: человек падал носом в землю. Ему расстегивали гимнастерку, но было слишком поздно.

Река величественно катила свои воды между ветвями, свисавшими с деревьев по обеим берегам: вода переливалась, искрилась, это было восхитительное, светлое и торжественное течение жизни.

Лес гудел от прожорливых насекомых. Мы получили маленькие москитные сетки, которые закрывали лицо. Но, не смотря ни на что, насекомые кусали с дрожащей жадностью. Каждое утро мы просыпались с десятками следов укусов.

Миллионы белых красивых цветов дикой земляники украшали подлесок. В высоких травах на опушках дремали многочисленные бабочки, очень нежной голубизны. Так весна сеяла свою любовь и поэзию в то время, как у наших ног жадные лесные мыши шныряли в гнилых трупах советских солдат.

У нас были взбалмошные соседи – румыны. Их офицеры иногда приходили к нам в касках, похожих на торты. Они почти все говорили на певучем и сюсюкающем французском языке.

Их солдаты вели адскую пальбу. Их было около двадцати тысяч на нашем левом крыле, и они беспрестанно палили. Но мы ведь были в стороне. Эта непрерывная пальба раздражала нас и дергала русских, вызывая бесполезную возню. За одну только ночь румыны расходовали столько патронов, сколько весь остальной наш сектор за две недели. Это была уже не война, это была ночная шумиха.

Европейские легионы должно быть состояли исключительно из добровольцев. Они, будь то норвежцы, шведы, датчане, голландцы, швейцарцы, фламандцы, валлонцы, французы или испанцы дрались превосходно до последнего дня. Напротив, те кто воевал по призыву, терпели довольно чувствительные поражения.

Тысячи румынских солдат были заражены коммунистической пропагандой. Это мы хорошо видели под Сталинградом. Это на них и на итальянцев (те тоже пришли воевать без энтузиазма) Сталин очень умело направил свое наступление в ноябре 1942 года. Он их разбил играючи.

Бесспорно, румынские солдаты совершили много подвигов с июня 1941 года. Они освободили Бессарабию, захватили Одессу, они геройски сражались в Крыму и в Донбассе. Но они были дикарями по своей природе, расстреливали пленных, навлекая этим ответные репрессии, от которых страдали все.

***

Эти расправы над пленными были не только дикостью, но и глупостью. Многие русские только и ждали, чтобы сдаться, не вынося коммунизма и будучи

деморализованными годом поражений. Ночью из наших малых постов-засад мы слышали, как они раздвигают ветки на другом берегу Донца. Мы слушали, затаив дыхание. Мы улавливали шум тела, погруженного в воду. Человек подплывал. Мы вполголоса говорили ему: «Сюда, сюда! Вот здесь!» Русский выходил из воды почти голый. Мы вели его погреться, давали ему сигарету. Его глаза светились счастьем славного успокоенного животного. Час спустя он точно рассказывал нам, что происходило на той стороне. Его отправляли в тыл с пайком, он был рад закончить войну и покончить с большевизмом.

Однажды ночью мы выловили одного молодого парня. Чтобы было легче добраться до нас, он разделся до трусов. В зубах у него был один из тех пропусков, которые немецкая авиация во множестве бросала на советский участок фронта. Эти маленькие пропуски гарантировали жизнь перебежчику, притягивая мужиков и провоцируя дезертирство тысяч.

У дезертира той ночью было живое лицо и горящие глаза, но мы не могли понять его и добиться его понимания. Каждый из нас пользовался четырьмя русскими словами, которые знал. Ничего не поделаешь. В конце-концов один из нас, потеряв терпение, бросил крепкое ругательство.

– Так вы французы?! – удивленно воскликнул русский с бесподобным парижским акцентом.

Он был переводчик агентства «Интурист», в течение многих лет жил на Монмартре. Наш возглас сразу поверг его в состояние эйфории, его восхищение было безграничным. Он был сыт по горло советской нищетой. Он рассказал нам много смачных историй о наших противниках. Мы дали ему рубашку и пару башмаков. Насвистывая, он пошел в свою очередь в сторону штаба с пустыми кухонными бидонами.

К сожалению, не смотря на наши просьбы, румыны продолжали расправы над всеми русскими, что доходили и попадали на их посты. Бедняг, которые барахтались в воде с поднятыми руками, расстреливали до того, как они ступали на берег или, если им удавалось избежать пули, то их расстреливали утром среди всеобщего хохота. Дунайские палачи опять сбрасывали в воду пробитые пулями тела, мрачно плывшие по течению Донца.

Русские, засев в прибрежных кустах, видели эти мрачные плавучие караваны. Через несколько дней у них совсем пропало желание пересекать реку. Они стали злыми, желчными, жаждущими мести. Нам предстояло провести неспокойные недели.

Кровь и засады

Наши боевые позиции в лесу, занимаемые нами в июне 1942 года, были относительно хорошо замаскированы. С условием соблюдения осторожности можно было передвигаться под прикрытием деревьев. И все же случайные пули свистели, впиваясь в дуб или пробивая поясницу какому-нибудь несчастному солдату, присевшему отдохнуть у дерева.

Зато чем больше наши позиции приближались к городу Изюм, тем более оголенной становилась местность. Фронт расширялся с километр, переходя через болота, растрескавшиеся на солнце. Только снопы грязного тростника и чахлый орешник населяли эти печальные места.

Наш взвод саперов расположился в центре этой затерянной лагуны, образуя линию огневых точек, из них наши пулеметы держали течение Донца под огнем. Эти парни, испачканные грязью, прожаренные жарой, стали черными, как кроты. Мириады мошкары пожирали их.

Днем было невозможно подойти к их укреплениям. Мне удалось это однажды в обед, только бросившись сломя голову под носом у русских. Я это сделал только для того, чтобы придать уверенности нашим связным. Но огонь был таким адским, что больше никто не пытался рисковать.

Надо было ограничить связь ночным временем. Тогда несколько добровольцев, нагруженных мешками с хлебом, отваживались пробираться к этим болотным позициям. Местность каждое мгновение освещалась осветительными ракетами и обстреливалась.

Люди падали на колени. Часто сухой хлеб был мокрым от крови какого-нибудь носильщика, которого приводили обратно, желтого, с растерянными глазами, держащегося за живот…

***

Южнее этой полосы болот, тростника и орешника находились ненужные пастбища, затем обработанные поля деревни.

Ночью наши патрули доходили до опушки рощи, до самого течения реки. Незадолго до восхода солнца они отступали, иначе им в течение пятнадцати часов приходилось бы притворяться мертвыми. Пройти двадцать метров от одной избы до другой неизбежно означало рисковать головой. К этой деревне спускался большой холм, совершенно голый.

Не смотря на бои, крестьяне продолжали обрабатывать землю. Между Донцом и поселком, то есть между врагом и нами, простиралась двухсотметровая полоса жирной, исключительно плодородной земли. Украинки не хотели потерять свой урожай. Мы позволили им ходить на свои поля и сенокосы. Русские, как и мы, не мешали этому простому деревенскому труду.

Между двумя линиями пулеметных точек пятьдесят женщин бродили на черноземных полях или ворошили сено. Это было развлечением для нас. Когда красивая, высокая девушка наклоняется и распрямляется, – это всегда очаровательное зрелище. Мы следили за игрой этих бедер, мы слышали эти певучие голоса, мы были внутренне рады, но пальцы держали на спусковых крючках.

Вечером темень спускалась около девяти часов. Но надо было остерегаться последних лучей, что вырисовывали силуэты на склоне. В десять часов наши бойцы пробирались к передовым постам у реки. Ходы сообщения проходили под сараями, извивались среди жирных земель.

Русские использовали различные приемы, чтобы осветить местность. Они пускали в небо ракеты. Это был красивый фейерверк. Но они не могли пускать ракеты каждые тридцать секунд на всем секторе. Тогда они применили намного более простую систему. Они стреляли зажигательными пулями в одну-две избы, пока они не вспыхивали. Тогда до самого утра деревня сверкала, как зеркало на солнце.

Эти факелы полностью освещали теплые и светлые ночи. Чтобы продвигаться, мы должны были медленно ползти вдоль изгородей в то время, как

над нашими головами пули расщепляли доски или бросали нам в лица комья земли.

Наши солдаты располагались рядом с плотиной по два-три человека в ста метрах от иллюминации. Они все зависели от нашей помощи им, и иногда им приходилось туго. Я пробирался к ним от окопа к окопу, чтобы поддержать их дух. Затем я прополз до воды, прислушиваясь к малейшему шуму с той стороны, с другого берега. Я часто слышал русских, переговаривавшихся вполголоса, в двадцати метрах, не подозревая, что, лежа на песке, за ними следил человек…

***

Однажды вечером на командный пункт пришел полковой священник, чтобы отслужить молебен.

Это было здорово. Телефонисты, повара и связисты были счастливы. Но не они нуждались больше всех в духовном заряде. Я предложил славному кюре проследовать за мной на передовую.

Он провел ночь, ползая по траншеям. Пули, которые щелкали вокруг нас, произвели на него ужасное впечатление. Он прятался в окопе, и мне приходилось возвращаться за ним.

– Господин священник, вы верите в рай или нет?

– Да…

– Тогда почему вас так пугают пути туда?

Добрый малый говорил, что не особенно увлекается небесными путешествиями и опять принимался ползти за мной по пятам.

Разрывы плясали вокруг нас. Надо было буквально сливаться с землей. Пули взрывали землю. Наконец, мы дошли до маленьких укрытий наблюдателей. Я взял пулемет у друзей, которые исповедовались и причащались за моей спиной. Я старался ничего не слышать, когда открывались тяжкие грехи. Затем мы опять отправлялись в путь к другому гнезду, к другому окопу, к какой-нибудь грязной голове, преображенной и закамуфлированной белой крапивой в нескольких десятках метрах от большевиков.

Несчастный священник был на исходе сил от усталости и волнения. Раз десять нас чуть было не убили. В два часа ночи я опять отвел его на вершину холма. И как раз вовремя. Уже светало. Капеллан был весь в мыле, изливая небу свои чувства и благодарности: «Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи!» – неустанно повторял он.

Наверное, святые, дежурившие в ту ночь, улыбались там, наверху, на наблюдательных постах рая.

***

Два раза патрули добровольцев покидали наши окопы ночью, форсировали Донец и, нагруженные взрывчаткой, шли на многие километры за русской обороной, минировали железную дорогу, по которой им подвозили боеприпасы.

Мы догадывались, что русские тоже совершали в нашем расположении подобные рейды. Напрасно наши посты старались их выследить. Они были

слишком удалены друг от друга, и между ними можно было легко проскользнуть. Однажды ночью я убедился в этом.

Я был назначен офицером-адъютантом и должен был следить за связью. Был час ночи. С одним из моих людей я пытался добраться до южной точки нашего сектора.

Надо было пересечь около двух километров раскорчеванного участка и голых холмов, разделенных маленькой балкой и рощицей. Русские без перерыва стреляли осветительными ракетами. Когда одна из них догорела, я сказал своему спутнику:

– Жди здесь. Я побегу к деревьям. Если это получится, ты последуешь за мной походным аллюром.

Я бросился вперед, и как вихрь влетел на опушку леса.

Там я не мог сдержать крика. Метров тридцать я катился до подножия другого холма. Я физически ощущал присутствие людей там, где начиналась темная листва. Я уверенно отреагировал, когда был в десяти-двадцати сантиметрах от многих тел. Я чувствовал их каждой частицей своего тела. Как пружина я выскочил вперед в сумасшедшем прыжке.

После длинного обхода я вернулся к своему товарищу. Я рассказал об этом случае в штабе, но мне не поверили. Тем не менее, я был уверен, всеми наэлектризованными клетками я чувствовал этих людей в засаде, более уверенно, чем если бы я их видел или дотронулся до них. Через два дня я трагическим образом убедился в своей правоте.

***

В ту ночь дозор из четырех солдат первой роты провел такой же рейд, но в другом направлении. Наши парни неизбежно должны были пройти через край той рощицы.

В тот момент, когда они дошли до него, с десяток русских набросились на них с одеялами, накидками или плащ-палатками. Одному из наших солдат, которого русские схватили за волосы, удалось вырваться из западни, но он с такой силой рванулся из схвативших его рук, что был ужасно скальпирован. Как бешеный он примчался к нам и рухнул без сил возле одного из наших постов с окровавленным черепом и лицом. Напрасно другие, попавшие в западню, старались сопротивляться. Русские уволокли их к Донцу.

Мы слышали их крики. В воде они старались освободиться и громко вопили. Но большевиков было в три-четыре раза больше, и они добрались до другого берега.

В плену на той стороне реки наши несчастные по-прежнему кричали. Должно быть, их сильно били, но они не прекращали звать на помощь. Потом голоса удалились, стихли…

Маленькая трагедия, среди тысяч других в одну фронтовую ночь… Уже тихий Донец опять спокойно катил свои на мгновение потревоженные, поблескивающие лунным светом воды…

И белая ракета, богиня смерти, взвилась в черное гладкое небо…

В сторону Азии

В мае 1942 года развернулось сражение на линии Донец-Харьков, и уничтожение сил Тимошенко завершилось.

В июне 1942 года был нанесен второй мощный удар, который должен был рассечь русский фронт надвое: немецкие армии двинулись на Воронеж и, овладев городом, форсировали Дон и оборудовали плацдарм на левом берегу реки. Ближе к нам также был форсирован Донец и войска достигли Купянска. Наш фронт определился с другой стороны реки. Пробиваясь через густые огненные пески, мы за два дня окружили Изюм. Таким образом, была подготовлена база для общего наступления.

Дивизии, которые должны были быть брошены в степи, были отведены в тыл на несколько дней отдыха (единственная неделя передышки, которую мы когда-либо имели на Восточном фронте). В два перехода мы добрались до нашей деревни, места нашего отпуска, наших каникул, в тридцати километрах к северо-западу от Славянска.

***

Это была полная разрядка.

У нас была только одна официальная церемония вручения Железных Крестов героям битвы за Донбасс. Сам генерал Рупп прибыл, чтобы наколоть драгоценные награды. Он командовал знаменитой дивизией егерей, составленной из тирольцев, 97-й дивизией, где мы должны были провести незабываемые месяцы.

Нам был выдан замечательный и обильный паек. Дивизионный оркестр сыграл нам свои серенады. Каждый день великолепные автобусы увозили наших бойцов в кино.

Деревня была богатой. Мирные крестьяне, золотое небо. Степь лучилась радостными красками. Чуть свет женщины раскладывали сжатый хлеб. В воздухе звенела трудовая песнь миллионов пчел. Над полями овса пели млеющие жаворонки.

Мы содрогались при мысли о грядущем наступлении. Мы нюхали, втягивали носом запах степи, словно казачьи кони. Мне достался огромный коричневый с белым конь, почти неприступный. Уверенный в будущем, я назвал его Кавказ. Он будет храбро биться рядом со мной и погибнет, сраженный двадцатью пулями в бою под Джержаковым.

***

Военные новости вконец наэлектризовали нас.

Маршал Роммель поймал в ловушку двадцать тысяч англичан в африканском порту Тобрук. Его танки пропахали берега Ливии, достигли Египта и подошли к Эль-Аламейну. Прильнув к радиоприемникам, мы ждали специального коммюнике, которое сообщило бы о взятии Александрии.

Рядом с нами германское наступление душило Севастополь. Тяжелая артиллерия и авиация Рейха одну за другой уничтожали мощные фортификации последнего советского порта в Крыму.

Наконец, город пал. В тот же вечер небо осветилось сотнями вспышек в то время, как вся округа содрогалась от рева моторов: славный воздушный флот, возвращаясь из Севастополя, садился в нашем расположении. Там были «Юнкерсы» Геринга. Атака наземных сил больше не задержится.

***

Секретные приказы командования проинформировали нас, что наступление начнется 9 июля.

Но нам не пришлось дожидаться этого дня, так как одна неожиданность должна была ускорить наши действия. В ночь с 6 на 7 июля немецкие дозоры сектора, который был под Славянском, ползая вблизи советских позиций, были удивлены воцарившимся там затишьем.

Они не рискнули двинуться вперед. Повсюду была странная тишина. Один из наших пробрался в блиндаж: он был пуст.

Вся линия укреплений была пуста. Русские без малейшего барабанного боя улизнули, исчезли. Надо было любой ценой преследовать врага, помешать ему скрыться, принудить его к бою, измотать его живую силу и технику. В противном случае, была опасность попасть в ловушку.

Сразу же приказ о наступлении был дан всем подразделениям. Вечером 7 июля 1942 года Легион «Валлония» со всей армией юго-восточного фронта выступил на противника. Остановились мы только на пороге Азии, рядом с Эльбрусом.

V. ПЕШИМ ХОДОМ ПО КАВКАЗУ

Летние месяцы наступления 1942 года в России были самыми яркими в антисоветской войне.

Юг! Его яркие фрукты, его почти тропическая растительность, его африканское солнце, его сверкающие большие реки!

Каждый верил, что в конце этой невероятной гонки находилась победа! Советы даже не приняли вызова, они бежали. Ускоренным маршем сотни тысяч людей бросились их преследовать.

Утром 8 июля наш Легион обошел Славянск и дошел в восточной части города до парка, где гигантские платаны затеняли большие развалившиеся дома, когда-то пышные, величественные, бывшие императорские дворцы, в салонах которых лежали в кубометрах сухого навоза убитые большевиками кони.

На юго-востоке от Славянска мы дошли до Донца, и немецкие саперы работали, налаживая понтоны и канаты.

На следующее утро мы взобрались на гребни правого берега реки, откуда русские могли бы пересечь нашу переправу. Их укрепления были выбиты в меловых горах, их белизна слепила глаза. Позиции были хорошо оборудованы и доминировали над всеми подступами, окруженные сетью колючей проволоки.

Русские даже не убрали их, они даже не взорвали ни одно укрытие. Они исчезли в полной тайне. К вечеру мы спустились на берег Донца. Но следовало соблюдать очередность, поэтому мы ждали два дня и две ночи. Сначала прошли брошенные вперед обозы с боеприпасами и снаряжением для бронетанковых частей.

Паром сделали из полдюжины резиновых лодок, на них положили доски. Канаты протянули с одного берега на другой и лодки тянули руками. Это было забавно видеть. Испугавшись, лошади или мулы регулярно падали между двух лодок. Бедные животные бросали на нас очумелые взгляды, и надо было рубить канаты. Лошади, брошенные на милость течения, плыли к берегу, доплывали первыми и фыркали с победным взглядом!

С другой стороны Донца высадка была сильно затруднена из-за песчаной скалы. Машины на вершину тащили тракторы.

Мы расстелили наши плащ-палатки на травку, философски ждали своей очереди и ловили серебристых рыбин, которые неосторожно бросались на мух.

Однако, по истечении двух дней мы начали волноваться, потому что нашей дивизии удалось выйти на главную дорогу на многие километры выше по течению Донца. Теперь она двигалась почти бегом. Я отправился готовить место для лагеря на другой берег за семь километров от парома. Я был в ужасе. След дороги совершенно исчез. Сотни танков, грузовиков и повозок перелопатили огненный песок до полуметра, а то и до метра глубиной. Танк, на который я взобрался, затратил много часов, чтобы пересечь это короткое расстояние, останавливаясь, освобождаясь от песка и снова двигаясь вперед. Песок был чрезвычайно мелким. Даже пешим ходом ноги уходили в него до колен. Мы тащили тяжело нагруженные повозки и, особенно, многие маленькие железные

тележки с очень низкими колесами, посаженными на ящики с пулеметами и боеприпасами.

Я наметил место расквартирования и подождал начала деревни у дорожной развилки. Я оставался там пятьдесят один час, мертвый от недосыпания. В конце концов, я подумал, что батальон заблудился или пошел в другом направлении. Через пятьдесят один час показались первые тележки. Потребовалось более двух дней и двух ночей, чтобы протащить колеса по песку, перенося на руках все боеприпасы ящик за ящиком, километр за километром.

Наконец, мы достигли главной дороги. Мы преодолели двадцать километров в фантасмагорическом облаке пыли, пробираясь между тысяч грузовиков, бензовозов, понтонов, всякого рода повозок. Когда, скользкие от пота и изможденные, мы сделали в полдень остановку, как оказалось, это для того, чтобы узнать, что опаздываем на три дня!

В шесть часов вечера мы опять тронулись в путь.

***

В течение двух недель мы словно бы охотились за дивизией.

Мы шли ночью, по бугристой степи белого цвета, под луной. Мы проходили через речушки со взорванными мостами, по сторонам которых стояли развороченные избы. Нам надо было выжать на марше километры меловых долин, намокших от гроз, где лошади и люди танцевали изнурительные вальсы.

Затем мы опять попали в пески. Главная дорога часто была блокирована. Нам надо было идти напрямик по едва обозначенным следам, предназначенным только для высоко посаженных повозок, очень легких, которыми пользовались русские крестьяне.

Мы не входили в душные, наполненные мухами избы. Мы спали вдоль заборов или на маленьких террасах с глинобитным полом, свернувшись калачиком под одеялом.

Вскоре нам пришлось идти все ночи подряд, останавливаясь только в середине дня, так как солнце жарило до плюс сорока пяти. Мы располагались где-нибудь под деревом у входа в усадьбы, надев накомарники, засунув руки в карманы, в окружении пищащих цыплят.

***

Мы проходили через длинные рабочие поселения, мрачные своими бараками-казармами, с их партийными домами, усыпанными бумагами и расколотыми бюстами хозяев режима.

По своей излюбленной тактике большевики разрушили или демонтировали все промышленные установки. И, что нас особенно удивляло, разорители разрушили все заранее. Рельсы железнодорожных путей были все взорваны через каждые восемь-девять метров. По всей видимости, советы предприняли этот колоссальный разгром задолго до наступления немцев на Воронеж.

Самыми впечатляющими разрушениями были поджоги запасов угля. Огромные склады кускового угля и сами терриконы высотой в тридцать-сорок метров целыми днями горели темно-красным огнем с глубокими сине-черными отливами. Эти холмы под солнцем пылали невыносимым зноем.

Их невозможно было обойти, так как все обходные пути были заминированы врагом: многочисленные разорванные конные повозки, ужасные трупы лошадей, серые и зеленые, кишащие червями, указывали на то, что малейшая неосторожность могла стоить жизни. Наши кони, будучи по грудь в песке, спотыкались, дергались в стороны, взбрыкивали. Некоторые, бесполезно поколачиваемые возницами, подыхали прямо стоя с дымящейся щетиной и обезумевшим взглядом.

Напрасно мы потели кровью и водой, едва спали или совсем не спали, пересекали степь под луной, вихрем проходили через огненные промышленные районы, меловые реки и броды! Мы покрыли сотни километров, покинули Украину и вошли в большую излучину Дона как раз напротив Сталинграда. Наша дивизия егерей скакала быстрее нас! Теперь мы опаздывали на пять переходов.

Мы получили одновременно два сообщения: во-первых, дивизия отклонялась на юго-запад, чтобы участвовать в завершающем наступлении на Ростов; во-вторых, если мы в ближайшее время не догоним ее, то главный штаб попросят освободиться от нас как от мертвого балласта!

Мы дорожили этой дивизией, потому что она была знаменита, и нам хотелось славы. Мы на сумасшедшей рыси снова достигли Донца, но уже величественного Донца, почти у впадения в Дон близ Каменки. Нам оставалось еще семьдесят километров, чтобы догнать 97-ю дивизию. Мы преодолели их в один этап.

Но в этот же день Ростов пал. Егеря получили приказ немедленно выдвигаться вверх по течению Дона. У нас едва хватило времени перевести дух. И опять мы в пути, в лапах огненной степи.

Форсирование Дона

Триумфальный марш армий Рейха к Сталинграду и Кавказу проходил ценой нечеловеческих усилий, но с пылким, как небо, оптимизмом.

Эти земли между Донцом и Доном представляли взору такие прелести, что с самой зари наши души пели перед зеленым и оранжевым восходом. Мы преодолевали тридцать-тридцать пять километров пешком в течение ночи. Эти переходы были изматывающими, так как мы продвигались в сыпучих песках или по извилистым дорогам в две-три колонны, которые всегда могли перепутаться. Наше продвижение хронометрировало как чемпионат по велосипедному спорту. Но темнота не могла помешать тысячам людей встречаться на узких, поспешно наведенных мостах. Мы проваливались в дыры, повозки переворачивались. Иногда грузовик или танк задевал лошадь, и она взбрыкивала, испуская пронзительное ржание.

Но заря отплачивала нам за все сполна. К половине второго ночи бледно-зеленые сполохи, хрупкие, как шелк, рождались на востоке. Они поднимались в небо, охватывая его, расцветали, становясь сказочно огромными, чудесной легкости скатертями, покрывалами зеленого и розового цветов.

Мы присутствовали при фантастическом пробуждении полей подсолнухов. Эти гигантские ромашки высотой в два метра имели лепестки с палец длиной и коричневую сердцевину, набитую многими тысячами семян. Одно поле простиралось на целые километры; миллионы голов подсолнухов поднимались и поворачивались к восходящему солнцу, следуя его ходу, как бы впитывая его

силу. Мы чувствовали, как наши тела охватывала какая-то стихийная энергия, связывавшая землю, небо и гигантскую растительность. Небо было сплошным золотым полем. Земля была тоже сплошным золотым полем. Во всем чувствовалась жизнь, сила, блеск, величие. С расстегнутыми воротами, вбирая эти запахи земли, мы обращали к солнцу песни нашей молодости, наполненные мечтами!

Иногда огромные площади чертополоха сменяли поля подсолнухов: безбрежные поля чертополоха, не такого маленького и смешного, что пачкает и колется у нас, но чертополоха с огромными пальмовыми веерами, высотой со степных лошадей, с коронами из розовых или розово-синих цветов, что миллионами простирались до неба.

Через подсолнухи, чертополох и кукурузу, прямую и сильную, словно копья, мы прибыли к девяти утра к одной деревне, что давно уже маячила перед взорами и где наши разбитые солнцем пехотинцы повеселели.

Донские станицы были богатыми. Избы, более ладные, чем в Донбассе, состояли из трех-четырех комнат с бедной мебелью, но эта убогость порой скрашивалась прекрасно сделанными буфетами для посуды, старинными ларями и сундуками.

На каждом подворье были куры, скот, большой запас хлеба, украденного в колхозе, чье деспотическое здание правления, в окружении сеноворошилок, запашек, веялок и сеялок возвышалось в каждом селении. Крестьяне отомстили режиму, опустошив хлева и амбары. Поросята из государственных свинарников, выпущенные на свободу, бегали, резвясь, туда-сюда, радуясь этим непредвиденным каникулам; повсюду гоготали гуси, пищали индюшата.

Местные жители принимали нас с явной радостью. Часто мы первыми входили на хутора. Эти славные люди сразу же бежали к своим припасам, доставали из укромных углов иконы, снова вешали их на свои стены с чувством и слезами.

Самым большим удовольствием для них было получить портрет Гитлера. Часто они вешали его рядом с иконами или же ставили его между фотографиями своих сыновей, одетых в советскую военную форму с красной звездой на пилотке.

Эти фотобратания казались им совершенно естественными. Они очень любили своих сыновей и любили Гитлера, который освободил их деревню, поэтому они ставили их вместе.

***

Были отданы строгие приказы, чтобы войска были приветливы с населением. В 1941 году немцы считали, что каждый русский – большевик. Опыт, однако, показал им, что мужики, если они были ограблены и придавлены Советами, не были заражены их пропагандой.

Это были самые мирные земные люди, приветливые, сговорчивые, желавшие только лишь трудиться, жить с семьей и помогать. В конце-концов на высшем уровне четко обозначили различия между крестьянскими массами Европейской России, такими простыми и наивными, и большевистской и чекистской мафией Москвы. Малейшее злоупотребление тотчас подавлялось: старики и старухи были друзьями солдат.

Не нужно было спрашивать у крестьян чего-либо, они сами вели нас к куриным гнездам, в изобилии делились с нами кукурузными лепешками, картошкой и жирными гусями. У них был сочный мед с сильным и диким ароматом огромных цветов соседней степи. Словно иволги-лакомки, мы часами кормились в вишневых садах, где изобиловала сочная черешня, кислая вишня и черемша.

Мы спали всего по несколько часов. Солнце восполняло в нас потраченные силы. Старуха приносила нам в большом горшке свежее, как родниковая вода, молоко. Она подводила нас к порогу своих богатств: квадратному отверстию в десяти метрах от избы. Она поднимала люк, мы через отверстие спускались по лесенке в подвал, где царил чудесный холод, сохранявший все портящееся также хорошо, как и холодильник.

Кухонная печь располагалась рядом с дверью, чтобы изба с маленькими закрытыми окнами и с низкой крышей сохраняла немного свежего воздуха. На свежем воздухе, в тени тополей или акаций мы вкушали наш сытый быт, ободряемые крестьянкой, по несколько раз возвращавшейся к нам с нагруженными руками и помогавшей потрошить и поджаривать птицу.

Наши солдаты после изнурительных ночных маршей быстро восстанавливали свои силы. Они были ни при чем, люди страны Гермесов. Им удавалось поглощать и переваривать неслыханное количество пищи. Я знал таких, которые по прибытии регулярно съедали на завтрак килограмм нежного сала. Я видел двоих, которые за три дня проглотили выводок из двадцати одной курицы от зоба до гузки. Многим удавалось в промежутках проглотить целого гуся в девять часов утра! Один из наших молодых офицеров однажды на моих глазах наполнил зоб тремя десятками яиц.

Они смачивали этих заморенных червячков кружкой молока, потом засыпали, сытые, с открытым воротом, как на картинах старой Фландрии.

К сумеркам, прежде чем уйти, эти наши вертелы съедали много картофеля, редиса и зелени. Крестьяне сопровождали нас до околицы станицы, равно впечатленные как нашим аппетитом, так и нашей приветливостью.

Во время всего наступления у нас не было ни одного неприятного инцидента. Нас принимали по-семейному. Не зная, как попрощаться с нами, эти славные люди часто благословляли нас. Охраняемые благословениями этих чистых сердец, мы счастливые отправлялись в путь среди огромных полей подсолнухов.

***

Находясь постоянно на марше, нам случалось нагнать какое-нибудь отступавшее подразделение. Стычки были короткими.

Продвижение должно было осуществляться в таком ритме, что после каждой такой стычки было физически невозможно похоронить останки убитых врагов.

Таким образом, наш путь был отмечен лежащими ужасными трупами. При пятидесятиградусной жаре тела убитых перед нами налетами «Юнкерсов» разлагались и за три дня превращались в жижу, затем их мумифицировало солнце. Побитые лошади издавали ужасный запах, надо было затыкать ноздри за сто метров. Животы их представляли собой чудовищные шары, реки зеленоватых червей сновали взад-вперед. Убитые большевики были чернее негров.

Тысячи, десятки тысяч советских солдат сдавались. Они больше не могли. По правде говоря, мы вели наступление больше ногами, чем винтовками. Многие из наших легкораненых оставались в дороге. Это почти не имело значения. Они догонят нас позже. Советских солдат мы подбирали. Они тысячами сидели, обсасывая свои голые и кровоточащие пальцы ног.

В большинстве своем это были азиаты. У них были большие добродушные головы каннибалов, радостные от того, что их не съели в свою очередь. Они постоянно повторяли какие-то слова, останавливая свой монолог только затем, чтобы запихнуть в рот свои распухшие пальцы.

У нас не было времени, чтобы охранять или конвоировать этот караван-сарай. Мы выбирали двух наиболее шустрых парней из колонны и давали им винтовку. Их назначали охранниками своих товарищей. Они сразу же надували грудь. Мы указывали им название города в ста или двухстах километрах на западе. Воодушевленно балагуря, наши охранники отправлялись в путь. Проблемы больше не было. Они сами отправлялись в Германию!

Мы приближались к месту форсирования Дона. Мы должны были перейти реку двумя днями ранее, но пути подхода на расстоянии двух километров были настолько завалены грудами техники и советских трупов, перемолотых авиацией, что переход через эти препятствия экипажами дивизии был нереален. Много дней мы шли на восток, и однажды ночью подошли к легендарной реке.

К двум часам ночи мы дошли до холма на правом берегу, на котором возвышались два величественных кургана. Как раз в тот момент над серо-зеленой водной гладью вставала заря.

Привстав на стременах, я во все глаза впитывал эту грандиозную картину. Дорога была усеяна сотнями советских грузовиков американского производства, разорванных конских повозок, бесчисленным военным имуществом. Но я видел только Дон – необъятный, укутанный прибрежной листвой, гладкой, освещенной золотыми, оранжевыми, розовыми и серебряными сполохами неба…

Дон, как и все большие реки юга России, имел крутой правый берег, тогда как левый был плоским, почти на уровне воды. Когда красные отступили на эту равнину, им было невозможно сопротивляться снизу, на другом берегу. Таким образом, левый берег Дона был в нашей власти.

Напрасно русская авиация бросала бомбы на красно-зеленую балку, по которой мы спускались.

Между развалинами изб поблескивали коричневые лозы первых виноградников. Наш генерал разделся и, прежде чем кто-либо, пересек Дон с автоматом на спине. Мост из переправочных лодок был наведен быстро и мы прошли по нему.

Теперь мы приближались к стране калмыков. Одинокий верблюд кричал рядом с дорогой, смешной, с любопытным и мокрым носом, с потертой, как кожа старого кресла, шкурой. Мы взяли его с собой. Он уже пахнул Азией, к которой мы приближались.

Кубань

В первую неделю августа 1942 года армии Рейха катились от Дона к Кавказу.

Светило ослепительное солнце. Деревни на многие километры были отмечены гигантскими серыми факелами; можно было подумать, что вся местность была в огне. Но это были всего лишь столпы пыли, поднятые волнами танков.

У нас были совершенно серо-черные лица, на них необычно светились белки глаз и воспаленные розовые губы. Бесполезно было противиться этому окрасу, поскольку пыль поднималась на многие метры над нашими головами. Из облаков, как в комических фильмах, возникали мотоциклисты с совершенно перекрашенными лицами, и приносили новые карты. Новые карты были нужны каждый день, настолько быстрым было наше продвижение. По мере нашего наступления их печатали в специальных машинах, находившихся среди колонн.

Приказы были выверены до мельчайших деталей. Каждому подразделению была поставлена своя задача, какие деревни пройти, места отдыха. Тысячи населенных пунктов были захвачены, и нигде не было ни одного очага сопротивления в наших тылах. Мы всего лишь пересекали поселение, но прочесывание совершалось методично, и ничто не было забыто или упущено.

Наши потери были незначительны. Тысячи красных солдат, которых мы обгоняли, были измотаны, пробежав тысячу километров и проглотив столько килограммов пыли. За стакан воды они охотно сдали бы Сталина, Калинина, Молотова и десяток других господ такого же высокого ранга.

В самом деле, самой серьезной проблемой была проблема воды. Мы проходили десять, двадцать километров, не находя ни литра питьевой воды. Зеленые пруды загнивали на солнце. Наши люди ложились на живот, чтобы лакать эту вонючую грязь. Нам приходилось грубо оттаскивать пьющих. Лошади шли, низко свесив дрожащие языки.

Только в одной нашей колонне было более двадцати тысяч человек. Каждые два-три лье дорога пересекала деревню, где был колодец для нужд местных жителей и скота из нескольких десятков дворов. Головная часть колонны опустошала колодец. Вскоре уже люди спорили из-за «питьевой» грязи. Позади же них тысячи пехотинцев и сотни лошадей находили выгребенные и абсолютно сухие колодцы.

То тут, то там ветряные мельницы в изобилии всасывали воду. Но каждый должен был ждать своей очереди часов пять, а то и восемь-десять, с распухшим языком в глотке. Животные употребляли неимоверное количество жидкости. Мой конь один вылакал, не прерываясь, пять больших ведер воды, то есть сорок литров! Люди наполнялись водой как бурдюки, обливали шею, руки и спину, сожженные солнцем.

Это не помогало. Лучше всего было пить чуть-чуть и довольствоваться случаем потрясти там и сям какой-нибудь вишневый сад. Поиск воды занимал у нас больше времени, чем километры пути.

***

Однажды ночью мы прибыли к Манычу, рядом с границей Калмыкии. Эта река проходит через красивые озера, на полпути от Азовского до Каспийского морей.

Наша дорога проходила по гребню большой плотины, сдерживавшей воды одного из этих озер. Красные заминировали плотину динамитом и взорвали ее.

Водная масса выливалась через брешь шириной около двадцати метров, через нее немецкие саперы бросили деревянный мост, предназначенный для пехоты и лошадей. Тяжелые экипажи перевозили на другой берег небольшим пароходом.

Нам потребовалось ждать много часов перед этой плотиной, ожидая своей очереди. Озеро было усеяно колонией потрясающих ромашек, усеявших кувшинки. Советские самолеты старались разрушить наш импровизированный мост, но их бомбы только зажигали соседние избы, которые в ночи вздымали вверх красные и оранжевые снопы огня, добавлявшие патетики в эту поэзию цветущего озера и звездной ночи.

В два часа ночи мы любовались восходом. Зеленое небо отражалось в округе, безбрежно затопленной вырывающейся водопадом водой. Эта вода была цвета вымытой зари, бледно-зеленой свежести, пересекаемая легкими, золотыми, почти полупрозрачными проблесками.

Кто бы мог перед этой феерией вспоминать об усталости ночного марша, о давящей дневной жаре? Колонны двигались с песней безупречным строем. Офицеры, подавая пример, шли пешком впереди. Сзади них ординарцы вели коней. Лошади служили только для обеспечения связи, что часто было суровым испытанием. Чтобы добраться до командного пункта дивизии, я однажды одним махом преодолел сто километров на загнанном коне среди огненной степи.

Но обычные переходы совершались пешим строем, когда офицеры и солдаты по-братски соединялись в усталости, как и в бою.

Комаров становилось все больше и больше. Вечером они кружились звенящими облачками вокруг малейшего огонька.

Другие бестии бросались на определенную категорию наших солдат: страшные лобковые вши, которые впивались в низ живота. Они «инкрустировались» в эти нежные места, как дротики, воткнутые в землю. Был виден только зад этих ненасытных кровососов, толстый, с булавочную головку и совершенно черный.

Несчастные, терпевшие эту напасть, подвергались настоящим мучениям.

Им приходилось, кроме всего прочего, терпеть шутки всей колонны, всякий раз, когда они на пределе терпения останавливались на обочине, чтобы попытаться у всех на виду вытащить этих наглых грызунов!

7 августа 1942 года мы подошли к Кубани. Оставалось преодолеть двадцать километров. Мы шли быстро, как ветер, и в час дня правый берег развернул перед нашими глазами свои отвесные скалы посреди совершенно плоской местности. Зеленая вода реки виднелась во всей прелести вдоль кудрявого леса.

Советская артиллерия попыталась было оказать сопротивление, но ненадолго.

Мы находились в середине Кавказа! Последняя большая равнина перед горными ледниками блестела в зное королевского лета!

В три часа ночи мы опять тронулись вперед, вверх по течению Кубани, чтобы достичь Армавира. Мы продвигались по карнизам, падающим отвесно вниз с высоты двести метров в зеленую реку. Тысячами мы вытягивались вдоль края этих скал, подталкиваемые сотнями и сотнями крупных коричневых коров, которых гнали словаки-погонщики с суровыми загорелыми лицами.

***

Так мы топтались часов тридцать, прежде чем ступить на мост, наведенный саперами через бурную реку. Река бурлила, бросая брызги перед любым препятствием.

Маленькое селение находилось на той стороне реки. Мы нашли там только укрывшуюся в погребе с продовольствием семнадцатилетнюю девушку. Она решила охранять родительский дом. Рядом с ней должно быть упала граната и отрезала ей осколками одну грудь. Она лежала с горящими глазами, в страшной лихорадке. Её оторванная грудь уже почернела. Мы сделали невозможное, чтобы оказать ей помощь. Слезы текли по ее щекам, красным от жара. Бедная малышка, она так хотела жить… Но, глядя на ее разорванную грудь, мы знали, что она скоро умрет…

Умереть, когда над благоухающей степью струится божественно чистое небо, без единой морщинки, голубое до бесконечности, в серебряных и золотых пересветах…

Майкоп

Долина Кубани – это рай России. Сельскохозяйственные угодья в десять тысяч гектаров выбрасывают под солнечным зноем кукурузные безбрежности. Миллионы растений высотой в два метра тянут ввысь ровные ряды своих стволов, завернутых в блестящие мембраны, скрипучие, как будто они под электрическими разрядами.

В тени этих лесов золоченых палок зрели зеленые арбузы, здоровенные, в обхват руки. Мы резали их своими ножами и с наслаждением пили свежий сок. Плоть этих арбузов была испещрена зелеными, красными, оранжевыми полосами, похожими по цвету на степные зори. Мы шли, уткнув головы в огромные ломти этих чудесных фруктов.

Солнце жарило неимоверно прозрачное небо. Оно наполняло нас своей мощью и своей поэзией. Мы были причастны сказочному обмену сил, природной жары и свежести, цветов и красок, поднимавшихся от земли и спускавшихся с неба. Все было новое, суровое и грандиозное: кукурузные стволы, как копья, как фонтаны, горящее и металлическое облако; золотая земля, огненное небо, радуга разрезанных открытых арбузов!

***

Потоки воды также рождали невыразимое очарование. Мы дошли до реки Лаба, бурно сбегавшую со склонов Эльбруса. Мы еще не достигли линии гор, но они уже посылали нам как первый подарок свои большие зеленые и ледяные знаки, блестевшие на миллионах красных и рыжих голышей.

Чего стоили бесконечные ожидания перед тем, как перейти потоки по импровизированным мостам. Мы бросались в бурлящие волны непреодолимой силы. Нас несло между отполированных валунов, поток обдавал нас миллионами изумрудных брызг. Нашим телам нравились укусы кристальных вод. Они увлекали, оживляли нас, очищали наши члены, бодрили кровь! После, как дикие кони, мы бежали под солнцем.

Ах! Жизнь, какая прелесть! Мы бросались на ее свет, в ее тепло, в ее сверкание, в ее незапятнанные краски, как будто погружались в первые дни мироздания, когда низкие и продажные души еще не омрачили никакую стихию и никакой порыв и устремление!

***

Отступление советских войск было таким поспешным, что у нас почти не было пленных. Степь была пустой, оставленной торжествующему лету и нашему маршу победителей.

Однажды в полдень мы подошли к железнодорожному пути на Майкоп. На протяжении двадцати километров стояли брошенные русскими сотни эшелонов, вагон к вагону на двух путях. «Юнкерсы» безвозвратно перерезали сообщение, сделав невозможным продвижение поездов ни назад, ни вперед, и составы сгрудились в этом мешке.

В тысячах этих вагонов, в которых Советы безуспешно пытались вывезти свои богатства, скопилась масса самых невероятных грузов. Это были не только авиамоторы, отдельные запчасти, недоделанные танки, машины, всякого рода горючее и сырье. Бесконечно тянулись ряды цистерн, рыжие от огня или маслянистые от тысяч литров горючего, разлитого на путях.

Но в общем, эта фантастическая добыча была в целости, за исключением пробоин, брешей, сделанных «Юнкерсами» там и сям. Красные не успели даже поджечь эти вагоны.

Каждый дивизион, дойдя до железнодорожного пути, сразу приклеивал этикетки, подтверждавшие его права собственности на это имущество. Вагоны со спиртом были объектом особого внимания! Мы нашли даже бочки с икрой. Сидя на насыпи, мы намазали каждый по полкило икры на хлеб! Водке была отведена роль облегчить переваривание: мы захватили тридцать тысяч бутылок, красиво сделанных как маленькие штофы для минеральной воды.

Но не было времени задерживаться на пиру в Капуе. Приказ был как можно раньше дойти до гор. Нам снова оставляли несколько часов для сна, прямо на земле, а в три-четыре часа утра нас будили окрестные петухи, заинтригованные в высшей степени всем происходившим.

Мы достигли первых совершенно отвесных холмов, где повозки неслись вниз на лошадиные зады. Мы отправились в дорогу «по холодку», в час ночи. На заре нам почудилось, что мы грезили. На юге тонкая темно-синяя сеть украшала небо. Это был Кавказ!

До горных хребтов было еще километров пятьдесят, но их вершины четко вырисовывались в небе. Нас охватила щемящая радость! Они были там, эти пики, которые в течение многих недель жили в наших представлениях.

Мы ускорили шаг по густому песку.

Колонны немецких танков возвращались в нашем направлении: они закончили работу, загнав врага в леса. Теперь была наша очередь – пехоты – завершить дело. В девять утра мы вступили в длинные прямые улицы, похожие друг на друга: Майкоп!

Наши танки прочесали город так, что русские не успели взорвать мост, застывший в чудесном прыжке над глубокой долиной. В глубине ее шумела и бурлила зеленого цвета река Белая. Дома по-кавалерийски оседлали вершину

горы. Мы быстро прошли на другой берег, чтобы немедленно занять гору, доминировавшую над районом. Оттуда мы бы расстроили любое возможное сопротивление поверженного врага.

***

Склон был отвесным и сильно заросшим лесом. Наконец-то мы вновь видели деревья! Мы установили свои пулеметы на гребнях без боя. На южной стороне перед нашим взором развернулась грандиозная панорама потоков, маленьких водопадов и синих гор, цвета сливы. Цепь Кавказа гирляндой проходила по горизонту.

Лес вокруг нас был густой. Много советских солдат еще скрывалось там, в ожидании возможности сдаться.

Случай представился в игривом духе Рабле. Один из наших унтер-офицеров прошмыгнул под тенистую крону, чтобы оправиться в стороне от нескромных взглядов. С листом бумаги в руке он трудился, делал свое дело, любуясь растительностью. Грозным он не был, имея в качестве вооружения только лист старой газеты. Это был как раз момент, которого ждали русские. Листва дрогнула: наш товарищ увидел, как к нему подходит длинная цепь советских солдат с поднятыми руками с тем, чтобы сдаться на лучших условиях. Нашему унтеру ничего не оставалось, как спешно поправить униформу, престиж которой мог быть серьезно скомпрометирован! Через несколько минут он подошел к нам, сдерживая смех, сопровождаемый целым караваном мужиков, серьезных, как римский папа, не смотря на комичность их сдачи в плен.

Вот так мы и взяли в плен последних русских в дубовой роще под Майкопом. Это было не очень поэтично, но таким образом лес был очищен одновременно с унтером, сначала немного сконфуженным, но вскоре гордым, как Артабан своим подвигом-приключением!

***

Между тем, наши основные силы взяли Майкоп. Каждый верил, что война закончилась. Все было сметено. Мы должны были преодолеть Кавказский хребет. Поступили приказы для дивизии. Цель – Адлер, затем Сухум, недалеко от азиатской Турции. Мы заключали пари: на Рождество – Тифлис, весной – Вавилон!

Мы окажемся на берегах священных рек Тигра и Евфрата, соединившись с африканским корпусом генерала Роммеля, который двигался от Суэца.

Война закончится в колыбели мира!

15 августа командование распорядилось дать нам, чтобы отпраздновать, какого-то похожего на вино напитка из расчета четыре литра на брата. Мы в полном доверии к питью выпили много, в мертвую. Это была сливовица, ужасно забористая. Наши глотки сразу ввели нас в состояние неслыханной эйфории, наша попойка длилась до утра.

Тогда, немного покачиваясь, 97-я дивизия егерей и Легион «Валлония» тронулись в путь 16 августа 1942 года. На нас смотрели горы Кавказа, сначала темно-синие, затем бело-розовые, очень высоко в небе… Сухум, его побережье и

его пальмы! Тифлис и его дома, прилепившиеся к скалам Транскавказской дороги!Лунообразные озера Азербайджана! Великий спуск по кристаллическим пескам к Персидскому заливу! Наши глаза сверкали, когда мы думали о предстоящей эпопее!

Мы подошли к большой зеленой реке, что вырывалась из взорванного моста. Один солдат начал верхом пробираться по его настилу. Раздался выстрел с дерева на той стороне, и солдат упал в поток. Второй солдат попытался тоже, затем третий. Они тоже упали в реку. Горы были еще в двадцати километрах, но Кавказ уже бросал нам свое предупреждение.

Мы промчались к югу на тысячу пятьдесят километров. Нам казалось, что мы одержали полную победу. Но три трупа, плывущих в потоке, вдруг показали нам, что может быть война на юге не закончилась, а началась.

Мышеловка

По сведениям Верховного командования войска, брошенные на штурм Кавказа, не должны были встретить много препятствий. Каждая дивизия получила фантастический район действий. 97-я дивизия егерей, к которой мы были формально причислены, должна была пересечь вместе с двумя полками пехоты и нашим Легионом огромную территорию, в два раза больше Бельгии! Однако, горы, которые нам нужно было преодолеть, возвышались до трех тысяч двухсот метров! И дубравы были глубиной в двести километров.

Один из двух полков немедленно устремился на запад в направлении Туапсе. Другой, полк Отто, к которому мы были присоединены, бросился через лесные чащи, чтобы сначала достигнуть Адлера на Черном море. Дивизионный генерал довольно смело ввязался в дело между двумя этими стрелами, все более и более отделявшимися друг от друга. У него была лишь рота главного штаба, где больше было специалистов по писчим приборам и промокашкам, чем по пулеметам и гранатам.

Батальоны сменяли друг друга. Во время падения Майкопа мы были впереди, а теперь должны были сбить арьегард в первые дни горного похода.

У нас было несколько стычек с большевиками, отступавшими до городских границ. Тут же к нам прибежали крестьяне и предупредили. Разборка была короткой.

18 августа нам нужно было взять штурмом одну деревню, расположенную в пятистах метрах над нашей и где забаррикадировались вражеские части, обойденные полком Отто. Две из наших рот скрытно поднялись вверх и вступили в рукопашный бой. Русские сопротивлялись мало и оставили все свое вооружение.

Все шло хорошо, полк Отто с невероятной отвагой за три дня пробил проход в чаще на сто пятьдесят километров через лес, овраги и скалы. Известия были превосходными. Передовые части находились в трех километрах от дороги, что спускалась к Черному морю. Это было чудо.

Боязни первых дней рассеялись. Приходил наш черед встать впереди. Через неделю мы будем на пороге Грузии!

В тот же вечер все изменилось. Наш полк действительно очень глубоко вошел в горы и приближался к цели. Но за этими частями, растянувшимися на десятки километров, советские части отрезали все пути подхода!

Укрывшись в тени сливовых рощ, русские пропустили две тысячи солдат, а затем затянули силок. Они ждали добычу во всех оврагах. Полк попытался перегруппироваться, но попадал то на одного ловца, то на другого. Ему грозила самая большая опасность.

В центре рота главного штаба, сгруппировавшаяся вокруг генерала Руппа и продвигавшаяся самостоятельно на расстоянии многих десятков километров от двух пехотных полков, тоже была отрезана.

Генерал уже много часов был в окружении в станице Ширванская. Пожилые смотрители казармы, секретари, ветеринары, каптенариусы дрались, как могли. Но подходы к станице были уже в руках большевиков.

Дорога, соединявшая Ширванскую с тылом, была в руках красных, мощно укрепившимся на ней в месте самого возвышенного перекрестка.

Нас срочно вызвали радиограммой, приказывавшей нашему Легиону в туже ночь преодолеть двадцать километров горной местности, броситься на врага, вытащить его из засады и соединиться с дивизионным КП в Ширванской.

Ночь была темной, как саван мертвеца. Ни одной звездочки. Через час марша продолжать идти стало невозможно. Один из наших людей уже сломал поясницу, много лошадей упало в пропасть глубиной многие сотни метров.

***

С двух часов ночи мы тронулись. Заря выгуливала белые и фиолетовые облака над горами. Мы прошли вдоль живописных ущелий, затем вступили в лес гигантских дубов. Поперек дороги виднелись свежевырубленные деревья. Повсюду шнырял враг. Мы продвигались, не убирая палец со спускового крючка.

Мы задыхались от жары. В небе громыхала гроза. К десяти часам утра на голом склоне противоположной горы мы заметили белые хаты станицы Прусской, последний этап перед встречей с врагом.

И тогда с небес хлынул ливень, словно молниеносная река, как одна сплошная масса. В один миг мы промокли до нитки, как будто нас бросили в реку. Когда мы добрались до первых изб, глинистая грязь толщиной в пятнадцать сантиметров сделала невозможным всякое продвижение колонны.

***

Тем не менее, надо было идти вперед. К нам пешим ходом добрались два немецких офицера. Их машина, как и многие, еще до грозы попали на позиции русских, откуда они смогли вырваться только после яростной рукопашной.

Дождь перестал, долины курились мощными клубами, кружившими на дне, затем медленно поднимавшимися к хребтам, где солнце то тут, то там золотило вымытую траву.

Мы прошли еще два километра, поднимая сапогами огромные комья грязи. Затем надо было спрятаться, так как мы достигли места напротив горы, занимаемую Советами. Мы видели, как дорога поднималась, поворачивала,

углублялась в лес. Вся вершина заросла лесом. Дубняк спускался на юго-восток и поднимался до вершины впечатляющей горы.

Наш командир дал боевой приказ трем колоннам, которые должны были обрушиться на врага, о котором мы знали очень мало, разве что то, что там было два батальона пехоты, один кавалерийский эскадрон, что была артиллерия, самоходная пушка и истребители танков. Враг был абсолютно бесшумен, видимо, думая, что, не зная ситуации, мы тоже попадем в ловушку.

Когда он увидел, как разворачиваются в боевой порядок наши роты, он понял наши намерения.

***

Мы смогли преодолеть еще склон без помех. Ни один выстрел не нарушил странного покоя долин. Только наверху горы горели две автомашины.

Мы попытались подняться до чащи. Там мы хотя бы на время были бы в укрытии.

Я полз к этому холму по кустарнику, опираясь на левый локоть, с пистолетом в правой руке. Позади, в двадцати метрах, меня ждали люди.

Я добрался до вершины холма: на расстоянии одного прыжка от меня по-пластунски передвигался русский офицер, точно также, как я! Мы выстрелили в одну секунду. Его пуля просвистела у меня над ухом. Моя пуля достала неудачника-противника прямо в середину лица. Бой за Прусскую начался.

Прусская

Перекресток между Прусской и Ширванской, штурмом овладеть которым нам надо было днем 19 августа 1942 года, на подходе был испещрен слегка заросшими леском овражками.

Мы бросились в направлении основных сил врага, спустились по склону, каждый раз падая на землю, когда местность имела какую-нибудь складку или была укрыта чем-либо.

Напротив нас склон шел вверх почти голый. Как только русские увидели, что мы достигли дна долины, на них нашло дьявольское вдохновение! Они овладели грузовиками с немецкими боеприпасами, открыли огонь и бросились на нас. Мастодонты преодолели склон с сумасшедшей скоростью, в то время как ящики с боеприпасами разлетались во все стороны. Уткнув нос в землю, мы были окружены градом тысяч осколков.

Лобовая атака, казалось, будет смертельной. Тогда я взял троих добровольцев, специально подготовленных к суровым стычкам. В то время как роты с грехом пополам продвигались вперед, я проскользнул по правому флангу, добрался до кустов, затем до леса, и мне удалось проползти до передовых позиций русских. Три моих парня следовали за мной в десяти метрах. Я хотел обойти врага. Я как раз вышел им точно в спину и увидел сквозь ветви советский лагерь.

В этот момент наши люди карабкались по склону и атаковали русских. Момент был подходящий. Я прыгнул в тыл большевикам и зигзагами преодолел

местность, поливая врага пулеметными очередями, со страшным криком. Мои товарищи с таким же шумом сделали тоже самое.

Это была безумная паника. Русские, думая, что окружены, сначала опешили, затем в суматохе устремились в развал на юго-западном направлении. Они совершенно обезумели. Вчетвером нам удалось выбить их из их укреплений: все их грузовики стали нашими, прекрасные «Форды» с ключом на зажигании, выстроенные в каре! Также мы овладели батареей пушек, выстроенных в линию и десятком пулеметов! Оружие, боеприпасы, материальная часть, каски, наполненные фруктами, ни в чем не было недостатка! Наших очередей и криков, внезапно разразившихся за спиной, оказалось достаточно, чтобы многие сотни русских поверили в катастрофу и откатились на другую сторону склона!

С воем бросились мы по их следам, опустошая все наши боеприпасы, все наши магазины. Немного погодя одна из наших рот, прибывшая позже, соединилась с нами на этом перекрестке.

Но надо было не упускать силы русских, откатывавшихся через лес. Мы получили приказ преследовать их и уничтожить.

В начале они довольно серьезно сопротивлялись и даже убили одного из наших лучших товарищей, молодого доктора филологии, получившему пять пуль в грудь навылет. Но наш порыв был непреодолимым. Бросив гранату, мы овладели последней противотанковой пушкой, которые русские пытались утащить в лес по грязевой колее. Мы достигли дна долины, настоящих экваториальных джунглей, затопленных водой утренней грозы, разрезанных отвесными щелями высотой в десять-пятнадцать метров, прямыми, как деревья.

Нам пришлось скользить на каблуках, подняться на крутой склон, цепляясь за пни и корни. Вся пышная растительность исторгала стойкие испарения и запахи. Сотни пчел, чьи улья были разорены боем, в ярости кружились в воздухе. Я израсходовал весь боезапас и для рукопашной имел лишь свой пистолет и десятка два патронов. Мы перебегали от дерева к дереву, атакуя врага из-под торчащих корней и глины. Мы оттеснили основную часть его сил на другую сторону горы, совершенно открытую, рассеченную широкой илистой полосой дороги. В суматохе русские устремились туда.

Между тем, немецкая артиллерия, которая должна была поддерживать нас, достигла завоеванного перекрестка. Как раз напротив этой голой дороги она только что поставила свои пушки. Русская кавалерия не могла сопротивляться на этой пересеченной местности. Русские пытались спасти коней, скользя и падая на эту грязную, вертикальную, как столб, стену.

О более четкой мишени можно было только мечтать. Немецкие снаряды обрушились на нее, разрывая отступающую живую силу и падавших лошадей. Большевики убегали во всех направлениях, обложенные сотнями разрывов.

Наши мортиры тоже включились в дело. Советская колонна была практически полностью уничтожена. Но много русских, которых мы обогнали, остались в чаще и в мрачных лужах долины. Мы промчались слишком далеко, охваченные азартом преследования. Почти расстреляв боезапас, но видя уничтоженных, сломленных, отступавших беглецов, мы решили вернуться на исходные позиции.

Но мы находились в самой гуще джунглей. Мы бросились на врага, не особенно обращая внимание на направление атаки. Едва прошли мы сотню метров назад, как автоматная очередь отрезала нам дорогу: в кустах были

большевики! Мы постоянно натыкались на них. Они стреляли, думая, что их преследуют. Наши солдаты каждый раз рассеивались в густых зарослях и увязали в рыхлой мокрой земле.

Одежда у меня была в клочьях. От моих кавалерийских брюк, рассеченных пополам от промежности, остались лишь два измазанных грязью лоскута. Впрочем, это был единственный элемент юмора в данной ситуации.

Поскольку сгущались сумерки, мы уже ничего не различали в темноте. Преодолеть расселины с вертикальными стенами было ужасным предприятием. Мы почувствовали момент, когда среди запутанных чащоб погрузились в ночь среди засад русских.

Мы должны были быть в двух километрах от основных сил батальона. Я собрал все и всех, что у нас осталось и, рискуя навлечь на нас рассеянных по лесу врагов, своим громовым голосом зычно бросил призывный клич через лес, полный тьмы и воды. Мы прислушались, тая тревогу. Мы услышали голоса, которые едва отвечали, далекие, едва различимые. Мы бросились к ним.

Русские были не в лучшем положении, чем мы. Они тоже потеряли своих. Время от времени мы останавливались, чтобы переходить и снова кричать. Нам отвечали уже более ясно. Направление было правильным. От расселины к расселине, от горки к горке мы приближались к своим. Нас окликнули, это был наш патруль. Мы оказались спасены.

Мы соединились со своими в темноте. Враг больше не пытался оказывать ни малейшего сопротивления. Несомненно, рассеянные в лесу части отступали по илистой долине на юго-запад, пытаясь разыскать свои части, потрепанные нашей атакой. Шагая в грязной воде, мы продвигались на юг. В час ночи наша головная колонна беспрепятственно вошла в Ширванскую.

На следующий день мы хоронили убитых. На их могилы мы воткнули золотые головы подсолнухов, цветы величия и славы.

Грязь была такой, что никто не мог больше двигаться иначе, как на коне. В течение двух дней я продвигался почти голый на моем коне, пока пытались очистить и залатать мою униформу, разорванную в рукопашной. Наши солдаты стояли на посту босые, погруженные в воду на двадцать сантиметров. Ни один мотоцикл не мог ездить в этом районе.

20 августа после обеда солнце круто припекло. Сумрак разлил чудные фиолетовые и золотые сполохи. Хорошая погода означала бой. Новые бои были близки.

Джержаков

Наш поход через Кавказ продолжился рано утром 31 августа 1942 года. По маленькому мосту, наведенному саперами, мы пересекли бурную реку. Затем мы углубились в лес. Через несколько километров подъема мы увидели опушку и хаты. Советские солдаты отступили без единого выстрела. Деревня называлась Папоротники, в небо тянулись прекрасные виноградные лозы, яблони и сливы.

Нам надлежало продолжить продвижение на дюжину километров до деревни Джержаков. В Папоротниках радиограмма обрисовала положение нашему командиру. Мы оставили нашу самоходку и тяжелое вооружение на опушке и осторожно продвигались через гигантский дубняк и кусты.

С высоты одного холма справа мы увидели через просеку длинную деревню, занятую русскими. Мы прошли по просеке, усеянной злаками и сорняками. По нашим картам Джержаков не должен был быть далеко. Мы сошли с дороги и пошли по компасу через лес минут двадцать.

Вскоре мы услышали крик петуха. Деревня Джержаков была рядом.

Послали на разведку патруль, который, проскользнув под деревьями между больших бурых скал, дошел до опушки. В распаде между гор Джержаков блестел на широком холме. Деревня была довольно вытянутая, но целиком утопавшая в кукурузе, ее поля высотой в два-три метра доходили до изб. Виднелось белое здание школы. Совсем внизу на выходе из нашего леса находилось правление колхоза.

Наши патрули не теряли из виду ни малейшей детали. В двадцати метрах перед ними трое русских возились вокруг кухни на колесах. Они шумно смеялись, делали всякие смешные кульбиты, совершенно не подозревая, что их ждет. Наши люди доползли до изгороди, скрытно приблизились и внезапно наставили пистолет к носу поваров!

Ни один из трех не осмелился ни крикнуть, ни пошевелиться. Наш патруль сразу же подтолкнул их до дубняка и привел их без единого выстрела.

У одного из русских был список солдат для вечернего супа: триста четыре человека. Точнее информированным быть нельзя. Мы также узнали, что у врага есть противотанковая пушка и артиллерия.

Мы заканчивали допрос с пристрастием трех сталинских поваров, когда в тридцати метрах от нас прогремели выстрелы. Русские вернули нам долг вежливости.

На самом деле, один из их людей пошел посмотреть шампуры и нашел кухню оставленной. Была дана тревога. Русские тихо пошли по нашим следам до опушки леса, чтобы застать нас врасплох. Как раз вовремя их заметил один из наших унтеров и разрядил свой автомат. Его изрешетили советские пули. С простреленными легкими, с потоком крови изо рта он все-таки продолжал стрелять. У нас было возникла паника, но героизм этого унтера позволил перестроиться в боевой порядок нашим людям. Раненый рухнул лишь тогда, когда мы бросились через него в рукопашную.

Обе роты, которые должны были штурмовать деревню, были немедленно брошены в бой. Поскольку нас обнаружили, надо было быстро завершить дело.

Будучи офицером по особым поручениям, я должен был в основном давать святую команду «Огонь!» там, где было жарко или там, где люди колебались.

Одна часть наших солдат должна была атаковать деревню со стороны правления колхоза, тогда как другая обходным маневром должна была захватить Джержаков с высот. Наши люди боялись. Для многих новобранцев это было крещение огнем. Было видно, что они колебались выйти из-за прикрытия скал и деревьев.

Шестеро наиболее решительных солдат, вооруженные автоматами, достигли угла колхозного амбара. С автоматом в руке я бросился к ним. За несколько минут, чередуя наш огонь, мы продвинулись на сто метров вглубь деревни.

К несчастью, наш миномет не покрывал врага как надо. Красные укрепились в одной избе и держали под огнем всю улицу.

В то время как наши товарищи стреляли по этому месту, я прыгнул в кукурузу и обошел дом с западной стороны. Подскочив к боковому окну избы, я

полностью выбил его ударом автомата. Моя очередь посреди комнаты произвела ошеломляющий эффект. Я обрушился на уцелевших и они сдались. Одна женщина, бывшая с русскими, в истерике каталась по полу.

Стоя стреляя из автомата, я бросился на улицу преследовать советских солдат. Вскоре вокруг меня была целая группа пленных. Не зная, что с ними делать, я раздал каждому из них по листу одной брюссельской газеты, прозаически приготовленную для других нужд, а не для духовных дел.

«Документ! Документ!» – кричал я каждому из пленных. Эти толстомордые ослы верили в магию документа. С поднятыми руками, размахивая своей бумагой, они все бежали в направлении нашего тыла, где сначала очень удивились, увидев столько монгольских читателей бельгийской прессы, но потом поняли, что это дело рук изобретательных валлонцев.

Главное в рукопашной схватке – бежать сломя голову. Я пробежал до конца деревни, давая короткие очереди в окна. Я остановился только в конце села, в то время, как мои шесть парней выбивали большевиков, укрывавшихся в избах и конюшнях. Другие в большом количестве сами выходили из полей кукурузы.

У меня была хорошая огневая позиция. Через двадцать минут вся валлонская рота смогла перебраться ко мне. Наши ребята, спустившись с высот, также смогли присоединиться к нам.

Мы смогли не только собрать бесконечную цепь пленных, но также отвоевать пушки и противотанковые ружья русских в отличном состоянии с большим количеством боеприпасов.

В бодром настроении мы осмотрели колхоз. Походные кухни красных с совершенно готовым чудесным супом и с огромным котлом пшенной каши по-прежнему находились здесь. Был брошен фургон с сотнями больших ломтей хлеба. Мы вернули поваров к своим печам и поварешкам. Они были рады вновь вернуться к своей работе. Никогда еще они не делали свое поварское дело в подобных обстоятельствах! То большевики, то внезапно военнопленные, то прислуга валлонцев! И все это менее, чем за час! Их суп даже не успел выкипеть! Их зубы грызунов блестели от удовольствия на их широких шафранного цвета лицах. Как жизнь порой забавна!

***

Мы радовались. Деревня была взята быстро, весело, с максимальным успехом.

Мы вкусили супа и пшенки, приправленных запахом наших подвигов. Мы сами были удивлены, что все прошло так быстро и хорошо.

Слишком быстро! И слишком хорошо! Потому что начали мяукать пули. Сначала немного, потом сотнями.

Мы не успели упасть на землю, укрыться за стволами деревьев среди опрокинутых котелков. Что произошло? Мы ошеломленно смотрели друг на друга.

Сгущались сумерки. Большие черные орлы, раскинув крылья, кружились и кричали над долиной. Теперь огонь вели по всей линии леса по кукурузным полям Джержакова.

Кровавое ущелье

Оказаться с наступлением темноты с двумя сотнями солдат на дне ущелья, чувствовать себя зажатыми со всех сторон высокими кавказскими горами, темными и фиолетовыми на востоке и красно-золотыми на западе, но такими же бесчеловечными и предательскими, быть под обстрелом тысячи спрятавшихся в кустах врагов – все это не воодушевляло нас тогда, в восемь часов вечера, 22 августа 1942 года.

К счастью, с момента взятия Джержакова мы сделали солидные укрепления на окраине кукурузных полей. Они отважно приняли на себя первый удар. Мы быстро организовали оборону. Но враг был силен. Нас обстреливали с выгодных доминирующих высоток. Мы быстренько подкатили нашу пушку «Пак» и в упор пальнули по русским, массой вышедшим из леса в пятидесяти метрах от нас. Наши снаряды рвались, как огненные пузыри ярко красного цвета. Орудия, захваченные нами у врага, также были развернуты для стрельбы. Под этим железным потопом масса русских остановилась. В течение пяти часов шли постоянные рукопашные схватки. Только один из наших постов был смят и наши товарищи убиты. Все остальное сопротивлялось.

Наконец, к полуночи вражеский огонь стих и затем прекратился. Мы послали дозоры в лес. Наши люди увидели много трупов. Но враг отступил, исчез.

В час утра разразилась новая потасовка. На этот раз на севере, за колхозом в лесу, под прикрытием которого мы подошли к Джержакову. Ожесточенный бой разразился там, вероятнее всего на подступах к разбитой лесной дороге, идущей из Папоротников.

Мы пережили смертельную тревогу. Остаток Легиона получил приказ воссоединиться с нами. Вот эта часть, без всякого сомнения, и вела бой.

Связные подскочили к нам, вытаращив глаза. Их колонна внезапно получила в спину удар сотен русских, попытавшихся отрезать длинную цепь гужевых повозок. Стрельба шла с дистанции метра. Но в целом наши люди держались стойко.

Мы бросили в сторону этой заварухи все, что имели под рукой. К трем часам бой закончился, наши люди и фургоны прибыли длинной кавалькадой.

Это был бы сюжет о самых невероятных подвигах. Раненые были самые словоохотливые. Ворочаясь на покрасневшей от крови соломе, они добавляли тысячи пикантных деталей к рассказам о боях части. Но никто не понимал, что произошло, откуда пришли русские, почему они так странно бросились поперек нашего строя.

Потребовался допрос пленных, чтобы прояснить ситуацию. Они входили в состав усиленного полка, находившегося в отступлении. Джержаков был обозначен как место дислокации своих. В сумерки, без особых хлопот, они подошли к деревне. В течение пяти часов они безрезультатно пытались пробиться. У них были тяжелые потери, их командный пункт полка был взорван прямым попаданием нашего миномета. В конце концов, ввиду невозможности прорыва, они попытались обойти деревню с севера. Пренебрегая опасностью, они врезались как раз в середину нашей колонны с подкреплением и багажом.

Сначала они представляли для нас большую опасность, но ярость наших людей преградила им путь. Не зная нашей задачи, разбросанные и измотанные, они отступили во второй раз в большом беспорядке.

Весь остаток ночи мы слушали, как какая-то колонна громыхала в южном направлении. Это были остатки советского полка, удалявшегося со своими конскими повозками по лесным дорогам.

На рассвете мы отправились освобождать те наши повозки, лошади которых были убиты. Зрелище было дикое. Два русских офицера, упавших на наших лошадей, сраженные дюжиной пуль, держали свои автоматы, зажатыми в пожелтевших руках.

Мы похоронили наших убитых у школы. Сбитая почва была покрыта обычными ослепительными подсолнухами.

Ни один выстрел не нарушил больше тишины долины. Было воскресенье. Горный пейзаж был величественным. Мы провели день, наслаждаясь солнцем и красками дня. Таинственный сумрак длинными красными отблесками с золотым и фиолетовым отливом, пересеченными розовыми облаками, медленно развернулся над гребнями, тогда как в глубине ущелья мы погрузились в бархатно-синие вечерние тени.

***

Ночь была длинной.

Было, может быть, полчетвертого утра. Никто не услышал ни одной хрустнувшей ветки. Тем не менее, скользя на своих легких сандалиях из свиной кожи, сотни большевиков подошли близко к кукурузным полям. Ужасный вопль вырвал нас из полусна: «Ура! Победа!» – кричали два советских батальона, бросаясь на наши посты.

Сотни лающих врагов бежали по кукурузе, добираясь до хат. Ужасная свалка, полосами освещаемая очередями, бросила друг на друга нападавших и наших солдат. Даже в конюшнях сражались автоматами. Сраженные лошади падали на своих окровавленных проводников.

Ах, какой ужасный час! Когда же молочная заря встанет и поможет разобраться в этой свалке? Не накроет ли нас волна до этого?

Не переставая стрелять, мы следили за этими проклятыми гребнями. Наконец, они осветились, бросив бледные отсветы в долину. Враги были повсюду. Но ни один важный пункт не был занят. Даже на границе леса наши посты яростно сопротивлялись.

Силы красных пытались окружить немецкие части. Углубившиеся в кавказские леса, они состояли из ударных батальонов, сформированных из фанатичных большевиков, откатившихся от Донбасса на Кавказ и усиленных сотнями головорезов, уголовников и штрафников. За ними шла волна полудиких людей, собранных советскими властями в Азербайджане и Киргизии. Два этих батальона, атаковавшие в конце ночи, должны были размолотить нас. Но им удалось всего лишь отвоевать несколько хат. Оттуда им нужно было карабкаться метров пятьдесят, если они хотели взять горный карниз, на котором мы были. Наши пулеметы сметали каждую их атаку.

Третий советский батальон к полудню закрепился на другом склоне на востоке в дубравах, полностью доминировавших над деревней и нашими позициями. У этого батальона было очень своеобразное вооружение: только минометы! Минометы размером не больше женского зонтика. Но эти минометы были настоящей катастрофой для тех, кто был отдан на их милость.

***

В понедельник в течение всего дня русские атаковали нас много раз. Мы с большим трудом сопротивлялись им. Десятки наших солдат оставили нас, их отвезли в медсанчасть. Мы были окружены трупами наших товарищей, изуродованных ужасными разрывными пулями Советов, сносившими полголовы или полностью ее разрывавшими.

Мы были почти полностью окружены. У нас не оставалось больше ничего, кроме правления и амбаров колхоза и одного прохода, по которому мы могли в короткие моменты затишья отослать в тыл раненых.

Красные овладели нижней частью деревни. Они занимали все леса, выходившие к нам с юга, востока и запада.

Чтобы окончательно смять нас, им оставалось лишь занять колхоз и проход с севера. В пять вечера они многими сотнями бросились на колхозные постройки в сорока метрах от нашего карниза.

Мы, как обезумевшие, опустошали магазины наших автоматов. Но мы не смогли помешать русским, как смерч влетавшим в здание колхоза. Наступал вечер. Если бы колхоз заняли русские, то ночью штрафники и орды киргизов завершили бы окружение.

Любой ценой надо было выбить их до наступления темноты.

Мы подтащили две пушки «Пак» к самому краю карниза и, не смотря на град пуль и мин русских, открыли почти вертикальную, отвесную стрельбу прямо по крышам колхоза. Десять, двадцать, пятьдесят снарядов улетели, снеся кровлю, вздымая огромные столбы пыли и огня.

Красные убегали, бросаясь в кукурузу, к лесу. Колхоз снова был в наших руках. Наши люди вновь устроились там среди несуразной груды трупов большевиков, изуродованных коней и рухнувших стропил.

Сто двадцать шесть часов

Наше сражение за Джержаков длилось сто двадцать шесть часов, сто двадцать шесть часов, в течение которых почти не прекращались рукопашные бои, прерываемые лишь на несколько часов, когда ночь подвешивала над горами необычно оранжевую луну. Ее рыжий свет оживлял небо феерической жизнью. Облака были исполнены грацией цветов и мягкостью радостных занавесей.

Этот свет плавал между вершин и едва доходил до нашего откоса, скрытого в глубине долины. Мы использовали это короткое затишье, чтобы вырыть могилы в меловом, белом как известь, грунте. Мы положили туда окоченевшие тела десятков наших товарищей, скрестив им руки, как на надгробных памятниках в старых соборах.

У нас сжималось сердце, когда мы лопатами бросали землю, которая накрывала сначала ноги, затем грудь, затем исчезало лицо. Мы работали быстро. Ведь каждый из этих убитых был чей-то брат, чей-то старый спутник, товарищ по страданию, славе и вере.

Остаток ночи мы косили кукурузу, что простиралась между нашими позициями и лесом. Тяжелые стебли поднимались на полметра выше головы

стоящего человека. Благодаря этому русские могли незаметно подобраться к нам и в любой момент застать нас врасплох. Мы ползали в темноте, вооружившись серпами и косами. За несколько ночей мы метр за метром расчистили весь участок.

Это была неприятная работа, потому что русские тоже гуляли там. Порой все окрестности оглашались звуками выстрелов от стычек с ними. Но с четырех часов утра надо было укрываться в маленьких бункерах. Первые зеленые проблески скользили между горами и гладили головы подсолнухов на новых могилах прошедшей ночи. В этот час обычно уже начиналась заваруха.

***

Сопротивление под Джержаковым становилось все более ожесточенным. Мы были ужасно сдавлены врагом, без малейшей возможности отхода. Нам пришлось принять решительные меры, чтобы освободиться от этих объятий. Мы решили дать главный бой на юго-западном направлении, внизу, там, где враг был наиболее агрессивен. Колхоз по-прежнему находился в зоне его атаки. Каждую ночь мы имели риск быть смятыми и уничтоженными на нашем холме.

Контратаковать русских, бросаясь на них сверху, означало тогда согласиться с потерей половины батальона. И результат был бы невелик, учитывая, что в ста метрах от хат, в конце кукурузного поля текла речка, за которой поднимался лес. Никоим образом мы не перешли бы реку и, главное, не смогли бы очистить этот холм фронтальной атакой.

Мы обратились к нашим добровольцам, отличавшимся сочетанием хитрости лисы с храбростью льва. Мы, командир Легиона и я, представили очень дерзкое решение: просочиться через северный проход, глубоко вклиниться на запад через лес, чтобы выйти в тыл к русским, атаковать их и отбросить на наши позиции под Джержаковым.

Невозможные атаки всегда успешны, поскольку никто не думает о самозащите и самосохранении. Парни из Молодежной (Юнкерской) Роты спустились в ущелье. Они прошли наискосок под деревьями. Прошло два часа, когда мы ждали их атаки.

Она не удалась. К полудню наши бойцы появились удрученные: местность была сильно пересеченной; советские дозоры шныряли в лесу. Офицер считал наш план неосуществимым и по своему праву дал приказ свернуть вылазку.

И, тем не менее, надо было обязательно провести эту операцию.

Враг наседал все больше и больше. Если мы не нанесем решительный удар по нему, его нанесет по нам он. Надо было выбирать: сделать попытку или потерять все. Я опять поговорил с добровольцами, и в полном составе мы опять отправили людей в рейд. Тот офицер, убедившись в необходимости эффективного удара, принял командование. Я поговорил с ними вполголоса перед выступлением на дне прохода.

Глаза этих ребят блестели воодушевленным светом. Некоторые из них только утром получили Железные Кресты и горели желанием воздать им честь. Они выступили. Некоторое время, совсем немного, мы видели их в бинокль.

Опять прошли два часа. Было пять часов вечера. Красные, с целью во второй раз овладеть колхозом, бросились в атаку со своим обычным боевым кличем.

Другой крик, пронзительный, крик более тонкий, ответил им. Едва красные показались, как наши молодые ребята, ждавшие момента, затаившись у них за спиной, бросились в атаку! Они бросились в воду, как настоящие львы!

Большевики поняли, что окружены. Большинство, не зная что делать, побежали прямо на наши пулеметы или бросились на землю у изгородей. Многие сдались, настоящие гиганты с раскосыми глазами, похожие на горилл, их крошили прикладами наши пацаны с девичьей нежной кожей.

Увы! Половина из этих солдат-детей были убиты на выходе из чащи или при переходе реки. Их щуплые тела плавали под водопадами. Мы победили, но ценой этой победы была самая чистая, самая свежая кровь.

Каждый из наших юных героев стоил больше, чем куча мохнатых пленных с желтыми и плоскими головами, с жесткой щетиной, которые дрожали, сидя на корточках в подвале школы.

Но этот жестокий контраст точно устанавливал значение и значимость дуэли: или Европа, утонченная двадцатью веками цивилизации или эти азиатские орды, дикие, звероподобные, с гримасами из под своих красных советских звезд. Наши юные добровольцы сделали свой выбор: они погибли также геройски, как и старые воины, за тот идеал, что блестел в их глазах.

***

Красные, обескровленные этой операцией, откатились в лес к западу и юго-западу. Они больше не осмеливались вступать врукопашную в этом секторе, усеянном трупами их соплеменников.

Несколько мерзких свиней бродили перед советскими позициями, бесцеремонно пожирая тлетворные тела, быстро разлагавшиеся под солнцем. Русские с завистью смотрели на этих поросят-некрофилов, возившихся в двадцати метрах от них в зеленых кишках их собратьев. Было видно, что они горели желанием привлечь к себе этих отвратительных тварей. Наконец, им удалось схватить одного. Мы услышали их радостный крик. Советский каннибализм практиковался посредством этого животного.

***

Мы получили о положении этих тонких любителей поросятины все недостающие детали. Один из наших санитаров, некто Броэ, попал в плен, пытаясь вытащить одного из наших раненых, упавшего на берегу реки. Красные отвели его от поста к посту. Он выучил раньше русский язык, как и большое число наших солдат. Как и они, он был ловкий малый. Балагур, он болтал и болтал. Наконец, его провели в тыл. Он успел установить позиции врага и его численность. Темнота наступила во время марша. Дорога шла вдоль глубокой расщелины. Наш санитар прыгнул и покатился в пропасть. Напрасно красные стреляли, вышеназванный Броэ убежал!

Он плутал десять раз. При первых лучах зари мы увидели голову, которая вынырнула из болота, в пятидесяти метрах перед нами. Это был наш парень! Он подполз к нам, весь в грязи, позеленевший, как нигерийский гиппопотам. С этого момента русские получили атаку на западе, наша пушка обстреляла их позиции в лесу.

Оставались дубовые рощи, расположенные над нами на юго-востоке и откуда советский батальон сильно обстреливал нас из минометов. Мы должны были укрываться от рассвета до ночи в наших окопах в меловом грунте или возле хат. Наш командир, попытавшись сделать небольшую разведку, получил три минометных осколка.

Надо было обязательно очистить эти высоты, свергнуть оттуда этих дьяволов, как говорили в отряде. Одна из наших рот отлично реализовала это, отбросив русский батальон со всем его вооружением.

Но мы дорого заплатили за эту контратаку. Гранатой был убит национальный руководитель рексистской молодежи и судья Джон Хагманс, бывший студент-коммунист в Брюссельском университете, обратившийся в нашу веру и ставший глашатаем величия наших старых Нидерландов и эпическим проводником, страстно любимым новым поколением.

***

Джержаков был освобожден лишь частично. Каждый день наши вылазки и рейды оттесняли врага. Но едва наши солдаты подходили к хатам, как огонь возобновлялся в ста метрах позади них. Они едва успевали укрываться в блиндажах. Противник отступал, затем возвращался, как какой-то аккордеон смерти. Советские снайперы засели на деревьях, похожие на ягуаров. Иногда мы вычисляли их, тщательно прицеливались: тело падало на землю, ломая ветки.

Но большинство этих снайперов-древолазов были неуловимы. Одной дюжиной они тормозили любое наше выдвижение. Невозможно было сделать и десяти шагов на полуоткрытой местности. Джержаков был окружен этими стрелками, необыкновенно ловкими и очень ценившими свои пули.

***

Однако это неприятное обстоятельство не могло изменить главного: Джержаков был спасен, русским не удалось отбить этот проход, необходимый для их контратак.

Мы были единственными, кто сохранил выдвинутую в юго-западные кавказские леса позицию. В остальных местах повсюду было отступление. Джержаков остался как таран, вбитый в советские боевые порядки. Именно здесь в октябре было предпринято последнее наступление на Западном Кавказе.

Наша дивизия скатывалась к югу. Мы участвовали в этом продвижении после того, как нас укрепили частями дивизии СС «Викинг». В конце августа в один солнечный день мы оставили могилы наших убитых и отдельными отрядами осторожно двинулись через дубравы на запад, где еще бродил враг. Наша группа наткнулась на длинную цепь советских солдат. Их было больше, чем нас. Они прошли по гребню в нескольких метрах над нашими головами, не догадываясь о нашем присутствии в кустах.

Через два часа марша мы дошли до маленькой деревни, что протянулась золотистым пятном между двух больших синих гор: это была станица Кубано-Армянская, большой населенный пункт на расчищенной в кавказских джунглях и удобренной в царские времена перегноем земле одним племенем беглых армян. На бревнах перед хатами неподвижно сидели, похожие на странного вида

призраков мальцы со сливового цвета лицами, с маленькими головами беспокойных филинов.

Армения

Сентябрь 1942 года был месяцем затишья для дивизий, сражавшихся на Западном Кавказе. Немецкое наступление во второй половине августа провалилось из-за недостаточного количества войск, необходимых для того, чтобы открыть проход и обеспечить необходимый контроль завоеванных зон в лесах, это было наступление в пустоте. Но этот легкий марш закончился. Враг терпеливо подождал, когда мы пройдем тысячу двести километров и завязнем в джунглях, чтобы нанести ответный удар. Когда мы были зажаты в горных теснинах и ущельях, отрезанные от наших тылов километрами мрачных лесов, вот тогда и началась жестокая, дерзкая, часто невидимая и всегда смертоносная партизанская война.

Надо было отступать во многих местах. Затем надо было ждать подхода подкрепления, без которого невозможно было двигаться вперед.

Вот мы и ждали. Армянская станица Кубано-Армянская была захвачена одной из наших рот в тот же день, когда мы штурмом взяли Джержаков. Враг не оказал сопротивления, позволив оттеснить себя за опушку. Фронт стабилизировался на границе леса.

Мы никогда не видели подобной деревни. Избы не были приклеены к земле, как в степи. Они держались на мощных сваях из-за боязни диких зверей, что, выходя из леса зимой, бродили и разбойничали в долине. На высоте этих свайных построек армяне были в безопасности. Хлева были на высоте пяти метров. К домашним животным меры предосторожности были большими, чем к женщинам и детям.

С большим трудом скот поднимали в эти хлева, где он проводил снежные месяцы в спокойствии, тогда как у подножия выли орды голодных волков.

***

Жители в точности сохранили нравы народностей Малой Азии. Женщины были с черными, как уголь, большими глазами, вытянутыми как миндаль, как это можно видеть на керамических изделиях острова Крит. Они жили среди миллионов мух, часами вращая пальцами ног тонкостенную вытянутую бочку, полную молока и подвешенную на веревке к потолку. После полудня такого действия они вытаскивали из сосуда полудикое масло. Это было молоко буйволиц, медлительных спутниц огромных черных быков, чьи шеи висели до земли как змеи боа.

В деревне выращивали все ту же кукурузу, блестящие початки которой крестьянки сушили на земле прежде, чем освободить их от мягкой лиственно-волокнистой оболочки.

Пейзаж был еще более впечатляющим, чем в Джержакове. Когда мы спускались с дозорного рейда на исходе дня, мы вынуждены были останавливаться раз двадцать, настолько великолепие неба и гор поражало нас.

Горы вставали ярусами, у каждой был свой цвет, переходящий от золотого и красного и от красного к пурпурному и фиолетовому. Большие громады скал против света были уже черными, но какой-то мягкой черноты, похожей на бархат.

Кубано-Армянская в глубине долины погружалась в синеватый полумрак. Белые шлейфы нескольких вечерних огней еще плавали над трубами.

Мы спускались медленно, не переставая смотреть на ослепительные цвета, что обрамляли скалы и деревню, которую окутывала синяя тень.

Чтобы дойти до КП 97-й дивизии, надо было преодолеть километров пятнадцать по вершинам гор. Я ехал на невысоком русском коне, который цеплялся, как горный козел, за самые узкие выступы. Глубокие пропасти впечатляли. И в конце – завершающая панорама: гигантский провал, обставленный скалами в тысячу метров высотой. В самой глубине светился квадрат желтого цвета. Вот там и была деревня.

Чтобы добраться туда, надо было идти час. Конь впечатывал свои копыта в скалы, как крюки.

Потом мы подходили к бледно-зеленому потоку, бурному и ледяной свежести.

***

Вскоре связь стала невозможной. Красные, видя, что наш напор спал, перешли от обороны в наступление, но не бросив против нас целые батальоны, как в Джержакове, а просачиваясь малыми группами через дикие леса, где вековые дубы, сломанные ураганом, переплетали свои почерневшие стволы, где темные заросли были готовы для засад.

Наши дозоры с трудом передвигались в этом густом лесу, секреты которого не были нанесены на карты.

К счастью, местное население было настроено крайне антибольшевистски. Некоторые из наших армянских крестьян уходили на пятнадцать-двадцать километров от станицы: через два дня они вновь возвращались, ведя нам длинную цепь солдат Красной Армии. Ненависть, которую испытывали эти крестьяне к советскому режиму, изумляла нас: бедные, даже несчастные, жалкие, они должны были бы соблазниться большевизмом. Они же, напротив, были в ужасе от него и рисковали своей жизнью каждый день, чтобы помочь нам бороться с ним. Один старый, совсем седой крестьянин, осужденный красными на много лет принудительных работ, проявлял к нам особо фанатичную преданность: обутый в легкие сандалии из свиной кожи он пролезал везде, повсюду сопровождая наши дозоры.

Многие из наших армянских проводников попали в руки большевиков и были уничтожены. Но боевой дух деревни не упал.

***

Но это не мешало ухудшению нашего положения, становившимся все более шатким. Враг был нигде и повсюду. Мы совершали многодневные разведывательные рейды. Мы глубоко проникали в сектор расположения врага, не замечая ни одного убегающего силуэта. Но на следующий день на подходах к нашей станице очередь из «Паши» косила многих людей.

В конце концов мы были полностью окружены невидимыми врагами, которые, как кабаны забирались в логовища и жили, питаясь дикими яблоками и грабежами.

Связь с дивизией была теперь только по радио. Сообщение с тылом требовало регулярных экспедиций, на которые всякий раз отряжали половину батальона.

Нам предстояло на собственной шкуре узнать, что такое партизанская война на азиатский манер.

В дозоре

Численность солдат мало значила в войне западни и засад, развязанной в глубине кавказских лесов. За несколько секунд трое ловцов, спрятавшись в лесных зарослях, расстреливали целый дозор. Сразу после нападения они скрывались, чтобы на следующий день поставить новую ловушку в другом месте.

Снабжение должно было идти нам от станицы Ширванской за двенадцать километров от наших позиций в Кубано-Армянской. Два раза в неделю несколько повозок, запряженных волами, двигались от деревни Папоротники, затем через густой дубняк еще пять-шесть километров. Дорога была узкой, заросшей. Она проходила через зажатую в скалах речку, деревянный мост через нее был разрушен. Обоз спускался до каменистого русла потока и следовал по нему сотню метров, чтобы опять углубиться в рощи величественных дубов и заросли кустарников.

Однажды русские, которые были в засаде, подпустили быков до двух метров от своих кустов. Очереди свалили наших людей, убили животных. Только двое из наших солдат смогли броситься в чащу, остальная часть сопровождения была убита без малейшей возможности сопротивляться.

С того момента нам пришлось посылать два раза в неделю половину наших людей навстречу обозу в Папоротники. С двух сторон наши люди методично прочесывали лес.

Мы ждали в тревоге. Конвой должен был, как обычно, прибыть к шести часам вечера. Мы не отрывали глаз от лесной просеки, через которую выходила лесная дорога.

Вдруг раздалась пальба: автоматные очереди, разрывы гранат прокатились до конца долины. Мы видели, как выскочила одна повозка, затем другие галопом скатились с горы. К санчасти привезли запыхавшихся раненых.

С завтрашнего дня надо было опять идти в дозор к Папоротникам. Отказаться от этой дороги значило капитулировать. Люди уже ненавидели эту чащу леса. Тогда я встал во главе солдат, обеспечивавших связь. Я шел впереди на двадцать метров, чтобы избежать ловушки для всех. С облегчением вздохнули мы, когда, наконец, дошли до яблоневых и сливовых садов Папоротников, границы изобилия и спокойствия.

***

Даже в нескольких десятках метрах от наших изб большевики часами, как кошки, выжидали свою добычу. Мы могли отдыхать только одетыми, с

автоматами у тела. Курильщики, какими бы заядлыми они не были, не спешили пробираться к плантациям армянского табака.

Однажды днем один из наших поваров захотел вырыть несколько картофелин на поле у леса. В ельнике залегли красные. Выстрел, и он упал с простреленной ногой. Мы слышали крики несчастного раненого. С двумя бойцами я бросился на выручку. Эти палачи тащили его через корни и каменистую почву. Когда я почти догнал их, они, должно быть, бросили его. Но когда я склонился над нашим несчастным товарищем, он посмотрел на меня своими красивыми глазами, полными слез: у него изо рта булькал поток окровавленных пузырей. Советский патруль, прежде чем бросить его, проткнул ему грудь дюжиной ножевых ударов. Он агонизировал. Его раны дрожали и открывались, как живые.

Полчаса он сопротивлялся смерти. Нам пришлось накрыть ему лицо противопожарной маской, настолько мухи кружились вокруг его окровавленного рта. Последний раз вздрогнула кровавая пена, он что-то сказал детским голосом, каким обычно говорят умирающие.

Мы похоронили его, как и других, на вершине пригорка. Это маленькое кладбище мы обнесли здоровыми кольями, чтобы защитить от диких зверей. Но кто были больше звери: лесные животные или большевики, которые, отказываясь от открытого боя, затаивались как убийцы, чтобы выследить свои жертвы?

***

Заканчивалась подготовка нового наступления немцев.

Каждый день незадолго до рассвета сразу по тройкам прилетали советские самолеты для разведки. Их появление никогда не длилось больше нескольких минут: иногда мы сбивали один или два, и они огненными зигзагами падали вниз в то время, как парашютисты зависали над лесом.

Однажды утром в начале октября десятки «Юнкерсов» прошли над нашими головами и спикировали на Джержаков. Они возвращались с часовым интервалом. С громом содрогались горы. Осеннее наступление началось.

В конце дня 8 октября 1942 года мы выступили тоже. В последний раз мы увидели в глубине долины станицу Кубано-Армянскую, в синеве первых теней приближающегося вечера. Там, между здоровых черноватых кольев частокола, вокруг которого будущей зимой будут крутиться голодные морды и нервные лапы волков, остались наши павшие. Зеленые горы то там, то здесь вздымали красные и коричневые сполохи, осенние флаги, поблескивавшие в золотистых огоньках сумерок.

Потом настала ночь. Мы тихо продвигались до утра, под кровом величественных дубов в обрамлении серебристых танцующих огоньков миллионов звезд.

Джунгли и горы

Октябрьское наступление 1942 года на Кавказском фронте заставило себя ждать. Началось оно в нездоровой атмосфере. Верховное командование в августе месяце приняло решение атаковать этот массив на двух флангах: с юго-востока по

реке Терек в направлении бакинской нефти и на юго-западе на нашем участке в направлении Батума и турецкой границы.

Битва на Тереке была жестокой, но не принесла ощутимых результатов. Бронетанковые дивизии Рейха были остановлены под Грозным. В октябре они больше не продвинулись вперед.

Наше наступление на Адлер также провалилось. Октябрьское наступление не имело цели достигнуть Грузии и Транскавказской магистрали, оно было нацелено на Туапсе, на Черное море и контроль над нефтепроводом к нему, к этому порту. Этот нефтепровод был толщиной не более тела ребенка, и вот за эту черную трубу нам предстояло биться неделями.

Единственными неподоженными нефтяными скважинами, завоеванными Рейхом, были скважины Майкопа. Вообще, нефтяные месторождения были расположены в Нефтегорске, между Майкопом и Туапсе. Красные заминировали сооружения. Нефть продолжала вытекать, густым потоком охватывая все ручьи, покрывая коричневым камыш и травы. Немцы своим организаторским гением бросились восстанавливать нефтедобычу. Это были очень богатые пласты. Они как раз подходили для нужд авиации. Когда мы прибыли утром 9 октября в Нефтегорск, мы были абсолютно поражены, видя, что за полтора месяца сделали немецкие инженеры. Просторные, с иголочки, кирпичные сооружения были полностью закончены.

Но надо было дополнить эту работу, захватив нефтепровод до Туапсе с тем, чтобы миллионы литров ценной жидкости смогли регулярно вливаться в танкеры на Черном море. Это было делом солдат. Осеннее наступление должно было бы стать операцией как военного, так и экономического значения. Это был не первый и, несомненно, не последний раз, когда тысячи солдат погибнут за одно нефтяное месторождение.

***

Большая дорога и железнодорожный путь от Майкопа до Туапсе находились под мощной защитой красных, они также хорошо, как и мы, понимали важность этого нефтепровода. На заслоны Советов в начале октября 1942 года были брошены бронетанковые части Рейха, но они не смогли их преодолеть. Тогда Верховное командование бросило отборные дивизии, к которым относились и мы, в одну очень умно задуманную операцию: через поросшие лесом горы, что возвышались на тысячу метров и более и были без всяких дорог, десятки тысяч пехотинцев, подтянувшиеся с востока и юга, прорубят просеку топорами; они постепенно обойдут врага сзади и соединятся у него за спиной, на дороге в Туапсе, в двадцати, затем в сорока и пятидесяти километрах за Нефтегорском.

Наша дивизия егерей, специализировавшаяся на горных операциях, увлекла нас за собой. Мы оставили нефтяной бассейн под проливным дождем. После двух часов марша, в грязевой топи мы подошли к большим горам, опять позолоченным солнцем.

Фантастически заросшие леса состояли из величественных дубов, которые никто никогда не вырубал, и миллионов диких яблонь, распространявших чудесный кисловатый запах.

Мы пробрались к вершинам. У красных был там большой лагерь, еще усеянный трупами. Через просветы мы видели внушительную панораму дубовых

лесов, по-прежнему зеленых, усеянных, как мухами, золотой листвой диких яблонь, побежденных осенью.

Мы пошли по склонам. Лошади скользили копытами десять-пятнадцать метров. Мы держались за корни. Расположились на отдых в палатках на маленьком хуторе со смешным названием Травалера. Более сотни солдат погибли в атаке за эти несколько затерянных хижин. Это был последний хутор. После него лес поднимался на многие десятки километров, дикий, как джунгли Конго.

***

Прежде всего, армия воевала топорами, пилами и заступами. Передовые отряды выслеживали и километр за километром теснили врага. За ними сотни саперов прямо в горах пробивали дорогу, мощеную из всего, что было среди самых трудных препятствий и помех. Это было невероятно. Эта дорога была вымощена десятками тысяч кругляка и прицеплена к карнизам над головокружительными пропастями. Самые мощные гусеницы могли использовать этот путь на многие километры вплоть до вершин. Через каждые двести-триста метров террасы делали изгиб, чтобы обеспечить разъезды.

По мере продвижения применение машин оказалось затруднено, и от него отказались. Всё, включая питье, навьючили на спину людей. Цепи носильщиков сновали день и ночь.

Наша дивизия привезла с собой огромное количество ослов, прекрасных вьючных животных. Сами мы сохранили нескольких лошадей. Но наверху не было никакого горного пастбища. У нас не было больше ни охапки фуража, ни единого зернышка овса. Не в состоянии кормить животных, поводыри кормили их ветками берез. Топоры непрерывно стучали по стволам. Сотнями падали прекрасные деревья, только лишь для того, чтобы у них обрубили сучья и ветки. Животные жадно поглощали эти связки зеленого хвороста. Но их бока вваливались с каждым днем все больше.

В то время, как саперы пробивали эту дорогу к Туапсе, тысячи егерей и погонщиков ослов ждали в самодельных шалашах.
Рождались настоящие лесные города. У каждого немца в сердце живет горная хижина. Некоторые из этих маленьких строений были настоящими шедеврами изящества, комфорта и прочности. Каждое имело свое имя. Самую жалкую тоже крестили с юмором.

Осень была прекрасна. Мы принимали пищу перед своими лесными хижинами среди наскальных растений. Мы также соорудили деревянные столы и скамейки. Одно лишь солнце пересекало листву. Напрасно вражеские самолеты искали наши месторасположения. Вечером мы видели вдалеке, в глубине долин, полыхавшие огни вокзалов железнодорожной ветки Майкоп-Туапсе. Поезда светились в огне на пятнадцать километров! В бинокль мы без труда различали черные каркасы и ярко красные квадраты каждого купе. Наши «Юнкерсы» делали невыносимой жизнь силам СССР.

На краю леса передовые группы и саперы добрались, наконец, до лесной дороги, через три километра соединявшуюся со знаменитой большой дорогой к Черному морю. Красные отчаянно сопротивлялись, самые высокие высоты были взяты лишь после жестоких рукопашных схваток: на порыжевшей земле лежало много наполовину обуглившихся от лесного огня трупов.

Вся наша дивизия всколыхнулась для первого удара. Мы прошли по импровизированной тропе, проложенной гением. На каждом повороте юмористические указатели, очень талантливо нарисованные, обозначали опасности, впрочем, очевидные и без них. Ослы, нагруженные ящиками с боеприпасами или кухонными котелками, скатывались по склону, катились в адскую кутерьму и разбивались о скалы в ста метрах внизу от наших сапог.

Мы вышли к долине и к дороге дровосеков. Она шла прямо, как линейка, между двух скалистых холмов. Уже неделю красные поливали огнем этот проход. Немецкие дозоры, попытавшиеся пробраться к вражеским позициям, были уничтожены.

Каждый день «Штуки» громили русские укрепления. В тот день эта дробилка была настолько сильной, что мы смогли достичь вражеских траншей, превращенных в ужасную мясорубку.

Вечером с одним из наших офицеров мы дошли до скопища остатков трупов, собранных за неделю. Они были в состоянии чудовищного разложения. Одна цепь русских, сраженная очередью, особенно впечатлила меня. Они сложились друг на друга, как карточный домик. В своих разложившихся, сгнивших пальцах каждый держал еще свою винтовку.

В шесть часов утра я захотел сфотографировать эту мрачную картину.

В момент, когда я смотрел в глазок аппарата, мне показалось, что одно из тел слегка пошевелилось. Определенно, тысячи отвратительных желтых червей копошились на нем. Я захотел все же убедиться в своих подозрениях. Труп, показавшийся мне ожившим, был с закрытым капюшоном лицом. Я подошел с пистолетом в руке и резко сбросил капюшон. Два обезумевших от ужаса глаза взглянули на меня.

Это был большевистский проводник. Он уснул в этом гнилье накануне и черви покрыли его. При нем было завещание, в котором он сообщал, что, будучи евреем, он был готов на все, чтобы отомстить за евреев.

Страсть людская безгранична…

***

«Юнкерсы» сильно, невообразимо разбили место соединения лесной и большой дороги к морю. Сотни трупов советских солдат заполняли все окопы и пулеметные гнезда. Некоторые из них сжимали еще в почерневших руках медицинские бинты, раскрученные слишком поздно. Один офицер, раненый в ногу, только успел спустить брюки и упал убитый в своем пулеметном гнезде головой вперед. Его беловатый зад, по которому ползали сотни кишащих гусениц, белел на поверхности земли.

Троим молодым немецким дозорным удалось в начале операции, то есть дней на двенадцать раньше, пробраться до скалистых берегов речки между русскими укреплениями. Их тела лежали на камнях, с широко раскрытыми глазами и нежными рыжеватыми бородками на лицах. Высохшие ребра уже проткнули зеленые гимнастерки.

Мы дошли до пресловутой дороги на Туапсе. Деревня на перекрестке представляла собой только череду огромных воронок. Под линией железной дороги каждый маленький туннель, предназначенный для стока горной воды, был превращен русскими в узкую больничную палату. Раненные, брошенные уже два

дня назад в этих ледяных коридорах, все погибли на носилках, без медицинской помощи.

До плотины текла красивая речка. Я попытался искупаться, но быстро выпрыгнул из воды: в воде плавали разлагавшиеся полузатонувшие трупы, с каждым взмахом руки я наталкивался на какой-нибудь из них.

Мы провели ночь, уснув прямо на земле среди вони этих останков, которые, лучше чем какие-либо клятвы и молитвы, показывали нам бренность наших человеческих тел…

Ураганы и пропасти

То, что мы овладели в августе 1942 года протяженным участком дороги из Майкопа до Туапсе, было важной победой. Оставалось преодолеть каких-то двадцать километров и достигнуть большого нефтяного порта-терминала на Черном море. Мы приближались к цели.

Нам дали лишь одну ночь на передышку. Со следующего дня мы вновь покинули большую дорогу, чтобы начать вторую операцию по обхвату врага по лесам. Мы прошли несколько километров по дну долины, до диких дубовых зарослей. Дождь лил потоком. Почва, усеянная гниющими телами, стала ужасно вязкой.

У нас не было никакого снаряжения, как у альпийских частей: ни коротких курток, ни толстых подкованных башмаков. Наши длинные шинели тащились по грязи. Мы часто падали на скользкой земле. Продвижение для нас в этих мокрых перепутанных джунглях было настоящим мучением. Люди падали в расщелины.

Добравшись до вершины одной горы, мы увидели тот самый нефтепровод. Он проходил по средней высоте с одной стороны ущелья на другую. Напротив, на гребне гор, закрепились русские. Их линии окопов были на высотах, над нами. В то время, как одна часть наших людей продвигалась по изгибу ущелья, я устроился верхом с автоматом на толстой черной трубе и продвигался вперед мелкими толчками. В пятидесяти метрах подо мной разверзлась пропасть. Я благополучно достиг противоположного склона и за мной целая кавалерия добровольцев, обрадовавшихся такому виду верховой езды!

***

С наступлением вечера мы смогли уже добраться на вершины занятых врагом гор, на них также обрушились немецкие егеря. Русские были расстреляны на месте в своих узких окопах.

Мы едва успели установить палатки на этом гребне, как разразилась первая большая осенняя гроза. Палатки представляли собой маленькие брезентовые треугольники, натянутые в середине колом, и они служили индивидуальным плащом для взвода. Чтобы поставить палатку, достаточно было приладить четыре таких брезентовых куска и зафиксировать их на колышке, покрыв пространство два на два метра. Но эти четыре куска укрывали четверых, так что вчетвером надо было влезть на этот клочок, да еще с имуществом. Дополнительная сложность была в том, что днем ее надо было складывать, чтобы каждый мог накрыться своим собственным плащом, составлявшим часть такой палатки.

У нас не было ни соломы, ни сухих листьев, на которые можно было бы лечь, ничего, кроме мокрой земли. Всю ночь выл лес; мы были как раз на вершине горы. Потоки дождя, града и снега в любой момент могли снести наши хрупкие укрытия. Вода протекала через дырки в брезенте, износившегося за полтора года, и подтекала к лицу. В этой буре слышались крики людей, чьи палатки сносило. Промокшие до костей, они суетились, бранясь.

***

В конце полдня на горе было окружено много советских солдат. Их послали на нас ночью. Они образовали жалкое стадо вокруг нашего бивака. Большей частью это были худенькие паренеки из Краснодара, около шестнадцати лет, насильно направленные в Туапсе, где они расквартировались на четыре дня, как раз, чтобы научиться пользоваться винтовкой. Ноги у них были разбиты толстыми армейскими башмаками. Большинство бросили их и продолжили путь босиком по грязи. Не имея ни малейшей хижины, где бы можно было пристроиться, они сгрудились под ливнем, промокшие, подавленные и сломленные.

С утра, с поразительным равнодушием славян они начали переворачивать во все стороны трупы своих соотечественников, убитых поблизости. Через час тела были абсолютно голые. Пленные натянули на себя не только гимнастерки и рубахи мертвых, но и носки и даже кальсоны. Когда колонна пленных отхлынула назад, она оставила нам в компанию длинные ряды совершенно белых тел, потоками поливаемых дождем.

***

Буря длилась три дня. Снег и дождь смешались и валились с небес снопами. Мы попытались развести огонь в наших маленьких палатках, но дрова были скверными. Получался лишь едкий дым, дравший нам глаза и горло. И день и ночь без передышки ревела буря, переворачивая палатки и проникая сквозь униформу. У многих солдат не было плащ-палаток и им приходилось забиваться во всякие дыры, прижавшись друг к другу.

В первый день мы смогли добраться до вершин холмов на наших последних лошадях. Отстеганные дождем, они бросали на нас отчаянные взгляды. В последнее утро, приоткрыв тент, я увидел их на согнутых передних ногах, валившимися от изнурения и страдания…

Трупы русских были более мертвенно-бледными, чем когда-либо: низ животов начинал цвести нежной свежей зеленью. Постоянное присутствие этих совершенно голых мертвецов вокруг в конце-концов взбесило нас: мы пинками сталкивали их с карнизов гор одного за другим; они падали плашмя на пятьсот метров вниз, в грязь и воду пропастей…

***

Наш изнурительный подъем, дни и ночи страданий на гребнях, сметаемых ураганом, не принесли нам абсолютно ничего. Мы получили приказ вернуться на дорогу в Туапсе, чтобы достичь лесов на юге по другому пути. Одуревшие от

усталости, мы опять пересекли нефтепровод и расположились лагерем в обратную сторону в долине.

Большая дорога к морю была усеяна обуглившимися упряжками русских. Повсюду дохлые лошади были раздавлены бронетехникой и немецкими пушками: они образовали одни лишь лужи, где плавали их шкуры.

Артиллерия работала мощно. Советские самолеты ныряли на нас, довольно неудачно бросая свои бомбы. Достаточно сильная река с названием Пшишь текла слева от нас между высоких серых и рыжих скал. Мы прошли через них на лодочках, прицепленных к плотикам, которые привезли нас ко входу в железнодорожный туннель в сторону Туапсе.

Этот туннель был с километр длинной. Красные не только взорвали мост, что пересекал реку у начала горы, они устроили в туннеле феноменальную чехарду. Целые поезда были брошены одни на другие, по меньшей мере с сотню машин были свалены в кучу в этом мрачном туннеле.

Пехота только с крайней осторожностью могла проскользнуть в этой куче. Надо было продвигаться в полной темноте с четверть часа, упираясь правой рукой в скалу. Затем надо было вскарабкаться под двумя вагонами, чтобы достичь другого края туннеля и продолжить такое же передвижение во тьме, держась левой рукой за мокрую скалу. Каждый кричал, чтобы сообщить соседям о своем присутствии. После получаса продвижения мы заметили бледный свет. Красные заминировали и взорвали выход из туннеля, открыв огромный кратер, по нему мы карабкались, как в дантовском коридоре.

Весь же наш конный обоз должен был взобраться на вершину и затем снова спуститься по дороге, в спешке прорубленной саперами по лесистым грязевым склонам. Коням потребовался целый день, чтобы осуществить это, по крайней мере тем, кто не сдох в грязи или не свалился в пропасть.

На выходе из туннеля мы опять занялись эквилибристикой на остатках второго моста через Пшишь, затем мы вступили на железнодорожный путь. Ночью мы месили дикую грязь.

Но мы благословили ее в конце концов, так как враг обстреливал нас, но беспрестанно летевшие снаряды с глухим шумом шлепались в ил и не разрывались.

На следующий день нам надо было пересечь долину. Большой железнодорожный мост на Туапсе висел в пустоте. Деревня, которую мы должны были пройти до дубовых рощ на юго-западе, методично обстреливалась артиллерией красных. Вокруг нас избы взлетали на десять метров вверх. Любая попытка пройти была бы безумием.

Надо было дождаться вечера. Через болотистые низины, начиненные трупами, мы дошли до подножия огромной горы, тоже ужасно липкой от грязи. В полночь мы попытались сделать восхождение, отягощенное нашим снаряжением и оружием – легким и тяжелым.

***

Сторона горы, по которой мы поднимались, была крутой. Она поднималась на девятьсот метров. Почва была скользкой, как гуталин. Мы соскальзывали вниз на наших стоптанных башмаках, не подбитых гвоздями. В темноте у нас не было

никакой путеводной нити, кроме телефонного кабеля, который раскручивал наш проводник. В любой момент мы могли наскочить на русских. Малейшее отклонение проводника, и вся колонна была бы обречена. Наши молодые солдаты были полумертвые от усталости. Самым сильным из нас пришлось нагрузиться оружием самых слабых, чтобы облегчить их. Я нес один пулемет на шее, другой на плече. Малейшая брань какого-нибудь обозленного солдата могла погубить нас всех.

Последние сотни метров стоили нам неописуемых усилий. Многие рухнули, не в силах карабкаться более. Они цеплялись за стволы деревьев, чтобы не свалиться в бездну. Мокрый, влажный сумрак был таким густым, что невозможно было различить ни пни, ни скалы, ни тела измученных людей.

Было четыре часа ночи, когда мы достигли гребня горы, спешно устроили пулеметные гнезда на главных карнизах. Первые лучи дня пробивались вяло и тускло. Мы с тревогой смотрели на деревья, раскачиваемых ветром над серыми безднами.

Индюк

Прошли дни, вернулось солнце. Если кавказские гребни были неудобными насестами для солдат, то природа, напротив, с таким величием разместилась на этих горах, что она утешала нас от наших страданий.

Осень бросала сказочные шкуры диких зверей на склоны; эти рыжие и красные прелести спускались на километры до белых вод, бурливших по линиям среди зеленых скал. В пять часов утра свет достигал вершин перевалов, но густой и молочный туман еще сжимал извилистые долины. На этой белой скатерти как острова вставали рыжие и золотые горы. Целый час мы были в феерическом сне. Из глубин озерного тумана возникали новые островки, невысокие горы, ранее поглощенные влагой.

С рассветом началась артиллерийская дуэль. Немцы и русские упорно обстреливали друг друга. Между батареями находилась наша гора, на вершине ее, как гнезда журавлей, были наши боевые позиции.

Советские пехотинцы и мы проводили ночью скрытные вылазки. Днем и те и другие не шевелились. Вот тогда нашему отдыху мешали артиллеристы. Длинный вой снарядов, иногда в сумасшедшем ритме, оглушал нас в течение многих часов. Эти снаряды, откуда бы они не летели, брили нашу гору как раз над нашими головами. Мы слышали, как они свистят прямо по верхушкам деревьев, с которых часто падали ветки.

Мы были отданы на милость ленивому или слишком рассеянному снаряду. Опасность не замедлила сказаться. Один из наших постов был накрыт.

Другой снаряд, 120-мм, с особенной фантазией шлепнулся в восьмидесяти сантиметрах от меня. Смерч огня поднял меня в воздух. Когда я пришел в себя, то находился среди обломков: все было срезано, выбрито на двадцать метров вокруг. Правая сторона моей каски была полностью вырвана и смята на уровне уха, фляжка была искорежена, как раскрывшийся цветок, автомат, лежащий рядом, был раздроблен.

Все думали, что я превратился в пыль. Но у меня всего на всего был осколок в правом предплечье, пробита барабанная перепонка и внутреннее повреждение

желудка. Я был ранен пять раз за четыре года войны на Восточном фронте, и каждый раз вот таким незначительным образом.

***

Через несколько дней немецкие войска были готовы к последнему броску. Мы просочились больше к югу, но по-прежнему по тому же горному хребту. Напротив нас возвышалась впечатляющая громада горы Индюк, высотой в тысячу триста метров, перед ней была великолепная дубовая роща, сжатая, как будто подлесок, и где то там, то сям виднелись серые пики нескольких скал. Оттуда, как говорили нам пленные, было видно море. Когда эта гора будет взята, останется лишь спуститься к береговым пальмам голубого побережья Туапсе.

Примерно в тысяче метров внизу от наших пулеметов между горой Индюк и нашей текла река Пшишь. Наш участок был разделен надвое очень труднодоступной пропастью во многие сотни метров глубиной: в глубине этого ущелья по гигантским скалам скакал водопад. Наши позиции поднимались вверх с другой стороны, проходили по гребню на многие километры, затем отвесно спадали к главной реке. Мы занимали там выдвинутый вперед пост, в глубине долины в нескольких метрах от бурной воды.

По плану боя немецкие егеря должны начать атаку Индюка с крайней южной точки нашего участка. Сначала они пройдут с тыла и атакуют советские передовые позиции на другой стороне Пшишь ниже скал. Мы, устроившиеся на орлиных гнездах, должны будем только наблюдать за врагом и ждать новых приказов.

Мы не потеряли ни одной детали последней великой битвы за Кавказ.

С восходом спектакль открыли «Юнкерсы». Они пикировали к желтевшему морю долины, работая с неслыханной виртуозностью, взмывая вверх из глубины только тогда, когда вот-вот должны были разбиться, врезавшись в лес.

Мы видели нескольких бежавших к скалистым гребням советских солдат. Но «Юнкерсы» не видели больше, чем мы. Дубняк был настоящей крышей, невозможно было знать, где находились блиндажи русских. «Юнкерсы» старались больше посеять ужас, чем разбомбить что-либо.

Затем немецкие егеря бросились через чащу. Мы слышали шум рукопашных схваток. Мы с безупречной точностью следили за продвижением наших братьев по оружию, так как из леса регулярно взлетали ракеты атакующих. Это было очень волнительно. Бросок был быстрым. Ракеты долетели до нашей высоты, поднялись выше.

Через два часа ракеты показались из листвы почти на вершине Индюка. Мы с трепетом подумали, что первые егеря достигли вершины. Мы вспоминали крик Анабаса. Они тоже кричали как десять тысяч античных героев, воспетых Ксенофонтом.

Увы, они не крикнули. Выше ракеты больше не показывались, очереди и залпы автоматов и пулеметов становились реже. «Юнкерсы» уже не пикировали между двух гор. Немецкая артиллерия подолгу молчала.

Нерешительность, неясность продлились долго. Несколько зеленых ракет выбросили свои цветки и россыпи, но намного ниже. Очереди еще потрескивали, но это был конец. Роты егерей не смогли победить огромный лес. По мере продвижения они истрепались и рассыпались, лесное препятствие поглотило их.

Атака провалилась. Вечером в фиолетовых отсветах сумерок гора Индюк показалась нам как никогда еще более дикой и надменной. Она окончательно преградила нам путь.

***

Осень просвистела на горах, раскрыла их, усыпав землю миллионами сухих и легких листьев. Мы смотрели на умирающий лес. Наши маленькие позиции были настоящими балконами над долиной.

Под ними на сотни метров спускался страшно крутой склон. Ночью русские патрулировали его. Мы протянули железную проволоку, вдоль которой звякали пустые консервные банки. При касании проходящих они сталкивались, и мы стреляли. На следующий день мы замечали несколько смуглых тел под нашими побрякушками.

Немецкие егеря, которых мы сменяли, вырыли себе маленькие укрытия на одного человека на метр под землей, чтобы по очереди отдыхать в них. Пришла наша очередь воспользоваться этим. Мы сползали в отверстия, в эти дыры, как раз имевшие размер человеческого тела; в глубине надо было свернуться калачом и ползти по углублению размером не больше гроба.

Но этих щелей было слишком мало. Нам приходилось протискиваться вдвоем, придавив друг друга, носом в землю. Мы чувствовали себя ужасно, как заживо погребенные. Нам надо было привыкнуть, чтобы лежать вытянувшись, как поспешно похороненные мертвецы. Те, кого это действительно угнетало, предпочитали завернуться в одеяло под деревьями, несмотря на туман и летящие осколки снарядов.

***

Однажды ночью погода изменилась. Подул северный ветер. Буря разметала верхушки высоких дубов, ураганом пронеслась над нами, залив наши укрытия-могилы, в которые по корням сочилась вода.

Мы попытались вычерпывать воду котелками, но вынуждены были признать свое бессилие. Склон из-за дождя и ветра потерял всю свою листву. Пшишь поднялась, водоворотом прокатилась по долине, опрокинула деревянные мосты, отрезав за нашей спиной всякую возможность снабжения продовольствием и боеприпасами.

Последние

Сильные осенние бури, только лишь накрыв горы Кавказа, сразу положили конец всяким попыткам наступательных действий.

Там, где должны были быть боевые действия, надо было пробираться в грязи.

Русские у подножия нашей горы, как и мы, сопротивлялись непогоде в залитых водой окопах. Мы слышали их вой по ночам.

Каждый солдат возился в темноте, напрасно пытаясь вычерпать свою щель черпаком. От одной линии окопов до другой происходил настоящий

международный конкурс ругательств. Немцы кричали: «Сакрамент!», русские орали: «Сатана!»

Большевикам приходилось легче, так как их спасала зима, из-за которой силы Рейха были скованы тогда, когда оставалось покрыть всего несколько километров до гор и лесов, чтобы достигнуть Черного моря, Туапсе. Эта остановка за три лье до победы приводила их в отчаяние.

Однако ничего нельзя было сделать другого, как стабилизировать фронт на развороченных хребтах, где мы напряженно бились три месяца.

***

Самой острой была проблема размещения. Все старые щели были залиты грязной водой. У нас не было ни заступов, ни пил, ни какого-нибудь саперного оборудования. Дозорные группы пошли в ближайшую деревню, чтобы вытащить гвозди, поискать топоры…

В нескольких метрах от гребня горы наши пехотинцы выкопали лопатками нечто вроде фундамента для хижин, вырубая дренажные канавы для стока воды.

Нам удалось вбить колья, протянуть над ними ряды стволов деревьев, мы их покрыли метровым слоем земли. Эта импровизированная крыша амортизировала осколки, но вода просачивалась через брусья. Внутри этих отшельнических хижин мы воткнули на полметра высоты колья и закрепили на них голые ветки, что служило нам кроватью. Всю ночь вода протекала к нам в укрытие, поднимаясь к утру до двадцати-тридцати сантиметров. Мы воспользовались этим, чтобы топить наших вшей. Мы постоянно горстями собирали их под гимнастеркой и в промежностях, бросая их в воду, журчащую под ветками.

В течение двух месяцев мы не меняли белье. Паразиты донимали нас невероятно. Однажды утром я разделся на ветру и убил семьсот вшей за один раз!

Наша шерстяная одежда была просто нашпигована ими, они, как кукурузные зерна, были спрессованы в ней. Их можно было удалить только подвесив свитер над огнем, и тогда было видно, как сотни огромных беловатых вшей ползли к верхней части одежды.

Мы стряхивали их на горячий брезент: они потрескивали и разлетались как петарды в разные стороны. После этого брезент весь блестел от их расплавленного жира.

***

Разлившаяся Пшишь превратилась в настоящую реку, за одну ночь достигнув подножия нашей горы и превратила долину в грязный залив, где, толкаемые течением, плавали раздувшиеся трупы большевиков.

Наши кухни были заблокированы у подножия отвесных склонов, их залила вода. На следующий день были видны лишь металлические трубы и головы нескольких лошадей, то тут, то там еще сопротивлявшихся течению. Им удалось спастись от воды, но они подохли от голода на отлогах горного хребта.

Эта отвратительная падаль стала вскоре нашей основной пищей.

От наших снабженческих баз не оставалось больше ничего, поскольку мосты, наведенные саперами, были снесены как соломинки потоком, достигавшим двух-трех метров глубины. Целую неделю мы питались, отрезая ножом куски от

сдохших кобыл. Мы рубили, как могли, эту отвратительную плоть и проглатывали ее сырой и без соли.

Мы сберегли несколько мисок муки и замесили на дождевой воде несколько блинов. Малейшая стрельба представляла опасность для нашего участка. Гребень был совершенно голым, листва слетела с деревьев. Русские выслеживали нас. Малейший хвост дыма над горой в тоже мгновение стоил нам тридцать-сорок гранат. В наших хижинах дым делал жизнь невозможной, наши глаза сильно слезились, и надо было сразу же гасить огонь.

Изнуренные от голода, промокшие насквозь, прозябающие в наших залитых водой отвратительных берлогах, скоро мы стали жертвами всякого рода болезней. Эпидемия желтухи охватила весь наш сектор: каждое утро вереницы солдат в сильном ознобе с галлюцинациозными желтыми лицами вылезали из своих нор. Как только был наведен временный мост, их эвакуировали группами, вызывавшими страх своим видом. За несколько недель с кавказских хребтов было спущено двенадцать тысяч больных желтухой.

Каждый из нас находился под угрозой заболеть желтухой, пневмонией, десятком других хворей. Личный состав таял на глазах. Мы быстро потеряли половину наших солдат.

***

И, тем не менее, надо было выполнять свой долг и нести это несчастное бремя до конца, проводить нескончаемые часы, наблюдая за противником, косить из винтовки или из пулемета русских, просачивавшихся совсем близко от наших постов или между постов на расстоянии пятьдесят метров или даже сто метров друг от друга.

Каждую ночь наши патрули спускались к лисьим норам русских. Это было изнурительное ремесло, однако нашим солдатам нравились эти рискованные вылазки.

Один из наших патрулей, обнаруженный на заре русскими и посеченный их огнем, вернулся без своего командира по имени Дюбуа. Его убили около речки Пшишь. Точнее, его считали убитым. Ночью, среди отвесных скал, отделявших нас от противника, мы услышали крики о помощи на французском языке. Волонтеры спустились в ущелье и привели командира патруля.

По правде говоря, он был почти мертвый. С пробитым очередью плечом он смог прийти в сознание через много времени после боя. Подняться на хребет белым днем было невозможно, но он не захотел упустить шанс исключительным образом выполнить полученный приказ – установить позиции русских. Он перебрался через реку, проскользнул между двух блиндажей, провел несколько часов, изучая план всего неприятельского сектора.

Он все выполнил очень хорошо. Обнаружив телефонную линию русского КП, он ценой больших усилий, поскольку мог действовать только одной рукой, перерезал кабель своим ножом.

Недоумевающие красные послали разведку. Нашему Дюбуа, преследуемому ими, пришлось снова броситься в воду, под яростным огнем получить несколько пуль, одна из которых, разрывная, сделала в его ноге дыру размером с грейпфрукт. Он прополз до лесной чащи, с грехом пополам сделал себе жгут,

ночью прополз к нашим скалам до девятисот метров высоты, с энергией человека, когда на карту поставлена жизнь.

Нам притащили его почти безжизненного. Санитарам пришлось снова спустить его по другому склону горы, по грязи, ночью. Прежде, чем хирург дал ему наркоз, он попросил бумагу и карандаш: двадцать минут перед немецким полковником, командовавшим сектором, он рисовал план советских позиций, потягивая немного коньяка, всякий раз, когда был на грани потери сознания. Только когда все было сделано, он лег на операционный стол.

Как и все другие, это был обыкновенный унтер-офицер, но наши ребята имели веру, они знали, за что отдавали жизнь…

***

Только этот идеал мог еще поддерживать силы наших товарищей, доведенных до состояния скелетов. На нашей ледяной горе мы жили в атмосфере безумия. Многие сотни русских трупов с ужасными гримасами разлагались в нескольких метрах от нас.

Однажды октябрьской ночью русские захотели отбить хребет. В одиннадцать часов вечера они взобрались до вершины гор, думая, что никто их не услышал. Но каждый пулеметчик был на своем месте.

Как только большевики оказались в нескольких метрах, был открыт шквальный огонь. Советский батальон был разбит в клочья. Своим огнем этих красных мы застали врасплох, когда они были в конце подъема и пальцами цеплялись за корни деревьев. Они погибли, зацепившись за эти корни. Некоторые скатились и разбились об острые камни внизу, другие еще смогли преодолеть несколько метров и были убиты на плато. Но самые страшные трупы были те, что лежали с перекошенными лицами у нас под носом, всё цепляясь за дубовые пни.

Невозможно было добраться до этих мертвецов, не подвергаясь риску быть обстрелянными пулеметами и минометами противника, следившего с другой стороны за каждым нашим движением, поэтому на протяжении многих недель нам пришлось видеть перед глазами разлагающиеся трупы. В конце концов, их головы оторвались и одна за другой скатились к скалам. Остались только плечи, беловатые фосфоресцирующие белые позвонки, налегавшие друг на друга как негритянские колье.

***

В половине четвертого тени клеились к горам, в четыре часа темнота была полной. Надо было залезать в черные, полные воды норы и среди бесчисленных паразитов ложиться на подстилки из веток. С одиннадцати вечера мы уже больше не могли. Дрожа от холода, мы часами ждали, когда бледные лучи солнца пересекут влажный заревой туман.

Враг становился все более и более дерзким. В Марокко и в Алжире только что высадились американцы. До этого театрального трюка большевики не верили янки. Завоевание Северной Африки все изменило.

До этого сдавалось в плен много солдат. Часто, впрочем, доходя до нас бедняги в ночи подрывались на наших минах; обезумевшие уцелевшие снова бежали к своим позициям, где их тут же расстреливали. Со следующего дня после

высадки десанта в Рабате и Алжире русские больше не приходили, снова обретя уверенность.

Нам приходилось непрерывно быть начеку, наши солдаты сменялись через каждые два часа. Эти смены были ужасны. Мы падали в старые укрытия, полные воды, люди полностью исчезали там. Их вытаскивали промокшими до костей. Некоторые начинали плакать, как дети.

Но больше, чем залитые водой окопы, нас приводили в ужас проклятые трупы русских, разжижавшиеся между нашими постами. Продвигаясь на ощупь в темноте, мы натыкались на эти зловонные кучи, на полную ступню погружаясь в чей-то вязкий желеобразный живот. Тогда мы впадали в отчаяние, не зная, как очиститься от этой отвратительной человеческой жижи, приклеивавшейся к нашей коже и доводившей нас до рвоты.

Мы были на исходе. На исходе!

На исходе физических сил.

На исходе морального духа.

Мы еще сопротивлялись только потому, что на карту была поставлена наша честь солдата. Будучи добровольцами, мы хотели остаться ими до окончательного исхода, до последнего удара наших изможденных сердец…

***

Мы больше ни на что не надеялись. Однажды утром, читая приказы, мы своими помутившимися глазами увидели параграф, определявший час и условия нашей смены. До нас долго доходило, о чем шла речь. И тем не менее, это было так. Легион «Валлония» отступал, получая три недели отпуска в своей стране. Затем он должен быть усилен многими тысячами новых бельгийских добровольцев.

Мы опять спустились по длинному грязевому склону, по которому мы с таким трудом карабкались октябрьской ночью. Во что превратились несчастные мои однополчане, в тот вечер взбиравшиеся, страдавшие, карабкавшиеся в тишине на вершину горы? От нашего Легиона, основательно потрепанного с первой зимы в Донбассе, полностью переукомплектованного в июне 1942 года перед большим наступлением на юге, когда мы ступили на маленький деревянный мостик на реке Пшишь, оставалось всего сто восемьдесят семь человек.

Мы еще долго поворачивали взгляд на хребет, где мы претерпели столько страданий. На самом верху виднелись золотистые вершины нескольких деревьев, не побежденных зимней вьюгой: подобно им, наш идеал, гордый и излучающий, оставался водруженным там, во враждебном небе.

V. ЗА ДНЕПР

Однажды декабрьским вечером 1942 года наш поезд с отпускниками пересек реку Кубань. Немецкий инженерный батальон перебросил тогда через зеленую воду огромный двухрядный металлический мост.

Тем не менее, фронт трещал к северу и северо-западу от Сталинграда. Немцы, не подверженные ни малейшему сомнению, как всегда методично продолжали подвозить огромные балки, чтобы заменить деревянные мосты, спешно наведенные в победоносное время августа прошлого года.

С такой же тщательностью они собрали в Майкопе и Краснодаре склады валенок, ватного зимнего обмундирования, лыжных пар, сигарет, шоколада: месяц спустя эти склады взлетят на воздух от мощного заряда динамита!

Это был немец, слушающий только немецкое радио. Мы, более нескромные, узнали, что русские подходят с востока и стремятся отрезать под Ростовом пути сообщения с Кавказом. Мы знали, что они приближались.

Наш участок оставался совершенно спокойным. Несколько часовых наблюдали за путями вдоль замерзшей лагуны беловато-зеленого цвета. Ничего не было слышно, ничего не было видно. Лишь несколько ворон оживляли низкое небо.

***

Однажды утром мы вышли к мостам Ростова, защищенным от льдин огромными молами. С тех пор как Украина стала ближе к Европе, вся эта окраина превратилась в сказочную стройплощадку. Там, где мы находили лишь железнодорожные пути, заржавевшие от славянского разгильдяйства и почерневшие от систематических пожаров здания, теперь возвышались современные вокзалы на пятнадцать-двадцать путей, обставленные просторными новыми строениями из кирпича и бетона.

Через приоткрытые двери наших вагонов мы, широко открыв глаза, удивлялись этим необыкновенным преобразованиям. С гордостью высились сотни щитов с именами основных немецких фирм, над заводами и ангарами возвышалась эта пальмовая ветвь победы в этой индустриальной войне.

Мы, солдаты, завоевали пространство разрухи, совершенно уничтоженное Советами перед отступлением на восток. Оказалось достаточно четырнадцати месяцев, чтобы отстроить, создать, упорядочить, преобразовать все сверху до низу.

На Днепре зрелище было такое же, как и в Донбассе. Двухъярусный мост – один ярус для поездов, другой для автомобилей – был переброшен через эту реку в километр шириной за несколько месяцев. Город сверкал всеми огнями до границ обзора. В ночи повсюду виднелись огни мощных заводов. Река текла к морю, огромная и черная, усеянная отсветами бесчисленных огней, как светлячками.

Под снегом и морозом Украина простирала свои огромные горизонты, пересеченные медного цвета рощами, оживленные белыми избами в зеленом и синем пересветах.

Но повсюду возвышались новые вокзалы, хранилища, склады, огромные сахарные заводы. Выгружались сотни сельскохозяйственных машин, зеленых и красных, как симпатичные нюрнбергские игрушки. За один год Германия создала в России самую богатую колонию в мире. Потрясающая работа!

Но также и сильная иллюзия, потому что Рейх слишком рано затратил на это мирное дело силы, которые по дикому закону ненависти и выгоды должны были быть сориентированы исключительно на военные дела разбоя, резни, уничтожения!

***

В 1943 году война по-прежнему продолжалась. Она требовала сильных сердец более, чем когда-либо. В 1941 году мы отправились в крестовый поход на восток, потому что нам приказывала наша совесть. В 1943 году мотивы оставались теже, жертва должна была остаться такой же. Какими бы не были превратности и муки борьбы, горечь разлук, непонимание, что часто окружало нас, мы должны были оставаться твердыми, на службе того же самого долга. Жизнь стоит того, чтобы жить, только тогда, когда она освящена высшим даром, высшим приношением. Каждый хотел идти до конца.

В конце января 1943 года наш Легион собрался для второй отправки во Дворце Спорта в Брюсселе. Десятки тысяч бельгийцев приветствовали там наших солдат. Затем вагоны увезли нас к восточным землям. Между тем, нам не суждено было сразу же найти советский фронт.

Наши суровые бои с 1941 по 1942 годы вместо того, чтобы посеять ужас среди молодежи нашей страны, наоборот, вызвали массовый энтузиазм. Около двух тысяч бельгийских добровольцев проходили обучение. Нам пришлось сначала присоединиться к ним. Большинство их были рабочие-шахтеры. Некоторые пришли из-за отвращения от работы на шахтах, многих притягивал наш социалистический идеал и они мечтали о справедливости и чистоте. Много было солдат и офицеров из старой бельгийской армии, заключенных в лагерях Рейха, где они попросили взять их в армию. Они пришли к нам многими сотнями в славной старой униформе, в которой они попытались остановить движение немцев на Запад в мае 1940 года.

Так по-братски соединились две армии, та, что героически защищала целостность нашей земли в 1940 году и та, что, преодолев огорчения прошлых лет, с августа 1941 года пожелала помочь спасти главное – Европу, и через Европу – нашу Родину.

Присутствие среди нас воинов 1940 года вселяло уверенность, что патриотизм, ведущий наш Легион с самого начала, остался также цел и чист. Они дрались в России также как и в Лисе с высшей верой и духом.

Один из них захотел взять с собой на фронт свой маленький берет бельгийской армии. При каждой атаке он бросал свою стальную каску, меняя ее на свою реликвию майской кампании 1940 года. Он так и погиб в своем берете на голове во время атаки на лесной массив Теклино 16 января 1944 года.

***

Рабочий класс составлял 3/4 нашего Легиона. Но также было много и молодых людей из знати, и представителей лучшей бельгийской буржуазии, золотые медалисты иезуитских колледжей, сыновья знаменитых дипломатов, юристов, служащих, промышленников.

Нас всех объединяла единая воля: с блеском представить наш народ среди двадцати народов, собравшихся на битву; не дрогнув, исполнить наш европейский долг в борьбе против смертельного врага Европы; добиться для нашей Родины достойного места в континентальном сообществе, что рождалось из войны; и, наконец, подготовить ударные отряды, мощь которых гарантировала бы установление социальной справедливости после нашего окончательного возвращения в страну после сражений.

Вот для этого идеала мы жертвовали своими жизнями. Жертва не была риторической формулировкой: из шести тысяч бельгийских добровольцев, пришедшим на смену Легиона «Валлония» с осени 1941 по весну 1945 годов, две с половиной тысячи пали смертью героев. Восемьдесят три процента наших солдат получили одно или много ранений во время этой гигантской кампании. Из восемьсот первых волонтеров 1941 года из тех, кто участвовал во всех боях, живыми в конце войны вернулись только трое: простой солдат, унтер-офицер, ставший капитаном и трижды раненый и автор этих строк, сам раненый пять раз.

Возвращение к Днепру

В начале ноября 1943 года наш Легион, ставший мощным подразделением Ваффен СС – Ударной бригадой «Валлония», погрузил в шесть длинных составов своих две тысячи солдат, готовых к боям и свои триста пятьдесят четыре мото- и бронемашины.

Наши составы прошли вдоль речек, желтых тополей, облетевших лесов Силезии. Этот промышленный район в 1943 году был еще целым: угольные шахты, заводы синтетического топлива работали на полную мощность. Деревни и долины были свежими и счастливыми.

Но на юге Европы уже грохотали предвестники больших бурь. Средиземное море бороздили англо-американцы. В августе 1943 года, при попустительстве итальянцев, оставивших сопротивление, при мощной поддержке с моря и воздуха штурмом была взята Сицилия. Союзников не смогли ни отбросить, ни сдержать, как в Мессинском проливе, так и в Сиракузах и Тунисе. Массовый десант под прикрытием многих тысяч самолетов имел тотальный и быстрый успех. Факт был очевиден.

Могла ли провалиться тактика, повторенная на Атлантике, если она удалась в южных морях?

***

Второе испытание сил имело место на украинском фронте, куда катились наши триста вагонов.

До лета 1943 года мы все верили в возможность выпрямления немецкого фронта на Востоке. Сталинград, бесспорно, был тяжелым ударом, но должно было состояться контрнаступление, как весной 1942 года. Оно состоялось. Германия бросила все свои силы в направление Воронежа и на Дон. После кровопролитных боев, в которых были выведены из строя многие тысячи танков, наступление провалилось. Советы, развивая свой успех, отбросили немецкие войска до Харькова, затем взяли город.

Этот провал был несравнимо более серьезным, чем Сталинград, хотя и не таким ярким. Речь шла уже не о неудаче (какая воюющая сторона не знает неудач?), но о системе. Наступательный вал Советов не был ни отброшен, ни остановлен. От Харькова силы СССР спустились до самого Днепра, форсировали его, обошли Киев и Днепропетровск.

Но, в любом случае, мы, антибольшевистские добровольцы, знали свою цель и задачи. Мы были полны решимости биться против Советов до последней секунды. Мы знали, что каждый нанесенный удар будет однажды оценен по достоинству.

К тому же, на войне, пока все не потеряно, не потеряно ничего. За Германией оставалось просторное поле для маневра от Минска до Бордо и от Афин до Нарвика. Она еще располагала огромными материальными ресурсами, ее талантливые изобретатели были способны нанести уверенному в себе противнику неожиданный сокрушительный удар. К нам присоединялись многие эшелоны с прекрасными ударными частями, в частности, знаменитая дивизия СС «Лейбштандарт», ее элитные бойцы кричали нам бодрые призывы.

***

Наши эшелоны шли по югу Польши под сухим бледно-голубым и розовым небом. Было воскресенье: женщины в темных платьях, в зеленых платках выходили из своих маленьких саманных изб, идя по проселочным дорогам к деревянным церквам.

Мы втягивали носом аромат обледенелой земли. На следующий день на заре мы сделали короткую остановку в Лемберге, где получили прекрасную зимнюю экипировку: целиком утепленный камуфляж, валенки, белые куртки, меховые шапки.

При виде всего этого мы ощущали себя огромными и неуклюжими, не зная, как передвигаться во всем этом обмундировании. Мы вспоминали ужасную зиму 1941 года в Донбассе, наши потертые гимнастерки, прошиваемые холодным воющим ветром. На этот раз командование перестаралось с предосторожностями. Это было почти слишком красиво. Самые дальновидные из нас спрашивали себя, как они сохранят весь этот феноменальный личный обоз, когда однажды придется передвигаться без машин.

Но в основном солдаты радовались как дети, получая эти ватные подарки. Каждый вагон вскоре имел полный комплект.

***

Мы продвигались через Галичину, утопавшую в осенних дождях. Затем вереница поездов повернула к югу. Очень далеко на западе виднелись голубые

горы. Илистая река, усеянная по берегам тысячами высохших тростников, текла под колесами грузовиков: переходя Днестр, мы вступали в Бессарабию.

С этого момента пути сообщения были так забиты, что приходилось пятнадцать-двадцать дней тащиться по прямой от Лемберга до фронта. Тучи отпускников, уже не слишком радующихся возвращению в эти передряги, тащились кое-как. Еще с регулярной точностью часового механизма в сторону Одессы проскальзывали прекрасные спальные вагоны и вагоны-рестораны. С перронов вокзалов, где мы толпились в ожидании по сорок-пятьдесят часов, мы вдруг видели эти длинные вагоны-люкс с оранжевыми лампами.

Но общие перевозки все более и более парализовывались. Бармены по-прежнему проезжали без препятствий, а вот армия – по каплям. Наши поезда шли через Румынию по одноколейке.

Нам сказали, что мы направляемся в Крым. Полуостров Крым только что наступлением Советов был отрезан, но от Одессы немецкие подкрепления были посланы по морю, поэтому мы не удивились, увидев однажды утром укрепления старой крепости Тирасполя из красного кирпича, возвышавшейся на правом берегу Днестра.

На другом берегу реки мы нашли однотипные избы, колодцы с длинными журавлями, миллионы палок подсолнуха без голов, сероватые, побитые наступавшей зимней непогодой. Вечером мы будем в Одессе!

Но поезд остановился на невзрачном вокзале, затем повернул четко на восток. Путешествие в Крым закончилось. Мы ехали в течение двух дней. Северо-восток! Северо-восток! Северо-восток! Мелькали украинские вокзалы, засыпанные снегом. Полные смеющиеся девушки с пышной грудью, раздутые в своих подбитых ватой одеждах, работавшие уборщицами на вокзалах, шептались, лузгая семечки.

Мы продвигались все дальше к Днепру, очень далеко, к северу от Днепропетровска. Уже была слышна артиллерийская канонада.

В последний вечер справа от нас мы заметили ослепительные снопы ракетных разрывов, затем и слева тоже – ослепительные вспышки. Поезд проехал много часов, разрезав надвое этот странный фейерверк. Мы все более проникали в горловину. Самолеты обстреливали путь на бреющем полете. Перед собой мы увидели пылающие здания. Это была Корсунь. Глубокой ночью мы разгрузились.

Ольшанка

Мы должны были занять позиции километрах в тридцати к востоку от Корсуни. Нашим тремстам пятидесяти четырем единицам мототехники потребовалось три дня, чтобы преодолеть этот этап, в обычных условиях занявший бы два часа.

Огромная, ужасная русская грязь, густая, как расплавленная резина, затопила все дороги. Она достигала сорока-пятидесяти сантиметров на траверсе балок и других углубленных участков.

Нашим новичкам-шоферам приходилось в полном смысле этого слова сражаться в этих вязких топях. Приходилось вырубать вишневые сады, импровизировать новые проезды. Мы подошли к большим болотам перед сосновым массивом. Там нам предстояло продвигаться по дороге из тысяч

круглых бревен, жердей, наложенных одни на другие, это была своеобразная гать. Мы подпрыгивали на этих жердях, как на ярмарке.

Дорога, проходившая через сосняк, тоже была выложена тысячами стволов деревьев, не по причине грязи, но из-за песчаных осыпей, в которых машины вязли до самого мотора.

Большевики знали трудности этого пути, поэтому лес бороздили группы партизан, просачивавшихся ночами, чтобы ставить мины, или охотившихся за солдатами. Утром две-три машины подрывались в пути. Это была ежедневная дань.

Через каждые пятьсот метров были выстроены огромные редуты, похожие на африканские форты. Там, под прикрытием внушительных деревьев скрывались группы наблюдения.

***

На востоке от этого сосняка открывалась долина Днепра. На много километров по кругу простиралась огромная деревня Белозерье, где расположился штаб знаменитой дивизии СС «Викинг», к которой мы были приписаны до лета 1944 года.

Прекрасно вооруженная, целиком моторизованная, состоящая из тысяч замечательных парней с квадратными плечами и сильных, как лесорубы, дивизия «Викинг» получила приказ защищать Днепр, с северо-востока и юга уже обложенного дивизиями Сталина.

Советские части были десантированы на правый берег реки, в районе Белозерья, в то время, когда отступавшие немецкие дивизии медленно откатывались к левому берегу, ожидая своей очереди пересечь реку по редким проходимым мостам.

Десантников противника быстро рассеяли: многие из них были убиты в этих быстрых перестрелках, уцелевшие смогли исчезнуть в большом черкасском лесу, где было много партизан.

***

Зона, обозначенная нам на юге сектора, занимаемого «Викингом», проходила точно по западной границе леса. В этом лесном анклаве, образованном на правом берегу Днепра, уже много недель обосновались десантники и украинские партизаны. Им удалось установить связь с регулярной Советской Армией, форсировавшей реку ниже по течению.

С запада лес опоясывала река Ольшанка, шириной в пятнадцать-двадцать метров. Протекая с юга, она доходила до деревни Староселье, немного косила к северо-западу, затем возвращалась вдоль леса и спускалась к востоку. Она проходила деревню с милым названием Байбузы, расположившуюся на холме на левом берегу. По другую сторону реки, прилепившись к самому лесу, находился хутор Закревки, занятый врагом.

Ольшанка продолжала дальше петлять между холмами. Через пять-шесть километров она доходила до четвертой деревни Мошны. Там Ольшанка окончательно отходила от леса, становилась шире, с длинным деревянным мостом.

В каждой избе были верели, сети, бродни и другие странных форм рыболовные снасти. Восхитительная церковь с византийским куполом украшала весь горизонт.

От Мошны Ольшанка бежала к востоку еще несколько километров. На краю розоватой степи под набухшим ноябрьским небом лежало последнее поселение, носившее имя Лозовок. Высокие белые дюны смотрели, как между желтыми песчаными островами и черными соснами река впадала в илистый Днепр. Такими были наш боевой пейзаж и наши деревни.

***

Сначала нам следовало занять центр этого сектора, то есть населенные пункты Мошны и Байбузы. Основная часть нашей бригады спустилась к Мошнам, ее рыбакам и черноватому мосту. Мне же предстояло оборонять Байбузы. Я тогда был командиром третьей роты, большей частью состоявшей из будущих лидеров молодежи, прошедших отбор и длительную стажировку в виде семинарии лидеров. Эти шестнадцати-семнадцатилетние парни были кристальной чистоты и идеалов.

Я прибыл с ними в Байбузы. Две длинных улицы слободы пролегали вдоль вершины. У подножия этих хижин местность слегка спускалась к Ольшанке на дистанции с километр. Таинственный лес смотрел на нас.

Русские укрепились у входа в лес, внешне не обнаруживая себя. Мы установили наши минометы, артиллерию и противотанковые пушки, наша пехота заняла позиции.

Деревня была спокойной, лес был спокойным, ни одна спина не двигалась среди палок подсолнуха. Я установил мой КП в первой избе в юго-восточной части.

Внезапно в восемь часов одна единственная очередь разорвала темноту. Через пять минут мой КП, прошитый зажигательными пулями, пылал на вершине холма как золотой факел с миллионом искорок-соломинок. Вся возвышенность была освещена.

Однако, после очереди не было никакого шума, ничего. Несколько темных пригнувшихся спин потихоньку пробежали до берегового тростника. Там, в чаще, блестящими глазами смотрели на огонь. Между лесом и нами начался бой.

Немой лес

Мы обосновались на нашем новом участке украинского фронта 21 ноября 1943 года. Через несколько дней, чтобы обстрелять своих новобранцев и прощупать местность, при первых лучах утреннего солнца я пробрался на советский берег.

Узкий деревянный мост Байбузы-Закревки, который как русские, так и мы могли взорвать, по прежнему был цел, так как и те и другие сохраняли его на «черный день».

Мы свернули к югу; с десятком солдат я проскользнул через поле подсолнухов до речки Ольшанки. Вода была ледяная и доходила нам до живота.

На другом берегу я поставил пулемет, чтобы прикрыть переход реки. Затем мы долго ползли по гати до леса.

Высокие сосны были безмолвны, светло-желтый песок был девственным. На одной опушке мы обнаружили стадо и двух пастушков. И всё.

В качестве жеста вежливости большевикам мы подожгли, возвращаясь, три стога сена на границе участка противника.

***

Когда мы основательно укрепили траншеи и колючую проволоку на юго-восточной и восточной окраине деревни Байбузы, генерал, командовавший армией, отдал, как и следовало, приказ сменить все позиции и укрепиться, выдвинувшись вперед к самой кромке вод Ольшанки.

Теперь мы были на открытой местности, а зима приближалась. Наверху в Байбузах мы по очереди отдыхали в избах, жалких лачугах, построенных на голой земле и саманные стены которых сочились влагой. Но все же была крыша, два маленьких оконца. Внизу была пустынная равнина, грязь и песок.

Мы расположили наши боевые точки на расстоянии семи километров друг от друга, вдоль холмов или поблизости от маленького моста в Закревках. В двухстах метрах от Ольшанки над холмом возвышалась березовая роща: мы оборудовали там оборонительную линию, ночью затащили туда зенитки. По верху сети траншей на брустверах пробегала колючая проволока.

Через две недели нашей бригаде пришлось сильно растянуться к югу до Староселья. Новый участок резко спускался к деревне Ирдынь, занятой большевиками. Но между этим населенным пунктом и нашими блиндажами простиралась широкая степь. В этих лесах росли тростники и ползучие растения.

Пошел снег. В степи бегали кролики, виляя хвостиками, рыли свои норы. На фиолетовый лес спускались розовые вечера.

Но нашим парням приходилось нелегко. Патрули доходили до болот, кромка льда ломалась, многие отморозили ступни. Но эти неурядицы не снижали боевой накал духа: для каждого патруля из шести человек спорили, чтобы их выбрали и назначили в рейд.

На другом конце сектора наши ребята из Мошны прошли вдоль речки Ольшанки. Следы дороги шли вдоль берега. В зоне расположения противника на спуске сиреневого и фиолетового леса видны были развалины одного монастыря и желтые гирлянды старого крепостного вала. Наши люди окапывались, рыли рвы в то время, как наблюдатели следили за правым берегом, испещренным палками кукурузы.

Вечером русские просачивались сюда на разведку местности. Наши тоже пробирались под покровом темноты на тот берег. Но поля, черные от вязкой грязи и покрытые первым снежком, были напичканы минами. Мы слушали ночные звуки: всплеск огня, шум взрыва, крики, и те, кто уцелел, притаскивали окровавленных раненых.

Одному из таких, маленькому семнадцатилетнему шахтеру из Шарлеруа, хрупкому как девочка, во время одного из таких рейдов раздробило обе ступни и руку. Он держался с месяц на кушетке в полевом госпитале под Корсунью. С каждым днем он становился все прозрачнее от худобы, но каждый раз улыбался,

когда его навещали. Он был счастлив, получив Железный Крест. Он так и умер, поглаживая в своих руках, как райскую птичку, эту красно-бело-черную ленту.

***

Лес по-прежнему был полон таинственных опасностей. И, тем не менее, каждую ночь сквозь наши посты просачивались люди, осторожные, как сервалы. В ночи слышны были шорохи, вдалеке им отвечал другой крик совы. Мы понимали эти сигналы, мы угадывали присутствие лазутчиков. Иногда наши часовые открывали огонь. Но утром мы не видели ни следов, ни крови.

Напрасно мы усиливали патрулирование. Я сам с одним из моих бойцов проводил целые часы в дозоре ночью у реки. Ничего мы не обнаружили. Это приводило в отчаяние, потому что всякий раз утром в пяти, пятнадцати километрах от нас грузовики взлетали на воздух на новых минах.

Наши деревни жили какой-то напряженной ночной жизнью, получая задания, подкармливая советских партизан. В темноте русские проскальзывали в своих сандалиях из свиной кожи, они знали каждую пядь местности, они были неуловимы. За месяц ни мы, ни дивизия «Викинг» не захватили ни одного пленного.

Кровь в чащах

Надо было во чтобы то ни стало узнать, что затевалось в фиолетово-белом лесу. Крестьяне перешептывались. В конце концов от них мы узнали, что в этом лесном массиве под Черкассами скапливалось до десяти тысяч живой силы. Но где?

Они получали вооружения: с наших наблюдательных постов мы видели, как большевики строили многочисленные бункеры и подвозили противотанковые орудия.

Но это только на первых сотнях метров. Что было дальше, за этим местом, под обширными сосновыми лесами, простиравшимися до Днепра на востоке и до Черкасс на юго-востоке?

Каждая изба хранила свою тайну. Наши деревенские жители были приветливы, как и почти все в деревнях Украины. Они проклинали коммунизм, разоривший их и закрывший их церкви. Но немецкие управляющие иногда плохо относились к ним, поэтому у некоторых семей сын или отец партизанили в окрестных лесах.

***

Я тщательно следил за тем, чтобы моя деревня Байбузы была счастливой деревней, несмотря на войну. Валлонцы – добрые парни. Они быстро освоились с местным населением, приносили в избы подарки.

Я установил обычай: по воскресеньям с зари до обеда, одетый в золоченое и фиолетовое облачение, служил один замечательный поп, двадцать три года скрывавшийся в лесах. Вся деревня присутствовала на службе, сотни раз простиралась на землю в поклонах, часами мелодично пела страстные молитвы, переворачивавшие сердце.

В золотых и серебряных окладах в свете свечей блестели десятки икон. Поп с желтой бородой крестил на неделе младенцев. Он бесконечно заставлял их целовать иконы одну за одной, затем проносил через часовню каждого из этих новорожденных и громко пел. Он вздымал их на руках вверх перед присутствующими, чтобы вся деревня узнала и полюбовалась бы на новое пополнение прихожан! Наконец, он отдавал их, усталых, матерям – скромным, худым, радостным, одетым, как все женщины Байбузы, в длинные коричневые монашеские платья, сотканные в самой деревне и украшенные несколькими складками на талии.

Какими бы ни были ночные бои, я регулярно присутствовал на православной службе в воскресенье утром, среди бородатых старых крестьян и ватаги вшивых ребятишек. После часов молитв попа наш капеллан проводил католическую мессу. Ни один присутствовавший украинец не уходил. Эти люди истосковались по религиозной жизни, они под сильным впечатлением опускались на колени в то время, как мы причащались.

Помогая старику, потерявшему ногу на другой войне, в моей избе, я возвращался на КП, покрытый паразитами, но тронутый простотой нравов и верой этих крестьян. И тем не менее, из тех же самых домиков ночью уплывали припасы к партизанам.

Мы не могли обижаться на наших крестьян за их отцовские сердца, но мы бдительно следили за ними. Их наивная доброта превосходила, естественно, наши западные комплексы. Они любили своих соотечественников, стрелявших в нас с соседней опушки, но и к нам, жившим под их крышей, они проявляли ту же простую, искреннюю и сильную доброту.

Когда вечером я проходил в белом тулупе и перевязывался пулеметными лентами на манер казаков, старуха становилась на колени перед иконами. На рассвете, когда я возвращался из боя, старики были настороже. Я складывал свое оружие, дымящееся от мороза, старая мать крестилась, плакала, трогала мои одежды. Я не был убит. Меня не убили! Несчастные люди, добрые и скромные, молились одновременно и за нас, принятых как свои дети, и за своих детей, что были напротив в лесу.

***

Мы получили приказ углубиться в лес. Надо было непременно тряхнуть неприятеля и взять пленных. В два захода взвод моей роты в сумерках форсировал речку Ольшанку. Моих стрелков было человек пятьдесят. На рассвете они достигли лесистых склонов за Закревками.

Лес представлял из себя череду хребтов, где невозможно было занять боевые позиции. Нигде наши солдаты не могли доминировать на этом участке, постоянно появлялись новые хребты, покрытые кустами, откуда враг за несколько минут мог уничтожить роту. Люди углубились до двух километров. Они обнаружили следы запряженных телег и ног. Но не раздался ни один выстрел. Враг отходил, притворялся мертвым или зарывался в кусты. Наши разведчики заметили лишь двух доходяг, они тотчас убежали, бросив свои изъеденные молью пальто, чтобы быстрее двигаться. Это были единственные военные трофеи, которые принесла моя рота.

Первая рота, в свою очередь, тоже получила приказ разведать обстановку. В четыре часа утра пятнадцать добровольцев под командованием молодого, горячего темперамента офицера бесшумно вошли в ледяную воду Ольшанки и исчезли в темноте.

Они добрались до одного старого монастыря. С этого момента первые посты советских дозорных были пройдены, но ни один предупредительный сигнал не нарушил тишины.

На вершине деревьев засветились отблески голубиной зари, где-то над Днепром. Лейтенант и его полтора десятка дозорных по прежнему продвигались вперед.

Вдруг они услышали мычание коров, увидели следы. Подползая по-пластунски от куста к кусту, они добрались до гребня; два советских солдата несли караул! Долгожданные пленные были полностью в нашей власти!

В мгновение ока они бросились на этих двух часовых, оглушили и связали их. Все прошло без единого крика. Наши люди прошли тридцать метров вглубь долины на запад, чтобы начать обратный путь.

На пути было несколько замерзших трупов. Внезапно один из наших пленных толкнул своего конвоира, тот поскользнулся, и пленный бросился бежать. Фатальный выстрел, положивший его, вызвал тревогу. В несколько секунд на наших солдат бросилась целая армия, в невообразимом количестве.

В момент захвата двух караульных наши товарищи, сами того не зная, подошли ко входу в большой партизанский лагерь, скрытый за холмом. Сотни гражданских бойцов подбежали и окружили их.

Кто были эти бойцы? Не только мужики, почерневшие от лесной жизни, но и орущие банды растрепанных баб, а также своры пацанов тринадцати-четырнадцати лет, вооруженных автоматами с магазинами в семьдесят два патрона.

Наши дозорные сразу встали в каре. Более четырех сотен советских партизан стали поливать их огнем.

Наш молодой лейтенант пал одним из первых, получив пулю в голову. Другие должны были любой ценой вырваться из западни немедленно. Попытаться отступить было бесполезно, отход был отрезан. Пулемет отбрасывал огненную полосу от каждого дерева.

Последняя возможность спасения была в лобовом прорыве прямо через советский лагерь, чтобы освободиться, а затем свернуть в сторону. Наши солдаты отчаянно бросились вперед через коров, баранов, костры, землянки, сея панику среди орд старух, одетых в лохмотья.

Только двое из наших товарищей смогли спастись в этой бойне. Они долго блуждали в лесу. К ночи их, полумертвых, подобрал один из наших передовых постов.

***

Самые мощные дивизии Рейха в начале декабря 1943 года повели наступление с целью взять Киев. В начале им сопутствовал полный успех, когда они прорвали фронт под Житомиром, углубившись на восемьдесят километров вглубь советского плацдарма. Но уже в который раз они опять были остановлены грязью, распутицей и отброшены назад с большими потерями.

Вместо того, чтобы стабилизироваться, положение значительно ухудшилось. На этот раз прямая угроза нависла над нами, на севере и северо-востоке. С другой стороны, на юге и юго-востоке дивизии русского генерала Конева жестко напирали, расширяя коридор своего наступления за Днепром в направлении Кировограда и Умани. Мы видели большие розовые сполохи-пожары, на опаловых горизонтах обозначавшие продвижение врага.

Генеральный Штаб во чтобы то ни стало хотел знать намерения Советов в центре этого участка фронта. На севере фронт трещал, на юге тоже. Что же готовилось напротив, на востоке, в этом проклятом лесу близ Черкасс?

К нам поступил приказ броситься в небывалую по размаху военную операцию. Она должна была начаться на заре 23 декабря. План был крайне дерзок. Триста наших людей ночью скрытно должны были пересечь три километра глубоких болот, отделявших Черкасские леса от юга-востока близ Староселья.

Эта колонна должна была просочиться через боевые порядки Советов, чтобы затем пробраться в лесной массив за вражеские позиции; затем, пройдя вдоль леса четыре километра с юго-востока на север, дойти до высоты близ населенного пункта Ирдынь. В назначенный час триста солдат, бросившись в атаку и обрушившись в спину русским, должны были расчистить весь сектор.

Мне было поручено командование операцией. Вечером 22-го на маленьком белом деревянном столе в моей избе я оставил свое завещание и отправился в этот новый переплет.

Ирдынь

В полночь мы должны были быть в Староселье. Шел снег, и нашим грузовикам потребовалось два часа, чтобы преодолеть по дороге, вымощенной кругляком, пятнадцать километров через сосновый лес на юго-западном направлении. Мы должны были совершить этот обходной маневр по тылам фронта, чтобы враг не смог вычислить ни малейшего признака подготовки атаки.

От Староселья мы спустились к болотам. Нам надо было преодолеть эти болотистые места на юге от позиций, которые надо было уничтожить; таким образом, красные в Ирдыни ни о чем не подозревали.

Вторая и третья пехотные роты бригады «Валлония» должны были действовать совместно; нас сопровождали отряды немецких саперов, вооруженные минами и огнеметами. Их задачей было уничтожение любого укрепленного дома в Ирдыни по мере продвижения нашего штурма. Наши пехотные роты должны были развернуться в цепь в лесах на востоке от Ирдыни по всей ширине городской линии и, овладев населенным пунктом, закрепиться за этот участок на все необходимое для разгрома время. После того, как минами и огнеметами будут уничтожены все укрепления для возможной атаки Советов в центре фронта, нам следовало вернуться на линию наших позиций по возможности через болота.

В полной тишине мы продвигались по крутой тропе. Колонна на марше утрамбовывала снег. Время от времени какой-нибудь солдат падал с дороги, роняя свой автомат, и катился в овраг.

Колонна достигла илистой местности: было почти четыре часа. Лунный свет погас в тумане, благоприятствуя нашему продвижению. На три километра вглубь таинственно простирались чернеющие болота, полные неожиданностей и ловушек.

Нас вел проводник. За ночь до этого он один попытался пройти, и более-менее знал места. Я шел сзади него, за мной гуськом триста солдат в полном молчании, прислушиваясь к малейшему шуму.

Почти повсюду снег был пропитан водой и илом. Мои солдаты, одетые в свою толстую зимнюю экипировку, задыхались. Их лица под большими меховыми шапками светились потом.

Иногда приходилось пересекать речушки по стволу дерева. Ноги дрожали от усталости. Темнота была непроглядная. Солдаты скользили, падали по пояс в воду.

И вот тогда на юго-востоке раздался мрачный вой сирены. Я подумал, что все пропало. Каждый застыл в иле. Но сирена по-прежнему выла, и ничего не происходило.

Ничего и не произошло. Мы так никогда ничего и не поняли о случившемся. Может быть, тревога была в другом месте? Вой длился двадцать минут. Мы возобновили продвижение. В темноте угадывались очертания больших кустов. Там находился берег, но там находились и вражеские посты.

Теперь мы предельно осторожно переступали в своих валенках, чтобы не обозначить свое присутствие. Какая бы трагедия разразилась вдруг, если бы враг начал стрелять по изнуренному отряду, у которого кроме этой губчатой пористой почвы не было никакого пути отступления!

Я добрался до маленькой рощицы. За мной один, другой… Все наши триста контрабандистов, как летучие мыши добрались незамеченными. Лес был рядом с нами. В галлюциногенной тишине, зарывшись в снег, мы отдохнули несколько минут.

Мы добрались до надежного места. Советские посты слева и справа от нас должны быть довольно далеко от места, где мы вышли из болот. Лишь бы только советские часовые спали с большим убеждением, что никогда вражеский отряд не осилит переход через эту проклятую зону в три километра неизвестных болот.

Во всяком случае, худо-бедно нас было несколько сотен по другую сторону боевых позиций врага. Нам оставалось осторожно пройти вдоль этой линии четыре километра до того момента, когда мы точно выйдем на востоке к опорной базе русских в Ирдыни.

Этот ночной переход, при беззвучных командах, в самой середине вражеских позиций, был совершен по дороге лесорубов, пересекавшей Черкасский лес. Дозоры и минеры с миноискателями шли на пятьдесят метров впереди нашей колонны.

Держа пальцы на спусковых крючках, мы следовали за ними, готовые к боевому развороту на случай атаки.

Но в подобной ситуации лучше было не думать об атаке, внутри расположения советских частей, без малейшей возможности помощи или отступления. Если бы враг догадался или обнаружил бы, что триста солдат вот так просто идут в пять часов утра по его тылам, если бы он обрушил на нас свою мощь, мы бы все рано или поздно были бы уничтожены, не смотря на наше сопротивление.

***

Просвечивался день. Мы приближались к цели. Я по компасу направил пехоту напрямик, чтобы достигнуть опушки леса близ Ирдыни.

Вторая рота имела приказ броситься в атаку, выйдя на юго-востоке. Поэтому она довольно быстро дошла к исходной позиции.

Третья рота должна была атаковать с востока на запад. Она должна была под прикрытием деревьев подняться по всей линии городка, бесконечной, как и все русские деревни.

Снег лежал толстым слоем, лес состоял из плотно посаженных рослых елей. Я развернул своих людей в цепь, так как не знал расположение советских наблюдательных постов; заваруха могла разразиться в любую секунду. Я хотел оттянуть ее насколько возможно, в противном случае, как достичь восточной части Ирдыни? Мы обязательно должны были добраться, не вызвав тревоги.

Мы долго ползли по снегу в ста метрах от опушки леса, мы уже видели крыши Ирдыни, несколько дымков над трубами, изгороди.

Мы уже продвигались двадцать минут, когда я увидел двух советских солдат. Должно быть, они что-то услышали. На головах у них были толстые меховые шапки. Они с тревогой смотрели в нашем направлении.

Мои люди зарылись в снег. Слегка приподнявшись, я наблюдал за местностью. Показались другие русские, человек двадцать, затем тридцать, также бесшумно как и мы, с автоматами в руках.

***

Мы опять поползли. Красные продвигались на уровне нашей высоты, явно не понимая, что может произойти в этом лесу, так как немецкий фронт был в другом направлении на западе, а не на востоке; для них направление, на котором мы находились, было тылом; но тогда почему трещит мертвый лес, сухие ветки? Почему они видели, как вздрогнули ветви ели?

Имея на фланге этот странный эскорт, мы смогли преодолеть еще метров пятьдесят. Мишень была соблазнительной: несколько очередей, и три десятка врагов были бы скошены. Я делал отчаянные знаки своим спутникам, чтобы сдержать их нетерпение. Мы были там не за тем, чтобы убить тридцать солдат, но чтобы взять Ирдынь. Единственное, что следовало сделать немедленно, – это пройти возможно дальше на восток.

Слева от нас мы увидели центр города.

Вдруг, как удар: в самом лесу в двадцати метрах перед нами были два советских блиндажа, и оттуда открыли огонь. С воем мы бросились в рукопашную. Русские, волосатые гиганты, яростно сопротивлялись. Моя винтовка сломалась надвое в руках: я схватил ручной пулемет одного раненого и прыгнул в гущу посреди укреплений Советов. Наши люди косили русских. Те, кто выжил в нашей фурии, бросились в деревню, мы устремились за ними. Как только мы овладели этими двумя укреплениями, нам предстояло атаковать, хотя и с тыла, но всю укрепленную мощную систему Советов.

С юга я слышал шум боя, развязанного второй ротой, которая от окопа к окопу вела ожесточенную битву. Горели десятки домов, знак того, что

минометчики уже в работе. Ожидая, пока вторая рота сможет присоединиться к нам, мы должны были держаться и победить.

Красные повернули на нас свои пулеметы, гранатометы и артиллерию. Снаряды и гранаты дождем осыпали нас, усеивая белый снег серыми звездами.

Меня ранило в правую руку. Повсюду падали люди. Местность до начала домов была абсолютно голой. Нескольким из нас удалось достичь первой избы, лишь прокатившись, как бочки, с автоматами в руках по снежному склону. Снег был усеян алыми цветами крови раненых.

На склоне напротив наши штурмовые танки получили сигнал наших ракет. Они поддерживали наше наступление, их снаряды открывали нам проходы и бреши. Мы заняли гребень поселка. Наши автоматы гвоздили врага. Еще несколько схваток, диких, но решающих, и Советы были выброшены по всему сектору, отброшены к лесу на северо-востоке.

Вторая рота совершила героический подвиг. Ее самые отважные бойцы добрались до нас с большим грохотом. Ирдынь была взята.

Более восьмидесяти трупов советских солдат, павших в рукопашной, лежали раскинув ноги, с окровавленными руками. В снегу валялось много раненых. Невредимым остался один-единственный русский.

Как обычно, размеренно и методично продвигались немецкие саперы. Деревня была пуста, к счастью, не было никого из гражданского населения! Приготовленные к бою, укрепленные дома, подброшенные минами, взлетали в воздух и падали вниз плоские, как доски. Колхозные сараи горели красно-золотым пожаром в хрустальном заревом небе. Еще час, и вся укрепленная позиция красных будет уничтожена.

***

Вскоре мы увидели, что этот час будет адским часом. Шум боя взбудоражил весь лес. Советские подкрепления валили со всех сторон. Враг, отброшенный в лес на склоне, бросился в огонь деревни. Русские снайперы залезли на деревья. Мы образовали заслон как раз у края леса, но на нас обрушился шквальный огонь.

Немецкие саперы спешили, им надо было завершить начатое. Враг сжимал нас со всех сторон. Что же нам было делать, если колонна должна будет отступать, влезать в липкую грязь болот или преодолевать на открытой местности эти три километра?

Я дал приказ начать перегруппировку трем четвертям личного состава группы. За это время мы бросались в контратаки.

Через час большая часть колонны была вне досягаемости для советских пулеметов. Мы видели, как люди выползали, как мухи, из болота. Во всяком случае, они были спасены.

Саперы полностью закончили свой титанический труд и тоже отступили. Нам больше ничего не оставалось, как отрываться в свою очередь, но это не обещало быть легким делом.

***

Нам понадобилось три часа, чтобы преодолеть эти три километра. С несколькими автоматчиками я закрепился на выходе из деревни, рядом с

Дековиллем, который до войны возил торф из болот. Из этого укрепления мы отстреливались, как могли, чтобы прижать врага вне лесного массива, не давая войти в лес.

Большая часть моей группы арьегарда вышла уже на дорогу через болото, неся последних раненых, среди которых были те, кто уже не считал себя жильцами. У одного молодого рабочего-металлиста из Парижа (у нас в бригаде было с сотню французских добровольцев) была оторвана рука и взрезан живот. Он потребовал, чтобы его просто прислонили спиной к стогу сена и оставили там.

Большинство раненых не могли сделать и шага. У одного из моих людей были прострелены легкие. Из желтой кожи его голого торса на снег сочились две розовые пулевые точки, лицо было почти зеленым. Нам надо было любой ценой спасти этих несчастных парней.

Самые крепкие среди нас взваливали их на спины. Но мы проваливались в грязи. Надо было переходить через глубокие ручьи, некоторые раненые падали, исчезая в ледяной воде, откуда их вытаскивали ценой огромных усилий.

Двумя маленькими группами мы сменяли друг друга, чтобы завершить этот последний отход. Мы стреляли, другая группа занимала позицию в ста метрах позади нас. Когда она тоже была готова открыть огонь, мы по флангам отходили на сто метров сзади их.

Один из моих товарищей получил ужасную очередь в живот. Каждый из нас по очереди нес его, как мог. Спины у нас были совсем мокрыми от его крови. Но мы смогли вытащить его. Он умер через два дня, в муках, но свободный…

В полдень мы, наконец, достигли на краю болота холма Староселья, не бросив ни одного раненого, ни нашего советского военнопленного, так нужного командованию.

По крутым тропинкам мы дошли до наших танков, неся на носилках наших окровавленных товарищей.

Ирдынь была уничтожена. Мы выполнили задачу. Но не было радости у нас на лицах. Наше воображение и воспоминания были в другом месте. Мы взбирались на наши грузовики, удивленные и стесненные от того, что в них было много свободного места.

Праздники

На Рождество 1943 года каждая землянка поставила свою рождественскую елку, украшенную ватой, что сперли у санитаров.

На фронте я никогда не видел веселого Рождества. Солдат пил, пел, с часок балагурил, это было очень здорово. Потом каждый вспоминал свое Рождество дома, елки, что светились, дети радовались, жены тоже, все пели нежные песни. Глаза терялись вдали, видя свои хутора, когда-то счастливые родные квартиры. Какой-нибудь солдат выходил, его видели совсем одного под луной, он плакал.

Этим вечером в дивизии случилось много самоубийств. Сердца разрывались в слишком большом напряжении от стольких месяцев страданий и разлуки.

Я хотел посетить все блиндажи наших волонтеров. В снежной мгле прошел я с десяток километров, заглядывая в каждую дымную землянку. Некоторые группы, особенно молодых бойцов, веселились, держа этот эмоциональный удар судьбы. Но больше встречал я серьезных лиц, чем улыбки. Помню, как один

солдат, не в силах больше сдерживаться, бросился на землю и рыдал, звал своих родителей.

Точно в полночь, в тот момент, когда те, кто еще бодрствовал и запел рождественскую христианскую песнь, небо вспыхнуло. Конечно, это были не ангелы-благовестники, не трубы Вифлеема: это была атака! Русские, думая, что в этот час наши люди будут навеселе, под хмельком, открыли артиллерийский огонь и вступили в бой!

Вообще-то, это было своего рода облегчением. Мы бросились в бой. Среди освещенных разрывами снегов, сквозь трассирующие пули, зеленые, красные и белые ракеты постовых мы провели нашу Рождественскую ночь, блокируя разъяренному врагу переход реки Ольшанки.

На рассвете огонь стих. Полковой священник распределил причастие нашим людям, пройдя от взвода к взводу до православной часовенки, где очень по-христиански братались наш валлонский кюре, одетый в полевую военную форму и старый поп в фиолетовой митре.

Тут страдающие сердца нашли умиротворение. Родители, жена, дорогие дети слушали ту же мессу, где-то там, получая то же благословение… Солдаты распрямлялись в полный рост с чистой и простой душой, чистой, как огромная белая степь, что искрилась в рождественском сиянии дня.

***

Вокруг маленькой избы, служившей мне наблюдательным и командным пунктом, гранаты и снаряды изрешетили и пробили все постройки. Моя несчастная хижина со своими тремя голыми вишнями и старым колодцем, обросшим ледышками, всякий раз выходила более или менее невредимой из огненного смерча. Старая крестьянка с ужасом глядела на искореженные осколками перекрытия, крестилась и быстро уходила в темную глубь хибары. На Рождество две ее соседки были буквально разорваны на части в тот момент, когда они ели борщ. Снаряд влетел прямо через маленькое окно.

Но не в каждое же окно мог залететь снаряд. И потом, на фронте смерть – она повсюду. Достаточно потерять контроль или отступить, и тебя свалит пуля. В бою боязливый – мертвец. Храбрость больше наставляет и спасает, чем выставляет. Смерть тоже можно укротить, надо только смотреть ей прямо в лицо.

***

Наступил новый, 1944 год.

Мы ждали 3 января, когда год действительно наступит, войдет в полную силу после праздников, когда дни опять станут обычными, когда не будет времени для всяких раздумий или, по крайней мере, их будет намного меньше.

Но нам предстояло ждать еще одного огненного удара с противоположной стороны. Несомненно, ровно в полночь враг попытается повторить свою рождественскую вылазку. Мы получили приказ опередить его. В эту новогоднюю ночь теперь мы должны были атаковать. Два взвода моей роты углубились в темноту заснеженной долины, пересекли реку и рассредоточились в густом кустарнике.

Мой третий взвод форсировал Ольшанку в километре справа. Его задача была чисто провокационной. Он должен был занять позицию сзади в нескольких сотнях метров к югу от деревни Закревки, оттуда открыть плотный огонь, чтобы враг бросился в этом направлении: тогда два других взвода бросятся на укрепления напротив наших позиций в Байбузах.

Наши солдаты бросились в атаку и смогли опрокинуть врага, произведя в его рядах полный переполох. Мы вернулись на рассвете.

Я нес на себе совсем молодого волонтера, который, бросившись первым в советский блиндаж, получил автоматную очередь. У него были перебиты оба колена. Ни одного стона не было слышно из его губ. Его еще детские волосы локонами приклеились к мокрому лбу. Бедный паренек, терпящий страшные муки в то время, когда в целом мире миллионы людей заканчивали праздничное веселье новогодней ночи.

Первое января… Пять часов утра… Нежно-красное солнце вставало над белым и рыжим лесом, степь теряла свою голубизну. Стихла пальба в долине. Повсюду в мире в этот момент люди танцевали, пили вино; слышался веселый женский визг; полупьяные мужчины несли на своих лицах стигматы всех пороков, что владели ими… И в этот день, медленно поднимавшийся над белой степью, умирал один паренек, потому что он поверил во что-то великое, потому что чистые и сильные идеалы уносили его на жертвенный путь…

В то утро, рядом с моей избой я устало положил на адамантовый снег ребенка со смерзшимися локонами: его глаза перестали смотреть на мир, всю низость которого он не смог измерить, за спасение которого он отдал жизнь…

Закревки

Сорок четвертый год начался плохо. Советские войска мощно наступали на северо-востоке, также, как и на юго-востоке нашего участка фронта. Их продвижение было впечатляющим и бесспорным. Между тем, в приказах, получаемых нами, не было никакого следа беспокойства. Казалось, что мы расположились у слияния Ольшанки с Днепром до конца света.

На позиции в нескольких километрах от наших окопов прибыли даже актрисы из Берлина. Связисты-мотоциклисты, как раз обрызгавшие грязью этих баядерок, красноречиво описывали их прелести, понимающе подмигивая нам.

Однако, с каждым днем огромные лапы советских тисков приближались и сжимали нас. Но нам не надо было тревожиться от этих обстоятельств. Для солдата война – это его участок фронта, остальное же – дело генералов и журналистов.

***

Штурмовая бригада «Валлония» в ночь с 3 на 4 января получила приказ приступить к операции, в которой должны были участвовать наши бронированные самоходные орудия. Целью была известная деревня Закревки, через которую ломились уже во время ночи 1 января. На этот раз нам предстояло взорвать укрепления, построенные в глубине леса.

Особо нам предписывалось захватить пленных. В 1941-1942 годах мы не знали, что с ними делать, куда направлять. Теперь же советские солдаты дрались до смерти или проскальзывали сквозь наши порядки, как ужи. Генерал Гилле, командир «Викинга», хотел иметь по меньшей мере пятерых пленных, чтобы можно было твердо установить действительные намерения врага.

Первая рота должна была, форсировав Ольшанку в три часа ночи, замаскироваться во вражеском лесу на северо-востоке от Закревок, чтобы помешать подходу любого подкрепления во время боя.

Моей роте предстояло пересечь реку на надувных орудийных понтонах в два часа ночи, проскользнуть к западному подходу к Закревкам и ожидать момента атаки. Вторая рота должна была подойти с юга, пройдя по лесной дороге от Староселья.

Ночью саперы незаметно разминировали эту дорогу. В пять часов утра штурмовые орудия трогаются с массой людей на броне; они продвигаются к Закревкам, и тогда пехота начинает атаку, рассредоточившись между бронетехникой.

Это была суровая операция. Наши штурмовые орудия могли подорваться по дороге. На фронте без этого никуда.

***

Моя рота изготовилась к бою недалеко от Ольшанки, приблизительно в трехстах метрах к северу от обычных наблюдательных постов врага. Наши длинные белые шинели идеально сливались со снегом. Я спустился к реке в густой темноте ночи. Ни один всплеск не тревожил течения.

Саперы закончили надувать понтоны пушек и мягко положили их на черную водную гладь. Потребовалось надуть трое, так как течение было быстрое. Пятьсот человек по очереди переправились на правый берег.

До леса оставалось пройти с тысячу метров. С моего командного пункта как раз перед Закревками я с нервным напряжением вслушивался в вой ветра. Он то выл, то мяукал над степью, но не доносил никакого шума, ни уханья неясыти, ни бряцанья оружия.

Мои люди добрались до лесистых холмов. Прошло какое-то время. Вскоре послышался далекий шум нашей бронетехники, подходившей с юга. Наши саперы уже проскользнули мимо советских постов, находя и извлекая мины. Лес был наполнен этим немым присутствием. У меня сжималось сердце при мысли о всех этих смелых парнях, которые, вот так просто, в ледяной ночи продвигались вперед и делали свою работу, или выжидали, или ползали по снегу, чтобы передать приказы.

Время приближалось к пяти часам утра. Шум гусениц был слышен яснее. Красные, занимавшие край леса на южной стороне, не успели даже как следует проснуться: наши солдаты, спрыгнув с брони, бросились на их укрытия с гранатами в руках!

Ошеломленные русские в спешке хватали автоматы. Но неожиданность атаки была такой, что все были сметены, убиты, ранены или взяты в плен. Не останавливаясь, наши танки продолжили марш, сея ужас по лесу.

***

Я выпустил ракеты к атаке с минуты, когда увидел в небе блестящие параболы ракет второй роты. Одна группа моих людей устремилась через Закревки с северо-востока и востока в спину врага, навстречу нашей бронетехнике, выходившей с юга. Другие мои солдаты на лесистых гребнях нейтрализовали истребителей танков.

Рукопашный бой, в котором валлонцы были мастера, решил исход операции. Советский офицер, командир артиллерийской батареи, видя, как были уничтожены его орудия, сам подорвал себя гранатой.

С десяток стычек произошло у начала леса. Протыкали друг друга штыками в избах, в овражках, вокруг стогов соломы. На восточном участке этого боя враг зацепил одну из групп наших телефонистов: за несколько секунд пятеро из них, запутавшись в своих бабинах и телефонных аппаратах, были смяты и утащены в лес, исчезнув навсегда.

Одна из наших самоходок была задета. Мы довольно легко помогли ей выйти из этой переделки. Мы захватили впечатляющий арсенал, что находился в Закревках. Мы привели более трех десятков пленных, как всегда оборванных, но крепких, как звери, они, впрочем, и жили как звери, в любом логове, завернувшись в свое грязное тряпье.

Эти солдаты кормились тем, что находили в избах, на зимних полях или на трупах: замшелые головы подсолнухов, грязные початки кукурузы, черствый хлеб.

Они сопротивлялись, как пещерные люди, но в добавление к своей животной силе они имели ультрасовременные автоматы с магазином в семьдесят патронов. В завшивленных вещмешках за спиной они имели все, чем можно было воевать с неделю-две, засев в сосняке, на изгибе леса, у въезда в деревню.

Эти мохнатые гиганты, эти ушастые с дынеобразными черепами монголы с черной жесткой щетиной, с плоскими, как свиная кожа, щеками, эти кошачьих повадок азиаты с маленькими блестящими глазками, никогда не мытые, в лохмотьях, неутомимые, – казались нам доисторическими монстрами в сравнении с нашими солдатами с их нежным телом и тонкой кожей.

Мы приводили этот захваченный сброд, как если бы мы поймали кабанов в их укрытиях. Эти широкие дикие лица смеялись, потому что мы их не убили и потому, что мы им давали сигареты.

Но, хотя мы и взяли тридцать дикарей, десять тысяч их еще оставались перед нами. И сотни тысяч на востоке, северо-востоке, юго-востоке. Эти лохматые массы двигались на нас. Мы уже угадывали, мы уже чувствовали кольцо этой орды.

Первые неудачи

С севера постоянно приближались советские части. На западе в восьмидесяти километрах за нашей спиной оставался лишь небольшой участок в сто пятьдесят километров между двумя советскими соединениями, двигавшимися на нас.

7 и 8 января 1944 года можно было подумать, что у Днепра все было потеряно. Танки красных, продвигаясь с северо-запада, устремились через тылы немецкой линии, покрыв за два перехода сто километров.

Тактика красных была простой. Некоторые из их танков были полностью заполнены винтовками и боеприпасами: гражданское население городов, оцепленное пятью, шестью, десятью танками, было немедленно мобилизовано; каждый оборванец, каждый малец в лохмотьях получал автомат или винтовку. Через час, без какой-бы то ни было военной агитации с три сотни оборванцев сопровождали советские танки.

Советская армия постоянно возрождалась без особых трудов и инструкций, по мере продвижения танковых прорывов. Эти резервы человеческого материала были практически неисчерпаемыми.

К счастью, удар красных 7-8 января 1944 был всего лишь военной удачей, улыбнувшейся отважным. В одиночку десяток советских танков прошел сто километров вглубь от линии фронта, протащив с собой эту разнузданную, невиданную камарилью. Спешно сгруппировавшись, немецкие танки в конце концов обложили их.

Русским танкистам не хватало горючего. Они попытались спрятать свои танки в лесистой местности. Через два-три дня их всех вычислили и уничтожили одного за другим.

***

Но тревога была поднята сильная. Если бы Советы более собранно бросили в бой свои силы, их прорыв определенно удался бы.

По правде говоря, наша позиция как клин у Днепра была ненадежной. Мы занимали своеобразный «наконечник длинной пики». Дивизия «Викинг» и штурмовая бригада «Валлония» были единственными частями всей армии на юго-восточном направлении, зацепившимися за великую украинскую реку. Рано или поздно нас должны были отрезать от основных сил.

По нашему прибытию в ноябре 1943 года уже было очевидно, что мы обречены. В начале января 1944 года эта реальность стала еще более очевидной. Только ликвидация этой палочки для фасоли, этого длинного выступа и жесткое выравнивание фронта могли, если сделать это быстро, спасти нас от верного окружения врагом. Мы подумали, что Верховное командование это поняло, так как мы получили приказ сняться с позиций и закрепиться сзади, на второй линии, в двадцати километрах к юго-западу. Это было гениально, но это, несомненно, был первый шаг. Передислокация должна была произойти ночью. Мы уже узнали про новые позиции. Все было готово.

В одиннадцать часов вечера другой приказ из штаба дивизии аннулировал всю диспозицию. Сам Гитлер жестко потребовал не отступать от Днепра, оставить который означало моральное поражение, это значило потерять последний плацдарм у реки, откуда когда-нибудь, может быть, могло начаться наступление немцев в направление Харькова и Донецка. Во всяком случае, этот «контрприказ» был формальным.

Солдат – консерватор по своей сути, к тому же плохо знавший положение, и он слез с грузовиков и с философским спокойствием опять занял посты у слияния Ольшанки с Днепром. Но мы, каждый день слушавшие по радио советские сводки и отмечавшие по карте продвижение врага на севере и юго-востоке, мы знали, что находимся в крайне бедственном, губительном положении.

***

Мощные кабаньи удары сотрясли весь участок фронта. Дивизия «Викинг» должна была оттянуть от Днепра половину своих частей и бросить их на запад от города Черкассы.

На этом втором секторе Теклинский лес образовывал мощный выступ, и этот лес был полностью занят Советами. Все наши контратаки были безрезультатными.

Генерал Гилле решил бросить в атаку на этот лесной массив валлонцев. Вечером 13 января 1944 года мы оставили берег Ольшанки и скрытно, за одну ночь, через снега и гололед на наших грузовиках подошли к голубоватому лесу Теклино на несколько километров с запада.

Теклино

Атака на Теклинский лес должна была начаться на следующий день, 15 января 1944 года. Офицеры до темноты должны были разведать позиции для начала атаки. Мы проследовали несколько километров по большой дороге, ведущей в Черкассы, затем свернули влево. По ухабистой дороге мы дошли до одной высотки, откуда была видна вся окружающая местность. Обширные снежные поля поднимались к лесу, постепенно расширявшийся к востоку.

Каждый командир получил задачу, сверил карты и сориентировался. Спускались сумерки. Лес уже представлял собой только одно большое фиолетовое покрывало. Мы с тревогой смотрели на эти снежные поля, голубые овраги, через которые ночью наши люди пойдут до этого леса, где, по словам немцев, уцелевших в бесплодных контратаках, были исключительно сильно укрепленные позиции врага.

Нас должна была поддерживать дивизионная артиллерия, расположенная в полном комплекте на западных высотах.

За несколько дней до этого я стал офицером по особым поручениям командира нашей бригады. Вместе с ним в три часа ночи мы встретились с генералом Гилле. Мы устроились в небольшом командном пункте с телефонной связью с каждой ротой.

Эти роты уже с часа ночи, как волки, проскользнули по оврагам, чтобы занять боевые позиции для атаки. Широкие белые сани, как у финнов, бесшумно подвозили боеприпасы по глубокому снегу степи. Через каждые четверть часа на другом конце провода почти неразличимые голоса командиров рот докладывали о ходе продвижения.

***

В четыре часа утра артиллерийский потоп обрушился на край леса. Пушки «Викинга» были старые. Они уже прошли полтора года русской кампании без ремонта. Надо было каким-то математически сказочным чудом регулировать стрельбу. Но эти залпы оказались на удивление точными: четыре тысячи снарядов обрушились на врага, размолотили траншеи и окопы с неслыханной мощью.

Наши солдаты, пригнувшись под этой волшебной стальной крышей, широко открыв глаза, со звоном в ушах бросились в атаку точно в тот момент, когда артиллерия вступила в бой.

Моя бывшая рота, третья, бросилась в рукопашную с такой яростью, что потеряла связь, оторвавшись от бригады. После неимоверного взлета на крутые и голые, как скалы, высоты, на которых русские, несмотря на обстрел артиллерии, отчаянно сопротивлялись, они овладели ими.

Особенно яростно, как сумасшедшие, с воем, дрались молодые женщины-солдаты. Наши солдаты не привыкли убивать женщин. К тому же эти женщины были красивые. Особенно одна, с красивыми веснушками на лице, дралась как львица. Одна ее маленькая грудь в пылу боя выскочила из гимнастерки. Она так и погибла. Веснушки блестели на ее лице, как цветы зимнего вереска, и грудь, маленькая и ледяная, слегка поблескивала в лучах утреннего солнца. После боя мы засыпали эту женщину снегом, чтобы облегчить тяжесть смерти на ее теле.

После захвата этих сильно укрепленных позиций третья рота сразу же бросилась в атаку на другие блиндажи и укрепления в лесу, представлявшие собой эшелонированную оборону глубиной в четыре километра.

Преодолев один километр, потрепанная рота с трудом зацепилась на отвоеванной территории. Но напрасно ждала она остальную часть бригады с правого крыла.

Другим ротам пришлось очень худо. С большим трудом им удалось углубиться на пятьсот метров вглубь холмистого леса. Бой был жестоким. Артиллерия «Викингов» поддерживала их и прижимала красных на холмах под деревьями.

Вот тогда в бой вступила артиллерия Советов. У них в восточной части леса находились артиллерийские установки залпового огня – «Катюши». За одну минуту они накрыли целый сектор ужасным градом снарядов. За один час мы потеряли сто двадцать пять солдат убитыми и ранеными.

С командного пункта мы видели, как наши маленькие сани спускались по снежному склону, увозя раненых. Санчасть роты была забитой. Десятки несчастных людей, лежа на снегу, дрожа от холода, полуголые, с замерзшей от мороза кровью мучительно ждали своей очереди, пока санитары беспрерывно возили свои окровавленные сани к лесу.

***

Русская контратака отбросила нашу бригаду. Только третья рота осталась, зацепившись на своих высотках, отрезанная от всех.

Мы бросились с командиром, чтобы остановить отступление, но солдаты давили так сильно… Мы увидели, что за исключением третьей роты вся бригада вот-вот будет выброшена из леса в голые поля, где поражение приняло бы характер бойни.

В пять часов вечера положение немного стабилизировалось, оставаясь, тем не менее, трагическим: лес не был захвачен нами; бригада была лишь на двести метров от края леса; третья рота была потеряна. Мы даже точно не знали, где она находилась. С часу на час она могла быть уничтожена.

В одной избе в лощине мы провели импровизированный военный совет. Все с тяжелым сердцем качали головой, – отступать. Генерал Гилле по своей

привычке минут десять не говорил ни слова. У него был суровый взгляд, плотно сжатые челюсти, резко выступающие скулы. Он поднял голову, встал в полный рост:

– Атаку продолжаем, – просто сказал он.

Он прямо посмотрел на нас, без тени улыбки:

– И вы захватите лес, – добавил он.

***

Наступила ледяная ночь. Было двадцать градусов ниже нуля. Люди на опушке леса не имели ни малейшего убежища и не могли развести огонь. Они умирали от холода, несмотря на зимнее обмундирование. Они прижимались друг к другу в снегу, чтобы согреться, пока караульные охраняли их отдых.

Саперы разматывали колючую проволоку, привязывая ее от дерева к дереву, минировали территорию, за исключением узких проходов, едва заметных для наших разведчиков.

Мы попытались восстановить связь с третьей ротой. Один взвод, состоящий исключительно из добровольцев, углубился в лес в северо-восточном направлении.

Но наши сведения были неточные. На самом деле, третья рота выдвинулась не так далеко, как мы думали. Наш взвод углубился слишком далеко на восток и наткнулся на сильное укрепление врага. Ночью произошла мощная потасовка.

Наш командир взвода, огромный великан, своеобразный локомотив роты, бросился всем своим весом в середину вражеского блиндажа. Его принесли с животом, простреленным автоматной очередью. В медсанбате он действительно пыхтел как локомотив. Его перевязали без особой надежды на то, что он выживет. И все же он выжил. Через восемь месяцев он вернулся к нам в казарму в Бреслау, такой же монументальный, как и раньше, с Железным Крестом первой степени. Но ужасные раны, полученные им в низ живота, постоянно давали себя знать. Через несколько недель он почувствовал, что никогда больше не сможет жить как другие. Тогда он взял в оружейной комнате толовую шашку в один килограмм, вышел на берег Одера и взорвал себя. На берегу нашли одно легкое и несколько позвонков. И все. На своем маленьком столике в казарме он оставил свои последние слова.

***

Ночная атака взвода этого спартанца не дала результатов. Наша третья рота исчезла без следа. На следующее утро я один попытался разыскать наших молодых ребят.

Бронетехника нашей бригады была замаскирована в долине, тянувшейся вдоль северного края леса. Лежа на одной бронемашине, я доехал через степь до края леса, на два километра восточнее места, откуда началась наша вчерашняя атака. По расчетам штаба, именно там должна была быть наша потерянная рота.

Это была ошибка. Она находилась только на полпути от этой точки, а я въехал в дубняк километром выше. Изумленные и беспомощные, наши солдаты увидели бронемашину впереди себя в долине, прямо на своем участке!

По горячему приему, что я получил вблизи первых деревьев, я понял, что там не найти друзей. Водитель машины с трудом вывез меня среди двух десятков снопов огня от разрывов снарядов.

Но во второй половине дня саперы, катившие между деревьями свои бабины с колючей проволокой как можно дальше на северо-восток, вслепую попали на нескольких парней из третьей роты, прикрывающих юго-восточный выступ своего участка. Эти парни были посиневшие от холода. Они располагались среди двух десятков трупов русских. Мы быстро закрепились, установили связь, к ночи укрепив наш уже неразрывный фронт сотней мин.

***

Но какая это была ночь! Третья рота располагалась на вершине холмов, отбитых ей у неприятеля. Еще до морозов в земле были вырыты подобия могил, в которых могли укрыться максимум два-три человека. Эти кротовьи норы, чисто советского производства, имели высоту гроба. Русские устилали их сухими листьями. Очутившись в этих норах, они закрывали входное отверстие куском брезента. В этих норах, куда можно было проникнуть только ползком, сибиряки, монголы и татары теснились как настоящие звери, прижавшись друг к другу и согреваясь своим теплом.

Наши молодые ребята сменили этих мужиков, чьи трупы валялись снаружи. Только на этих двух отвесных холмах наши волонтеры отбили семь советских пушек. Немецкая артиллерия оказала им мощную поддержку. Территория была полностью вырублена, деревья были все изрублены и свалены, иссеченные сотнями пуль и осколков. Тела валялись кучами: руки, что еще пытались развязать бинты, чтобы перевязать рану, мохнатые круглые лица киргизов, рыжие борозды замерзшей крови, молодые девушки в гимнастерках, упавшие навзничь, лошади, засыпанные снегом…

Для наших солдат-юношей это мрачное сочетание в ледяной ночи рождало галлюцинации, похожие на те, что посещали знаменитых валлонцев императрицы Марии-Терезии, хотя у них уже пробивался легкий пушок на щеках…

Их глаза были очерчены кругами изможденния, но они мужественно стояли в карауле среди этих закоченевших трупов, о которые они спотыкались при каждой смене постов.

***

Другие роты были расположены на местности, застывшей и заледеневшей как бетон. Нам удалось построить подобие блиндажей, только когда притащили по снегу горы стволов деревьев, которые мы скрепили и положили, как могли. Мы свернулись калачиком в этих временных убежищах, чувствуя, как холод пробирает тело до позвонков.

17 января 1944 года генерал Гилле прибыл проверить состояние участка. За его машиной следовала бронемашина, наполненная шоколадом, сигаретами и коньяком. Каждый солдат понял, что означали эти подарки: снова намечалась атака.

В это невозможно было поверить. У наших людей были желто-зеленые как лук-порей головы, похожие на головы мертвых русских, что кучами валялись на снегу.

Пришла ночь, пронзительно-кристальная, чтобы скрыть наши приготовления к атаке.

Семьсот бункеров

Бросить всю нашу бригаду на приступ в лес у Теклино как в первый день означало бы самоубийство. Не следовало уже рассчитывать на эффект неожиданности. Русские держали все высоты в середине леса. Только отважные, смелые прорывы, в которых отличались наши солдаты, могли бы сделать успешной нашу атаку.

Было условлено, что в полночь пять групп валлонцев с автоматами проскользнут по узким проходам в наших минных полях, чтобы подальше углубиться в расположение врага. У них был приказ выдвинуться вперед по крайней мере на восемьсот метров. Если какая-нибудь команда будет замечена русскими, то один солдат должен пожертвовать собой и сделать вид, что убегает назад, чтобы враг подумал, что это лишь единичный патруль, разведка.

Задача была не разведать местность, а закрепиться и замаскироваться. Под прикрытием темноты наши группы должны были подойти в тыл или около вражеских позиций в наиболее возвышенных местах. Оттуда, на заре, когда наша бригада бросится на штурм, они навесным огнем обрушатся на большевиков, ошеломленных таким перекрестным огнем даже со стороны своих же позиций.

Пять групп были сформированы только из добровольцев, нагруженных под завязку: двое из них должны будут остаться среди врага, чтобы обслуживать ручной пулемет, а третий попытается вернуться к нам, чтобы дать информацию о результатах этой необычной операции и точные координаты врага.

***

Высоко-высоко, между могучими вершинами крепких дубов, дрожали кристаллы звезд, окруженные трепетным мехом рыжего лунного диска. Но под куполами крон деревьев была густая темнота, с лунными просветами, где упавшее дерево разорвало тонкое кружево неба.

Уже несколько часов мы слушали ночь. Русские тоже наблюдали окрестности. Три раза кто-то из них подрывался на наших минах. Наши дозорные каждый раз тоже получали потрясения. Поскольку мины взрывались в нескольких метрах от постов, люди чертыхались сквозь зубы, растирая снегом замерзшие носы. Затем тишина вновь воцарялась в темноте леса.

Наконец, наступила полночь: наши парни с ручными пулеметами продвинулись до тайных проходов, где саперы не ставили мин. Прошло два, три часа тягостного ожидания. Мороз был ужасный, особенно когда мы не двигались. И когда двигались, нам тоже было холодно. По-прежнему лес вздрагивал иногда со снопами огня, когда какой-нибудь мужик задевал валенком проводок одной из наших мин.

Каждый из наших дозорных до боли в глазах всматривался в лес. Если наши рейды удались, то скоро перед нашей линией колючей проволоки среди минных полей должны были появиться связные. Их, наших связников, также как и русских, выслеживала смерть. Взорвалась одна мина, послышался крик. Это был первый из наших солдат. Он наткнулся на вражескую мину. Он полз в темноте, мы слышали его прерывистое дыхание. Второй взрыв, еще более ужасный, потряс нас: на этот раз несчастный задел нашу мину. Мы пошли поднять его, эту массу разорванной плоти в горячей крови, что плавила снег на его разбросанных кишках. У него, однако, хватило сил сделать нам сообщение.

Чтобы сориентировать других курьеров, приближающихся к нам через советский лабиринт, мы время от времени подавали сигналы. Четыре раза, когда мы слышали шепот, то отвечали на звук. И один из наших смелых парней уже проскальзывал по незаминированному проходу, чтобы провести к нам на командный пункт связного.

В четыре часа утра было ясно, что эта часть операции прошла успешно. Пять наших групп находились за тысячу метров от нашей передовой линии. Одна из них закрепилась в тысяча трехстах метрах в тылу второй линии врага. Это было чудо.

В пять часов, когда лес засветился первыми отблесками рассвета, каждая из наших рот прошла по минным проходам нашего участка, отмеченным двумя белыми ленточками. Оставалось только броситься вперед. Это была хорошо спланированная операция. Полевые телефоны были выдвинуты к командным пунктам и главный штаб поминутно знал, как идет операция.

На правом крыле довольно быстро были завоеваны большие высотки. Группы наших ребят с ручными пулеметами, отважно подошедшие к врагу, должно быть произвели полный переполох своим огнем. На склонах росли груды трупов врага.

Центр представлял собой местность более плоскую. Что касается левого крыла, поддерживаемого танками, шедшими вдоль леса и мощно трепавшими часть дубняка, то его продвижение было очень быстрым.

На несколько часов я временно принял командование третьей ротой. Я шел метров тридцать впереди массы своих молодых кадетов, чтобы избежать любых бесполезных потерь. Земля была покрыта толстым, в полметра, слоем снегом. Враг, уверенный в своих минных ловушках, ждал.

Вдруг раздался сильный взрыв. Трое парней, шедшие сразу за мной, почти по моим следам, подорвались на мине. Я прошел, не задев ни одного провода от ста пятидесяти мин, связанных во всех направлениях. Другим, увы, повело меньше. У них были изуродованы ноги. Через пять минут кровавые ступни были безвозвратно отморожены, цвета слоновой кости и твердые, как рога. Русская зима была безжалостной. Одна серьезная рана конечности означала смерть конечности.

Сани санитаров увозили раненых, а мы шли вперед. Враг сильно укрепился, бой длился долго. Мы атаковали до вечера. На следующий день к утру мы полностью заняли лес.

Перед нашим штурмом немецкая артиллерия потрепала вражеские позиции. На каждом метре приходилось перешагивать через окоченевшие тела в больших коричневых касках, с автоматами, с заплесневелым хлебом, разбросанным по земле. Но перед решающей, последней рукопашной русские ужасно обошлись с

пленными: один молодой эсэсовец был распят живьем; другой был распластан в расстегнутой униформе, с окровавленным животом и ногами, коричневыми от смерзшейся крови: монстры ножом отрезали у него половые органы и засунули их ему в рот. Победа не смогла заглушить ужас этого зрелища.

***

За четыре дня боев мы захватили семьсот блиндажей. Литовцы в своих белых длинных шинелях сменили нас. В двухстах метрах под нашими окопами светилась долина. Огромный лес за нашей спиной был свободен, он опять обрел свои привычные мирные цвета: белый и сиренево-голубой. Трупы стали твердыми, как ветви деревьев, наводя еще больший ужас, чем в первый день.

Наши роты спускались одна за другой. Тяжелые грузовики бригады ждали внизу. Мы опять тронулись в путь по снежной дороге, шедшей вдоль высоток. Мы часто оборачивались, чтобы издали посмотреть на треугольник Теклинского леса, по прежнему такой маленький треугольник. Но наше будущее было уже в другом месте.

Запертые

До большой драмы оставалось десять дней. Мы опять заняли позиции вдоль реки Ольшанки. Спускаясь с севера, советские войска беспрепятственно прокатились через всю Украину. Они даже приближались к Виннице и к последней реке, остававшейся у немцев перед румынской границей – Бугу! Однако, Винница находилась за двести километров за нашей спиной!

Армии северной группы больше не пытались зажать нас в котел окружения, как в начале января. Теперь назревала уже гораздо более значительная кампания.

Советские части северного участка в своей стороне очистили Кировоград. Если бы им удалось соединиться с армиями юго-запада, это бы всех нас закрыло в ловушке.

Чтобы попытаться парировать эту угрозу, дивизия «Викинг» была полностью задействована на юго-восточном участке, на нашем правом фланге, тогда как раньше она находилась полностью на левом фланге на северо-востоке, где подходила к Днепру на восемьдесят километров и выше по течению Ольшанки, до наших позиций блих деревни Мошны.

Мы должны были рассредоточиться от Мошны до Лозовка, затем до самого Днепра, держа одними своими силами фронт в пятьдесят километров.

Если наши пушки были более или менее целые, то наши пехотные роты за два месяца боев насчитывали не более шестисот солдат на передовой линии. Таким образом, мы должны были противостоять врагу из расчета эшелонированной обороны в среднем двенадцать человек на километр!

Мы все больше и больше отдаляли наш опорные пункты друг от друга, каждую ночь рискуя быть раздавленными и рассеянными.

К северо-востоку от большого моста Мошны простиралась бесформенная пустошь: рыжие деревца, кусты, посадки, пески, овраги. По пересечениям этих мрачных ландов можно было дойти до наших позиций у Лозовка.

Там у нас была лишь горстка солдат, поскольку вся вторая рота под командованием Дерикса была переброшена в Староселье. Она должна была закрыть весь восточный участок, то есть степь, Лозовок, многие километры укрепленных пунктов в дюнах и, в добавление всей картины, отрезок правого берега Днепра.

Мы были счастливы быть там, и что там развевались цвета нашего флага, но если отставить в сторону красивые сантименты, то наши люди чувствовали себя как маленькие песчинки на берегу этой великой илистой реки, перед этими чудесными островками, среди этого пейзажа, усеянного безжалостным врагом.

Штаб дивизии эмигрировал на тридцать километров южнее. Мы установили свой командный пункт бригады в населенном пункте Белозерье, с этих пор ставшим для нас центральной точкой: там, где вчера командир «Викинга» сконцентрировал телефонную связь, свои огромные радиоавтобусы, свои бесчисленные машины, своих полевых жандармов, эти «части» всех частей, во всех углах, наш скромный взвод связи пробирался как в мертвом городе.

***

В пятницу, 28 января 1944 года я направился в главный штаб дивизии по приказу. Пейзаж со множеством фруктовых деревьев был очаровательным. На заснеженных склонах романтично вырисовывались черные или рыжие крылья ветряных мельниц.

Генерал Гилле располагался рядом с зеленовато-белой православной церковью, в большом современном здании, каждые четверть часа расстреливаемого советской авиацией.

Высшие офицеры щедро обменивались шутками и каламбурами. Но эти шутки звучали неестественно и фальшиво. Мне конфиденциально показали текст радиограммы, которую только что отправили Гиммлеру.

Между тем, никто не хотел верить, что с нами все кончено: конечно, что-нибудь сделают, чтобы помочь нам! Генерал Гилле, с застывшим взглядом, молчал. Советские самолеты появлялись беспрерывно и яростно бомбили весь участок. Фельджандармы рыскали по избам, разыскивая горстки симулянтов. Атмосфера была странная: мы хорохорились, но солдаты здесь были по набору, а не добровольцы, и командование беспокоилось.

Я вернулся в Белозерье, вдыхая сухой воздух, любуясь блеском синего неба, удивительно чистого и впечатляющего.

Через два часа телефонный звонок из дивизии передал на наш КП роковую весть. Одиннадцать немецких дивизий были окружены. Ровно через год после трагедии на Волге начинался второй Сталинград.

VI. В ОКРУЖЕНИИ ПОД ЧЕРКАССАМИ

Окружение одиннадцати немецких дивизий в зоне Черкасс завершилось 28 января 1944 года в восмидесяти километрах позади нашей линии. Но на флангах враг был близко: он был в пятнадцати километрах от Корсуни, на западе от нашего КП в Белозерье. Мы слышали лязг гусениц танков.

Мы день и ночь не снимали одежду, обувь и вооружение – гранаты и автоматы держали на расстоянии вытянутой руки. Саперы-минеры рвали все в огромном количестве, ночь была наполнена мрачным грохотом.

Прошло три дня. Мы начинали привыкать: уцелев от ста ловушек в Донбассе, на Дону и Кавказе, мы не в первый раз были в таком убедительном положении. Каждый из нас хотел убедить себя в том, что это окружение было не более, чем очередным приключением. Верховное командование не оставит же нас просто так – контратака разорвет кольцо врага, это было ясно.

Теоретически дело уладила радиотелеграмма знаменитого генерала Хубе. Эта телеграмма была краткой и хорошей: «Иду!»

Генерал был на подходе. Огромная колонна немецких танков двигалась с юга, и уже пробила коридор в советских порядках за нашей спиной. Мы оживленно следили по карте за продвижением наших освободителей. Пали десятки деревень. Сводка сообщала о ста десяти подбитых русских танках. Через два дня оставалось лишь пробить узкий проход во вражеских порядках в девять километров толщиной.

Те, кто прибывал с этого направления, с горящими глазами говорили нам, что уже была установлена связь с нашими спасителями посредством маленьких передатчиков батальонных КП. Еще один мощный ударный прорыв, и освобождение было бы завершено.

И действительно, мощный удар был нанесен. Но его нанесли Советы.

Они спешно подтянули дополнительные бронерезервы. Тремстам немецким танкам, что подошли к нам, пришлось остановиться, затем отступить. Скоро красные уже имели у нас в тылу зону безопасности шириной в пятьдесят километров. Осмелев от успеха, советские дивизии бросились с юго-востока и юга в глубь наших линий, на этот раз отбрасывая к северу и востоку массу окруженных войск, отделяя их все больше и больше от немецких тылов, откуда могло бы прийти спасение.

Обозначилась и другая катастрофа: с начала окружения мороз сменила весенняя оттепель, было как в начале мая. В зиму 1941 – 1942 годов во время контрнаступления в Донбассе мы уже познали два дня внезапной оттепели, превратившей дороги в грязное море, но холод вернулся и восстановил порядок.

Поэтому поначалу мы смотрели на таявший снег с любопытством. Верховые облака блуждали по небу, посеченные мелким острым дождем, мы зигзагами продвигались по гололеду, мокрому и сверкающему, почти непроходимому. Затем поля опять стали желтоватыми и коричневыми. Лес, полностью вымытый, расстелил на склонах свое фиолетовое одеяло. Опушки и просеки были как черные экраны. Дороги проваливались под грузом нашего транспорта, намокали. Скоро автомашинам пришлось продвигаться уже по настоящим рекам: сероватая вода поднималась до половины дверцы.

Мы еще смеялись. Это было смешно. Каждый из нас был забрызган до головы.

Через четыре-пять дней мороз не вернулся. Каждое укрытие под своим сводом, который, тая, оседал, каждый окоп, каждая траншея, куда протекала вода с окрестностей, были не больше чем ванны или бассейны, в их глубине беспомощно барахтались солдаты, вооруженные котелками и ведрами.

Поля были настолько вязкими, что их невозможно было пересечь. Дороги все более и более размывались, многие перекрестки стали непроходимыми. Уровень воды достигал там одного метра. Склоны стали ужасным катком, вязкими, как вар. Артиллерийские тягачи день и ночь должны были вытаскивать застрявшие в грязи машины.

Однако, в глубине позиций пятнадцать тысяч единиц мотопехоты, пятнадцать тысяч машин, крутились по кругу, все более и более уступая примитивному давлению врага, нечувствительного к стихиям. Эти тысячи солдат-жаб почти с удовольствием копошились в грязи нескончаемых болот.

***

Советы овладели значительными складами боеприпасов, сконцентрированными в пятидесяти-шестидесяти километрах к югу от Черкасского участка, в том месте, где красные армии соединились. Солидные запасы горючего и боеприпасов были потеряны нами в первый же день.

Благодаря наличию тяжелых «Юнкерсов», немецкое командование немедленно послало помощь осажденным дивизиям. В Корсуне была взлетная полоса. «Юнкерсы» с высшей точностью выполнили свою задачу. Каждый день прибывало около семидесяти машин, набитых боеприпасами, горючим и довольствием. Как только самолеты разгружались, их сразу же заполняли тяжелоранеными. Таким образом мы смогли вовремя эвакуировать все полевые лазареты.

Но советские истребители тоже летали. Они бороздили затуманенное небо и как ястребы кружились над полем. Каждый день двенадцать-пятнадцать наших самолетов через несколько минут полета падали в огне на землю, среди воя раненых, сгоравших заживо. Это было ужасное зрелище.

Но работа продолжалась методично и геройски, ни на минуту не прерываясь, пока чудовищный клей оттепели не положил конец всякой возможности работы.

В конце недельной оттепели и наводнения взлетное поле было совершенно залито водой. Инженерные войска попытались всеми средствами убрать грязь и укрепить почву. Бесполезно. Последние самолеты капотировали в метровом слое грязи. Больше ни один самолет не мог ни взлететь, ни приземлиться. С этого момента мы были предоставлены самим себе.

***

Укрепившись на восточном выступе, бригада бельгийских волонтеров «Валлония» в первые дни не испытала сильных атак врага. Тот все силы – и это было понятно, – бросил на юг и запад Корсуни там, где его две стрелы, дерзко связанные, испытывали давление немецких войск, пытавшихся изнутри и

снаружи разорвать кольцо. Советы бросали в этот коридор всю свою бронетехнику и массу пехоты и кавалерии.

В направлении Ольшанки и Днепра наступление красных было еще только радиофонным. Мощный передатчик, установленный напротив наших позиций, каждый день выливал на нас на слащавом французском кучи пропаганды. Диктор с парижским акцентом милосердно информировал нас о нашем положении. Потом он пытался сагитировать нас, восхваляя прелести советского режима и друга народов Сталина и призывал нас перейти в армию генерала Де Голля. Нам было достаточно приблизиться к русским позициям, держа в руке белый платок, как читательницы сентиментальных объявлений.

Пропаганде Советов нельзя было отказать ни в воображении, ни в хитрости. Двоих из наших солдат, взятых в плен в Лозовке, привели на КП одного дивизионного генерала. Тот пригласил их за стол и предложил королевский ужин; он напоил их отличным шампанским, набил карманы шоколадом. Затем этот волк в овечьей шкуре со звездами приказал отвезти их на машине к нашим позициям. Охранники выпустили тогда этих двух гостей в нашем направлении, как выпускают канареек или соловьев, открыв дверцу клетки!

Это приключение имело большой успех. Каждый облизывал губы, думая о шоколаде и шампанском этих двух счастливчиков. Но генерал-филантроп и филолог-валлон остались ни с чем: никто не клюнул на этот крючок со слишком явной наживкой!

***

Чем больше враг колошматил фронт позади Корсуни, тем больше дивизия «Викинг» должна была оттягивать войска, которые еще сохраняла на берегу Днепра и бросала их на юго-восток. Через несколько дней наш левый фланг почти полностью был открыт. Чтобы держать восемьдесят километров вдоль Днепра, на северо-востоке наших позиций оставалось всего-навсего одно подразделение в двести немцев из «Викинга» на маленьких бронемашинах, бороздивших илистые, вязкие дороги.

Красные посылали дозоры на ту сторону реки и никого не обнаружили. Оставались лишь наши слабые укрепления у слияния Днепра и Ольшанки. Достаточно было одной атаки, чтобы их уничтожить. Мы сильно беспокоились за большой деревянный мост, брошенный через Ольшанку на восточной стороне Мошны.

С другой стороны реки мы держали несколько укреплений десятью автоматчиками. Если бы красные атаковали ночью, они раздавили бы этот жалкий пункт и овладели бы целым мостом. Штаб дивизии «Викинг», предупрежденный об опасности, не захотел ничего слышать. Мы не должны были уступить ни пяди земли, ни дать врагу понять, что мы теряем веру в исход сражения.

Генерал был далеко: мы носом чувствовали неизбежную катастрофу. Немецкий офицер связи взял на себя ответственность взорвать сооружение со всей возможной осторожностью. Телефонным звонком в шесть утра он сообщил генералу, что только что советский снаряд попал во взрывчатку, полностью разрушив мост.

– Мы, – добавил он, – в полном огорчении.

Генерал тоже был огорчен. Но вопрос с мостом был таким образом решен.

***

В ту же ночь наши последние сомнения были сняты. В Мошнах в нашем распоряжении был взвод из пяти десятков русских, бывших военнопленных, добровольно вступивших в ряды немецкой армии.

До этого момента они были очень дисциплинированными и преданными, но ошибкой было послать их воевать на родину. Их кровь сработала. Через три месяца раса, пресловутая раса, взяла свое.

Они подолгу разговаривали с местными жителями, наши офицеры не понимали ни одного слова из этих разговоров. В конце-концов партизаны договорились с ними. В ночь с 1 на 2 февраля 1944 года эти русские, обслуживавшие наши пушки позади немецких порядков, скрытно уползли, как волки, к Ольшанке. Славный малый-валлонец, бывший в карауле, был тихо убит ножом в спину. Колонна беглецов, перешагнув теплый труп, спустилась в ров и пересекла реку.

Теперь напротив нас находилось пять десятков беглецов, живших в Мошнах три месяца и знавших наши позиции, наши орудия, командные пункты, телефоны и радио. Таким образом, в распоряжении советского командования находилось пятьдесят проводников.

***

Уверенные в себе, красные в восемь часов утра бросились в атаку. Первая атака началась за Мошнами между Лозовком и Днепром. Несколько десятков валлонцев, рассредоточенных в этих песчаных ландах, утонули и сгинули под градом снарядов за один час. В тоже утро на КП бригады мы узнали, что Лозовок был атакован и захвачен.

Вторая рота, отброшенная от последних домов, была вынуждена перейти речку на южной стороне деревни на километр. Худо-бедно она закрепилась среди голой степи.

Оборона берега Днепра была безысходной: Лозовок, находившийся на песчаном взгорке, казался нам окончательно потерянным. Мы предложили дивизии привезти уцелевших из Лозовка в Мошны, где нашим малым силам угрожала наибольшая опасность.

Но приказы были безжалостными. Не только вторая рота не могла перегруппироваться и отойти к югу, но надо было немедленно контратаковать и отбить Лозовок, какими бы ни были препятствия.

Очень далеко, на том конце провода, едва различимый голос указал нам, куда ушла вторая рота. Я точно знал участок Лозовка. Я добился того, что мне приказали организовать контратаку. Я получил два танка и посадил на них группу решительных парней. Через реки дорожной грязи, простиравшиеся на сто метров в ширину, мы двинулись на восток. Повсюду торчали опрокинутые машины и ноги павших лошадей, наполовину увязших в грязи.

Лозовок

Вдалеке, там, где заканчивались степные заросли, поднимались вверх дымы боев за Лозовок. Мы перешли Мошны, где связные не могли пешком добраться до КП роты иначе, как только по самодельному переходу через грязь из двух десятков дверей изб.

Через три километра тряски среди ухабов и грязи, наши танки дошли до склона, где зацепились уцелевшие в Лозовке. Враг бороздил по болотам и разлившейся реке.

Мы приняли эти перемещения за атаку. Дивизионное командование обещало нам помощь в виде многих орудий. Они бы разнесли Лозовок своим огнем. После такой артподготовки мы бы двинулись вперед, поддерживаемые двумя нашими танками.

Было три часа дня. После многих перебранок по телефону артиллерия сообщила, что через двадцать минут она откроет огонь. Влепленные в грязь, мы смотрели какое-то время на долину, по которой бегали несколько обезумевших лошадей и которую нам надо было преодолеть.

На востоке сигнальные ракеты, пересекшие небо, показывали нам, что наши последние части еще сопротивлялись у Днепра, хотя советские войска обошли их на многие километры.

Пули свистели беспрерывно. Враг засел на юге деревни, в двадцати метрах над речкой. Подняться туда было непросто.

***

Прогремел разрыв первого немецкого снаряда. Затем, через большой промежуток, другой. Их разорвалось восемнадцать. И все.

Мы настаивали. Тщетно. Невозможно было нам помочь, боеприпасы были на исходе. Оставалось удовольствоваться этой скромной закуской. Мы скатились с холма и бросились вперед через кустарники и поля, пересеченные быстрым и глубоким потоком шириной от трех до четырех метров.

Снаряды сыпались градом. Никто не поколебался прыгнуть в ледяную воду. От рощицы к рощице, от перелеска к перелеску, мы добрались до речки у подножия Лозовка.

Два наших танка, испещренные пулями, яростно бросились на избы, где засели советские солдаты. Дома пылали, взлетая один за другим. Красные убегали от изгороди к изгороди.

В пылу боя горстка валлонцев с отменным мужеством бросилась к деревянному мосту, связывавшему долину с дорогой, проходившей через деревню. Они пересекли мост и зацепились у подножия горы. Один боец с автоматом добрался до вершины. Другие под его прикрытием проползли по песку как змеи. Двадцать, тридцать валлонцев добрались до вершины.

Танкам, поддерживавшим пехоту, пришлось тоже двигаться к мосту. Но на щите у моста было указано: три тонны. Первый немецкий танк предпочел форсировать реку шириной метров двадцать. Русло было песчаное, и одна гусеница разорвалась. Танк оказался блокированным в воде.

Другой танк не стал атаковать в одиночку. Он выпустил еще несколько снарядов по домам, затем стал вытаскивать застрявший танк. Теперь мы могли рассчитывать только на артиллерию. Дом за домом рукопашными схватками деревня была взята.

***

В шесть часов вечера чудесные сизые, голубиного цвета сумерки смешали свою благородную расцветку с оранжевыми сполохами горящих изб. Последние часы в деревне Лозовок и среди этих бело-золотистых дюн, в конце которых Ольшанка завершала свое течение, вливаясь в Днепр среди больших желтых и зеленых островов…

Мы не увидим больше, как красная и фиолетовая заря зарождается на скалах из песчаника, где в течение нескольких недель скромно и гордо реял флаг нашей Родины.

Недолго оставались мы в раздумьях на берегу легендарной реки, огромной и сверкающей, спускавшейся к Днепропетровску, к бурым скалам, к дельте, к морю… Полевой телефон только что позвонил, тонко, голосисто; дивизия отсылала нас, диктуя новые приказы.

На левом фланге продвижение закончилось: две сотни последних немцев мотопехоты, прикрывавших наш фланг, обращенный к Днепру, отступили. Мы должны были покинуть Лозовок ночью, соединиться с двумя валлонскими ротами в Мошнах и отступить с ними утром на новые позиции более южнее.

Наша атака ничего не дала, была безрезультатной, кроме что проверки мужества и дисциплины. Но мы остались самыми последними из частей Восточного фронта, кто противостоял врагу на берегу Днепра! Мы долго вдыхали аромат реки, чувствуя, как бьется сердце. Мы смотрели на дрожащие серые отблески в сумерках, перевязанные серебряными нитями могучих вод реки. С легкой грустью уносили мы наш маленький флаг.

Через перекаты песков, болотистые поля, по вязким дорогам, мы уходили с нашими ранеными товарищами. Много раз оборачивались мы на восток. Там оставались наши сердца, они жили там. Наконец, горящий Лозовок стал лишь красным угольком в ночи.

Днепр! Днепр! Днепр!..

***

По мере того, как мы приближались к Мошнам, мы все более изумлялись силе шума битвы. Из одной заварухи мы попадали в другую!

Враг только что обрушился на Мошны. Пятьдесят нестроевиков, русских и азиатов, предавших нас накануне, пошли впереди советских частей и провели их в темноте до самых жизненно важных точек нашего участка.

Когда мы подошли к деревне, сотни солдат ожесточенно дрались вокруг наших орудий, в упор стрелявших по нападавшим. На каждой улице, улочке, в каждом дворике избы, среди навоза и глинистых насыпей, в ослепительном свете миллионов горящих соломинок, шли рукопашные бои.

В Мошнах у нас было более пятидесяти грузовиков, много орудий, 20-мм зениток и 88-мм противотанковых пушек, тягачей, походных кухонь, оборудования для связи для многих рот. Повсюду шла лихорадочная резня. Шоферы, повара, бухгалтеры, телефонисты, каждый защищал свое имущество, вооружение, свою шкуру.

Приказы штаба дивизии «Викинг» были категоричны: мы не должны были оставить Мошны до наступления ночи, чтобы прикрыть общую группировку, растянувшуюся на двадцать километров в глубину. Трагедия была в том, что русские предприняли массированную атаку за несколько часов до нашего маневра по перегруппировке, поэтому нам надо было любой ценой держаться, впечататься в Мошны, продержаться до утра.

Ночь прошла в сплошных бесконечных схватках, диких и жестоких, в темноте и красном разливе пожаров. Мы оставили эту длинную деревню только тогда, когда час за часом, часть за частью вся военная техника, снаряжение и имущество были отбуксированы к южной дороге.

Ни на мгновение не была прервана телефонная связь. Мы знали с абсолютной точностью как проходил отход наших солдат и техники. Наши солдаты с очумевшими глазами дрались за каждую избу, возбужденные тучами монголов, возникавшими из кустов, из-за изгородей, сараев и навозных куч.

Бойня длилась десять часов. На заре, под прикрытием последнего взвода защитники Лозовка и Мошны вышли на южную дорогу. Хмурые, в испачканной, липкой униформе они шли по бокам колонны машин, буксовавшим в толстом, до полуметра, слое грязи.

Бойцам из прикрытия был дан приказ держаться все утро в домах на юго-западе Мошны. Этот приказ был геройски исполнен. Было уже за полдень, когда красные окончательно заняли деревню. Только двух валлонцев захватили они живыми, двух связистов, оставшихся там, чтобы до последней минуты передавать командованию о продвижении врага. Они еще звонили нам в то время, когда красные уже были у них за окном.

Но в этот час же, благодаря героическому сопротивлению в Мошнах, бригада «Валлония» смогла перегруппироваться в Белозерье для новых военных действий. Шесть километров черной грязи отделяли нас от врага, не знавшего о наших планах.

Ступени

Был четверг 3 февраля 1944 года.

Приказ оставить нашу дислокацию у Лозовка и последний участок правого берега Днепра на востоке от Кесселя не был бы дан, если бы общее положение серьезно не осложнилось.

Мощные атаки врага на юге отбросили наши окруженные части к северу. Теперь советский коридор имел восемьдесят километров глубины. Каждый день дивизии Рейха теряли пять-десять новых километров. Еще неделя, и русские точно бы были у нас за спиной.

Командование оттянуло от района Днепр-Ольшанка все немецкие силы. Теперь мы одни должны были перекрывать эту зону, в полной власти какой-нибудь новой огневой волны, способной в двадцать четыре часа смести нас как щепку и насадить ее на шампур.

Были приняты кардинальные решения. Юго-восточный и южный участки будут постепенно оставлены. В свою очередь, части восточного сектора перегруппируются своеобразными ступенями, эшелонами, сначала вдоль линии с востока на север. Затем они должны будут пробиться, сражаясь шаг за шагом,

пядь за пядью продвигаясь к западной оконечности фронта, где должно будет произойти общее соединение одиннадцати дивизий.

Бронетехника немцев, идя с внешней стороны, подойдет с юго-запада Украины нам навстречу. Наши одиннадцать дивизий двинутся к ним без права на поражение, поставив на карту все. Другого выхода не было. Или мы все погибнем, или эта отчаянная попытка прорвет окружение.

***

Но 3 февраля 1944 года мы были еще далеко от той концентрации сил, что предшествует финальному штурму, последней атаке. Чтобы обеспечить эвакуацию военной техники и складов, должна была свершиться целая серия промежуточных операций.

Впрочем, это было безумие. Сражаться должен был каждый боец. Три четверти окруженных были исключены из боя, занятые спасением этих обозов, которые могли погубить нас.

Дорога, что вела от Городища к Корсуни, место, откуда должна была быть сделана последняя попытка прорыва, была забита огромными колоннами. Тысячи грузовиков протянувшихся на двадцать километров по три машины во фронт, буксовали в черноватой грязи дороги, превращенной в настоящую клоаку. Самые мощные артиллерийские тягачи с трудом пытались освободить проезд. Эта огромная масса техники была прекрасной мишенью для авиации. Советские самолеты роями звенящих ос кружились, эскадрильями пикировали на увязшие колонны каждые десять минут.

Повсюду горели машины. Грязь, тысячу раз перемешанная, стала такой сыпучей и такой объемной, что вскоре проезд оказался практически невозможным.

Пришлось приложить огромные усилия. Попытаться проехать через поля означало увязнуть через сто-двести метров. По дороге? Не стоило больше и думать: по меньшей мере тысяча машин навсегда увязла там, и их оставалось только поджечь, чтобы они не достались врагу. Оставалась железная дорога от Городища до Корсуни. Именно этим путем решено было направить моторизованные части.

На многие версты можно было определить эту дорогу по тому, как на нее пикировали советские самолеты. Гигантские всполохи обрамляли эту импровизированную дорогу. Надо было постоянно сталкивать под откос сломавшиеся или горевшие машины.

Чтобы защитить этот неслыханный трансфер из десяти тысяч машин по шатающимся шпалам разбитой железной дороги, наши части должны были во чтобы то ни стало сдерживать напор советских войск еще в течение нескольких дней.

Сталинские летчики с небесных высот с удовольствием наблюдали за попытками окруженных дивизий перестроиться. Все указывало им на место будущего скопления, сбора войск: корсуньское направление было обрамлено сотнями факелов от полыхавших машин.

На юге советские части быстрыми ударами атаковали отступавшие войска. Через северо-восточный коридор, открытый отступлением последней

бронетехники «Викинга», тоже подходили войска СССР. Даже на севере дивизии Вермахта все более и более спешно отходили.

Что касается нас, то мы должны были сначала сдерживать советские части, поднимавшиеся от Днепра и Мошны. От Белозерья мы должны были дойти на пятнадцать километров к югу на линию обороны, построенную по тревоге в начале января. Эта линия пролегала от юго-востока на северо-запад, от деревни Староселье до деревни Деренковец.

Наконец, третья операция – мы должны были все сосредоточиться на северо-западной окраине этой заслонной линии в самом Деренковце, где во взаимодействии с другими частями Вермахта и Ваффен СС образовать окончательный щит обороны.

Вот так скрытно, подтягиваясь изо всех секторов для решающего наступления в западном направлении, под Корсунью сосредоточилось пятьдесят-шестьдесят тысяч солдат.

***

Таким образом, для нас первым стопором должно было быть Белозерье. План отступления предписывал нам держать фронт в восточной части этой деревни до того времени, которое потребуется для того, чтобы все орудия, снаряжение и боеприпасы смогли без боя дойти до линии Староселье-Деренковец.

Вдоль Ольшанки от Байбузы до Староселья готовилось перемещение наших пушек и всего обоза. Выступление должно проходить под покровом ночи.

Мы постоянно посылали разведгруппы до окраины Мошны. Даже на юге Мошны у нас еще оставалось несколько замаскировавшихся в ельнике автоматчиков. Каждую советскую группу, отваживавшуюся пройти в нашем направлении, встречал мощный автоматный огонь.

Прошла ночь. Артиллеристы выбивались из сил, вытаскивая орудия из грязи. На заре только части пехоты и минометчики оставались на позиции на краю воды. Последние машины оставили Байбузы немногим позднее рассвета.

Одна упряжь оторвалась в тяге. Возницы вернулись в деревню, чтобы отремонтировать ее. Повсюду царила мертвая тишина. Но посреди грязной улицы лицом в землю уже были положены трупы крестьян. У каждого на правом рукаве еще оставалась белая повязка, отмеченная черными буквами: «Немецкий Вермахт»! Едва наши солдаты оставили Байбузы десять минут назад, как все украинцы, служившие во вспомогательных немецких формированиях, были убиты партизанами.

Деревня была безмолвна. Ни одного затаившегося наблюдающего глаза. Но зато красноречиво говорили трупы, уткнувшиеся в грязь…

***

Пехотинцы третьей роты, которые по прежнему держали переправу через Ольшанку, на востоке от Байбузы должны были следующей ночью отойти и проскользнуть вдоль реки до деревни Староселье.

Что касается второй роты, то после своей одиссеи у Лозовка она широко развернула свои цепи, направляясь сначала в сторону северо-запада. Она должна

была сдерживать натиск врага, стремившегося на Деренковец, до того момента, когда наше правое крыло закончит свой маневр в два этапа.

Я получил приказ установить связь с этой изолированной частью. Около десяти километров этой пустынной местности отделяло ее от Белозерья. В моем распоряжении была лишь одна местная старуха, которая жалобно кряхтела в песке и иле. Только один солдат сопровождал меня.

Мы обнаружили наших товарищей на опушке черного ельника, на маленьком островке сопротивления во всей округе. Мы прошли через безжизненную деревню. Когда мы вошли туда, советский патруль выходил из другого конца этого населенного пункта. Этот патруль по-царски щедро оставил крестьянам в обмен на их птицу коробок спичек с серпом и молотом.

В глубине изб ютились целые семьи. Весь этот район прочесывали авангардные подразделения врага. Каждое мгновение мы ожидали попасть в засаду. Старуха пыхтела, останавливалась. Было очевидно, что все ей опостылело.

***

Белозерье с наступлением темноты было неузнаваемым. Мой маленький джипчик светло-коричневого цвета был принят населением за первую машину Советов. Из-за изгороди показалось несколько испуганных голов. Царила невероятная тишина. Через залитые водой улицы мы тряслись от оврага к оврагу, от рытвины к рытвине, чтобы добраться до последнего взвода, ждавшего часа эвакуации. Пушки, грузовики, снаряжение, вооружение – все было увезено.

Наш арьегард должен был оставить Белозерье только к ночи, создав до конца видимость сопротивления. Деревня была с километр. Нас могли обойти с любой стороны, тем более, что нас было всего человек сорок солдат.

Телефонный кабель был свернут. Наступал вечер, завуалированный туманом.

В конце концов, люди покинули свои норы. Мы взобрались на два последних грузовика. Без единого крика. Без единого выстрела. Без единого обозримого силуэта. Только несколько крестьян через приоткрытые двери своих изб видели, как мы уезжали.

Позиции, которые мы должны были занять, проходили от Староселья до Деренковца на длину приблизительно в тридцать километров.

Одна часть бригады должна была достичь Деренковца напрямую. Ночью она нарвалась на группы партизан, просочившиеся по лесам и уже отрезавшим все проходы на запад. Пришлось сражаться прямо в лесу, стреляя в упор из пушек. В суматохе мы потеряли два орудия.

Дорога на юг к Староселью была еще более опасной. Если наши последние боевые группы, эшелонированные по левому флангу вдоль Ольшанки, допустили бы одну слабинку, это означало бы разрыв, окончательное перекрытие нашего единственного пути к отступлению.

Едва преодолели мы два километра, как попали на застрявшие машины. Колонны, чей отход мы прикрывали и которые уже много часов были в пути, на марше, увязли в грязи. Грузовики развернуло поперек дороги. Сотни бойцов осыпали округу бранью, стоя по бедра в илистой воде. Тягачи ломались, пытаясь вытащить обозы.

Русские могли напасть на нас в любой момент. После часов геркулесовых трудов материальная часть была приведена в нормальное состояние и мы

достигли леса, потом обширных болот, находившихся под Старосельем. Было час ночи.

Конец пути представлял собой гигантский пруд, который машины могли преодолеть только с разгона на полной скорости.

Над левым берегом Ольшанки высился солидный гребень, примыкавший под прямым углом к каналу, ведущему к Деренковцу. Все избы этого холма были в огне. Сотни женщин с детьми или поросятами на руках трагически вырисовывались, черные, на ослепительном фоне пожарищ. Они пронзительно кричали, плакали, умоляли, метались в атмосфере полного безумия.

Пожар распространялся как сказочная желто-красная грива. Он делал скользским как мрамор песчаный склон, по которому не мог взбираться ни один грузовик. С большим трудам артиллерийские тягачи втащили на вершину горы автомашины и грузовики, увязшие в грязи.

Всю ночь пронзительные крики женщин отвечали на вой скотины и ругань водителей посреди огромного пожарища. Когда настал день, машины все еще отбуксировывали наверх.

Но на северо-востоке из глубины выдвигались коричневые точки. Мы различали цепи людей, лошадей, экипажи.

Русские наступали.

Староселье

Тыловой рубеж Староселье-Деренковец был прорыт тысячами украинцев в начале января. На рассвете 5 февраля 1944 года там расположилась бригада «Валлония».

Этот рубеж был точно, грамотно выбран. Он проходил с юго-востока на северо-запад по верху холмов, возвышавшихся над долиной, болотами и каналом от Деренковца до Ольшанки. Вдалеке были видны леса, по которым мы отходили от Белозерья. Траншея со многими огневыми точками проходила зигзагами на тридцать километров. Плохо, что в ней не было фашин и она была слишком глубокой. Она была так глубока, что нельзя было ничего видеть, как только запрыгивал в этот нескончаемый лабиринт.

Если бы весь боевой рубеж был занят плотно, то это неудобство было бы вполне терпимо. Но у нас было лишь триста пехотинцев, чтобы закрыть тридцать километров!

Вторая рота должна была занять позицию в пятнадцати километрах к северу от Деренковца. Другая рота занимала лицом на восток рубеж, уходивший под прямым углом от Староселья прямо на юг.

У нас оставалось триста пехотинцев, чтобы держать оборону на главной линии. Таким образом, у нас в среднем было десять несчастных солдат, чтобы держать каждый километр фронта!

Остальная часть бригады, водители наших трехсот грузовиков, артиллерийская прислуга, зенитки и 80-мм пушки, связисты – все отошли в тыл боевых порядков или поддерживали легкими пушками наиболее уязвимые места рубежа.

***

Мы были настроены крайне пессимистично. Невозможно было проложить полную телефонную сеть по всей длине такого обширного участка. Надо было иметь десятки километров кабеля только лишь для того, чтобы связать ротные КП с КП бригады.

Однако, эта неодолимая, неприступная траншея была на северо-востоке единственным укреплением, позволявшим осуществить маневр в направлении Корсуни. Рухни этот барьер, и… спасайся, кто может!

Наши люди были рассеяны на маленькие группы без связи между собой. Они были измотаны последними боями, ночами рукопашных схваток, ледяными туманами, изнурительными маршами в грязи, похожей на смолу или битум. У них не было ни малейшего укрытия. В изнеможении они с тревогой смотрели на долину, где двигались передовые советские части.

Наша артиллерия напрасно выпускала снаряды: с полудня в субботу болота кишели тысячью вражеских групп, их не останавливала ни грязь, ни снаряды.

***

На следующий день до рассвета наша линия подверглась атаке. Красные ночью взобрались на контрэскарп. Им не составило труда прыгнуть в пустые траншеи между постами, отрезать и вырезать их.

Одна мельница господствовала над склоном. Большевики за несколько минут добрались до нее. Оттуда они бросились к Ольшанке, окружив часть наших людей. В семь часов утра левый берег реки в самой деревне Староселье был в руках большевиков. С западных холмов враг обстреливал весь участок. В восемь часов утра он продвинулся уже на многие километры к югу. Наш КП находился как раз на острие этого натиска.

Командир решил сразу броситься вперед. Я прыгнул с ним в грязь, прорываясь через суматошный поток возниц и грузовиков, спешно отступавших. Мы достигли правого берега Ольшанки в Староселье.

Одна группа человек в тридцать еще геройски сражалась на левом берегу. Я вскочил на командирскую бронемашину, пересек реку, вскарабкался по склону и бросился к своим товарищам. Мы сразу же ринулись в рукопашную от избы к избе, катаясь в грязи вперемешку с азиатами.

После часа боя мы освободили деревню и достигли западного выступа этого села. К несчастью, гребень со своей красивой мельницей с широкими черными крыльями возвышался над нами всей свое массой. Русские установили там пулеметные гнезда. Их снайперы следили за каждым нашим движением.

Стоя на коленях в углу последней избы, я стрелял в каждую показывающуюся голову. Но моя позиция, слишком явная, была плохой. Пуля ранила мне палец. Другая задела бедро.

Один маленький волонтер шестнадцати лет, который начал стрелять рядом со мной, через две минуты получил пулю прямо в рот. Бедный паренек в ужасе привстал на мгновение, ничего не понимая. Он широко открыл залитый кровью рот и, не в состоянии говорить, но желая, тем не менее, объясниться, сказать что-то, упал в ил, где икал несколько секунд, прежде чем умереть.

Позади нас трупы наших товарищей, убитых во время прорыва врага на рассвете, были совершенно раздеты за те полчаса, что враг был на западном

секторе Закревок. Тела были абсолютно голые, желтые и красные, в маслянистой грязи.

Из нашей избы мы видели, как с северо-востока и с северной стороны в долине подходили советские укрепления. Через гати вереницы солдат, шлепая по грязи, тащили 88-мм пушки. Склон и мельница над нами казались неприступными.

Командир направлял к нам всех солдат, которых собирал по окрестностям. Но могли ли мы сделать что-нибудь кроме того, как помешать большевикам спуститься в деревню?

Выйти из избы, пойти в атаку по этому голому склону, похожему на плитку гуталина, без какой-нибудь складки местности, ложбинки, по земле, в которой мы вязли по колено, – все это означало бы пойти на всеобщую добровольную мясорубку.

И, тем не менее, надо было отвоевать и мельницу, и высотку. В противном случае, следующей ночью враг соберет на эту высотку все свои силы.

Мы должны были восстановить рубеж без промедления или принять мысль и факт окончательного прорыва фронта со всеми последствиями этого.

***

Я попросил танков. Под их прикрытием мы бы могли еще достигнуть мельницы и холма. Но танки не пришли. Надо было действовать, дергать, злить врага.

Волонтеры проскользнули в большую траншею и поднялись по ней в направлении русских. Их вел лейтенант Тиссен, молодой двухметровый парень с челюстью Фернанделя, со смеющимися и озорными глазами большого ребенка. Он с легкостью отбрасывал назад гранаты, которые русские бросали ему. Одна пуля пробила ему левую руку. Но он, несокрушимый, продолжал бой и отвоевал уже пятьдесят метров, потрясая ходы сообщения своим громким, звонким смехом.

Наконец, в четырнадцать часов прибыли немецкие танки. Их было всего два. Но шума их подхода было достаточно, чтобы посеять панику серди русских. Многие из них побежали. Мы видели, как некоторые убирали пулеметы с бруствера.

Танки двинулись, перепахивая землю. Наша маленькая колонна двинулась вслед за ними. Русские волной заливали долину, подвозя легкую артиллерию. Они увидели наши два танка, продвигавшиеся по голому склону. Сразу лавина залпов их противотанковых пушек обрушилась на танки, убивая и наших людей.

Мельница была нашей первой целью. Мой водитель, герой войны 1914-1918 годов Леопольд Ван Далле бросился даже впереди танков по открытой местности. Он был фламандец. Ветряная мельница была привычной частью пейзажа его родины.

Он первым достиг черных крыльев, положив автоматной очередью трех сталинистов. Но в глубине траншеи один монгол, прислонившись к деревянным подпоркам укрепления, выстрелил в него. Пуля вошла под челюсть и вышли из темени черепа. Ван Далле, как настоящему христианину, еще хватило невероятной силы вытащить из кармана свои четки. Затем он упал замертво с

открытыми глазами, смотревшими на широкую и мощную мельницу, похожую на старые мельницы пригородов Брюгге в стране Фландрии…

В четыре часа пополудни мы уже отвоевали всю высоту. Траншея была усеяна солдатскими мешками, брошенными убежавшим врагом. Они, как всегда, были набиты патронами, черствым замшелым хлебом, семечками подсолнуха. Нам досталось много пулеметов.

Но наша победа не вселяла нам оптимизма: чем владели мы больше, чем накануне? Ничем. Зато мы потеряли определенное число наших товарищей.

Убивать русских не приносило большой победы. Они размножались как мокрицы, беспрерывно пополнялись десятикратно, двадцатикратно. Эти километры траншей были слабой защитой, то там, то сям занятые несколькими горстками валлонцев, трагически изолированных в туманных сумерках. Слева и справа от наших постов всякий раз была километровая пустота.

Лейтенант Тиссен, с окровавленной, кое как перевязанной рукой, решил остаться со своими парнями на вершине холма. Траншея, вытоптанная в обоих направлениях во время боя, стала настоящим месивом. Было полностью очевидно, что эту позицию невозможно удержать. Страшные развязки не должны были заставить себя ждать. В этом не было никакого сомнения.

***

Ночь была заполнена беспрерывным шумом бесконечных перемещений. Весь склон был оживлен каким-то невидимым присутствием. Сотни русских ползли, достигали траншеи, рассредотачивались в ходах сообщения.

На рассвете возобновилась трагедия, что произошла накануне. В семь часов утра во второй раз атака русских обрушилась на наших товарищей. Мы знали, что с этого момента высота, траншея, мельница были потеряны для нас навсегда. Наши танки были отозваны на юг. Они больше не вернутся.

Как же быть?

И речи быть не могло о каком-либо преждевременном перестроении, отходе. Тысячи грузовиков, тысячи людей спешили к Корсуни: фланг, защищавший их, был открыт.

Скиты

В понедельник 7 февраля 1944 года весь день прошел в попытках залатать брешь, сделанную русскими на линии Староселье-Деренковец.

В самом Староселье наши войска перегруппировались на правом берегу Ольшанки. Позиции были надежные, сильно укрепленные, защищенные колючей проволокой и минными полями.

На другом конце линии в Деренковце первая рота выдержала многие атаки, но отважно сдерживала противника. Под прямым углом в пятнадцати километрах к северу от Деренковца вторая рота продолжала нескончаемый отходной маневр с востока на запад. Она достойно продолжала арьегардные бои с малыми потерями, скрупулезно выдерживая установленный график.

Открытые, зияющие километры на западе Староселья были адом. Остатки нашей четвертой роты, разбитые на рассвете, бросились в направлении

Деренковца. Их встретили, и с помощью взводов первой роты они весь день смогли контратаковать. Но русские были в силе. Через брешь в Староселье они вломились в лес, спускавшийся к югу.

Наши роты у Деренковца, наши части в Староселье получили приказ укрепиться по краям этого леса, чтобы преградить выход врагу. По всем направлениям мы послали разведгруппы.

С другой стороны, наша артиллерия сохранила всю свою огневую мощь и работала беспрерывно. Она обрушила на голый гребень, через который обязательно должны были пройти подкрепления противника, такой шквал огня, коему мы придавали тем больший размах, что уже не имели никаких иллюзий вытащить наши увязшие тяжелые орудия в следующем отступлении.

Автомобили, грузовики гибли в грязи. Самый мощный из наших тягачей, настоящий монстр на гусеницах, отправленный из Деренковца в Староселье чтобы помочь новому отступлению, затратил день и ночь, преодолев менее тридцати километров.

Железнодорожное полотно – последний путь к Корсуни, – был отмечен бесчисленными пожарами. Тысячи грузовиков кое-как продвигались под дождем снарядов.

Мы формировали арьегард на северо-востоке: чем более медленным будет отход этой огромной автомобильной колонны, тем дольше нам нужно будет обороняться. Немецкое командование контролировало ситуацию с несравнимым хладнокровием. Несмотря на ужасное положение, в котором находились пятьдесят-шестьдесят тысяч уцелевших солдат, в приказах нельзя было найти ни тени поспешности или беспокойства, суеты. Все маневры выполнялись спокойно, методично. Врагу нигде не удавалось перехватить инициативу.

В этом трагическом вязком мешке дивизии и техника действовали строго в соответствии с получаемыми инструкциями. Арьегард и фланги сражались до последней минуты, когда нужно было отходить.

Бреши немедленно закрывались, чего бы это ни стоило. Каждый знал, что лучше всего было придерживаться плана штаба, потому что любое досрочное отступление неизбежно означало бы серию контратак, до тех пор, пока позиция, оставленная слишком рано, будет вновь отвоевана.

Приказы были суровы. Но ведь и расслабляться было не время. Каждый солдат знал, что надо было выбирать: или методичное отступление и перегруппировка с возможностью решающего финального броска, или всеобщее уничтожение в суматошной кутерьме.

***

Мы подошли к утру вторника 8 февраля 1944 года. Староселье по-прежнему держалось. Деренковец по-прежнему держался.

Открытая брешь была более или менее закрыта нашими ударными группами, зацепившимися на западных, южных и юго-восточных опушках леса, занятого Советами.

Но враг не довольствовался только этой атакой, он рвался вперед повсюду. Южная группа немецкой армии, совершившая самый важный маневр, подверглась артобстрелу и волновому натиску врага. Восточная группировка обрушилась на нас со 2 февраля.

У нашего сектора была не только тридцатикилометровая траншея от Деренковца до Староселья и выдвинутые позиции второй роты на северном участке. У нас была еще дополнительная укрепленная линия чуть больше одного лье под прямым углом в направлении населенного пункта Скиты.

Имея угрозу по фронту, по левому флангу через открытую неприятелем брешь, мы также подвергались опасности и по правому флангу. Староселье находилось в конце своеобразного длинного коридора.

Если бы вражеские силы бросились с нашего восточного фланга навстречу победоносным советским частям на нашем западном фланге пораньше, то наши солдаты были бы заперты, смяты и уничтожены.

Валлонцы, прикрывавшие наш правый фланг, соседствовали с молодыми новобранцами из «Викинга», прибывшими в гражданской одежде на фронт месяц назад, и в суматохе января с большим трудом получившими начальный боевой инструктаж. Эти несчастные пареньки были измотаны усталостью и волнением.

Враг бросился на них утром 8 февраля 1944 года, выбил их из укрытий, перебил один за другим их боевые посты и привел уцелевших в полное смятение. Мы видели, как они откатывались, как по течению, за наши укрепления. Эти остатки уже ни на что не годились. Некоторые из них плакали, как дети.

Во время этой атаки русские, бросившись в брешь, обошли наши позиции на юго-востоке, разбросанные в квадрате сто на сто метров в дубняке. Нашим людям пришлось огрызнуться, оставить лес и даже маленькую деревню Скиты на плато. Они скатились в низину, по пятами преследуемые противником.

Силы противника из двух брешей почти слились в единую группировку: один единственный наш КП, на котором мы спешно собрали отступавших беглецов, еще держался, как островок среди двух советских таранов.

Надо было немедленно собраться, чтобы снять опасность положения. Один час передышки, и любой наш прыжок вперед был бы вполне реальным.

Враг уже обосновался в Скитах. Наши противотанковые пушки взбирались по холму. Командир бросился вперед, за ним наши парни, подавленные, но все же с боевыми воплями.

В пять часов вечера деревня была отбита, русские были отброшены к лесу. Ситуация еще раз была временно спасена. Из бригадного КП пришел приказ на следующее утро провести новый отход. Значит, надо было продержаться всего лишь несколько часов; вечер, ночь… и наша часть будет спасена, и одновременно масса дружественных нам сил спокойно отступит на запад под прикрытием нашего арьегарда.

***

К несчастью, русские, понимавшие наш маневр, решили любой ценой попытаться смять наши позиции. Чтобы эффективно завершить операцию под Черкассами, Советам надо было действовать методично, сектор за сектором.

Это то, что противник попытался сделать в Мошнах.

Это то, что противник попытался сделать на юго-востоке от Староселья.

Это то, что он пытался, впрочем безрезультатно, сделать вокруг Скитов посредством сотни атак.

В пять часов вечера Скиты были у нас. Командир спустился с КП. Мы штабелями положили в одну мелкую песчаную траншею забрызганных кровью убитых за этот напряженный день.

Мы разрабатывали план отхода бригады в направление Деренковца на следующее утро, когда в вечернем тумане часовой увидел на нашем восточном фланге отступавших по склону солдат. Враг второй раз вышел из леса, выбил наших ребят и взял Скиты!

Наверняка, он собирался ночью прошмыгнуть до тополиных рощ долины, соединиться с группировкой по линии восток-запад, изолировать Староселье и окончательно задушить наш участок! Все надо было опять и немедленно начинать заново, переделать ситуацию с дважды побежденными солдатами, изнуренными и обескровленными!

Я получил личный приказ от дивизии отбросить противника: нам следовало непременно отвоевать высоту, защищавшую путь отступления, и спуститься с нее только в шесть утра, когда наши силы в Староселье смогут выйти из мешка.

Наступил вечер. Склон горы был густо покрыт соснами. Русские уже начинали спускаться. Мы медленно поднялись к плато, поскольку были с тяжелым вооружением и к тому же надо было продвигаться как можно дальше без шума, без боя.

Нас всего было десятка четыре. Мы проползли последние сто метров и бросились в атаку. Наш прорыв на гребень, где обосновывался противник, произвел временное замешательство. Мы смогли максимально использовать свои пулеметы и оттеснить русских до Скитов, одновременно две наши пушки, втащенные на вершину, несмотря на песок и грязь, поддерживали нашу атаку.

***

Красные при такой атаке предпочли еще больше откатиться к югу, что было еще хуже для нас. Операция, провалившаяся на нашей высоте, теперь возобновлялась, но на этот раз у нас за спиной. В час ночи, в двух километрах позади нашего бригадного КП русские и немцы столкнулись на нескольких сотнях метров дороги, нашей единственной дороги!

Маленькие группы СС «Викинг», вросшие в землю, как колючий стальник, одни сдерживали натиск неисчислимого противника. Мы слышали шум и грохот десятка отдельных боев, простиравшихся с востока на юг на многие километры. Противник был перед нами, справа, слева, за спиной. Путь, по которому мы должны были отходить на рассвете, был освещен факелами горящих изб. Повсюду стоял вой и слышались страшные крики. От этих криков зависела наша жизнь, жизнь тысяч человек. К счастью, в пять часов утра сектор еще вопил, крики не смолкли.

Мы сожгли машины, слишком слабые, чтобы преодолеть вязкую грязь. Большая часть нашей группы прошла вдоль реки Ольшанки к деревянному мосту, который наши люди пересекли точно в том месте, где последняя горстка СС «Викинг» сдерживала неприятеля.

***

Некоторым из наших групп автоматчиков в Староселье пришлось сопротивляться до последней минуты, то есть до полной эвакуации наших рот. В течение трех часов они совершили чудо.

Затем с гибкостью змей они проскользнули по сосняку на южном участке, где русские бросились на них со всех сторон. Ни один из наших людей не был взят в плен, ни один из их автоматчиков не остался на том месте. Среди этого дьявольского пулевого концерта они последними ползком пересекли мост через Ольшанку. Он взлетел за нашей спиной, как гейзер.

Покрытые какой-то эпической грязью, наши люди, лошади и грузовики взбирались по соседним склонам, липким, как смола. От противника нас отделяли только вздутые воды реки, крутившей тысячи плавающих обломков, выброшенных взрывом.

Тридцать километров

Общий маневр отступления 9 февраля 1944 года был обширным: окруженные дивизии отступали с юга, юго-востока, востока и покидали три четверти северо-запада и севера Черкасс.

Диспозиция в январе приняла как бы форму африканского континента. Вечером 9 февраля вся «Африка», уже сильно сжатая за неделю, должна была отступить в направлении «Гвинеи», сохраняя только один плацдарм на высоте «озера Чад». Этим плацдармом была деревня Деренковец.

Столицей нашей русской Гвинеи была Корсунь, точка общего сбора окруженных войск с 28 января. С юго-запада от Корсуни к нам рвались многие сотни «Тигров» и «Пантер», самых мощных немецких танков из бронетанковых частей группы армий «Юг». Танки продвигались, преодолевая ожесточенное сопротивление.

Пятьдесят-шестьдесят тысяч солдат постепенно отходили в направлении Корсуни, стараясь вывести максимальное количество техники и боеприпасов, несмотря на неимоверные трудности.

В то время, как десятки тысяч людей занимали позицию для решающего броска, нацеленного по линии танковой колонны, двигавшейся с юга, силы арьегарда должны были сдерживать натиск неприятеля с севера и востока или поднимаясь по линиям юго-восток и юг.

Самой выдвинутой вперед точкой, самым крайним выступом на севере Корсуни был Деренковец, на левом полюсе нашей прошлой линии.

Все наши силы, растянутые на тридцать километров от Деренковца до Староселья, получили приказ отойти к Деренковцу днем 9 февраля. К этому населенному пункту также должна была отойти наша вторая рота, которая с начала отхода от Лозовка описывала дугу с востока на юго-запад. Нашей бригаде без всякой поддержки следовало занять ключевую позицию под Деренковцем.

На западном фланге линии Деренковец-Корсунь были эшелонированы части Вермахта: им было предписано во чтобы то ни стало сдержать натиск противника. Восточный фланг должен был быть прикрыт дивизией «Викинг».

Между этими двумя боковыми фронтами от Деренковца до Корсуни проходила проселочная дорога, по краю которой текла речка: зона безопасности этой дороги с востока на запад была шириной километров двадцать.

Самая рискованная позиция, бесспорно, была наша на северном выступе коридора. Мы должны были непоколебимо, надежно закрыть путь, по которому неприятель, подойдя с северо-востока и севера, наверняка попытается достичь Корсуни с намерением раз и навсегда покончить с окруженными частями.

***

Вторая рота беспрепятственно осуществила свой отход к Деренковцу. Зато наш отрыв от противника на другом конце линии, осуществлявшийся в последний момент, тогда, когда враг давил на нас со всех сторон, обещал быть операцией, полной драматизма.

Немецкие части, отходившие с юго-востока, подтягивались к западу одновременно с нами, также испытывая чувствительные удары неприятеля.

Нам пришлось немного задержаться из-за разбухшей от оттепели реки Ольшанки и взорванного моста. Чтобы достичь Деренковца, мы должны были по плану Верховного командования проследовать почти параллельно нашей старой линии Староселье-Деренковец. Но она уже два дня была пересечена и занята русскими. Лес, куда углубился неприятель, «свисал» к югу, как зоб. К 9 февраля у русских там находились значительные силы. Они установили там свои пушки.

Нормальный, более или менее безопасный путь отступления проходил по южному краю этого леса. Немецкие грузовики, шедшие впереди нашей бригады, попали там в сто осиных советских гнезд.

Один из наших штабных офицеров, промышленник из Ганда, исполненный достоинства, прямой, как меч, мужчина, утонченных манер и примерных правил праведника, капитан Антониссен был отправлен в Деренковец для связи. Он находился впереди колонны. Когда она попала в засаду, он сразу перегруппировал пехотинцев, сопровождавших первые грузовики.

К несчастью, ему пришлось иметь дело с неопытными новобранцами из фольксдойче «Викинга», отступившими от Скитов. Эти пареньки, казалось, вняли приказу, но при первых очередях сломя голову бросились бежать.

Капитан Антониссен знал традиции Легиона «Валлония». Другие побежали кто-куда, а он остался. Он до конца отстреливался из своего автомата. Контратака, организованная «Викингом», освободила дорогу часом позже. Один немецкий офицер вечером сказал нам, что в тридцати метрах восточнее дороги возле зарослей кустарника лежало тело.

Зачем мы сражались, за что воевал капитан Антониссен, если не за то, чтобы заслужить каждым днем войны честь представлять на европейском фронте страну маленькую, но звенящую своей славой гордого Бельгийского Льва (Leo Belgicus) наших предков?..

***

В хвосте нашей колонны путь отступления представлял собой мазутообразное глиняное месиво. Путь пролегал по холмам, на вершины которых грузовики можно было затащить только тягачами. В долине грузовики буксовали, съезжали с дороги. Приходилось преодолевать разлившиеся ручьи с остатками льда. Колеса буксовали, вырывая все более глубокие колеи. Каждое форсирование такой водной преграды стоило нам одной-двух машин.

Мы добрались до плато напротив леса в тот момент, когда началась контратака «Викинга». Наши колонны должны были поехать по колеям, идущим к югу; через несколько километров мы снова свернули к западу. Однажды въехав в этот автомобильный серпантин, невозможно было и пытаться из него выйти. Дорога была узкой, по краям проходил глубокий ров. Одно неловкое движение руля, и машина летела в яму.

Внизу одного холма среди болот виднелась какая-то деревня, подсвеченная прудом. Дорога шла вдоль воды и вскоре стала непроходимой, превратившись в вязкое тесто метровой глубины. Пришлось использовать значительные силы, бросить все сено и солому, побросав сверху кровлю с изб, двери, ставни, перегородки, столы, у которых отбивали ножки. Вся деревня пошла на это дело.

Враг был в двух километрах, и он не был готов смилостивиться над нами. И на этих несчастных обломках, среди испуганных крестьян, сто грузовиков смогли-таки выползти, подняться на плато и подойти гусиным шагом к Деренковцу.

***

К пяти часам вечера мы были уверены, что спасли почти весь личный состав, и, что было еще более удивительно, значительную часть обоза. Надо было спешить. Самолеты уже обрабатывали избы на перекрестке. Там был склад сигнальных ракет. Советские самолеты попали в него: сотни красных, зеленых, белых, фиолетовых снопов исполосовали воздух, попадая нам в ноги, доведя до безумия последних наших лошадей.

Чтобы достичь Деренковца, нам надо было подойти к западной опушке проклятого леса, где был противник. Наша колонна прошла вдоль него на дистанции один-два километра. Продвижение шло медленно. Повсюду, – то там, то сям, – полметра грязи! Немецкие грузовики, двигавшиеся к Деренковцу, чтобы добраться до Корсуни и грузовики бригады «Валлония» смешались в одну узкую длинную колонну, и постоянно одна застрявшая машина блокировала все продвижение. Нам пришлось выкорчевывать или срубать плодовые деревья соседних деревень, чтобы немного укрепить дорогу. Некоторое число машин пришлось опрокинуть и бросить, моторы сжечь. Мы шли поверх насыпи по большей части пешком, наши мускулы были в истощении от огромных комьев грязи, которую мы волочили на ногах.

Приближалась ночь. Росло нервное напряжение. От края леса раздавались выстрелы. Почти беспрерывно нас дергали советские самолеты.
Внезапно от леса выбросился огромный красный шар, затем другой, послышался крик водителей, которые, бросившись наземь, подожгли свои машины прежде, чем убежать.

Но на самом деле это были советские противотанковые пушки, что стреляли по нашей колонне. Это не было трагедией, мы видели и покруче. Но подожженные машины мгновенно остановили передвижение. В колонне были боезапасы из тысяч гранат и снарядов.

Начались разрывы. Каждому пришлось броситься животом в этот крахмал полей. Я прыгнул на одну лошадь, стараясь собрать людей и спасти еще несколько машин.

Но было слишком поздно, вся дорога была в огне. В фиолетовой серости вечера горело более ста грузовиков, это была длинная розово-красная лента, пробитая черными дырами.

Были уничтожены все наши архивы, все документы, вся матчасть. Уцелели только наши славные знамена, которые наши ротные командиры с первого дня отступления носили на себе, обвязав ими тело под гимнастеркой.

***

С наступлением ночи несколько сот человек личного состава, не держась на сломленных усталостью ногах, издерганные советской стрельбой, прошли по низкой, углубленной дороге Деренковца.

Грязь, похожая на реку лавы, спускалась огромными полосами до долины, отрезанной озером. Мост был разрушен, лед растаял. Нам пришлось форсировать эту водную преграду в сумерках по пояс в воде.

На восточной части Деренковца уже два дня противник был довольно агрессивен. На севере он поджимал вторую роту, которая к моменту нашего прибытия как штопор упиралась в укрытия. На юго-востоке враг атаковал нас огнем своей легкой артиллерии.

Начался сильный, противный дождь. В ночи, придавленные советскими автоматными очередями, слепые, мокрые, мы падали в грязь, слепленные как в тесте с нашим оружием, обессиленные и почти в отчаянии.

Плацдарм

Штурмовой бригаде «Валлония» ценой значительных усилий удалось перегруппироваться для создания плацдарма у Деренковца. Наше положение почти сразу становилось адским. Мы располагались подковой у деревни лицом на север, северо-восток и восток. Между двух концов этой подковы за нашей спиной к югу проходила дорога на Корсунь. Зона безопасности этой дороги сокращалась с каждым часом. На западе коридора позиции Вермахта теснили русские танки. Советские снайперы были повсюду. С утра в четверг им удавалось обстреливать боевой эшелон войск, продвигавшийся по дороге от Деренковца к Корсуни.

Двадцать километров относительной безопасности меньше, чем за день сократились до одного-двух километров.

Другой фланг дороги, восточный и юго-восточный, теоретически были достаточно защищены. Полк СС получил боевое задание сдерживать неприятеля на этом направлении, примерно в десяти километрах от долины. Благодаря такому прикрытию наш плацдарм на севере коридора мог бы держаться сколько потребовалось бы. Общее сосредоточение войск под Корсунью прошло бы таким образом в четком порядке, спокойно.

К несчастью, начиная с четверга полк не выдержал. Огневая волна отбросила его до последней высоты, прикрывавшей нашу дорогу на полпути от Деренковца до Корсуни, то есть около семи километров сзади нас.

Почти все было потеряно. Коридор не был больше шире нескольких сотен метров, пули простреливали его с двух сторон.

При этом известии генерал Гилле пришел в ярость. Командир получил по телефону ураган брани и угроз, за ними последовал простой, формальный приказ немедленно отвоевать потерянную территорию.

Но в это время части русских, воодушевленные успехом, продвинулись в этом направлении к Деренковцу, чтобы обойти нас: они возникли в середине дня возле изб на юго-западе деревни. Это было наиболее возвышенное место, доминирующее над населенным пунктом.

Деренковец был протяженным селением, его избы были сильно удалены друг от друга. Красные только что достигли стратегически превосходящего места. Вечером они могли установить там свою боевую технику. Расстреливаемые со всех сторон, мы были бы раздавлены гранатами и артиллерией противника.

***

У нас в распоряжении еще было несколько подразделений. Каждое несчастье заканчивается утешением. Сотни шоферов без машин и артиллеристов без пушек составляли человеческие резервы, росшие по мере того, как грязь досасывала технику. Мы сразу превращали их в пехоту, и она очень кстати пополняла потрепанные роты.

Один артиллерийский офицер, лейтенант Графф, во главе пяти десятков своей бывшей артиллерийской прислуги был брошен на Деренковец, чтобы отбить склон у врага.

Здесь были задействованы гордость и самолюбие. Артиллеристы, над которыми подтрунивали солдаты первой линии, захотели показать им, кто они есть на самом деле. Они отбросили русских на два километра к юго-востоку, захватили много пленных и в завершении штурмом взяли мельницу и ферму на вершине холма.

Солдаты были растеряны от такого успеха контратаки, от этого сектора, потерянного уже несколько часов: горстка бельгийцев, покрытых грязью и счастливых, уже ощипывала кур, резала сало, кружочками нарезала огурцы, готовя с гранатами за поясом скромно-героический пир.

***

Эту позицию мы стойко удержали. Наши артиллеристы были полны гордости. И ферма была вкусная.

Но повсюду в других местах было худо, трагично. Восточная часть Деренковца дико обстреливалась. Орды монголов возникали повсюду, орущими бандами бросаясь на наши немногочисленные посты. Мы были оттеснены до самых окраин поселения. Вечером был такой итог: плацдарм Деренковца был почти зажат в кольцо. Коридор близ деревни Арбузино, находившийся позади нас, мог быть отрезан в любой момент, и наша судьба была бы решена.

С другой стороны, враг мог от Арбузино двинуться на Корсунь, где пятьдесят тысяч увязших в грязи солдат, как и их техника, едва приступили к перегруппировке, ожидая спасения с юго-запада.

Однако, это спасение казалось все более и более проблематичным. Колонна немецких танков, которая должна была освободить нас, находилась еще в сорока

километрах от Корсуни, также увязшая в море грязи. Повсюду было тяжелое положение. Новости были полны трагизма.

Окруженные части были на исходе сил. Почти не было боеприпасов. Довольствие было на нуле. Люди были полумертвые от усталости.

Сможем ли мы еще сдерживать натиск неприятеля, считавшего нас на грани агонии? Танки с запада, смогут ли они прорвать окружение, пробившись через неслыханное море грязи?

Будучи оптимистами, мы все же чувствовали, что до гибели оставалось не больше, чем несколько дней…

Ночная секретная директива штаба дивизии командиру нашей бригады не оставила больше надежд: «Вперед!»

На маленьком КП, с заледеневшей кровью, обливаемые дождем, мы смотрели друг на друга. Вдалеке, в каком-то мираже мы видели лица наших детей. Приближался час, когда все будет потеряно…

***

Ночь с четверга 10 февраля на пятницу 11 февраля 1944 года прошла в многочисленной беспорядочной перестрелке. Мы не видели дальше одного метра перед собой. Окружающее пространство превратилось в сплошной поток воды; почва стала рекой, в которой мы вязли по колено.

Русские кишели как жабы в этой липкой грязи. Они проскальзывали во тьме во всех направлениях.

С одного и того же места каждые одну-две минуты летела пуля. Нам требовалась четверть часа, чтобы вычислить снайпера, но мы находили лишь лужу, похожую на все другие. Стрелок уже потихоньку уполз, чтобы обосноваться в другой черной водной дыре. Как только мы отходили, снова свистели пули, пронзительно и сухо.

Вокруг нас трассирующие пули перекрещивались, били в стены, в двери…

Наши люди бодрствовали уже восемь дней, в одежде, приклеенной к телу, и чувствовали, как сходят с ума.

Из дивизии каждые два часа звонили на КП: оставленный дом должен быть сразу же отбит, ночью.

Русские проскальзывали в наши боевые порядки: мы хватали их в темноте, приводили на КП этих отвратительных монстров в иле, лохматых как звери и смеющихся желтыми зубами. Они говорили все, в частности, что они в десять раз сильнее нас. Потом они глотали что-то, засыпали где попало, как звери, гремели, бормотали что-то во сне, издавая зловонный запах сажи и мокрой одежды.

Без пяти

В пятницу утром Деренковец еще держался. Западный и восточный фланги дороги на Корсунь еще держались, хотя советские стрелки проскользнули почти везде среди кустов вдоль дороги.

Русские знали лучше, чем мы, как они сжимали нас. Уже много дней их самолеты бросали листовки, в которых они описывали нам, подтверждая слова

картой, наше безнадежное положение. Они сообщали список окруженных частей и специально цитировали Библию.

Они все более изощрялись в пропаганде. Регулярно появлялся белый флаг: подходил советский солдат, передавал лично адресованный генералу дивизии или корпуса конверт. Это было рукописное письмо пленного немецкого генерала, перешедшего на службу к неприятелю. Этот агент предлагал от имени своих советских хозяев почетную капитуляцию.

Каждый день таким же почтовым манером посылались фотографии плененных накануне солдат, сидящих за столом с генералом, целых, невредимых, в укрытии, в тепле и сухости.

В пятницу, 11 февраля 1944 года, в одиннадцать часов, после обычного появления белого флага появились два советских офицера безупречной выправки и передали послание верховного советского командования для командующего окруженной группировкой. Это послание было ультиматумом.

Эти офицеры прошли за наши позиции, были вежливо приняты. Ультиматум Советов был ясный и четкий: сдаваться. Достойно сдаться, как подобает храброму солдату, или атака на уничтожение начнется в тринадцать часов.

Ультиматум был немедленно и категорично отклонен. Верхом на трясущемся тягаче через грязь двух советских офицеров сопроводили до их позиций.

Ответ Советов не заставил себя ждать. Начиная с полудня Красная Армия пошла в наступление. На нашем плацдарме и на дороге Деренковец-Корсунь мощные, яростные атаки привели нас во все более тревожное, гибельное положение.

Вот уже два дня под Корсунью концентрировались немецкие силы. Мы знали, что решающая битва скоро начнется, что десятки тысяч людей занимали боевые позиции и с отчаянной энергией бросятся в атаку. Радиограмма немецкого Верховного Главнокомандования призывала нас напрячь все силы: с другой стороны нам на встречу в последнем усилии собирались бросить все, что оставалось из бронетанковой техники.

Нам оставалось сыграть нашу игру ва-банк. Русские считали нас безвозвратно потерянными. Но вот уже две недели их усилия не приносили успеха. Они хотели усилить, ускорить свое последнее «Ату!» Их ультиматум был отвергнут без дискуссий, их атака распространилась на все секторы.

***

Вечером Корсунский коридор был еще более сужен, но у Деренковца наша бригада не уступила ни пяди сада, ни метра изгороди.

Наши солдаты врезались как рогатины в их утиной луже. Теперь они были нечувствительны ни к чему: упади с неба танки, они бы нисколько не удивились.

Мы получили новые приказы. Серьезность положения была таковой, что выход из боя должен был быть ускорен: на следующий день, в субботу, 12 февраля 1944 года окруженная армия должна была попытать свой последний шанс и двинуть через ряды врага в юго-западном направлении.

В четыре часа утра нам надо было оставить Деренковец, чтобы влиться в штурмовую волну на юге, с другого конца деревни. Полк СС установил арьегардный заслон на высоте Арбузино, закрывая Корсунь.

Но было всего семь часов вечера! Ах, какое убийственное ожидание!

Почти все пеньковые тросы и канаты были истрепаны или порваны. Сможем ли мы продержаться еще девять часов, как это требовал приказ? А что если вдруг плацдарм треснет и сломается в ужасном уничтожении?

Пули шлепали по крышам, мокрым от дождя. Никогда, наверное, не было такого дождя на земле. Повсюду в воздух вздымались воинственные вопли боя.

В час ночи наши аванпосты на восточном участке дрогнули и отступили. Уже русские, как настоящие грязевые рептилии, вползали в избы. Наши люди больше не стреляли, они молча спускались к разлившемуся на несколько сот метров пруду и с оружием в руках форсировали его по пояс в воде.

Мы всматривались в ночь, в эту черную волну, откуда они выплывали, скользкие и блестящие, как тюлени.

На северо-западе и западе огонь все еще был таким же мощным. Пули мяукали, терялись или шлепали в препятствия. Но вдруг, совсем другой, не пронзительный, но матовый шум наполнил наши уши изумлением: танки!

Советские танки только что прибыли на северо-запад в нескольких ста метрах от нас, несясь по каменной дороге, где в сумраке выстроились наши последние грузовики, которые и могли еще спасти нас в последнюю минуту.

Этот громкий лязг гусениц был нашей смертью! До гибели, до катастрофы оставалось не более пяти минут.

***

Я прыгнул к противотанковой пушке, брошенной у дороги, с помощью одного солдата развернул ее. На мой призыв другие солдаты подбегали, наводя второе орудие. Навесным адским огнем мы заставили вражеские танки остановиться.

Было полвторого ночи. Под прикрытием танков русские пехотинцы подошли на несколько десятков метров от нас. Они стреляли наугад по черной дороге.

Нам приходилось постоянно выдвигать и отодвигать грузовики, пока из пруда выходили сотни наших товарищей.

По мере того, как они подходили, они валом грузились в машины, но при каждом залпе замертво падали на дорогу.

В четыре часа утра люди последнего взвода арьегарда присоединились к нам. Мы спешно прикрепили два орудия к двум последним грузовикам. Наш плацдарм у Деренковца держался до конца, ни на минуту не отклонившись от графика.

Мы пересекли Арбузино в огне. Отряд уходил в укрытие за этим огромным костром. Дальше несколько самолетов лежали, уткнув носы в грязь.

На заре мы прибыли к пригородам Корсуни. Нашей бригаде была дана честь слезть с грузовиков и войти в город в строгом строю, с высоко поднятой головой и с песней, как на параде.

Отступление от Корсуни

Корсунь был замечательным городом. Он был подсвечен на юго-востоке очень глубоким озером, длиной во много километров. Это озеро с зелеными, голубыми, белыми и розовыми избами по берегам, с холмами, заросшими медного цвета кустарником, заканчивающимися песчаной дорогой, завершалось

гигантской плотиной. Вода сбрасывалась на огромные розовые и зеленые скалы, обходя с двух сторон плоский полуостров, на котором располагался старый белый монастырь с элегантными восточными элементами.

В пятидесяти метрах над этим низвергающимся потоком, на этой красивой скале, до которой поднимался вагнеровский рокот водопада, были похоронены все павшие воины дивизии «Викинг» и штурмовой бригады «Валлония». После каждого боя их несли сюда, на эту мощную высоту, высокое место смерти и славы. Оттуда они увидят, как вдоль большого озера мы уйдем на жертву и освобождение.

***

Размеры поля сражения стали до крайности сжатыми: несколько километров фронта на севере Корсуни, несколько километров на западе, двойной защитный занавес по боковому авангарду. И все.

Вначале это место было обширным, как Бельгия. Теперь оно было меньше французского департамента.

Враг бил непрерывно, необходимо было отвоевать оставленные километры на востоке и севере по мере отхода. Мы отошли от Деренковца: таким образом, уступили семь километров. Волны немецкого натиска должны были до вечера отвоевать семь других километров на юго-западе, если они хотели, чтобы пятьдесят тысяч солдат не задохнулись в котле, где не было возможности маневра.

Однако, к одиннадцати часам утра, когда командир и я получали приказ из дивизии, мы увидели багровое лицо генерала Гилле у телефонной трубки. Полученное известие было трагедией: Арбузино, служившее заслоном до завтрашнего дня, Арбузино было в руках русских, и они полным аллюром двигались прямо на Корсунь!

Генерал схватил толстую палку, прыгнул в «Фольксваген» и помчался в направлении Арбузино. Трудно было сопротивляться ярости генерала Гилле. Деревня была отбита, заслон восстановлен. И вовремя!

***

Наступление наших дивизий на юго-западе шло уже много часов. Оно не удавалось, не имело успеха, как хотело бы немецкое командование. Красные яростно сопротивлялись. Одна деревня была захвачена в шести километрах от Корсуни. Можно было отметить некоторые продвижения на флангах. Нам же нужен был быстрый и полный успех. Иначе через день-два наступил бы конец.

Усилие, которое требовалось от нас, было сверхчеловеческим. В течение восьми, десяти дней солдаты и офицеры не имели ни минуты отдыха. Мы жили лишь за счет мрачной энергии, которую дает непосредственная близость смерти.

Со времени операции при Мошнах, то есть с неделю, я не спал ни часа. Я сопротивлялся сну только с помощью таблеток, что глотал, пилюль для летчиков, держащих их в состоянии бодрствования во время длительных полетов.

В самом деле, невозможно было выкроить и минуту передышки: за ночь телефон КП звонил пятьдесят-шестьдесят раз, в любой момент неприятель ломал

наши позиции: я должен был бежать в критические места, брать людей, что находил там и бросаться с ними, сломя голову, в контратаку.

Мы все представляли из себя не более, чем клубок нервов. Сколько времени выдержат еще нервы?

Боеприпасы почти все были израсходованы за эти две недели ожесточенных боев. За неделю ни один самолет не смог приземлиться. Только парашютами окруженная армия получала то, чем надо было драться.

Едва мы прибыли в Корсунь, как в дождевом и закрытом небе услышали рокот самолетов. Облако белых парашютов пересекло туманную завесу.

Сначала мы подумали о советском десанте – последней фазе битвы. Затем мы увидели, как вместо тел под шелковыми куполами раскачиваются толстые серебристые сигары! Каждая из них содержала двадцать пять килограммов патронов и маленькие коробки концентрированного горького шоколада, помогавшего сопротивляться сну. Благодаря этой воздушной помощи каждое подразделение получило серьезную дотацию боеприпасов.

Хлебопекарни Корсуни замесили последнюю порцию отрубями хлеба. Это и была вместе с парашютным шоколадом единственная пища, розданная в подразделениях 13 февраля 1944 года.

Унося свой хлеб, каждый солдат знал, что это был его последний паек перед тем, как умереть или победить.

***

Наше выступление в бой на юго-западном участке было назначено на двадцать три часа. У нас еще были некоторые иллюзии, так как немецкое командование умышленно приукрашивало положение своими сводками. И действительно, лучше было не говорить всего. Если бы мы знали всю правду, мы бы отказались от любого напряжения.

По словам высших офицеров, завтрашний день, воскресенье, должен был быть концом невезения. Оставалось преодолеть несколько километров. Мы поверили этому, потому что человек охотно верит тому, что соответствует его желаниям.

С утра дождь прекратился. Вечером поднялась луна. Мы увидели в этом предзнаменование. В темноте тихо высвечивалась Корсунь.

Серебристые нежные отблески неба. Воздух становился каким-то пикантным, несколько таблеток карамели и, в конце концов, мы придем к победе!

***

Мы потеряли много грузовиков, у нас также было много убитых. Каждому из нас нашлось место в оставшихся грузовиках. К середине ночи наша колонна достигла бело-голубого озера в лунном свете на выходе из Корсуни.

Мы пересекли его по деревянному мосту длиной с километр, выстроенного отважными саперами на вершине плотины. По этому мосту можно было проехать только в один ряд, в одном направлении. Поэтому с часу на час возникали пробки. Но, не смотря на все трудности, этот переход прошел без происшествий.

Враг был совсем близко, люди нервничали, но ничто не нарушало гранитную дисциплину войск.

Мы невольно восхищались тем, как хорошо работала эта военная машина, этим командованием с полным самообладанием, этим размеренным, как хронометраж спортивной гонки, отступлением, интендантской службой, распределением горючего и боеприпасов, транспортировкой, телефонной и радиосвязью, – все было и оставалось точным, совершенным в течение этих галлюцинациозных недель! Ни одна песчинка не расстроила этот часовой механизм, не смотря на концентрацию разрозненных частей, день и ночь выдерживавших атаки противника, не смотря на значительные потери техники, утонувшей в грязи оттепели.

И, тем не менее, в эту ночь все зависело от нескольких десятков кубометров досок! Отважься какой-нибудь летчик бросить свою машину на озерную плотину, деревянный мост рухнул бы, и ни один немецкий грузовик не вышел бы из Корсуни. Но ни один летчик неприятеля не отважился на этот сенсационный шаг или ни один русский генерал не подумал об этом. В два часа утра мы были с другой стороны плотины вдоль озера с бледным отсветом, на дороге к юго-западу.

***

С большим трудом нам удалось продвинуться на несколько километров. Холод был пронизывающим. Грязь смерзлась, что еще больше затруднило продвижение. Сотни грузовиков ломались в этой мастике, преграждая путь колонне.

Повсюду мы пытались помочь грузовикам, блокированным в грязе-ледяной массе, или столкнуть их под откос, в кювет. Но их было слишком много. В трех-четырех рядах в несколько километров стояли самые невероятные грузовики: большие зеленые машины фельдпочты, автокары командования, пушки, танки, сотни повозок, которые тащили маленькие лошади или быки. Не двигаясь с места, трещали мотоциклы.

В конце концов, нам пришлось оставить грузовики и двигаться пешком от этой кутерьмы-неразберихи, желая нашим водителям терпения и помощи сильных и благоприятных ветров.

На рассвете мы дошли до первой деревни, накануне занятой русскими. Мы мрачно выслушали неутешительные новости. Пробить достаточно глубокую брешь в боевых порядках неприятеля было невозможно. Через четыре километра продвижения в деревне Шендеровке немецкие части наткнулись на ожесточенное сопротивление. Удалось занять только половину деревни.

Три четверти наступательных орудий нашей бригады были задействованы незадолго до нашего прибытия и все были уничтожены. Командир наших бронемашин, совсем молодой капитан, красивый как Бог, с живыми озорными голубыми глазами, с высокой белой казачьей шапкой, украшенной мертвой головой СС, взлетел со своей машиной, которой заряд неприятеля попал прямо в боекомплект. Он взлетел на десять метров в воздух и упал убитый наповал, но с абсолютно нетронутым лицом.

Атака должна была возобновиться. Мы по-прежнему ждали немецкие танки, которые должны были подойти нам навстречу с внешней стороны. Но сведения об их продвижении были крайне неточные.

***

Мы почти не продвигались к юго-западу, но мы сильно откатывались к северу: не только Арбузино, потерянное утром и отвоеванное в полдень было окончательно потеряно к вечеру, то есть на двенадцать часов раньше срока, но и русские, не прекращая преследования отступавших, вошли в Корсунь! Да, в Корсунь! Мы вышли оттуда в одиннадцать часов вечера, Советы ворвались туда на рассвете.

Нам надо было без паники двинуться на деревню Новая Буда, которая, судя по карте, на востоке перекрывала населенный пункт Шендеровка, где шли упорные бои.

Новая Буда, – название казалось странным. Деревня располагалась чуть выше длинного хребта, что шел к востоку и западу.

Мы друг за другом, след в след, гуськом отправились в путь. Все, что оставалось от немецкой артиллерии, обрушилось на дома Шендеровки, где забаррикадировались русские.

Мы свернули влево. Повсюду лежали недавно убитые немецкие солдаты.

Кругом была отвратительная грязь. Советские самолеты заходили на нас на бреющем полете. Мы бросались на землю, мы почти полностью погружались в грязь, пока эскадрилья не исчезала. Эти ныряния возобновлялись раз десять. Нам потребовалось три часа, чтобы пройти четыре километра вязких полей.

Наконец, мы вошли в Новую Буду. В деревне было тихо, как на кладбище. Русских только что выбили оттуда неожиданным и радикальным ударом два полка Вермахта. Противник оставил на местности прекрасные пушки и десятка два «Фордов».

Но эта неожиданная победа не особенно радовала. С юго-востока поднимались советские танки. Мы хорошо видели их продвижение по дороге. Они остановились в восьмистах метрах.

Новая Буда

На следующий день, 14 февраля 1944 года, до рассвета мы должны были сменить два немецких полка, захвативших Новую Буду. Командир Липперт и я пошли узнать ситуацию на КП полковника, командовавшего сектором.

Этот переход под Новой Будой погрузил нас в горькие раздумья. Проселочные улицы деревни – две заезженные и разбитые параллельные дороги, были невероятно наполнены водой. Залитые колеи глубиной порой достигали полтора метра или даже больше. На скользких, как клейстер, откосах, чтобы продвигаться, надо было держать равновесие.

У немецкого полковника было мрачное настроение. Деревня была взята без боя: два полка скрытно подошли на исходе ночи и навели панику в лагере русских. Неприятель удрал, оставив даже орудия.

Но русские быстро пришли в себя. Контратака уже описывала огромную дугу с северо-востока до юга от Новой Буды. В соответствии с примитивным планом, Новая Буда была захвачена лишь на несколько часов с тем, чтобы защитить фланг огромной колонны, которая, овладев Шендеровкой, двинется к юго-западу.

Но Шендеровка не была еще окончательно захвачена. Теперь, когда неприятелю удалось затормозить немецкое наступление на два дня и ночь, за Шендеровкой надо было ожидать упорного сопротивления. Новая Буда из позиции на один день превратилась в главную позицию. Если неприятель возьмет Новую Буду, ему останется лишь спуститься на четыре километра к западу, чтобы отрезать путь за Шендеровкой и создать нам завершающую катастрофу.

Этого удара и боялся немецкий полковник. Во всяком случае, в нашем секторе мы располагали для обороны пятью танками и нашими последними пушками, правда, почти совсем без снарядов и с сильно затрудненной из-за грязи маневренностью.

Чтобы сменить три тысячи солдат двух полков Рейха, которые отойдут к концу ночи, у нас была тысяча солдат-валлонцев, разношерстная армия поваров, бухгалтеров, водителей, механиков, каптенариусов, телефонистов вперемежку с судебным следователем, зубным врачом, аптекарем и вагенмейстером, все вперемежку в одно подкрепление в наши девять захудалых рот.

***

Офицеры штаба немецкого полка ждали, подперев головы ладонями, положив локти на стол. Никто не говорил ни слова. Немцы задавались вопросом, повезет ли им провести ночь без контратаки противника, а мы спрашивали себя, не постигнет ли нас неудача в виде атаки, как только немцы уйдут.

Настала ночь. В тумане подходили наши роты, потрепанные, оставив повсюду отставших в давящем битуме полей. Люди проникали в Новую Буду через любые избы. Большинство падали в угол, полумертвые от усталости. Самые стойкие подвешивали свою мокрую униформу, стекавшую черноватой водой к оранжевому огню из сухих кукурузных стеблей.

В два часа ночи раздались крики и стук в каждую дверь. Несчастные связные ходили по грязному месиву, собирая бригаду.

Мы прогладили наши одежды, жесткие, как брезент. Каждый, как мог, очистил от грязи свою винтовку или автомат. Холодной ночью сотни людей выходили из изб, непременно плюхаясь в воду глубокой дорожной колеи, шли зигзагами и с руганью.

Потребовалось около двух часов, чтобы кое-как собрать роты.

Бедные парни, блестящие от ила, изнуренные, без еды и питья, кроме грязной дорожной воды… Мы должны были провести их до окопов, откуда выходили, шатаясь, пехотинцы Рейха.

Да, перед нами были они, не только европейские русские, но и монголы, татары, калмыки и киргизы, неделями выдерживавшие, как дикие звери, марш в песчаных землях, с привалами в густом лесу, грубой пищей, собранной среди мертвых полей, где прошлым летом росли подсолнухи и кукуруза…

Они были там, уверенные в своих набитых автоматных дисках по семьдесят одному патрону, уверенные в своих тяжелых мортирах, уверенные в своих «Катюшах», чьи многочисленные разрывы наводили ужас в ночи. Они были там.

И пятнадцать танков тоже были там, и мы с тревогой следили за шумом их марша в черном воздухе.

***

Высшие немецкие офицеры, сидя перед нами, ждали пяти часов. Они показали нам диспозицию на карте. На северо-востоке на много километров простиралась пустота: с этой стороны невозможно было установить связь. На востоке и юго-востоке позиции были разбросаны по краю деревни, там, где накануне противник провел перегруппировку. Очевидно, никуда невозможно было сделать маневр. Пять танков оставались в нашем распоряжении, пять несчастных весьма изношенных старых танков: надо было довольствоваться тем, что оставалось.

Время приближалось к пяти часам. Вдруг немецкий полковник приказал замолчать: долгий, протяжный шум танковых гусениц поднимался в завершающейся ночи. Полковник встал, собрал свои карты, дал знак своему штабу. Его части, которые мы сменили, уже покинули деревню. Не было больше никакого смысла задерживаться в Новой Буде. Оставаясь с нами в заварухе, он рисковал бы быть отрезанным от своих солдат. Через мгновение полковник исчез.

Командир Липперт слушал, закрыв глаза. Шум танков прекратился, вновь наступила тишина. Вражеские танки завершили продвижение. И все. Прошло два часа, и ничего не происходило.

Наши боковые дозорные протирали усталые глаза, вглядывались в поворот холма, за которым укрывались советские танки. Очереди время от времени поливали деревню, где, выдвинутый вперед, оставался один наш КП. Это предвещало плохой конец.

В семь часов рокот танков на марше опять наполнил Новую Буду. Пять немецких танков двинулись, чтобы сменить позицию. Люди бежали по грязи, ничего не слыша, ни на что не глядя. Три танковых снаряда, выпущенных в упор, пересекли нашу маленькую избу. Все рухнуло нам на головы, и мы были наполовину погребены под обломками.

Получив в живот огромный бутовый камень, я с большим трудом поднялся, весь в соломенных опилках. С двух сторон от развалин дома с криком бежали солдаты. Советские танки преследовали их. Один из них уже обогнал нас.

Две сотни убитых

Русские ломились в Новую Буду. Подобрав два пулемета, мы, командир и я, бросились в середину пяти десятков наших людей.

Обе параллельных дороги, между которыми мы находились, были наполнены лязгом и ревом танков. Пятнадцать танков противника смели наши стрелковые позиции. Люди были раздавлены в грязи под гусеницами или уничтожены сворой вопящих азиатов, бегущих за советскими танками.

Пять немецких танков оттянулись к окраине деревни. Один из них вернулся и столкнулся нос к носу с советским танком. Они прострелили друг друга за несколько секунд.

Другой русский танк бросился на нас с такой скоростью, что мы не успели ничего увидеть. Нас со страшным звоном в ушах подбросило в воздух, и мы упали как попало, раненые или убитые.

Наш немецкий офицер связи как кол воткнулся в густую грязь головой вниз и ногами кверху. Танки продолжали греметь, стрелять на двух дорогах, месить несчастных пехотинцев, гонимых со всех сторон.

Мне удалось скатиться в один окоп. Длинный осколок, совсем горячий, торчал из гимнастерки. Я чувствовал, что был задет в бок и в руку, но мои ноги крепко держали меня.

Люди скатывались по склонам на западе деревни, обезумев, считая, что все было потеряно. Тягач одной из наших пушек спускался среди них: снаряд из русского танка опрокинул его.

Я остановил людей на середине склона, посадил на коня одного из наших офицеров, чтобы он бросился еще дальше и собрал всех, кто убежал.

Наши несколько танков, наши пушки были оттеснены к югу от деревни, но они еще сопротивлялись, и именно там надо было создать кулак.

***

Вдоль пылающих изгородей каждый поднялся к домам под градом снарядов «Катюш». Эти разрывы имели необычный эффект. Каждый из тридцати шести разрывов выбрасывал сноп в форме яблони. Серые сады, сады-фантомы, усыпанные вместо фруктов кусками человеческой плоти.

В одной избе у нас было несколько противотанковых ружей, которые уже начинали использовать на Восточном фронте. Это были первые фаустпатроны. Но в то время надо было ждать, чтобы танк приблизился на десять-пятнадцать метров, прежде чем послать ему это толстое металлическое яйцо, прикрученное на конце полой трубы. На другом конце трубы, положенном на плечо, в момент выстрела вылетал язык пламени длиной четыре-пять метров. Человек, находившийся сзади, немедленно обугливался. Поэтому невозможно было использовать фаустпатрон в укрытии, в траншее или еще в каком-нибудь углублении, иначе пламя обращалось на вас, причиняя ужасные ожоги. Лучше всего было встать на колено у какого-нибудь стога или у дерева или у окна и затем нажать в последний момент на спуск.

Риск был большой, потому что, даже если танк был подбит, то пламя фаустпатрона в тоже мгновение обозначало вас для других танков, и ответный огонь не запаздывал.

Но наши солдаты любили опасные игры, подвиги, которые требовали немного выдержки и много отваги. Волонтеры проскальзывали между изб, за поленницами дров и изгородями. Русские танки были быстро обложены. Немецкая бронетехника и наша пушка сделали все возможное, все, что смогли. Через час вся южная сторона деревни была снова у нас в руках, и пять советских танков пылали, огромные красно-черные костры в десяти метрах от склона.

Русские держали восток и юго-восток Новой Буды. Их девять оставшихся танков замаскировались и преграждали путь для любой контратаки. Наши потери были ужасными: за два часа боя мы потеряли около двухсот убитыми.

Группы солдат, заблудившиеся накануне вечером в вязких полях, с трудом добирались-таки до наших высот. За кустом на гребне меня раздели и оказали медицинскую помощь: с двух боков я был задет осколками, которые также ранили правую руку.

Это не имело большого значения, так как моя роль была организаторской. Ноги, голос, священный душевный огонь были целы. Этого было достаточно. Я еще был способен перегруппировывать прибывавших солдат, указывать диспозицию и передавать приказы офицерам.

Но каждому уже встречались растерянные кортежи раненых, которые опять спускались вниз, все слышали рассказы санитаров, всегда наполненные ужасающими деталями.

«Катюши» поливали адским огнем: при каждой волне ракет ров наполнялся огромным серым кустом, откуда вылетали крики страдания, хрипы, призывные крики.

У наших солдат, раздавленных этими двумя неделями ужаса, душа была тяжелее тела. Эта деревня, где в грязи лежало столько трупов, приводила их в ужас. Но достаточно было сказать им несколько слов, чтобы прогнать тревогу и просветлить душу, и на измазанных лицах появлялись улыбки. И, поправив свое снаряжение, они догоняли своих товарищей в опасности.

***

Погода сильно изменилась. После лунной ночи в Корсуни дождь перестал. Холод, вначале несильный, стал очень чувствительным. Ветер дул острый, как туча стрел.

В течение двух недель изнурительных маршей через грязь, люди, обливаясь потом, оставили значительную часть своего зимнего снаряжения. Овечьи шкуры, подбитые ватой куртки, теплые брюки, все было брошено, одно за другим, от этапа к этапу. У большинства солдат не было даже шинели.

В большой утренней свалке никто не почувствовал мороза, но теперь он хлестал в лицо, кусал тела под легкой униформой.

Авиация противника сразу же воспользовалась ясной погодой. Она спускалась ревущими волнами до самой поверхности нашей голой долины. Каждый раз надо было впечатываться в землю, еще не твердую, в то время как пули шлепали вокруг нас, разбивая камни и мелкие сучья.

В деревне непрерывно следовали друг за другом атаки и контратаки. У нас уже почти не было боеприпасов. В пулеметах еще было в среднем почти по пятьдесят патронов, то есть для того, чтобы выпустить одну очередь в несколько секунд.

***

Тогда солдаты решили улучшить положение отважными рукопашными боями. Наш командир подполковник Люсьен Липпрерт, который один из всего штаба ни разу еще не был ранен, сам возглавлял эти атаки.

Молодой, из офицерской элиты бельгийской армии, выпускник военного училища в Брюсселе, во главе своего выпуска он пошел в крестовый антибольшевистский поход как настоящий рыцарь-христианин. У него было прекрасное чистое свежее лицо, серьезные и ясные глаза. Подполковник в двадцать девять лет, он жил только для самопожертвования.

В тот день Люсьен Липперт как настоящий герой показал свою отвагу, вызывавшую дрожь. Однако, это был крайне спокойный парень, не говоривший

ничего лишнего, не делавший ни одного лишнего жеста. Но он чувствовал, что на карту поставлено все.

С горсткой валлонцев он обошел центральную часть Новой Буды и отвоевал несколько изб, выходивших к юго-востоку. Враг ускользал, затем появлялся в десяти местах в каждом закоулке, из-за каждого дерева, холмика. Снайперы не оставляли в покое наших солдат.

Надо было пересечь последние несколько метров пространства и добраться до одного дома. Люсьен Липперт бросился вперед, добрался до двери. В эту секунду он издал ужасный крик, услышанный на другой стороне Новой Буды, нечеловеческий крик человека, у которого вырвали жизнь. С грудью, пробитой разрывной пулей, Люсьен Липперт рухнул, как сноп, на колени…

Он провел рукой по лбу. У него еще хватило ясности сознания, чтобы поднять фуражку с земли и надеть ее на голову, чтобы встретить смерть чисто, с достоинством, по уставу…

***

Потребовалось ожесточенно защищать избу, возле которой он упал, пока солдаты не втащили его внутрь домика. Неприятель снова занял окрестности.

Но Легион «Валлония» не хотел оставлять своего убитого командира в руках русских. Ночью лейтенант Тиссен, рука которого, пробитая пулей в феврале, гноилась, пополз с волонтерами, бросился на противника, отвоевал избу, откопал труп и под огнем принес его на наши позиции.

Мы положили командира на несколько неотесанных досок. Мы решили сделать прорыв, унося тело с собой, если прорыв был еще возможен. Или же, верные его памяти, умереть на его гробе.

Шендеровка

Мы были окружены больше, чем когда-либо. В среду утром 15 февраля 1944 года положение не улучшилось. Шендеровка была полностью взята окруженными частями, но ценой трех дней и двух ночей драматических рукопашных боев, и результат этот ничего не менял к лучшему. Что надо было сделать срочно, так это прорвать советские боевые порядки, добраться до немецких танков, подходивших с юго-запада и пытавшихся нас спасти.

Наши дивизии не продвинулись вперед более, чем на три километра к югу от Шендеровки. Зато у нас в тылу враг далеко уже обошел Корсунь: с 12 февраля на северном участке он захватил в три раза больший плацдарм, чем потерял на юге.

Мы владели теперь клочком территории менее, чем в шестьдесят квадратных километров. Настоящее человеческое море влилось в эту бухточку. На одного сражающегося человека приходилось семь или восемь ожидающих боя, стесненных в этой долине. Это были водители тысяч грузовиков, потерянных в грязи отступления, это были и вспомогательные службы: интенданты, вооруженцы, медперсонал, ремонтники, фельдпочта.

Деревня Шендеровка была своеобразной столицей этой преследуемой уже восемнадцать дней армии. Эта микроскопическая столица, истрепанная шестьюдесятью часами боев, имела только завалившиеся избы с разбитыми

окнами. В этих избах располагались КП дивизии «Викинг», каждого из ее полков, и нашей бригады. В нашей халупе без тепла и стекол всего из двух комнат без пола нас стопилось около восьмидесяти человек: несколько уцелевших штабистов, связисты, тяжело раненые и много заплутавших немцев.

Моя рана горела. У меня было сорок градусов температуры. Лежа в углу, накрытый овчиной, я руководил бригадой «Валлония», командовать которой мне было приказано накануне.

Не было больше ни офицера-порученца, ни заместителя командира батальона. С каждым часом поступали все более и более тревожные известия, день и ночь приходили затравленные нижние чины, шатающиеся от изнеможения люди, падающие свинцовой массой на пол или плачущие, как дети.

Приказы были неумолимы. Наша бригада должна была зацепиться за боковой авангард в Новой Буде, пока прорыв на юго-западе не подойдет к своей последней стадии.

Роты, десять раз отброшенные противником, десять раз бросавшиеся в контратаки, занимали импровизированные, как попало, случайные позиции. Некоторые взводы были выдвинуты далеко на восток. Половина связных, доставлявших им приказы, были схвачены монголами, укрывавшимися в засадах.

Офицеры доставляли мне безумные записки, сообщавшие, что все было кончено. Каждому виделись десять танков, когда их было два. Мне приходилось злиться, метать громы и молнии, отсылать формальные задачи и резкие упреки.

Командир «Викинга» жил в соседней избе. Ежеминутно он получал пессимистические донесения от частей, сражавшихся рядом с нашей. Естественно, каждый старался обвинить во всем соседа, как водится в армии, во всех переплетах, что случались на собственном участке.

Меня вызвали в штаб. Я нашел генерала Гилле с суровым взглядом и плотно сжатыми челюстями. Он отдал мне жесткие, как полено, приказы: наступать. Этот человек был прав, отдавая такие приказы. Только железная энергия могла еще нас спасти. Но это было нелегко.

Мои указания офицерам уходили острыми, как стрелы. Несчастные и дорогие парни, все такие преданные и смелые, с желто-серой кожей, лохматыми волосами, ввалившимися глазами, на исходе нервных сил, и которые должны были постоянно бросать в бой сотни солдат, доведенных до пределов человеческих усилий…

Мне удалось добиться получения еще пятидесяти тысяч патронов. Отважные снабженцы с парашютами постоянно обеспечивали нас боеприпасами, но лимиты были такие жесткие, что был установлен настоящий регламент парашютирования.

В назначенный час, когда самолеты начинали кружить над нами, в воздух с четырех сторон взлетали ракеты. Они обозначали нашу крохотную территорию. Спускались толстые серебряные сигары с патронами. На несколько часов мы были спасены. Самым тяжелым было снабжение продовольствием. Абсолютно ничего. Дивизия смела в Корсуни последние запасы. Люди без сна, дрожа от холода, больше ничего не получили из горячего или холодного в течение трех дней. Самые юные падали в обморок носом на автомат.

На нашей высоте Новой Буды мы подумали, что прорыв должен состояться в понедельник. Но во вторник он еще не начался. Когда же он начнется?

В ожидании как нам не умереть от голода, если пули пощадят нас, я взял лошадей, что тащили фургоны с ранеными до Шендеровки, и посадил на них своих самых шустрых валлонцев.

Среди личного состава я разыскал несколько пекарей. В нашей избе стояла полуразрушенная печь. Они привели ее в порядок. Через несколько часов наши кавалеристы вернулись с несколькими мешками муки, брошенными поперек лошадей. Еще надо было достать дрожжи. Ни у кого не было ни грамма. Наши фуражиры отправились на поиски и вернулись, наконец, с небольшим мешком сахара. С сахаром и мукой, казалось, можно было сделать дело. Без промедления запылал в печи огонь.

В конце дня я послал на позиции круглые хлеба странного вкуса, плоские, как тарелки. Каждый получил четверть этого странного пирога.

Другие солдаты пригнали несколько заблудившихся коров. Их сразу зарезали, распотрошили, освежевали и разрезали на сотни грубых кусков с помощью импровизированных скетчей.

Невозможно было найти печки. Я приказал развести у двери костры из бруса. Легко раненые солдаты, негодные к бою калеки получили каждый по штыку или копью. Они должны были зажарить на огне окровавленные куски.

Естественно, у нас не было ни соли, ни каких-либо специй. Но два раза в день каждый боец получил на позиции свой кусок коровьего мяса, более или менее поджаренного, который он грыз во все зубы, как ирокез.

Я захотел даже дать супа бригаде. В двух километрах к северу от Шендеровки в грязи, среди сотен грузовиков валялась полевая кухня. Наши повара подцепили ее на буксир, притащили и из немыслимых подручных продуктов сделали потрясающее варево.

Мы смогли найти лишь две бочки без крышек, чтобы транспортировать эту изысканную бурду. Мы погрузили бочки на двухколесную тележку, которая затратила восемь часов, чтобы покрыть три километра грязи, которую мороз делал теперь ужасно вязкой. Когда на исходе ночи повозка прибыла, наконец, в Новую Буду, бочки, трясшиеся во все стороны, были на три четверти пусты. Остальное содержимое, полное ледышек, было отвратительной жратвой. Мы скромно удовольствовались сладким хлебом и жареной коровятиной.

Где бы мы не пристроились, чтобы перекусить, везде враг стрелял по нам. Шендеровка была испещрена пулями. Повсюду приходилось перешагивать через убитых лошадей, сломанные машины, трупы, которые даже больше не хоронили.

Мы превратили колхозную постройку в полевой госпиталь, открытый всем ветрам, но где, по крайней мере, наши солдаты с окровавленными ранами имели крышу.

Ни малейшего лекарства больше не было. Не было даже бинтов. Чтобы остановить кровь из ран, наши санитары вынуждены были валить на землю крестьянок и снимать их длинные военные кальсоны – подарки немецкой армии. Они кричали, убегали, хватаясь руками за юбки. Мы не мешали им орать. Таким образом, двое-трое тяжелораненых получали повязку. Мы дошли в этом до смешного, которое перемешалось с трагическим и ужасным.

Гроздья гранат разрывались над колхозными домами. Крыша рухнула, десятки раненых были убиты. Другие, обезумев, страшно кричали.

Надо было эвакуировать барак. Наши раненые, как и мы, должны были оставаться на улице.

Более тысячи двухсот раненых из других подразделений уже лежали под открытым небом много дней и ночей на сотнях деревенских повозок, лежа на соломе, промокшие под дождями на прошлой неделе, а теперь отданные во власть колющему морозному воздуху.

С утра среды было двадцать градусов ниже нуля. Раненые, чьи лица представляли собой ужасные фиолетового цвета рожи, с ампутированными ногами или руками, умирающие с дергающимися глазами, сотнями лежали у дверей в ужасном состоянии.

В двадцать три часа

Вечером на Шендеровку бесконечно шел снег, достигнув двадцати пяти сантиметров толщины. Двадцать-тридцать тысяч солдат, ожидавших в нашей деревне военного разрешения драмы, не имели ни малейшего укрытия.

Мы представляли себя у Березины среди отступавшей армии Наполеона. Повсюду, несмотря на опасность, люди собирались группами вокруг костров на снегу.

Невозможно было спать: растянуться на открытом воздухе при таком морозе означало смерть.

Избы горели большими кострами. В долине сотни маленьких очагов, костерков вырисовывались своим пламенем, окруженные тенями на корточках, солдатами с красными глазами, с десятидневными бородами, тянущими к огню свои распухшие желтые пальцы. Они ждали.

Ничего не происходило, не менялось. Утро находило их в молчании, они даже не пытались искать пищу. Их глаза смотрели в сторону юго-запада.

Бродили сумасшедшие слухи. Их едва слушали. Разрывы снарядов редко ломали тишину и ожидание. Каждый бросался ничком на землю, затем с трудом поднимался. Раненые кричали от боли и холода. Врачи ухаживали за ними по инерции совести…

***

Тысяча двести раненых по-прежнему лежали на своих повозках. Многие отказались что-либо просить или знать. Они съежились под жалкими одеялами и собирали все свои силы, чтобы не умереть.

Сотни упряжек перемешались. Скелетоподобные кони грызли доски перед собой. То здесь, то там долго кричал или стонал раненый. Обезумевшие люди распрямлялись с волосами, засыпанными снегом. Бесполезно было думать о том, чтобы накормить этих несчастных. Они лежали, убрав головы под одеяла. Время от времени здоровые люди сбрасывали рукой снег, покрывавший эти безжизненные тела.

Многие лежали вот так на повозках с десяток дней, и чувствовали, как загнивают заживо. Страдания от ран были ужасными, никаким уколом нельзя было заглушить их, так как не было ничего. Ничего! Ничего! Приходилось ждать, ждать смерти или чуда.

Рядом с повозками выстраивался ряд трупов цвета слоновой кости. Ничто больше не удивляло и не волновало людей. Слишком много пришлось увидеть. Самые тяжелые ужасы не вызывали никакого чувства.

***

С высот Новой Буды неприятель по-прежнему атаковал. Танки землистого цвета вырисовывались на фоне белого неба. Люди держались, потому что нельзя было больше действовать по-другому. Отступить на это голое место означало непременно быть убитыми советскими пулеметами.

Наши роты были расчленены на дистанции во много километров: здесь пять, там двадцать человек. Ни телефона. Ни радио.

Приходилось ждать сумерок, чтобы оттащить по снегу раненых и десятки парней с обмороженными ступнями цвета стеариновых свечей. Башмаки, разорванные и разбитые маршами по грязи, совсем больше не защищали ноги: дырявые со всех сторон, пропускавшие воду, они стали как ледяные глыбы. Этих несчастных мы спускали в долину. На рассвете их клали на повозки, на место закоченевших мертвых, которых складывали на снег у дороги или возле колес. Они смотрели на нас остекленевшими глазами. Они обросли жесткими, как железные щетки, бородами. Они стонали или возмущались, негодовали. Что делать? Что отвечать? Развязка была впереди. Они это знали также хорошо, как и мы и, в конце концов, свертывались калачиком и умолкали.

***

В среду днем стало очевидным, что танки, вышедшие с юго-запада в нашем направлении, не дойдут больше до нас, или дойдут до нас мертвых. Они не продвигались больше в течение двух дней. Почему? Мы этого не знали.

Прорыв советских боевых порядков был намечен на субботу, 12 февраля.

Потом на воскресенье.

Потом на понедельник.

Прошло пять дней.

Теперь каждый видел, что эти усилия были недостаточны или напрасны. Пылкие телеграммы были всего лишь литературой. Танков не было.

Окруженные части держались, пока была надежда. Теперь все должно было рухнуть. Кончились последние патроны. С воскресенья у каптенариусов не было никакой еды. Раненые, – обескровленные и замерзающие, – умирали сотнями. Мы задыхались в тисках неприятеля.

На севере прибывшие из Корсуни силы большевиков отрезали наше отступление и 16 февраля находились в трех километрах от Шендеровки.

В Новой Буде наше сопротивление было лишь агонией. В узкой долине смятые немецкие дивизии были подвергнуты лавинному обстрелу снарядами и ракетами «Катюш», все более и более яростному.

Еще день, максимум два, и последние очаги сопротивления будут раздавлены. Армия на пределе голода и холода сдастся или будет уничтожена.

В войсках ходили еще оптимистические слухи, которые вбрасывались из милосердия, чтобы поддержать надежду. Но командиры чувствовали полную

душевную опустошенность перед лицом трагедии. Надо было принять решение, немедленное решение.

Меня вызвал генерал Гилле. Присутствовали все высшие офицеры сектора Шендеровки. Долгих речей не было:

– Только одно отчаянное усилие может нас спасти. Ждать бесполезно. Завтра утром в пять часов пятьдесят тысяч человек бросятся через все заслоны на юго-запад. Надо прорваться или погибнуть. Другого выхода больше нет. Сегодня в двадцать три часа войска начнут выдвигаться.

Оба армейских генерала и генерал Гилле намеренно тщательно обошли вопрос о том, как реально выглядела ситуация. По их замыслу, надо было лишь преодолеть зону в пять с половиной километров, чтобы соединиться с освободительной армией, шедшей на подмогу.

– Они, – говорили они, – со вчерашнего дня продвинулись вперед. Завтра они продвинутся еще. Бросая пятьдесят тысяч человек сразу, мы могли бы опрокинуть неприятеля.

Каждый из нас, командир или солдат, был на пределе нервов. Надежда горячей волной всколыхнула нас. Мы вернулись в части, чтобы отдать приказы войскам и передать бойцам святой боевой огонь.

***

Приказы, отданные штурмовой бригаде «Валлония», не были легкими для выполнения: мы должны были остаться в арьегарде наверху от Новой Буды до самой крайности, до самого последнего момента.

В одиннадцать часов вечера я отправил на дорогу к юго-западу всех легко раненых, способных еще передвигаться.

В час ночи валлонские пехотинцы должны были начать операцию отхода по линии восток-запад, но до четырех часов утра мы должны были твердо держать позиции под Новой Будой.

В этот час десятки тысяч собранных в долине солдат должны были подойти на три километра к юго-западу от Шендеровки. Тогда только наш арьегард смог бы отойти, обманув врага сильным огнем на последних минутах.

Бригада «Валлония» перегруппируется на марше и пройдет во главе колонны, вливаясь на этот раз в авангард частей прорыва.

***

В положении, в котором мы находились, лучше было делать все, что угодно, только бы не застаиваться. Армия знала, что топтание на месте означало гибель. Люди не могли больше ждать от голода, терзавшего желудок, усталости, что валила с ног, с помутненным тревогой разумом.

Известие, что на рассвете следующего дня вся армия двинет на прорыв, как электрическая искра пробежала в частях. Самые ослабленные почувствовали прилив жизненных сил. Изможденные, доведенные почти до слез, мы все заболели этим воодушевлением. Шатаясь, с пустыми глазами, мы повторяли одни и теже слова:

– Идем на прорыв!

Последняя ночь

Так или иначе, эпопея под Черкассами подходила к завершению. Как только сумерки спустились в долину, немецкие колонны двинулись к юго-западу. Им предстояло пересечь Шендеровку, а затем мост.

За этим мостом пролегла степь до двух деревень, расположенных на юге и западе на расстоянии приблизительно в три километра. Эти две деревни только что были заняты после яростного боя.

Оттуда в пять утра и началась атака наших дивизий. Все экипажи должны были до рассвета сосредоточиться к западу от этих населенных пунктов.

Эти машины были нашим ежечасным мучением. С первого дня следовало бы облегчить армию на пятнадцать тысяч мертвого груза, каким были эти грузовики. Тогда бы пятьдесят-шестьдесят тысяч окруженных солдат, свободные в своих движениях, организованные в крепкие пехотные колонны, легко смогли бы раздвинуть советские тиски.

Но сначала захотели сохранить территорию. Затем Верховное главнокомандование посчитало делом чести спасение этих сказочных караван-сараев.

Генерала Гилле, предложившего сжечь их, резко одернули. Три недели мы потратили на буксировку этих тысяч прекрасных машин для рентгена, хирургических операций, командирских автокаров, огромных и непрактичных грузовиков, нагруженных миллионами килограммов разношерстных, разнородных предметов, бумаг, всякого рода ящиков, сейфов, запасов деликатесов, посуды, кресел, личных вещей, даже аккордеонов, губных гармошек, предметов гигены и салонных игр.

От Петсамо до Черного моря немецкая армия задыхалась под тяжестью ультрасовременной техники и багажа, что росли из года в год. Следовало бы взорвать три четверти этого обоза и драться, как азиаты, спать как азиаты, есть как азиаты, наступать как азиаты, также сурово и просто, как они, без комфорта и стерильного материала.

Через невозможные регионы тащили мы с собой помеху цивилизации: орда кошкообразных, что преследовала нас, обладала легкостью и стойкостью варваров. Зверь победил машину, потому что зверь пройдет там, где машина не сможет.

Поражение немецкой армии в снегах и грязи России в 1943 и 1944 годах в значительной мере было поражением слишком хорошо оснащенной армии, увязшей в своих обозах.

***

Бесполезно было обсуждать теперь эти проблемы, когда командующий рвал на себе волосы. Был приказ спасать технику: поэтому были потеряны бесценные дни в продвижении среди ужасной грязи тысяч грузовиков, которые все-таки утонули в болотистых колеях или были разбиты снарядами легкой артиллерии и танков Советов.

К вечеру 16 февраля 1944 года у нас оставалось еще десятка два танков, целая тысяча мототехники (из пятнадцати тысяч) и сотни легких повозок, реквизированных в деревнях, на которых лежало тысяча двести раненых.

Эти раненые были для нас как святыни. Войска образовали каре вокруг этой несчастной колонны, защищая ее во время прорыва к юго-западу. Надо было попытать все, чтобы спасти этих несчастных, чьи страдания превзошли все, что мог представить мозг человека. Если они завтра вечером переберутся за этот адский барьер, какая будет радость у нас в сердцах! Какое счастье разместить их в госпиталях, видеть, как эти несчастные разорванные и замороженные тела получают лечение и уход, как сердца, болезненно стучавшие под этими отяжеленными от снега покрывалами, снова обретают спокойный ритм человека, могущего терпеть и надеяться…

***

С девяти часов вечера пробка на дороге в Шендеровке стала невообразимой. Я в этот момент должен был методично отслеживать отход моей бригады от Новой Буды взвод за взводом, участок за участком. Случись что в нашем арьегарде, и весь маневр под Шендеровкой рухнул бы.

Обоими сапогами в снегу, съедаемый сорокаградусной лихорадкой, не оставлявшей меня, я посылал связных принимать рапорты, отмечал каждую деталь.

Все холмы были освещены боем. В одиннадцать вечера я попытался продвинуться через Шендеровку, чтобы по пути помочь раненым моей бригады и проверить усложненную диспозицию для сбора наших солдат на рассвете.

Через пятьдесят метров мне пришлось бросить последний автомобиль, остававшийся у нас. Огромная колонна давилась на разбитой дороге и в деревне. Грузовики, телеги, дрожки безрезультатно пытались сдвинуться с места, по четыре-пять по фронту.

Я подбежал к каждой повозке с ранеными валлонцами, уговорил каждого из наших товарищей, у кого еще были целы ноги, сделать последнее усилие и попытаться двигаться пешком, какими бы ни были раны и муки. Я их собрал человек пятьдесят и проскользнул с ними между грузовиками и конными повозками.

Нам предстояло увидеть ужасное зрелище. Неприятелю, наступавшему с севера, удалось подтянуть свои танки и артиллерию к окраине Шендеровки. С десяти часов вечера советские батареи открыли шквальный огонь по центру деревни. Избы вспыхнули, полностью осветив происходившее движение войск.

С этого самого момента советские наводчики удачно вступили в игру. Снаряды падали на огромную колонну методично, с математической точностью. «Катюши» затопляли огненной волной всякого рода транспортные средства и их экипажи. Вспыхнули бензовозы. По все длинне тесной дороги горели машины. Поминутно надо было падать в снег, настолько мощным был огонь «Катюш».

Среди дюжины догоравших повозок в ужасных судорогах хрипели на снегу подбитые кони. Рядом с ними стонала горстка солдат, посеченная очередью, животом в снег или навзничь. Огонь сделал почти мистическими их лица, красные от крови, медно-красного цвета и с каким-то блеском, что усиливало ужас. Некоторые пытались еще ползти, другие беспомощно корчились от боли с

ужасными гримасами на лицах. Колонна представляла собой кошмарную мясорубку, освещенную огнем, красневшим среди густого снега.

Грузовики, горевшие между огороженными кюветами, делали продвижение почти невозможным. Пехотинцы, обстреливаемые неприятелем, едва успевали проскользнуть между этих огромных факелов, этих умирающих тел, этих располосованных лошадей, чьи коричневые и зеленые кишки как змеи скользили по гололеду.

Напрасно возницы гнали вперед свои повозки. Несколько тяжелых грузовиков, несмотря ни на что, двигались вперед, давя лошадей, которые отбивались и хрипели в языках пламени. Тем не менее, эти дикие усилия ни к чему не приводили. Пробка, покрытая грохотом моторов, взрывами, яростными криками и мольбой о помощи, стала еще более чудовищной.

Наконец, мы увидели причину этого огромного затора. Армия из Шендеровки должна была вся перейти деревянный мост, чтобы выйти из долины. Один огромный немецкий танк провалился поперек моста и разломал его, полностью отрезав движение к юго-западу.

Когда мы увидели это чудовище, провалившееся между досок, то на этот раз мы поверили, что все было кончено.

Берега были высокие и абсолютно непроходимые. Мост был заминирован большевиками два дня назад, когда их выбили. Немцы переделали его в спешке. Легкая бронетехника смогла выйти из Шендеровки. Один тяжелый танк потом прошел без труда. Второй тяжелый танк провалился.

Два дня работы саперов были стерты в одну минуту этой массой в сорок тонн, воткнутой теперь в мост как копье.

Было светло как днем. Пехотинцы вместе с ранеными как могли обходили этот фатальный танк. С высоты рва видно было всю Шендеровку в красном и золотом свете среди сверкающего снега. Слышались нескончаемые крики. От этих трагических отсветов и этих криков поднимались какие-то жгучие волны безумия.

***

Как только наши раненые оказались по ту сторону моста, я доверил их одному из наших врачей, приказав прилепиться к первым частям, которые километрах в трех впереди бросятся в атаку. Они отправились через степь, туда, где сумрак не был тронут пламенем горящих машин.

В этой атмосфере бедствия немецким понтонистам из инженерного батальона удалось, наконец, ценой огромных усилий столкнуть танк вниз и перебросить через зияющую дыру мощные брусья и балки перекрытия. Движение возобновилось под все более страшной бомбежкой.

Мы проходили по мертвым и агонизировавшим, но все же проходили.

Люди перешагнули бы через кого угодно.

Они хотели жить.

***

На северо-западе, на ледяном склоне Новой Буды наши валлонцы, верные отданным приказам, сопротивлялись и вновь и вновь бросались в атаки. Они

видели блокированные и смятые колонны в огне. До их ушей долетал ужасающий шум тысяч людей, что толпились, толкаясь среди огня и осколков снарядов.

С часу ночи до пяти утра наши взводы снялись один за другим со своих позиций. Они тихо скользили по снегу. Наст был жестким. Они добрались до одной ложбинки на юго-востоке, перегруппировались. Им оставалось три километра до Шендеровки. Можно было и не искать дороги: оранжевые сполохи огня плясали над сверкавшей деревней. Наши люди с грехом пополам проходили между горящих машин, мертвых коней, скрюченных трупов, плавившихся в огне.

В течение всей ночи малыми группами валлонцы спустились через эту бурю.

***

Непоколебимый, наш арьегард держался на своем посту под Новой Будой, постоянно обстреливая противника, прибивая его к хребту.

В пять часов утра, выполнив последнюю часть плана, мы отошли плавно, тихо и соединились с последним заслоном СС, установленным на северном выходе из Шендеровки, затем за последними машинами мы пересекли тот злополучный мост на юге.

Двухкилометровая колонна грузовиков и повозок шириной в пятьдесят метров отходила до самой линии штурма. Я забрался на кучу ящиков с боеприпасами, окрикивая и собирая своих валлонцев, шустрых и бдительных как белки и, несмотря ни на что, неискоренимых весельчаков.

Смесь частей и машин была невероятной. Рассветные лучи уже несколько минут светились на этой запутанной массе танков, автомобилей, конных повозок, смешавшихся батальонов, штатских, украинцев, советских военнопленных.

Вдруг один снаряд упал прямо в эту толкотню.

Потом десять снарядов.

Потом сто снарядов.

Танки и орудия противника только что дошли до склонов Шендеровки напротив нас! Мы были как раз перед их глазами, великолепная мишень!

Двадцать последних немецких танков, резко выйдя из колонны, бросились ко рву, давя как соломинки все, что попадалось на их пути.

Водители машин, возницы повозок бросились во всех направлениях. Кони уносились прочь с сумасшедшей скоростью. Другие, с раздавленными танками ногами, испускали пронзительное ржание. Тысячи осколков поднимали в воздух серые и черные фонтаны, усыпая снег розовыми головешками.

Через все

Приказы предписывали штурмовой бригаде «Валлония» быть на рассвете на острие атаки, чтобы участвовать в ней и решить все: наше спасение или уничтожение.

В невероятной сумятице, произведенной советскими танками, возникшими ни с того, ни с сего среди последней тысячи немецких машин, мы быстро двинули на юго-запад.

Позади нас стоял оглушительный шум. Шендеровка держалась не более часа. Русские уже прошли деревню. Их бронетехника двигалась в нашем направлении для завершающего удара.

Немецкие танки были посланы в самоубийственную контратаку, один против десяти, точно также, как веком раньше кавалеристы маршала Нея на востоке от Березины.

Я увидел их в тот момент, когда они собирались броситься на противника. У этих молодых танкистов были красивые лица. Одетые в короткие куртки, все черное с розовой каемкой, выставив голову и грудь из башен, они знали, что погибнут. У многих на шее была трехцветная лента и широкий, черный с серебром Риттеркройц, отличная мишень для врага. Ни один из этих чудесных воинов не казался нервным или даже взволнованным.

Они вспахали снег гусеницами и двинули через кутерьму отступающей армии.

Ни один не вернулся.

Ни один танк. Ни один человек.

Приказ есть приказ. Жертва была принесена полностью.

Чтобы выиграть один час, час, который мог бы еще спасти десятки тысяч солдат Рейха и Европы, немецкие танкисты погибли все до единого на юге Шендеровки утром 17 февраля 1944 года.

***

Прикрытая этими героями, армия устремилась к юго-западу. Снег шел большими хлопьями. Этот плотный снег полностью закрывал небо до самых наших голов. Будь небо светлое, авиация противника уничтожила бы нас. Защищенные этой снежной вуалью, мы бежали во весь дух.

Коридор был крайне узким. Первые части, освободившие путь перед нами, пробили проход всего лишь в несколько сот метров.

Местность была холмистой. Мы переходили от холма к холму. Каждая ложбина была забита ужасными скоплениями раздавленных машин, десятками убитых солдат, брошенных на красный снег.

Неприятельские орудия дико обстреливали эти наши передвижения. Мы падали прямо на окровавленных раненых. Нам приходилось использовать убитых как прикрытие. Повозки переворачивались, упавшие лошади били воздух копытами, пока очередь не выбрасывала их теплые кишки на грязный снег.

Едва мы прошли ложбину, как очереди снайперов, засевших по обеим сторонам, начали валить нас. Убитых быстро припудривал снег. Через пять минут еще можно было видеть щеки, носы, пряди волос. Через десять минут все это было лишь белыми холмиками, на которые падали другие.

В этом сумасшедшем беге сотни повозок страшно трясли раненых. Лошади прыгали в замерзшие рытвины. Повозки, машины переворачивались, сбрасывая раненых в кучу. Тем не менее, в общем колонна сохранила некоторый порядок. Вот тогда волна советских танков обогнала последние машины и свалила больше половины колонны.

Возницы бросились со своих сидений. У нас не было они одного немецкого танка. Мы безрассудно бросились навстречу танкам, чтобы попытаться предотвратить катастрофу. Ничего ей не помешало.

Советские машины с ужасной дикостью шли по повозкам, на наших глазах давили их, одну за одной, как спичечные коробки, давили лошадей, раненых, умирающих.

Мы как могли подталкивали вперед легко раненых. Мы худо-бедно прикрыли отход повозок, которым удалось избежать танков.

Но повсюду падали люди, носом вперед, снопом или рухнув на колени, с простреленными легкими, пробитыми пулями животами. Пули свистели с обеих сторон коридора, как в сумасшедшей сарабанде.

***

У нас случилась передышка, когда советские танки, запутавшись в раздавленных машинах и повозках, пытались вырваться и перестроиться. Мы бросились вдоль леса, красивого рыжего и фиолетового леса, и достигли долины.

Мы едва добрались до склона, как, обернувшись, увидели сотни кавалеристов, катившихся с юго-восточного склона. Сначала мы подумали, что это была немецкая кавалерия. Я взял бинокль и четко различил форму кавалеристов: это были казаки! Я разглядел их низких, шустрых каурых коней. Они устремились нам в тыл, кружа во всех направлениях. Мы окаменели от ужаса. Советская пехота обстреливала нас, танки преследовали нас, и вот казаки бросились в «Ату!»

Когда, когда же с юго-запада покажутся немецкие танки? Мы же пробежали по меньшей мере десять километров, а ничего не появилось!

Надо было бежать, бежать быстрее!

Как и многие раненые, я не мог этого делать. Лихорадка съедала мои силы. Но бег должен был продолжаться любой ценой. С моими валлонцами я бросился во главу колонны, чтобы подбодрить моих товарищей.

Склон был жестким. Слева от нас открывалась огромная котловина шириной четыре метра и глубиной пятнадцать метров.

Мы почти достигли вершины холма. Тогда мы увидели идущие прямо на нас три танка.

Мы на мгновение обрадовались: «Наши!» Но град снарядов обрушился на нас, разметав наши ряды. Это были советские танки!

Танки неприятеля преследовали нас по пятам. Его пехотинцы стреляли со всех сторон. Его казаки мчались в наши порядки. И перед нами теперь вместо спасения – другие советские танки!

Мы не могли больше ждать: взятые врасплох на этом голом склоне, мы были бы сметены за несколько секунд. Я посмотрел на котловину и крикнул товарищам:

– Прыгай!

Я упал с пятнадцатиметровой высоты. На дне был метровый слой снега. Я воткнулся в него как электрический скат или торпеда. Все мои товарищи тоже прыгнули вниз.

В мгновение ока сотни наших солдат свалились в котловину. Каждую минуту мы ждали появления монголов наверху и гранат, бросаемых оттуда.

Наша судьба была решена.

Некоторые захотели попытаться продвинуться еще. Они прошли по котловине до южной оконечности, потом поднялись на поверхность, и сразу же

упали ужасным теплым месивом, разорванные залпами танков. Их трупы образовали холм в два метра высотой, на который опять начал падать снег.

Я собрал валлонцев, бывших рядом, и подготовил их к самой худшей развязке. Мы приклеились один к другому чтобы не умереть от холода. Каждый выбросил свои документы, кольца, перстни. Я утешал, как мог, своих товарищей. Какая надежда оставалась у нас выйти живыми или свободными из этой узкой щели, когда неприятельские танки преграждали южное направление?

Отвернуть назад – значило попасть навстречу первым советским танкам, пехоте и кавалерии, рвавшейся с севера, сметая последние преграды.

И вот тогда произошло невероятное. По нашей расщелине двигались два изнуренных немецких солдата, каждый держа по фаустпатрону. Они были настолько разбиты усталостью, что казалось, ничего не понимали, машинально неся свое оружие, как несут свою голову на своих плечах.

Целых два!

Мы бросились к ним. Один немецкий и один валлонский волонтеры схватили эти противотанковые орудия и взобрались на гребень. Они успели незаметно прицелиться. Раздались два мощных разрыва: два самых ближайших танка, подбитые почти в упор, взорвались!

Один молодой немецкий офицер, взобравшись на другой склон, видел разрывы. Он как школьник прыгал от радости, испуская триумфальные, победоносные крики. Вдруг я увидел, как он буквально разлетелся в клочья. Он получил снаряд третьего танка прямо в грудь.

Прошло несколько секунд ужаса. Затем, маленькие кусочки плоти размером не больше ушей осыпались в снег, медленно, со всех сторон, на нас и вокруг нас. Шлеп… Шлеп…

Это было все, что осталось от радостного лейтенанта, минуту назад праздновавшего временную победу…

***

Нам не следовало терять ни секунды. Я схватил автомат и вскарабкался на огромную кучу убитых в конце оврага. У меня на поясе было шесть магазинов по тридцать два патрона, еще шесть – в сапогах, триста запасных – в рюкзаке. Я смог своим огнем отогнать казаков, уже достигших плато, где сотни немецких солдат и валлонцев выбирались из котловины.

Снизу на склоне, слыша наши крики, двинулись последние повозки с ранеными.

В сорока метрах оставался один советский танк. Он мог натворить много. Но другого выхода больше не было. Надо было спасать все, что было можно и броситься прямо вперед. Прорываться вперед означало использовать шанс или погибнуть.

***

Я наизусть знал карту всей страны. Неделями я изучал ее и я мог без чьей-либо помощи добраться вплоть до румынской границы за триста километров от Черкасс.

Решив для себя не попасться живым в руки Советов, я принял все меры предосторожности. У меня было все, чтобы драться в лесах целые месяцы, если бы потребовалось.

Выбравшись из котловины, я заметил на другом конце плато большой лес, знакомый мне по карте. Там, по крайней мере, укрывшись от танков противника, мы могли бы чуть-чуть передохнуть.

К этому лесу побежали наши солдаты со всех направлений. До этого леса нам предстояло пересечь около восьмисот метров чистого поля. Уцелевшие повозки подтянулись на нашу высоту. С ними мы и устремились вперед.

Но и советский танк, окруженный роем казаков, тоже двинул на нас. Нам нужно было бежать, стреляя из автоматов, раз десять падая от разрывов снарядов, рвавшихся вокруг нас.

Мы задыхались, не в состоянии больше бежать. Перед нашими полными ужаса глазами советский танк шел на повозки с ранеными, переворачивал и давил их. Раздавались ужасные крики, крики умиравших, неслыханные крики раздавленных лошадей, судорожно дергавших ногами.

Полумертвые, мы достигли леса. Позади нас снег был усеян трупами. Танк, окруженный гарцующей ордой казаков, завершал свою безумную карусель!

Лысянка

Танкам и многочисленной кавалерии было невозможно преследовать нас в зарослях леса.

Одна тропинка спускалась к опушке, где какой-то старый интендантский полковник, сидя на коне, напрасно пытался позвать кого-либо. Многие тысячи людей засели в снегу. Под деревьями шла ожесточенная перестрелка. Нельзя было оставить эти тысячи солдат на волю случая, когда они ушли уже от самых страшных опасностей.

Я назвался старому полковнику и вежливо попросил сказать мне направление боя в лесу. Он был очень рад знакомству, слез с коня и сел в снег. Я увидел молодого немецкого офицера, знавшего французский. Я перевел ему слово в слово короткую речь, которую сказал солдатам:

– Я прекрасно знаю, где мы находимся. Нам осталось не более трех километров, чтобы достигнуть южной группировки. Бежать к ней теперь значит дать перестрелять себя. Я берусь перевести всех ночью. Мы сможем пройти. Но в ожидании темноты надо образовать каре по краям леса и не дать себя окружить советской пехоте.

Я попросил добровольцев. Меня интересовали только они. Немцы, немного опешившие, двинулись толпой. Я составил боевые группы по десять человек, среди которых я поставил по одному валлонцу, которые послужат мне связными. Я взял оружие и боеприпасы у всех, кто не мог драться, и расставил немцев и валлонцев по краям леса.

Русские, которых мы потеснили на юго-востоке, яростно атаковали нас. Наши люди получили приказ самым упорным образом сопротивляться, потому что именно в этом направлении нам предстояло прорываться ночью.

Карта показывала мне, что в трех километрах к юго-западу находился городок Лысянка. Этот населенный пункт, я был в этом убежден, находился в руках немцев, двигавшихся нам навстречу.

Невозможно было, чтобы это большое селение, находящееся в двадцати километрах от места начала нашего прорыва, было по-прежнему занято Советами. Было очевидно, что бронечасти немцев дошли до этого места. Я видел по карте, что город пересекала речка. Так что достаточно было добраться до первых домов. Затем мы найдем или соорудим мост.

Наш лес опускался к Лысянке. Ночью под его прикрытием мы должны были пройти как можно дальше. Уже были посланы связные, чтобы аккуратно разведать путь…

***

Но на западе леса нас сразу же ждала серьезная опасность. В трехстах метрах от опушки на склоне напротив нас мы увидели внушительную колонну советских танков, ту, что делегировала нам часом раньше три танка, чтобы уничтожить нас.

Эти танки занимали позиции вдоль дороги на Лысянку. С высоты холма они контролировали весь участок, держа под огнем западный сектор, по которому выходила другая группа окруженных частей; они также контролировали низину, отделявшую их от нашего леса.

Эта низина, абсолютно чистая, была постоянным искушением. Она вела в Лысянку. Один последний бросок, и мы спасены!

Танки красных окружала многочисленная пехота. Те из нас, кто бросился бы в эту голую низину, были бы расстреляны, смяты, – это было ясно, как Божий день!

Я прошелся по всем позициям, чтобы успокоить нетерпение людей. К несчастью, я мог удержать только своих подчиненных.

На нашем правом фланге, как раз в северо-западном краю леса образовалась волна из многих сотен немецких солдат, вышедших на плато после нас. Они проскользнули вдоль леса, вместо того, чтобы пройти через лес. Мощный крик взлетел в воздух, он потряс нас до мозга костей: они шли не в атаку, а в открытую могилу!

С опушки мы увидели всю эту бойню. Ни один из них, никто не прошел. Вражеские танки обрушили на них яростный огонь. Несчастные падали в снег целыми группами. Это было настоящее истребление.

Затем советская пехота бросилась на останки раненых и убитых для окончательного потрошения. Мы находились в укрытии в наших пулеметных гнездах в ста метрах от бойни, не упустив ни одной детали из этой ужасной сцены. Вооруженные ножами большевистские потрошители отрезали пальцы мертвым и умирающим. Видимо, слишком трудно было снимать перстни. Они отрезали пальцы, засовывали их в карманы окровавленными горстями и бежали дальше.

Потрясенные ужасом, мы, сдерживаясь, присутствовали при этих кошмарных сценах. Я дал приказ не делать ни одного выстрела, который не спас бы никого из лежащих на снегу, но зато спровоцировал бы массированную атаку орд на наш лес.

Я хотел спасти три тысячи человек, за которых нес ответственность. Мне бы не удалось это, если бы я бросил их вслепую, без артиллерии и танков, в напрасную бойню. Разумнее было спокойно дождаться ночи, которая скрыла бы долину и нейтрализовала бы танковую колонну неприятеля.

***

Утром пятьдесят тысяч человек, смешавшись своими подразделениями, бросились вперед. Нам на время удалось избежать натиска танков для нескольких тысяч людей с помощью экрана в виде плотного леса.

Но для большой группы войск Рейха, двигавшейся справа и слева от нас, положение было намного хуже. По шуму боя мы определили, что многочисленная лава немецких соседей спускалась на западную часть дороги, занятой сталинскими танками. Они повернули свои башни в сторону этого прорыва и открыли беспрерывную стрельбу.

Другая волна немцев, еще более значительная, вылилась в юго-восточной части леса, пытаясь достичь Лысянки через степь. Для обоих серьезную трудность представлял переход через речку. Я тщательно изучил по карте конфигурацию этого препятствия, и решил избежать его, спустившись ночью прямо к Лысянке, разбросанной по обе стороны реки. Таким образом, я освобождал солдат от необходимости форсировать эту глубокую и быструю речку на открытой местности при пятнадцати или двадцати градусах мороза.

Нам удалось в свое время в суматохе захватить этот спасительный лес, и он поможет нам в темноте добраться до окраин города. Я готов был терпеть сколько потребуется, но в нужный момент по-максимуму использую наше выгодное положение.

К несчастью, остальные, то есть десятки тысяч солдат, должно быть сориентировались на запад и юго-восток. Юго-восточным флангом командовал один армейский генерал, впоследствии убитый впереди своих солдат; его сразу же заменил генерал Гилле.

К часу дня эта волна, преследуемая по пятам советскими танками, подкатила к реке. Три недели оттепели сильно подняли речку, достигавшую двух метров глубины на ширине в восемь метров. Мороз последних дней усеял ее острыми ледяными глыбами, о которые билось быстрое течение.

Менее чем за полчаса двадцать тысяч человек оказались прибитыми к этому берегу. Артиллерия на конной тяге, избежавшая уничтожения, первой бросилась в ледяную воду и льды. Берег был крут: лошади опрокинулись и потонули. Тогда люди бросились вплавь; но едва они выбрались на берег, как сразу же превратились в ледяные глыбы, их одежды примерзли прямо к телу.

Некоторые рухнули замертво, не выдержав переохлаждения. Большинство солдат предпочли раздеться. Они пытались перебросить одежду через реку. Но часто униформа падала в поток. Вскоре сотни абсолютно голых солдат, красных как раки, заполонили берег.

Танки противника жестко обстреливали эту человеческую массу на берегу у воды, превращая действо в кровавую резню.

Многие солдаты не умели плавать: обезумев от приближения танков, они гурьбой бросались в воду. Многие избежали гибели, ухватившись за наспех срубленные деревья, но сотни утонули. Берег был усеян сапогами, оружием,

ремнями, сотнями фотоаппаратов; повсюду лежали раненые, неспособные пересечь реку. Но все же большая часть армии переправилась.

Под огнем танков тысячи и тысячи солдат, полуголые, блестя ледяной водой или голые как графины, бежали в снегу к далеким избам Лысянки.

***

В трехстах метрах от нас на дороге неприятельские танки по-прежнему держали свои башни на северо-запад в направлении второй зоны прорыва. Там напор тоже был массивным. Он на много часов частично оттянул на себя танки и пехоту Советов. Это отвлечение противника спасло нас. Ночь спускалась над этой трагедией. Эти отчаянные крики действительно разрывали сердце: призывы о помощи не находили ответа.

Несчастные собратья, с которыми мы начинали бой утром, теперь ночь и снег накрывали их, их окровавленные руки еще боролись в бесконечной степи против ужасной смерти.

***

Ожидая полной темноты, нижние чины собрали уцелевших солдат, разбросанных по лесу. Все части перемешались. Мы вели с собой даже десятка три советских военнопленных. Не осознавая ничего, они пробежали через гранаты и казаков, пытаясь убежать или как можно меньше доставить нам проблем.

Так же мы укрывали в лесу многих гражданских, в частности, молодых задыхавшихся женщин. Эти красивые украинки с бледно-голубыми глазами и пшеничными волосами не захотели попасть в руки Советов. Своему рабству они предпочли ураган этих боев на прорыв. Много таких беглянок были посечены пулями. Одна из них, великолепная, высокая, сверкающая девушка в красивом бело-голубом платке бежала среди нас во время последнего подъема по склону, гибкая, проворная, словно лань. Я видел, как она свалилась будто кегля, с оторванной танковым снарядом головой. У некоторых были светловолосые ребятишки, в ужасе от грохота и кошмара.

Без всякой пищи и питья с самого утра, мы жили горстями снега. Но этот снег еще больше усиливал жажду. Раненые, которых нам удалось спасти, дрожали от лихорадки. Как могли, мы прижимались друг к другу, чтобы согреться.

С особой тревогой мы ждали исхода этого дня! Только тогда, когда танки не смогут видеть наши перемещения, наша колонна сможет оставить свое укрытие.

***

В половине шестого мы тронулись в строгом порядке. Сотни мрачных криков умирающих, разбросанных по степи, по-прежнему слышалось вдали. По всему плато, закрытому советскими танками, из глубины долины, вытоптанной нами утром, без конца поднимались крики, мольбы о помощи, которые снежная ночь доносила до нас с трагической ясностью…

Сколько ужасных агоний было там! Сотни черных точек неумолимо забелил непрерывно падающий снег. Сотни тел оставались там в муках. Сотни душ стонали в этом заледенелом пространстве, в этом полном запустении… Мольбы о

помощи, последние всплески надежды падали без отклика в бесчувственной степи.

Закрыв сердце на эти жалобы, мы двигались к освобождению. Мы прошли по узкой дороге по краю леса. Ночь становилась светлее. Колонна молчала какой-то мощной, удивительной тишиной. Ни один, даже приглушенный звук не исходил из этой массы в три тысячи человек. Даже вздоха не было слышно.

***

Однако справа другие мистические крики звали нас в этом сумраке. Долина смерти, разделявшая нас от советских танков, протянулась к огромным болотам. Во время первого прорыва некоторое количество немецких фургонов во весь опор напропалую бросились к этим местам и провалились в вязкие, как клей, ямы.

Лошади полностью увязли в иле. В бледном свете луны видны были лишь головы и шеи этих несчастных животных. Они еще испускали ржание. Их мрачное, похоронное ржание перекликалось с безумными криками возниц, тоже чувствовавших, как их засасывает трясина. Они вцепились за верхние части колес повозок, почти полностью ушедших в грязь.

Со всей яростью инстинкта самосохранения мы проклинали их за эти громкие крики, привлекавшие внимание русских. Они должны были бы, несчастные, погибать молча.

Бесполезно было пытаться их спасать. Можно было послать на смерть в это омерзительное месиво двадцать-тридцать человек без малейшего значимого результата.

Нам пришлось оставить этих несчастных, медленно поглощаемых ночной тенью, которая потопит их, также как и пришлось нам оставить разрывавшие душу голоса раненых в степи, отрезанных от нас неприятелем, агонизирующих, и тех и других в одиночестве еще более жестоком и ужасном чем сталь, разорвавшая их тела, чем ил, засасывавший их, чем безжалостный снег, накрывавший их…

***

Ведомые разведчиками, через два километра мы вышли к проходу, обозначенному вешками и пересекавшему болота. Даже там грязь доходила до колен.

Ни один русский не заметил нас. Мы поднялись по заснеженному склону. По другую сторону в лунном свете блестел один рукав реки. Мы перешли его один за другим по толстому скользкому бревну. Прошли еще пятьдесят метров. Потом вдруг как удар в сердце! Три тени в стальных касках возникли впереди нас! Мы бросились в объятия один к другому, прыгая, смеясь, плача, уже свободные и легкие от всякой тревоги и всех болей, внезапно упавшими с плеч.

Это был первый немецкий пост группы «Юг». Мы больше не были преследуемой добычей, мы больше не были временно живыми! Теперь это все было ужасным сном!

Спасены, да, мы были спасены!

Горловина

Пройдя выдвинутый пост немцев у Лысянки, мы дошли до дороги, зажатой меж двух холмов.

Кружила пурга, уменьшая видимость до одного метра. Мы кое-как устроились в окрестных избах. Мы еще находились вблизи русских. Но куда отходить, бежать среди ночи, ослепленными этой секущей пургой?

Мы, человек пятьдесят, влезли в одну хижину и вповалку расположились в ней. Поминутно кто-то вскакивал, громко кричал и бил кулаками воздух. Со мной самим в течение последующих месяцев каждую ночь случались ужасные кошмары, я орал, бил кулаками в стену, в мебель, во все, что было рядом со мной в темноте. В течение этих трех недель окружения я лично участвовал в семнадцати рукопашных боях. Еще долго предстояло мне видеть моими мучительными ночами эти рожи татар, киргизов, самоедов, монголов-душителей, у кого я почти каждый день отстаивал свою жизнь.

До сих пор у меня возникает легкое головокружение, когда вспоминаю эти дни ужаса, эти гримасы, эти бегущие тела и сухие звуки очередей моего раскаленного автомата.

***

В пять утра я разбудил всех. Мы выползли из густого снега и спустились вдоль дороги. Наконец, в центре Лысянки мы добрались до очень широкой речки, разлившейся и окаймленной льдинами.

Красные разрушили мост. Тысячи людей ждали своей очереди, чтобы пройти по импровизированному дощатому мосту. Доски были положены на огромные бочки с горючим, послужившие опорами этого моста.

Был приказ не отклоняясь покинуть Лысянку и продвигаться по возможности быстрее и дольше. Наша колонна представляла собой огромную ленту на снегу. Около восьми тысяч солдат погибло во время прорыва. Но более сорока тысяч спаслись.

Только ударные части, такие как дивизия СС «Викинг» и штурмовая бригада СС «Валлония», сражавшиеся в арьегарде, имели очень большие потери.

Прибыв к Днепру в ноябре 1943 года силами в две тысячи человек, к концу прорыва 18 февраля 1944 года мы сохранили ровно шестьсот тридцать два. Конечно, наши раненые в декабре и январе могли бы быть эвакуированы самолетами в первые дни окружения. Тем не менее, мы потеряли половину наших товарищей. Этот процент был самым высоким среди всех частей, участвовавших в Черкасской эпопее.

***

После падения Корсуни Советы считали, что покончили с нами. Их сводки уже трубили о победе, казавшейся им окончательной.

В течение этих невероятных боев, унесших столько жизней, как при Ватерлоо, мы окончательным усилием пробили брешь, позволившую нам вырваться из кольца.

Переигранный враг выместил свое плохое настроение на нашем пути отхода в форме яростных бомбардировок. Этот узкий коридор, эта горловина обстреливалась с какой-то даже смешной яростью артиллерией Советов, их орудия были поставлены в линии по обе стороны дороги.

Мы с трудом продвигались в глубоком слое снега. Но каждый, как бы изнурен он не был, убыстрял шаг, потому что снаряды ложились каждую минуту, полминуты, поднимая снег, выбрасывая снопы земли.

Преследовать нас бросилась также и пехота. По флангам наш отход прикрывали немецкие танки, постоянно бороздя по полям. Мы видели, как танки разъезжали по насыпи, похожие на стога сена.

Русские солдаты вставали с поднятыми руками. Танк довозил их до нашей колонны. Те повсюду барахтались в снегу, как крысы, готовые к любому выпаду.

Немецкие генералы со стеками в руках шли рядом с солдатами, питаясь также, как и они, воздухом степи. Пришлось пройти многие километры до первых постов питания, но к ним было не подойти. Нас было сорок тысяч, и все голодные и томимые жаждой.

Тысяча, две тысячи человек осаждали одного несчастного повара, под давлением толпы рискующего в любой момент свалиться в свой котел.

Бесполезно было терять время в очереди. Мы смогли лишь налить несколько бидонов воды из источника. Вода был великолепно ледяной. Для раненых, у которых был жар, это хотя бы на время было чудом.

Но сохранить эту свежую воду было невозможно. Через пять минут горлышко бидона замерзало и закупоривалось, вода звенела внутри как хрустальный колокольчик.

На марше мы видели, чего стоило продвижение танков с юга нам навстречу. Степь была настоящим танковым кладбищем: восемьсот русских и триста немецких танков были подбиты за три недели боев за наше освобождение.

«Катюши» были брошены в снегу, выставив в воздух двойные полозья цвета опавших листьев.

Во время оттепели много немецких танков засосало в грязь по гусеницы. Мороз вернулся, грязь затвердела, блокируя танки в ледяном панцире.
Было ясно, что коридор, пробитый в нашем направлении без этих танков доживал свои последние дни. Надо было срочно разблокировать эти машины, вросшие в лед и землю, что были тверже чугуна. Экипажи топорами разрубали лед, снег и землю, разжигали большие костры вокруг своих неподвижных машин, лили на землю солярку, все пробовали, чтобы разморозить грязь и освободить цепи гусениц. Но их усилия казались мало эффективными.

Мы чувствовали себя под надежной защитой «Тигров» и «Пантер» – самых мощных немецких танков, снабженных мощной броней. Они беспрерывно опрокидывали врага, наседавшего с флангов и сзади, но приоткрытый путь оставался лишь приоткрытым путем. Двигаться надо было быстро.

***

Сорока тысячам моих людей ночью надо было отдохнуть. Мы долго бродили в степи. Поднялась пурга. Снежные волны хлестали нас миллионами ледяных кристалликов. Мы по-прежнему шли, не зная куда свернуть: влево или вправо.

На второй день нам надо было преодолеть двадцать километров. Пурга стихла. Снег был густым, но солнце золотило его и делало блестящим. Коридор расширялся. Артиллерия смолкла. Вокруг переливались голубые, лиловые и бледно-зеленые отсветы. Красивые ветряки с широкими черными крыльями стояли среди белых полей.

Мы дошли до одной большой деревни. Там коридор заканчивался. Немецкий порядок немедленно вступил в свои права. Десятки запыхавшихся толстеньких тыловых ребят со щеками, похожими на бифштексы, держали большие щиты с написанными на них наименованиями каждой из частей. Надо было перегруппировать взводы, роты. Унтер-офицеры уже громко выкрикивали приказы. Если уж они так орали, значит, действительно, наши злоключения закончились!

***

Я, как мог, собрал своих валлонцев, менее дисциплинированных, чем их прусские товарищи, и продолжавших чудачить на свободе.

Произошло какое-то шевеление. Ко мне подошел один генерал армейского корпуса. Я был взлохмачен, растрепан, покрыт ошметками слипшейся грязи. Я встал по стойке «смирно».

– Идемте, – сказал он мне, – Три раза звонили от фюрера. Он ждет вас. Вот уже два дня как вас повсюду ищут.

Он увел меня. При первых лучах солнца появился самолет. Он приземлился на своих лыжах. Мои товарищи втолкнули меня в кабину таким, каким был, обутым в толстые валеные сапоги и в овечьем тулупе.

У Гитлера

Маленький самолет, посланный из степи, пролетал теперь над тылом фронта. Нескончаемые ленты отступающих частей вырисовывались на белизне деревенского пейзажа. Вереницы грузовиков, роты солдат, маленьких, как мухи, шли в этом потоке. Деревни кишели войсками. Природа быда восхитительной, сверкающей бесконечным снегом, отмеченная рыжими букетами садов, желтыми соломенными крышами хат, длинными изгородями из почерневшего дерева, круглыми колодцами и большими мельницами на холмах, вращавшими крылья в синем серебристом небе.

В Умани я пересел на специальный самолет фюрера в сопровождении генерала из дивизии Либа и генерала СС Гилле, славного вождя «Викинга».

Трехмоторный с полчаса летел над степью, затем поднялся очень высоко и полностью вошел в облака.

Украина растворилась под машиной. Все. Никогда больше не увижу я ни белую и желтую степь, ни длинных деревень, зарывшихся в зимний снег, где летом поют комары, ни выкрашенных известью хат с зелеными и коричневыми ставнями, украшенными голубками, ни пышных закатов с петушиными гребешками, ни высоких девушек с пухлыми щечками, азиатских рек среди миллионов желтых подсолнухов…

Мы пролетели среди опаловой ваты неба над болотами бассейна Припяти. Небо понемногу прояснялось. Через просветы в облаках нам иногда открывались сосновые леса, тополиные посадки, какие-то деревни с красными крышами. Там была Европа.

Наконец, мы увидели голубые озера, расцвеченные островками, белевшими как водные луны. Мы были вблизи Литвы над главным штабом Гитлера.

***

Сначала я подождал у Гиммлера.

В автомашине, на которой за мной приехали на аэродром, я чувствовал, как сотни вшей разъедали мне кожу. Моя военная униформа была отвратительной. Можно было догадаться, что в Генеральном Штабе, скромном, но где люди были одеты во все свежее, нам, диким фронтовикам, надо было сконцентрироваться. Поэтому я вошел в ванную и с час плескался там, как кусок старого жесткого мяса.

Гиммлер подарил мне замечательную зеленую рубашку. Это избавило меня от того, чтобы подобрать старую, брошенную в угол ванной, набитую славными вшами Украины, внезапно ошеломленными от такой впечатляющей атмосферы! В окружении Рейхсфюрера СС мы довольно долго поговорили и о них.

Унтер-офицер поправил ворот моей гимнастерки, оторванный во время одной рукопашной схватки. Я оставил на себе свою полевую униформу, которую выскребли, вычистили и выгладили, влез в свои огромные валенки и вечером сел рядом с Гиммлером в большую зеленую машину, которую он вел лично сам, и в которой он привез меня за сорок километров от своего расположения к командному пункту фюрера.

***

Главный штаб фюрера, оборудованный на востоке Восточной Пруссии, был в начале 1944 года удивительным штабом.

Мы прибыли туда в полночь. Под соснами фары освещали сотни и сотни работающих людей. Они строили фантастические бетонные укрытия. Фюрер жил в скромном деревянном домике. Мы вошли в квадратный вестибюль. Справа был гардероб. Слева, в глубине, широкая дверь отделяла нас от кабинета Гитлера. Мы подождали некоторое время. Гиммлер время от времени радостно говорил французские слова, которые знал.

Дверные створки открылись. Я не успел ничего увидеть, ни о чем подумать: Гитлер подошел ко мне, взял мою правую руку в свои и с чувством пожал ее. Вспышки магнезии освещали комнату. Киноаппараты также фиксировали встречу. Я видел только глаза Гитлера, исключительно живые и добрые: я чувствовал только эти руки, сжимавшие мои, я слышал только его голос, немного хрипловатый, приветствовавший меня, повторяя дорогие слова.

Мы сели в деревянные кресла напротив массивного камина. Я с изумлением смотрел на фюрера. Его зрачки еще сохраняли свой странный блеск, откровенный и гипнотизировавший. Но заботы четырех лет войны придали человеку впечатляющую величественность. Волосы поседели. Спина, бесконечно склоняющаяся над изучением карт и несущая на себе груз всего мира,

ссутулилась. Довоенный фюрер исчез – страстный фюрер, шатен, с прямой, как альпийская ель, спиной.

Он держал в руке роговые очки. Все в его облике выражало собранность, озабоченность. Но энергия оставалась бодрой, живой как огонь. Он говорил о воле к победе через все испытания; он попросил рассказать деталь за деталью все этапы нашей трагедии.

Он углублялся в размышления, минут пять не говорил ни слова. Только легко двигались челюсти, как будто он размалывал в тишине какое-то препятствие. Никто не говорил. Затем фюрер вышел из медитации и возобновил расспросы.

***

Он подвел нас к карте фронта, чтобы знать с полной ясностью одиссею под Черкассами. Он попросил повторить все движения окруженных войск день за днем, следя по карте. Огромная комната была наполнена только этим голосом, спокойно расспрашивавшим, и нашими голосами, отвечавшими с плохо сдерживаемым волнением.

Каждая деталь в этом учебном классе говорила о простоте и ясности жизни: длинные столы светлой породы дерева, голые, как в монастыре, стены, лампы с металлическими абажурами, выкрашенные зеленым, которые хромированные ножницы спускали до самых карт. Фюрер работал ночи напролет, в абсолютной концентрации. Он до утра вышагивал в этом бараке, размышлял, готовил свои приказы. С ним рядом жили только огонь в широком камине, вдохновленном германской историей и большой рыжий пес, лежавший у стола.

Благородное животное молча сопровождало взглядом передвижения своего хозяина, который медленно ходил, сутулый, седой, давая вызреть за ночь своим размышлениям и мечтам…

***

Гитлер вручил мне ленту Риттеркройц. Я сражался, как настоящий солдат. Гитлер признавал это. Я был горд.

Но то, что воодушевляло меня в ту волнительную ночь, так это престиж, завоеванный моими солдатами в глазах Гитлера. Он сказал мне, что все мои офицеры повышены в звании, и что он наградил сто пятьдесят моих товарищей Железными Крестами.

Мы отправились на антибольшевистский фронт, чтобы имя нашей Родины, поверженное в мае 1940 года, вновь засияло, поднятое с триумфом, славой и честью. Будучи солдатами Европы, мы хотели, чтобы в Европе, что строилась так болезненно, наша старая страна заняла бы подобающее ее прошлому место.
Мы были людьми державы Карла Великого, герцогов Бургундии и Карла V. Через двадцать веков чудного сияния эта страна не могла кануть в посредственность и забытье! Мы бросились навстречу страданиям, чтобы из нашей жертвы снова возродились величие и право на жизнь!

В этом бараке, перед эти гением в полной мощи я говорил себе, что на следующий день весь мир узнает, что сделали бельгийцы под Черкассами, узнает о высшей чести, которой Рейх удостоил страну солдат!

Я телом чувствовал себя сломленным, изможденным этими ужасными неделями. Но моя душа пела! Слава была со мной, слава для нашего героического Легиона, слава, за которой был путь к возрождению нашей Родины!

***

На рассвете самолет фюрера доставил меня в Берлин, где я говорил перед группой европейских журналистов. Они, в свою очередь, повторят своим читателям ста ежедневных изданий рассказ о подвигах штурмовой бригады «Валлония». Затем я отправился в Париж, где говорил речь перед десятью тысячами собравшихся во дворце Шайо. Французские газеты были наполнены рассказами о нашей одиссее. Газета «Эвр» напечатала в трех колонках эти простые слова о нас: «Он сражается за Бельгию». И правда, все это мы делали для Бельгии. Это было неправдой в отношении меня только, потому что победа была оплачена страданиями всех моих солдат и жертвой всех наших погибших. Но зато в мятежном небе 1944 года лишний раз сверкнуло имя нашего народа.

Брюссель

В ночь с 20 на 21 февраля я добился у фюрера, чтобы штурмовая бригада «Валлония» получила двадцать дней отпуска. Из Главного Штаба я тот час телеграфировал распоряжения. Я знал, что мои парни были в пути и не слишком волновался за них.

Этот отпуск был настоящим благословением, потому что, едва наши уцелевшие в окружении люди погрузились в поезд отпускников, как весь украинский фронт треснул, как старый дуб от удара молнии.

Это, впрочем, не удивило меня. Я видел, с каким трудом мощная танковая группировка южного направления немцев пробила нам выход из окружения, даже не дойдя до нас: нам пришлось броситься на врага и покрыть двадцать последних километров, перед которыми оказались беспомощными танки Рейха.

Освобожденные части едва успели дойти до своих мест для перегруппировки. Напор советских войск хлынул и затопил всю Украину во всех и во все направления, и за несколько дней дошел до Днестра на румынской границе!

Это был шквал. Вся Украина, красавица Украина с золотыми полями, бело-голубыми деревнями посреди жатвы, как корзины цветов, Украина в кукурузе и пшенице, где за два года построили сотни новых заводов, Украина утонула в лающей волне монголов и калмыков, макроцефалов с мокрыми усами, с зубами из белого металла, с большими пулеметами с плоскими барабанами, ошеломленных тем, что за полтора года пробежали от Волги до Галичины и Бессарабии. У них в карманах было много золотых колец, они хорошо питались и они убили много врагов. Это были счастливые люди.

***

После многих трудностей и хлопот я встретил своих первых парней на старой польской границе во Влтаве. Мы сделали остановку в баварском лагере Вильдфлекен, откуда мы когда-то отправились 11 ноября 1943 года.

Мы возвращались с потрепанной бригадой, но опять Легион новых волонтеров-валлонцев ждал победителей Черкасс, чтобы занять место раненых и убитых. Двумя неделями позже новая штурмовая бригада «Валлония» будет еще сильнее, чем прежняя, и будет насчитывать три тысячи человек, также воодушевленных, как и старшие, уже серьезно подготовленные, с горячим желанием идти в бой.

Прежде, чем добраться до других полей сражений, нам оставалось продефилировать через нашу Родину, где слава, завоеванная валлонскими волонтерами под Черкассами, серьезно расшевелила фибры национальной гордости. Нас, конечно, не любили в англофильских и коммунистических кругах, но даже наши хулители не могли отрицать, что наши солдаты остались верными воинской чести и традициям мужества нашего народа.

2 апреля 1944 года, утром, мы прибыли на голландско-бельгийскую границу. Оттуда мы начали наш марш через страну. Наша бронеколонна составляла семнадцать километров в длинну. С высоты своих мощных машин наши молодые солдаты смеясь смотрели на наши красивые деревни с голубыми крышами. Это за эти города, за эту старую землю, несущую столько славы, они прошли через степи, вынесли столько мук и спорили с судьбой.

В полдень бригада триумфально вошла в рабочий городок Шарлеруа и на большой площади повторила свою клятву верности национал-социализму. Затем сотни танков устремились через валлонский Брабант. Большой Лев Ватерлоо смотрел с высоты своего холма как мы проходили.

Мы думали о всех тех героях, что когда-то приняли в этих плодородных полях такие же испытания как и мы в русской грязи.

Но эта грязь была далеко. Наши бронемашины были усыпаны цветами, венки из дубовых ветвей высотой в два метра украшали борта. Кортеж трепетных девушек с искрящимися глазами ждал нас нас пороге Брюсселя.

Центр столицы представлял собой сказочную карусель лиц и флагов. Наши машины с трудом пробирались через многотысячные толпы людей, бежавших приветствовать наших солдат. Толпа с криками поднималась как море, бросая тысячи роз, первых самых нежных роз, возвещавших свет и тепло весны.

Мой танк остановился перед колоннами Биржи. Я посадил в машину веселую ватагу ребятишек, чувствуя в своих руках их маленькие горячие ладони. Я смотрел на этот чудесный праздник, общность, причастие народа, так восприимчивого к славе моих солдат. Беспрерывно с грохотом появлялись новые танки на дороге, усыпанной цветами.

Точно по той же самой дороге через пять месяцев в Брюссель войдут англо-американские танки.

VII. ЭСТОНСКАЯ ЭПОПЕЯ

Наш Легион в мае 1944 года отправился в Польшу для переформирования, на огромном поле в местечке Дебица между Краковым и Лембергом.

Более восьмисот бельгийских рабочих заводов Рейха после моей агитации добровольно записались в нашу бригаду.

Первый контингент из трехсот моих соотечественников едва прибыл в лагерь в июле 1944 года, когда началось новое наступление советских войск. Был взят Минск. За две недели мощная волна войск затопила немецкий фронт, сметая все на глубину в триста километров. В том же месяце советские армии подошли к границам Литвы и Пруссии. Зацепив половину Польши, они достигли пригородов Варшавы. Дорога на Берлин была открыта. Для отпора под Варшаву бросили дивизию «Викинг» с новыми танками.

Второй мощный удар Советов потряс фронт, на этот раз он потряс эстонский сектор Восточного фронта до линии Финского залива. На острие позиций под Нарвой стоял отборный корпус СС, третий танковый корпус, составленный из добровольцев всех германских стран: фламандцев, голландцев, датчан, шведов, норвежцев, латышей. Все они отчаянно сопротивлялись, но у них были большие потери.

На этом направлении тоже надо было срочно латать дыры. Но чем заткнуть?

Некоторые военные ведомства Берлина, образно говоря, взнуздали осла за хвост и разослали в расположение войск неслыханные телеграммы. В частности, лагерь у Дебицы получил приказ в тот же день погрузить для отправки на эстонский фронт триста новых волонтеров, прибывших недавно. Сотня из них были мобилизованы только четыре дня назад, две трети других были на службе только три недели и едва умели обращаться с винтовкой, никто никогда не имел дело с пулеметом.

Я в тот момент был вызван в Бельгию, где мой брат только что был зверски убит террористом. Когда мне доложили об этих безумных предписаниях, три сотни наших парней уже направлялись к Балтийскому морю в сопровождении сотни ветеранов, которые должны были быть им инструкторами в Дебице. Все были перемешаны. В последнюю минуту им выдали пулеметы с приказом в дороге научиться обращению с этим сложным оружием!

Сначала я не верил этой отправке. Я позвонил в Берлин, мне подтвердили известия. Аналогичный приказ был отдан другим частям. Фламандские волонтеры были направлены точно в таких же условиях, что и валлонцы.

Я был поражен, потому что эти триста новобранцев могли принять меня за обманщика. Они пришли в наш Легион и доверяли мне. Их, едва прибывших на место, ожидавших получить серьезную боевую подготовку, бросали в бессмысленную авантюру!

Что добавляло мне тревоги, так это то, что после Черкасс Гитлер запретил мне возвращаться на фронт. Что сделать, чтобы спасти моих новобранцев или, по меньшей мере, разделить их участь? Я решительно позвонил в Генеральный Штаб Гиммлеру, резко протестуя против этой отправки, требуя отмены этого приказа или, если это невозможно, то разрешения мне присоединиться к моим людям.

Никакого ответа не последовало. У меня горели ноги. Через три часа ожидания я послал новую телеграмму. Берлин мне сухо ответил через несколько часов. Я тут же послал снова просьбу отправиться на фронт. Ночью из Берлина пришел окончательный ответ-приказ: «На фронт!»

На рассвете мой автомобиль был готов. Вечером я прибыл в Берлин, который я из предосторожности объехал, боясь получить личный контрприказ. Я ехал в сторону Данцига. Когда я прибыл туда, то узнал, что мои солдаты перешли через территорию Литвы как раз до того, как железная дорога на Ригу была отрезана авангардом советских войск. Теперь было больше невозможно добраться до Эстонии через балтийские страны.

Также не было и самолета, котором я мог бы воспользоваться. Наконец, в одной внутренней гавани я нашел патрульное судно, отправлявшееся в Финляндию. На обратном пути оно должно было сделать остановку в Ревеле. После сильных перепалок я устроил на палубе свой старый «Ситроен».

В полдень наш корабль поднял якорь, покинул огромный рейд, в то время как над нами в сине-золотом небе появилась советская эскадрилья.

Под Нарвой

Наше судно, бывший перевозчик бананов из Гвинеи, медленно прошло вдоль берегов Пруссии к северо-востоку. Это был один из последних кораблей, шедших в Финляндию. Через несколько дней она капитулировала.

На борту нас было тысяча человек, принадлежавшим к самым различным родам войск. Наши глаза всматривались в морскую ширь цвета голубиной шеи. Иногда вместо русалки возникал перископ подводной лодки и сама лодка, лоснящаяся, как туша кита. Это был наш дружественный подводный охотник, он был в дозоре.

Но подлодки, они как люди, их больше злых, чем добрых, и не один транспорт с войсками был уже потоплен в Балтике. У нас были спасательные жилеты, и мы спали вповалку на палубе рядом с люками, похожие на пингвинов.

Мы прошли вдоль Литвы и Латвии. В последнюю ночь наш береговой лоцман получил приказ остановиться и сделать остановку в Ревеле, где нужно было погрузить на корабль сотни раненых.

В пять часов утра мы прибыли в спокойный залив, отливавший стальным и голубым цветами напротив столицы Эстонии, знаменитого Ревеля тевтонских рыцарей, разбросанного по склону, утыканного острыми колокольнями, где возвышались мощные валы славного града.

Каждый старый город Прибалтики был отмечен следами прошлого: он имел величественный замок, откуда веками шло излучение германской цивилизации и порядка; он имел белые соборы с голубыми колокольнями, изящными, как стрелы; торговые дома из мощного песчаника, отполированного веками времени, любовно украшенные скульптурами, красивыми и величественными, как их сестры в Любеке, Бремене или Брюгге, цветы богатства и искусства Средних веков.

Рейд Ревеля, как полет мечты, на целое лье растянулся вдоль берега, усыпанного красноватыми камнями. Вдалеке были золотистые поля, среди них

вырисовывались пышные руины огромной готической крепости, как те, что можно еще видеть на побережье Фландрии.

Один генерал объяснил мне, где могли находиться мои солдаты. Это было почти под Нарвой. Через час вдоль Финского залива я отправился по разбитой песчаной дороге в направлении Ленинграда.

***

Деревенский пейзаж выглядел бедно: ланды и сосняк, осиновые рощи, дикие цветы, похожие на розовых птиц. Время от времени виднелось море, синее и блестящее. Дома были покрыты деревянной черепицей. Жилье встречалось редко. Девушки были великолепны, с широкой костью на мощных ногах, в свежих тарлатановых и органди.

После нескольких часов пыльной дороги я увидел заслон из десятков четырех больших бочек. Они защищали огромный завод, где инженеры Рейха дробили сланец и получали огромное количество сланцевого масла. Также как на Кавказе мы дрались за нефть для самолетов, здесь дрались за масло для подлодок.

Фронт был поблизости. Деревни, что я проезжал, лежали в руинах. Деревья вдоль дороги были изрублены, повалены или обуглены. Воздух был сероватого цвета. Была слышна сильная канонада.

В конечном счете я нашел своих солдат. Они располагались в десяти километрах от передовой. Офицер, который привел их, знал, что никогда валлонцы не были в боях без моего участия. С уверенностью в своей правоте он доложил генералу армейского корпуса, что люди не были готовы и что, ожидая моего прибытия, он снимает с себя всякую ответственность.

Командир корпуса был замечательный человек, генерал Штайнер. Мы познакомились на Кавказе. Он принял решение подождать.

Я прибыл на мой КП на склоне дня. На генерале был белый галстук, как у Пьера Лаваля, щегольского вида. Всегда отглаженный и благоухающий, он с воодушевлением обнял меня. К ночи, когда я вернулся к моим людям, я добился для них трех недель отсрочки и право выбрать инструкторов.

Мы расположились лагерем на вершине песчаной горы, откуда открывалась величественная панорама Финского залива. В ста метрах вертикально вниз под нашими ногами вдоль всей линии воды раскручивалась странная лента черных деревьев, прилепившихся к самому берегу.

Мы спустились к бухточке, освещенной теплой августовской ночью. Мы бросились в море, и наши крепкие обнаженные тела долго плавали в поющей воде.

Финский залив

Эстонский фронт – это было что-то немыслимое. Русские были у ворот Варшавы, а несколько десятков тысяч добровольцев со всех германских стран еще цеплялись за опустошенные леса под Ленинградом!

Нарва обозначала границу старой Европы и славянской Азии. По обе стороны маленькой речки, пересекавшей город, встали два мира: на западном берегу возвышался старый замок тевтонских рыцарей; прямо напротив него

русский город раскинул ярусами от воды свои зеленые луковые огороды и церкви в восточном стиле.

Третий германский корпус, в котором немцы составляли меньшинство, обеспечивал здесь надежный замок. Замок этот чуть было не взорвался в июле 1944 года. Более тысячи русских танков были подбиты во время ожесточенных боев. Легионы европейских волонтеров были обескровлены: в одном из голландских полков уцелело всего десятка два бойцов из трех тысяч; другие, находясь много дней в окружении, погибли на месте.

Наступление Советов провалилось: третий корпус сдал только километров пятнадцать фронта. Но нужна была новая кровь. Наша, совсем свежая, была там, готовая вспыхнуть вновь.

***

Пушка стреляла беспрерывно. Казалось, ночь наступала как-то странно. Часто появлялись советские корабли, поворачиваясь кормой в сторону Финляндии. Наши пушки открывали огонь, заставляя их отступить. Береговая артиллерия была здорово замаскирована. Она располагалась в строгом порядке. Солдаты и офицеры засели в прочных укрытиях, вырытых над морем. В пятидесяти, в восьмидесяти метрах ниже этих орлиных гнезд, волны бились о скалы, выбрасывались на песок, разлетались о деревья. Покуда хватало взора, блестело море. Вдалеке, при ярком свете солнца можно было различить тонкую, как крыло чайки, линию одного белого острова.

Сумерки чудесно расцвечивались жгуче-оранжевым светом по розово-золотым массам облаков. Эти переливчатые вечера, умиравшие в смешении фиолетовых и красных тонов, ночи, усеянные звездами, окликавшими друг-друга, свежее одиночество жемчужных рассветов, несомненно, были даны нам по праву свидетелей красоты, для того чтобы наши души были еще раз сверены накануне воющих дней, когда разорвутся тела и когда души затаят дыхания перед многими расставаниями…

***

В середине августа Советы предприняли широкий обходной маневр, чтобы окончательно смять эстонский фронт. Не сумев прорвать его между Нарвой и северной оконечностью озера Пейпус, они начали крупное наступление на южную часть этого озера, начав с пограничного города Плескау.

Было очевидно, что целью этого наступления было прорваться к эстонскому местечку Дерпт, затем оттуда на Ревель в обход всего сектора Финского залива.

Авиация Рейха каждый день отслеживала массированные передислокации советских войск под Нарвой. Третий корпус получил приказ изобразить движение и приклеиться к неприятелю. Он должен был немедленно выслать в южном направлении мощную боевую группировку. Она встанет наперерез Красной Армии, двигавшейся форсированным маршем к северо-западу, почти не встречая сопротивления.

Генерал Штайнер подсчитал все свои возможности, он должен был использовать все, что только было возможно. Он решил оставить для учебы

наших наименее обученных рекрутов еще несколько дней. Но триста солдат, теоретически готовых, были внесены в боевой список.

Ночью с 15 на 16 августа я получил приказ выступить. В пять утра грузовики увезли нас. Распевая старинные песни нашей Родины, мы поехали к маленькой красной точке, на картах по-немецки называемая Дерпт, а по эстонски – Тарту.

Тарту! Древняя духовная столица балтийских стран, Тарту, знаменитая библиотека которого в тот же месяц сгорит на наших глазах, дома, так красиво раскрашенные, очаги искусства, типографии, древний университет, – гигантские качающиеся черные факелы в течение недели между дымной землей и бесстрастным небом.

Лицом к лицу

Озеро Пейпус, по обеим сторонам которого решалась судьба Эстонии, долго отделяло эту страну от территории СССР. Через реку Нарву озеро связывалось с городом Нарва и Финским заливом. Оно образовывало настоящее внутреннее море, которое бороздили суда, чьи рыжие каркасы на золотистой глади воды мы видели в августе 1944 года. До озера Пейпус можно было добраться, спустившись с севера, пройдя через благоухающие сосновые леса в розовых бликах.

На берегу озера был сухой пляж, где виднелась чахлая травка и камни. Несколько довольно крупных поселений проглядывались в глубине освещенных бухт под жемчужным небом, но дома были в основном разбиты авиацией. Остались только пробитые лодки и развалины, в которых располагались немецкие посты.

Вообще, это озеро представляло собой самую протяженную часть эстонского фронта. По другую сторону воды были русские. Достаточно было погрести веслом ночь, чтобы оказаться среди них.

Наш берег был защищен довольно забавно. То там, то сям хорошо был виден бункер из бревен, отрезок траншеи в песке, но солдаты как бы не присутствовали, не существовали. Как только мы расположимся на юге озера, наш левый фланг будет полностью открыт для советского десанта.

По приказу Верховного главнокомандования основная линия боевой группы должна будет проходить от озера Вирц почти в середине Эстонии до юго-западной части озера Пейпус. Река Эмбах, соединяющая эти два озера, образует естественную линию боя, если противнику удастся подойти к району Дерпта.

Я пошел за новостями в ратушу старинного университетского городка. Там между собой разговаривали несколько высших офицеров. Положение было крайне запутанным. Прибыл командир боевой группы генерал Войск СС Вагнер. Как обычно, это был гигант, кавалер Роттеркройца, со сложившейся репутацией умного и храброго воина, мощный, как ландскнехт: настоящий главарь банды или компании в эпоху Ренессанса, жизнерадостный, неутомимый, балагур. Короче, именно тот человек, который был нужен для готовящегося сильного удара.

Колонна боевой группы растянулась на три километра, это была колонна бронемашин разведывательного подразделения, танков, целиком моторизованных ударных частей. С генералом, на самом деле, было немного людей, но это были отменные воины. Ему в подарок в Дерпте выделили подкрепление из разношерстных частей, которые он должен был спешно организовать: сброд из

разрозненных немецких подразделений, эстонские гвардейцы в штатском с повязкой на рукаве, беспорядочно прибывшие, ужасно плохо вооруженные, со своими женами по бокам, потные от усталости и страха на пыльных дорогах.

Генерал Вагнер мудро решил остановить свою колонну на севере Дерпта, сначала изучить местность и наличие сил.

***

Наши грузовики остановились у деревни под названием Мария-Магдалина. На рассвете меня разбудила эстафета: нам необходимо было немедленно выдвигаться вперед.

К юго-востоку от Дерпта в направление Плескау пролегало шоссе; другое шоссе шло к юго-западу в направлении Риги. Я установил шесть постов, выдвинутых на двадцать пять километров от Дерпта и речки Эмбах в своеобразном треугольнике, очерченном двумя этими дорогами. Никогда еще мы не получали такого туманного задания.

Я спросил, что находилось между моими несчастными постами и главными силами противника на марше. Ответ был обезоруживающим: теоретически две наши дивизии были в контакте с нами, практически же о них ничего не было известно, они несомненно рассредоточились, испарились в западном направлении, к Риге.

Быть наготове с шестью горстками солдат, чтобы закрыть участок шириной в сорок километров!

Вся остальная часть фронта должно быть также действовала импровизированно. Боевая группа Вагнера бросила навстречу противнику бронемашины разведки. Они измучились день и ночь бороздить многочисленные дороги, по которым продвигался авангард Советов.

***

Противник, вместо того, чтобы проскользнуть между двух главных дорог, атаковал прямо в лоб, не отходя далеко от озера Пейпус и от большой дороги Плескау-Дерпт. Выискивая наиболее слабое место, он нашел его на восточном участке этой дороги и совершил в понедельник 19 августа 1944 года глубокий прорыв на восемь километров и шириной в десять, на расстояние выстрела карабина от нашего левого фланга.

Грузовики прибыли одновременно с мотоэстафетой, вручившей мне приказ атаковать. В пять часов вечера я должен был со всем своим личным составом броситься с запада на восток через брешь, открытую Советами.

Прийдя с востока на запад, немецкие части покроют половину пути навстречу нам. Нам надо было соединиться в деревне Патска, расположенной рядом со своей ветряной мельницей на вершине голого холма. Нас будут поддерживать четыре танка.

Это был красивый бой. Противник вломился в наше слабое место. Если наша контратака удастся, то его наступление будет блокировано на многие дни. Надо было выиграть время. Немецкие саперы и тысячи гражданских спешно строили укрепленную линию, она должна будет пройти полумесяцем приблизительно на восемь километров к югу от Дерпта. Командир хотел там создать плацдарм,

который закрыл бы вход в город. Этот плацдарм на западе и востоке упрется в речку Эмбах, естественное глубокое укрепление.

Но эти контратаки не были завершенными. Подкрепления были на подходе, в дороге, и не могли выйти на боевые позиции раньше нескольких дней. Утренний прорыв подвел противника на несколько километров от места работ над линией обороны. Завтра или послезавтра русские прорвутся туда, если сильная контратака не собьет их прорыв.

***

В четыре часа дня грузовики выгрузили моих людей за шесть километров от Патски. В моем распоряжении были замечательные молодые офицеры, только что вышедшие из стен военного училища в Тёльце в Баварии. Им не терпелось испытать себя.

Наши танки ждали, замаскированные в яблонях. Я посмотрел на план атаки: ровно в пять часов мы должны были выступить в сопровождении четырех танков. Роты должны были немедленно занять позиции, не обнаруживая себя. Противник был в одном километре. Я уточнил для каждого командира роты его место начала атаки.

Пригнув спины, наши солдаты проскользнули через зрелые пшеничные поля, что высыхали в знойном полдне.

Мельница Патска

Минуты перед рукопашной всегда очень тяжелые, томительные. Из всех парней, застывших в ожидании, сколько будет опрокинуто на землю с широко раскрытыми глазами? Сколько других, окровавленных, попытаются избежать пуль?

Мы слышали шум приближения противника. Русские уже должны были видеть башни Дерпта. Деревня Патска на вершине склона казалась плотно занятой и укрепленной. Я проскользнул за кусты, откуда в бинокль следил за проходом войск Советов.

Значительный большевистский контингент, поддерживаемый артиллерией, занимал оба склона дороги, которую нам предстояло захватить на глубину в пять километров.

Местность была совершенно голой. Но холмы, занятые слева и справа противником, были покрыты лесом.

Мои солдаты молча засели на насыпи в хлебах, застывшие, словно сухие поленья. В шесть часов я двинулся вперед вместе с танками: наши люди развернулись и бросились в атаку.

При шуме танков, движущихся по долине, неприятеля охватила всеобщая суматоха. Солдаты бежали к траншеям, к орудиям, минометам. Один русский офицер, ростом настоящий гигант, встал во весь рост на открытом месте прямо на гребне и, не обращая внимания на нас, отдавал приказы.

Все соседние дома взлетели один за другим. Гигант оставался невозмутим. Когда дым рассеивался, он по-прежнему был там виден, похожий на каменную глыбу.

Наши роты взбирались по склону. Железный потоп обрушился на наши танки, советские пулеметы простреливали долину. Один танк, подбитый прямой наводкой, продолжал движение.

Наши сорви-головы пробежали девятьсот метров пологого склона. Мельница защищалась отчаянно. Двое из наших офицеров добрались до нее через все и всех. Они оба упали у самого входа в строение, один убитый наповал, другой – тяжело раненый. Но рота бросилась через их тела. Русский великан был убит. Мельница была наша.

Другая рота, шедшая по правому флангу с таким же напором, бросилась на неприятельские позиции ценой таких же жертв. Командир этой роты был ранен трижды. Он не мог больше двигаться. Тогда он зацепился за пушку, отвоеванную у русских, и в последнем усилии развернул ее против них. Он стрелял еще двадцать минут, пока не упал на груду гильз.

За пятьдесят минут наш прорыв был сделан на пять километров. Патска была взята, сметена, советская артиллерия побита.

***

К несчастью, у нас не было никаких известий об атаке наших союзников, которые должны были на востоке выйти нам навстречу и соединиться с нами у мельницы. Нельзя было дать противнику возможность прийти в себя, перегруппироваться, поэтому я бросил в наступление моих людей на Патску, охватывая зону в пять километров, определенную для атаки наших братьев по оружию. Операция на Патске имела смысл только в том случае, если бы стрела неприятельского удара была бы радикально отрезана. В противном случае, отрезали бы нас.

Мы пробили еще одну брешь в два километра. Таким образом, мы прошли семь километров из десяти. Наши потери были огромны: из четырех моих новых офицеров из Тёльца трое были убиты, четвертый серьезно ранен. В Войсках СС средняя продолжительность жизни одного офицера на фронте составляла три месяца.

Мой офицер связи с пробитой левой рукой был эвакуирован. Сотня моих солдат были убиты или ранены.

Что делала часть, шедшая нам навстречу с востока, в то время, как мы бросились в ее сторону? Мы отчаянно бились на обоих склонах, где враг непрерывно пытался заглушить нас, окружив. Пытаться идти дальше в конечном счете означало бы для нас попасть в ловушку.

Факт, что с востока не было движения, сильно тревожил меня. В восемь часов вечера мы по-прежнему были одни. Наши танки, вызванные в другое место, покинули нас.

В девять часов я был проинформирован о полном поражении атаки наших однополчан: слишком слабые численно, они даже не смогли преодолеть линию своих позиций. Мы получили приказ закрепиться на западе от деревни Патска. Оттуда мы сможем преградить подход новых советских подкреплений. Но стрела русского наступления не была отрезана.

***

После дневного разгрома русские отступили и перегруппировались, чтобы смять нас. Со ста пятьюдесятью товарищами я держал плацдарм в самом сердце неприятеля, в конце узкой насыпи. Оба наши фланга прикрывали пулеметы. У нас не было ни одного орудия. Наши танки не вернулись.

Враг подтянул «Катюши». В течение всей ночи он обрушил на нас шквальный огонь двойными залпами по тридцать шесть снарядов.

Затем наступил рассвет. Роса увлажнила траву и обдавала нас ледяным холодом. Я установил несколько пулеметов на опушке березового леса, от него можно было контролировать проход Советов к Дерпту.

«Катюши» метр за метром обрабатывали местность, но засев в окопах, мы не сдали позиций. Проход неприятеля через населенный пункт Патска был невозможен. Открытая улица была постоянно под нашим огнем.

Эстафеты несли любопытные новости. Русские были уже на много километров сзади нас, на западе, они полностью обходили нас. Отовсюду они появлялись на окраине леса. Много красных солдат было убито прямо на дороге в трех километрах за нашей спиной.

Генерал Вагнер послал нам восторженные поздравления, сообщив, что нас упомянули в сводке Генерального Штаба. Но нам надо было еще держаться, пока командование завершит организацию заслона на юге Дерпта.

Отвлекая нас от наших забот, сотни чернобурых лис пробегали под нашими ногами. Справа от нас находилась ферма по разведению этих грациозных зверей, их было примерно две тысячи. Хозяева, прежде чем сбежать, открыли дверцы всех клеток и нор. Лисы шустро сновали между разрывов, подметая землю своими длинными, с блестящим отливом, хвостами.

На западе противник расширил свое наступление. Днем дорога на Плескау была им взята. Еще далее на западе от этого шоссе в самом центре участка Вагнера наступавшим удалось пробиться до деревни Камбья.

Один мотоциклист, пройдя штопором через занятый врагом лес, принес нам приказ немедленно пробиться к окрестностям этого населенного пункта, где опасность прорыва была все более и более очевидной. Как ужи проскальзывали мы между перелесков. Через отрезок в двадцать километров, в два часа ночи мы столкнулись нос к носу с другой волной русских, уже занявших деревню Камбья и, видимо, стремившихся продвинуться вперед для соединения со своими победоносными силами на востоке и юго-востоке.

Камбья

Утром 21 августа 1944 года положение на эстонском фронте было следующее.

Оборона, выдвинутая к Дерпту между озером Пейпус и дорогой на Плескау, была взорвана; русские даже массированно высаживались на западный берег озера.

Центральная диспозиция была сильно атакована советскими солдатами, овладевшими Камбьей.

Западное крыло фронта – от Камбьи до дороги Рига-Дерпт и далее до озера Вира была еще свободна.

Короче, когда генерал Вагнер наблюдал неприятеля, он видел свое смятое левое крыло и серьезную угрозу своему центру; только его правое крыло еще имело последний путь отхода, поскольку оно было наиболее отдалено от Советов.

Сельская проселочная дорога связывала Камбью с большой дорогой на Плескау в пятнадцати километрах к югу от Дерпта. Но эта вилка сама была под угрозой советских войск, выходивших с юго-востока.

Я должен был, во-первых, сдержать врага у Камбьи силами ста пятидесяти пехотинцев, взвода минометов и силами нескольких немецких орудий. Во-вторых, обеспечить оборону перекрестка дорог Плескау-Дерпт и Камбья-Дерпт. Победоносный неприятель подошел к этому дорожному узлу на расстояние в один километр, впрочем, совершенно открытому и на ровной, как ладонь, местности. Артиллерия противника, минометы и «Катюши» занимали лес слева от нас. Чтобы закрыть проход, я располагал лишь тремя пушками.

Я устроил свой КП на одной фермочке рядом с перекрестком. Там нас постоянно обстреливали силы Советов, каждый час. Ночью в любой момент мы ждали появления большевистских танков на территории фермы. Мы никогда не спали более десяти минут кряду, не снимали обувь, с гранатами и автоматом на расстоянии вытянутой руки.

Три-четыре раза ночью и днем я бегал от этого дорожного узла до наших позиций в Камбье, в четырех километрах на юго-запад.

Русские кишели повсюду. Моя маленькая машина должна была двигаться с бешеной скоростью, в окружении пуль, свистевших, как комары.

Когда я был в Камбье, я беспокоился за наши пушки у перекрестка. Когда я был на перекрестке, я опасался возможной катастрофы в Камбье и с ужасом смотрел на дорогу, постоянно ожидая, что на нее хлынут остатки моей разбитой части, по пятам преследуемой таджиками и калмыками.

***

Позади нас зрелище было душераздирающим. Вся Эстония в панике бежала перед русскими, куда глаза глядят. Ни одного человеческого существа не оставалось в домах.

Эти люди узнали, что такое Советы, не те, что были в 1918 году, но те, что были в 1940-м, так сказать, усовершенствованные, цивилизованные, демократизированные. И они оставили после себя ужас.

Эта всеобщая паника воспитывала нас лучше, чем любые политические речи. И не только горожане-буржуа бежали, но и десятки тысяч поденщиков, разнорабочих, мелких крестьян и рабочих с лесопилок из сосновых лесов. Женщины в изнеможении тащили по дорогам свиней, двух-трех баранов. У бедных животных кровоточили ноги. Одна девушка толкала поросенка как тачку, взяз его за задние ноги. Все животные перемешивались, с криком, мычанием, хрюканьем и блеянием. Многие подыхали.

Стояла отвратительная жара. Пожилые женщины были на грани обморока. Внезапно налетали советские самолеты, ныряли на эти гражданские колонны и дико расстреливали их, среди ужасных криков женщин и детей, пронзительного ржания лошадей с распоротыми очередью животами.

Все бедное добро двадцати, пятидесяти семей валялось на земле: распоротые перины, съестные припасы. Несчастные обливались потом, женщины судорожно

прижимали младенцев, бежали со сбитыми ступнями в сторону дальних колоколен; старики, качая головами, поднимали брошенные тазы, силой тащили коров.

Куда они дойдут? Где их нагонят? Или где умрут они? До самого края страны теже толпы беженцев бурлили по дорогам, теже истребители расстреливали их…

Когда я был с докладом в пригороде Дерпта у генерала Вагнера, чтобы вернуться на свой КП, мне пришлось пробираться через эти обозы страданий, вид которых переворачивал сердце.

Впереди все пылало; большие квадратные фермы, с сотнями черно-белых коров, богатые, зажиточные деревни, красивые белые замки у голубых озер, крыши сараев, покрытые тонкой сосновой черепицей и даже беседки на кладбищах, ярусами спускавшихся по холмам, облагороженных кипарисами, покрашенными грубыми скамьями, откуда при жизни люди столько раз мирно смотрели на деревни, вспоминая своих умерших.

Страна умирала. Чудесные августовские ночи были измазаны факелами горевших деревень. Коровы, свиньи, куры, гуси, – все было брошено на пастбищах и фермах. Ни одной живой души. Советской оккупации каждый предпочитал дорогу, исход, обстрел.

***

Я получил третье боевое задание: взорвать железнодорожное полотно Плескау-Дерпт. Это было еще одно новое ремесло, которому надо было научиться. В помощь мне дали одного молодого смелого немецкого офицера и горстку решительных саперов. Они минировали дорогу на площади десять на десять метров и затем ждали моего приказа. И тогда взрывали двести метров или пять метров полотна.

Я мог пожертвовать рельсами только в самом крайнем случае. Командование в Дерпте сохранило надежду броситься однажды в контратаку, поэтому я должен был ждать последней секунды, иначе красные завладеют нетронутыми рельсами.

Эти взрывы один за другим, особенно ночью, были впечатляющими. За несколько дней я взорвал мосты, железнодорожные переезды, рельсы в пересечении путей и перекрестки рельс, так что до последних моих дней у меня от этого гудит голова.

Но надо было выиграть время. Постоянная короткая фраза на том конце телефона: «Выиграть время». Выиграть время, жертвуя всем, увы, и человеческими жизнями без счета.

В десяти километрах позади нас население Дерпта заканчивало строительство большого оборонного пояса, уже почти готового. Но мне стало не по себе, когда, проходя по этому рубежу, я видел орды защитников, толкаемых в эти черные траншеи: батальоны лесничих, полицейских, самых невероятных гражданских лиц, мобилизованных посредством желтой повязки и старой французской винтовки времен Наполеона III.

Мы испытывали огромный натиск русских войск. Когда же нам на помощь прибудут серьезные военные части, настоящие дивизии?

***

Советские танки боялись наших пушек. Наши орудия стреляли точно, перекресток держался упорно.

Я больше находился в Камбье, так как нашим людям там приходилось нелегко. Мы занимали высоты на северном выходе из деревни. Там мы испытывали сильнейшие удары «Катюш», но наши бойцы не позволяли сломить себя. Их пулеметы располагались на выгодных позициях. Наши минометы, замаскированные в копнах, тоже делали солидную работу.

Дух солдат был на высоте. Я награждал самых достойных раненых прямо на земле, куда они падали, задетые разрывными пулями, причинявшими страшные раны, не мешавшие им при этом шутить и затягиваться сигаретой, которую друзья вставляли им в рот, окаймленный розовой кровью.

Эти парни были непобедимы. Повсюду, где их ставили, русский останавливался. Я был поражен, взволнован их простой и улыбчивой веселостью, бравурной, потому что их слова были такими смешными, так это было скромно, чтобы посмеяться над самими собой в момент проявления высокого героизма. Надо было остановить русских. Они их остановили. 21 августа противник не продвинулся вперед. 22 августа – тоже самое. 22 августа в полдень, когда наших солдат сменили, русские не смогли продвинуться более, чем на десять километров к северу от Камбьи. Им даже пришлось оставить деревню, которую расстреливали наши минометы и немецкая артиллерия, переданная под мое командование.

***

Сто пятьдесят новобранцев, оставленных нами для обучения близ Тойлы, прибыли на базу. Я получил приказ усилить ими мою часть. Мы встретились в населенном пункте Мария-Магдалина.

Теоретически неделя должна была быть посвящена перегруппировке и формированию части. Но едва мы оставили центральный сектор, как правый фланг немцев на западе был атакован. Русские прорвались и отрезали дорогу Рига-Дерпт. Наша батарея не успела даже сняться с позиций в сторону Марии-Магдалины.

Мне уже приказывали послать ее в критическое место. В тот же вечер наши пушки встали на позиции на входе в населенный пункт со странным названием Нью.

После ужина я отправился на КП к генералу Вагнеру. У него были ужасно воспаленные глаза. Он беспрерывно бросал свою легкую артиллерию на второстепенные направления, занятые наступающим противником. У него, можно сказать, не было подходящей пехоты, но он был завален тысячами эстонцев всякого сорта, посылаемых ему скопом, ошалелых, в шляпах с перьями или расширяющимися кверху, вооруженных охотничьими ружьями или берданками-самострелами, с сильным желанием удрать.

– Большое говно! Большое говно! – неустанно кричал генерал.

– Большое говно! – убежденно твердил начальник штаба.

– Большое говно! – тоже утвердительно повторял ординарец, приносивший нам бутерброды.

У меня складывалось впечатление, что мои спутники надолго не задержаться в Марии-Магдалине.

Той же ночью я хотел отправиться по дороге на Ригу, чтобы посмотреть в Ныо мою артиллерийскую прислугу. Но по случаю того, что меня упомянули в сводке, генерал Вагнер только что получил телеграмму от Гиммлера, предупредившего его, что тот отвечает за мою жизнь. Он воспользовался этим приказом, чтобы формально запретить мне ночной рейд, который я собирался совершить. Я сделал вид, что подчинился. Но то, что действовало для ночи, не означало быть обязательным для дня.

Политика научила меня искусству тонкостей, и не просто так я был племянником и внучатым племянником шести Отцов-иезуитов. Поэтому я послушно вернулся в Марию-Магдалину. В пять часов утра я закончил диктовать распоряжения по немедленной реорганизации батальона. В шесть часов, свежевыбритый, я снова пересек Дерпт в южном направлении.

Вообще-то, мне следовало пройти к генералу Вагнеру, чтобы узнать, не изменилось ли положение в течение дня, но, уверенный, что в этом случае я снова стану объектом нового запрета, не рискнул на этот визит и бросил свою машину на дорогу в направлении Риги.

Но новости были. На рассвете русские заняли Ныо. Они прошли даже дальше. Я рисковал как раз наткнуться на них, ничего не зная об этом.

Лемнасте

До смерти буду я вспоминать утро 23 августа 1944 года. Сразу выехав за Дерпт, я был поражен при виде большого количества автомашин, ломившихся к городу. К машинам со всех сторон прицепились солдаты. Затем я увидел отдельных потерявшихся солдат, бежавших сломя голову. Свистели пули. Одна из них попала мне прямо в лобовое стекло на уровне плеча.

Я выпрыгнул из машины с автоматом в руке и встал поперек дороги. На шее у меня была лента Риттеркройц, это всегда производило должный эффект. В добавление к этому мой автомат, – и первая машина остановилась.

– Русские там! Русские там!

– Где там? – спросил я.

– Метров в пятистах, они везде!

В пятистах метрах! Я мгновенно понял и увидел катастрофу. Большевики не только взяли Ныо в пятнадцати километрах к юго-западу от Дерпта, но быстрым маршем прибывали в сам город Дерпт. Наш знаменитый оборонный пояс был разорван и обойден. Каким образом? Я ничего не знал, и у меня не было времени узнавать это.

Я видел лишь одно: то, что Дерпт был наполнен сотнями отступавших грузовиков, что ничего не было эвакуировано по той простой причине, что ночью боев не было еще даже в десяти километрах от пригородов. Через полчаса мужики должны были войти в Дерпт, захватить все, неожиданно форсировать Эмбах и тогда весь сектор взлетает на воздух!

Я приказал слезть всем солдатам из первого и двух других грузовиков. К счастью, один унтер-офицер прекрасно понимал французский. Через него я перевел мой приказ:

– Мы немедленно контратакуем. Железные Кресты будут сегодня же вечером для наиболее храбрых. Русские не ждут сейчас такой реакции. Это удобный

момент, чтобы опрокинуть их. Вы сейчас это увидите. Все зависит от смелости. Вперед, товарищи!

Увлекая против течения эти шесть десятков солдат, пять минут назад еще отступавших, я побежал туда, где большевики продвигались вдоль южного склона. По моей старой привычке я нес на себе двенадцать запасных магазинов, шесть на поясе и шесть за сапогами, таким образом, около четырехсот патронов. Получилась неплохая пальба. Через четверть часа советские солдаты, сильные, пока не встречали препятствие, рассыпались перед нашим порывом. Мы прорвались к оборонному рубежу, где утром тысячи гражданских с повязками и перьями не смогли ни секунды сопротивляться.

Мы стремительно бросились на русских, бежавших по ходам сообщения, мы опять заняли весь западный сектор плацдарма у Дерпта.

Но какое было положение! В траншее длинной в полкилометра, которая в принципе должна была здорово сдерживать натиск врага, атакующего со стороны дороги на Ригу, я волей случая очутился командиром импровизированной обороны, командуя разрозненными отрядами немцев и эстонцев, подобранных в кутерьме паники!

Я мгновенно вычислил и проинструктировал нескольких наиболее смышленых и бросил их на преследование русских через соседние кустарники и пастбища.

На месте я нашел одну приличную русскую пушку, прекрасно оборудованную немецкими конструкторами на линии отступления в пяти метрах справа от дороги. Она прекрасно закрывала выход. К несчастью – ничто несовершенно под луной – не было ни одного снаряда. Только один успокаивающий вид этой пушки, и все.

Вдали я заметил две пушки, затерявшиеся в долине. Я бросил к ним свою разведку с приказом прибыть немедленно. Когда разведчики подбежали, пушкари удирали, так как все удирали. Я поставил их на батарею. В их распоряжении было сто двадцать пять выстрелов. Это было чудесно.

Но то, что произошло, было не так чудесно. Ночью русские просочились между Ныо и Дерптом, затем, атаковав с севера, они опять окружили Ныо, сея панику среди обозного скопления. Шоферы спокойно спали, думая, что передовая линия защищает их. Сюрприз был катастрофическим.

Беглецы подбегали к нам через болота и сосняки, убежав даже из самого Ныо. Никакого сомнения не оставалось – замок был взломан. Но было трудно определить размеры этой катастрофы.

Линия, которую мы только что заняли, ныряла в котловину, на ее дне было подобие речки. Во время советского прорыва никто не подумал взорвать мост, теперь было слишком поздно. Несколько фермочек, плетней и окрестных рощиц были заняты противником. Отбить долину врукопашную с моей маленькой разношерстной группой было нереально. Я бы бросил на смерть три четверти моих людей, чтобы часом позже потерять всю линию.

Дорога перерезала округу надвое. Она спускалась, делая широкий изгиб, пересекая речку по белой арке нетронутого моста, поднималась по холмам за домами, пересекала поля и напротив нас входила в лес.

Русские заняли оборону вблизи воды. Я по прежнему надеялся, что из леса на юго-западе выйдут отступавшие с Ныо. Вместе мы могли бы смять противника в

долине. Но уцелевшие солдаты говорили нам, что отступление частей из Нью было невозможным, что враг был повсюду.

Надо было немедленно предупредить генерала Вагнера. Был ли он в курсе? Во всяком случае, из Дерпта ничего не приходило. Один солдат обнаружил телефонный кабель. У артиллеристов было все, чтобы подключиться. Я дозвонился до комендатуры, затем до генерала, который был абсолютно изумлен от того, что происходило и что я находился там. Я знал, как и он, что судьба Дерпта решалась на моем холме, ему не надо было много объяснять мне. Я пообещал ему, что пока буду жив, русские не пройдут.

Но русские танки могли меня смести с минуты на минуту. Нужны были люди и бронетехника, и много!

– Держитесь! Держитесь! – орал в телефон генерал Вагнер, постоянно сыпля потоком ругательств типа «Говно!»

Без промедления я осмотрел свои силы. В конечном счете, в моем распоряжении из всего того, что я выловил из убегавших, была добрая сотня людей. Я разделил их на два взвода и оседлал ими дорогу. Левым крылом командовал один молодой офицер-снабженец, закрученный суматохой, когда он беззаботно шел утром раздавать свои сотни буханок хлеба в Нью. На фронте он никогда ни разу не стрелял. Немецкий адъютант командовал правым крылом.

Я послал два патруля довольно далеко на восток и запад, чтобы они залезли в терновник и орешник и защищали наши фланги.

Я разгрузил отступавшие грузовики, взял с них пулеметы и боеприпасы. Мои солдаты приободрились. Я ходил от одного к другому, поддерживая их на полу-немецком и полу-французском языке. Большинство из них видели мое фото в газетах и привыкли к мысли, что дело принимает оригинальный оборот.

Русские крепко обстреливали нас. Чтобы никто из моих парней не терял голову, я встал на бруствер траншеи. Не велика была моя заслуга – бывают дни, когда точно знаешь, что не погибнешь. Это был мой случай. Можно было стрелять в меня сколько влезет, все равно промажешь, в этом не было и тени сомнения.

Я заметил одного высшего эстонского офицера. Я хотел использовать его для того, чтобы командовать его соотечественниками, разбросанными среди моих. Но он был охвачен паническим страхом. Слыша беспрерывный свист пуль, он позеленел и лег на живот возле моих сапог, прямой, как доска: одна пуля, вместо того, чтобы задеть меня в ногу, попала ему прямо в лицо, пересекла тело из конца в конец и вышла между его двух ягодиц.

Он изогнулся как червяк, сплюнул, крикнул, выделил экскременты. Было слишком поздно. Переваривание пули произошло слишком быстро, через десять минут он был мертв.

***

Русские укреплялись и налегали все больше и больше. Они подтягивались из березняков на юго-востоке, группами по шесть-семь-восемь человек, просачивались вдоль реки.

Я запретил стрелять как попало. Мы должны были сохранить боезапас для рукопашных, неизбежность которых была несомненной.

Вдруг, в одиннадцать часов утра, я увидел, как что-то появилось из леса на юге. Танк! Я хотел поверить, что он немецкий, вырвался из Ныо. За ним шел другой танк. Еще один. Вскоре их стало восемь. Русские? Немцы? На расстоянии мы не могли определить, кто.

Мы затаили дыхание. Танки спускались по склону. Мы теперь знали как определить: если русская пехота, сконцентрированная в кювете, будет стрелять по ним, значит это немцы.

Танки достигли первого дома за рекой. Ни один выстрел не был сделан. Это были советские танки!

Ах, какая дуэль! У меня было всего две несчастных пушки. Я дал танкам подойти. Они, видимо, были уверены в себе. Только тогда, когда вся цепочка под ярким солнцем на дороге подошла мне под нос и когда первый танк оказался в нескольких метрах от моста, я открыл по колонне огонь из двух пушек.

Головной танк был сразу блокирован прямым попаданием; другие, покрытые десятками облачков разрывов снарядов, устремились по другую сторону фермочек. Один из них превосходно перевернулся, уткнув ствол орудия в грязь. Я прекратил навесной огонь только тогда, когда стало ясно, что враг, потеряв ориентир, искал убежища, и только. Даже тогда я послал последнюю порцию снарядов по домам, чтобы показать, что у нас было предостаточно снарядов, хоть перепродавай.

На самом деле, из ста двадцати снарядов у меня всего оставалось ровно двадцать. Я показал себя богачом, я был щедр. Но если вскоре не придет солидная помощь, то, по всей очевидности, мы пропали.

***

Конечно, я получал подкрепления. В Дерпте, где известие о событиях возымело эффект виктории номер один, штаб спешно собирал все, что могло носить униформу и бросал на рижскую дорогу в моем направлении. Я унаследовал апокалипсическую коллекцию хворых старичков-майоров, капитанов-каптенариусов, смотрителей казармы, конвоиров, тюремщиков, – как говорится, получил рис-хлеб-соль. Униформа трещала у них на животах и спинах, они потели со своим снаряжением, были в изнеможении, если проходили пешком восемь километров.

Вокруг них двигалась толкотня очкастых писарей и дорожных регулировщиков. Впрочем, все они были довольно смелые и вели себя достойно, просили только дать выполнить им свой долг.

Но, не смотря на это, я не знал как эти специалисты письменных столов смогут остановить шесть танков, рычащих впереди, напротив нас. Я немного прикрыл фланги этими новобранцами. Я посылал их занять самые отдаленные линии, чтобы избежать окружения пехотой Советов.

Я дергал генерала Вагнера по телефону:

– Танков и «Юнкерсов», ради Бога!

– Делаем все, чтобы помочь вам. Но нужно время! Держитесь! Держитесь! – с криком отвечал он мне.

Конечно, мы продержимся! Когда улетят последние двенадцать снарядов, что тогда будет?

Была половина первого. Вот уже пять часов стоял я на бруствере, ходил вдоль и поперек, подбадривая добрым словом моих немцев и эстонцев. Я вглядывался в направлении нескольких ферм в долине. Красные, наверное, успели уже заметить за час, что мы были не так уж сильны.

Один советский танк вышел из-за первой фермы, нагруженный двумя десятками пехотинцев. Пять других танков двинулись следом. Я успел еще крикнуть в телефон генералу Вагнеру:

– Они здесь!

На полной скорости они прошли мост, взобрались по склону. В тридцати метрах от нас пехота спрыгнула на землю. Это была финальная атака!

Ничего больше не оставалось, как расстрелять наш оставшийся боезапас и погибнуть. В момент, когда рвались мои последние снаряды, небо сотряс мощный рокот: появились «Юнкерсы»! Сорок, сорок пикирующих бомбардировщиков с воем неслись к земле. Все взлетало на воздух! Даже нас отбросило в разные стороны, так как танки неприятеля были рядом, а «Юнкерсы» лупили по куче, как демоны! Три русских танка горели, другие развернулись и ретировались к лесу. Те из наших пулеметов, что уцелели в этой буре, косили отступавшую советскую пехоту. Мы кричали как бешеные! Мы выиграли бой!

***

В свою очередь подтянулись и огромные немецкие танки. К вечеру цвет штабного командования в полном составе был на передовой. Один немецкий полковник подошел поднять меня. Я влез в свою машину, так как был вызван на КП генерала Вагнера. Днем действительно было жарковато. До самых верхних командных эшелонов генералы следили, затаив дыхание, за нашей дуэлью, от которой зависела судьба Дерпта, Эмбаха и косвенно, рикошетом – Эстонии.

В полночь телеграмма из Главного Штаба сообщила мне, что фюрер наградил меня «Дубовыми листьями».

Вот так закончилась маленькая прогулка в Лемнасте, на большой дороге из Эстонии в Латвию, 23 августа 1944 года.

Эмбах

Что же стало с нашими двумя пушками и взводом валлонцев в заварухе под Нью? Мы считали эти пушки и наших ребят потерянными. Один единственный, кто уцелел, добрался до нас у плотины в Лемнасте. Он уцелел после страшной рукопашной.

Однако наши люди не позволили взять себя легко. У них были хорошие пулеметы и они отчаянно воспользовались пушками, стреляя прямой наводкой, в упор. Лейтенант Жиллис, командовавший ими, сообщил мне на рассвете 24-го, что его люди и пушки пробили окружение Советов и находились на позициях перед рекой Эмбах на западе от Дерпта.

Они гордились своим подвигом, и только и ждали случая, чтобы повторить его. Они быстро получили такую возможность. В четыре часа дня десять советских танков самого большого тоннажа двинулись в их направлении. Эти танки были очень тяжело уязвимыми. Жиллис, старый лис на русском фронте,

подпустил их до двадцати метров. Его пушки были хорошо замаскированы. Русские уже считали себя хозяевами переправы через Эмбах. Когда они были прямо нос к носу, дуло в дуло, три наших орудия открыли огонь. Это был яростный бой. Русские танки разнесли своей стрельбой наши боевые группы, одна из наших пушек была уничтожена. Затем, вместе с разорванными трупами наших людей, взлетела на воздух вторая. Лейтенант Жиллис получил сильнейший ожог, но он еще продолжал реветь своим голосом боевые приказы. Уцелевшие солдаты, вцепившись в последнюю пушку, яростно отстреливались, полные решимости дорого продать свои жизни.

Танки не любят затягивающиеся дуэли с орудиями. Два из них загорелись. Это была большая потеря для врага. Другие танки вышли из боя и отошли западнее. У нас оставалась только одна пушка. Большинство прислуги лежало на земле убитыми или ранеными. Но честь была невредима, советские танки не победили нас!

Когда через несколько месяцев Жиллис вернулся из госпиталя, с большими черными очками на глазах, на шее у него был шарф Риттеркройца, которым его наградил Гитлер за подвиги.

***

До тридцати километров к северу от Дерпта жизнь стала как в аду. Советская авиация, когда-то не существовавшая, была теперь хозяйкой в небе. Она широко использовала американские самолеты. Эти эскадрильи, как рои ос, бороздили небо, зло прицепляясь к каждой дороге. Повсюду горели пожары: грузовики с горючим и боеприпасами, несчастные конные повозки крестьян среди лошадей, раздутых, как бурдюки.

Самая маленькая деревушка подвергалась атаке по десять раз в день: даже в нашем скромном поселке, Марии-Магдалине, в стороне от больших дорог, мы жили больше лежа на земле, чем стоя. Самолеты ловко бороздили вокруг колокольни, пикировали, если солнце слепило нас, осыпали градом зажигательных бомб, затем выпрямлялись в вертикаль, шустрые, как ласточки, под чудесным летним солнцем. В двадцати километрах по кругу знали, где находятся деревни, стоило только увидеть огромные серо-черные столбы, вертикально поднимавшиеся в голубое небо.

Передвижение было практически невозможным, настолько дергала авиация. Приходилось преодолевать целые полосы огня. Сотни снарядов простреливали дорогу вокруг красноватых продырявленных грузовиков.

Я с трудом добрался до КП генерала Вагнера, срочно меня вызвавшего. Его грузовики, приписанные к КП, были замаскированы в ельнике за Дерптом.

Он довел до меня сведения о том, что положение становилось все хуже, так как:

– Говно! Говно! – сыпалось, как груда тарелок.

Меня быстро ввели в курс дела. Атака советских танков, остановленная днем геройским сопротивлением нашей батареи, возобновилась на четыре километра западнее. Там находился важный мост через Эмбах. Этот мост охраняли более тысячи эстонцев. Появились две колонны танков. Тысяча людей удрала, даже не разрушив мост. Короче, вражеские танки перешли реку. В семь часов вечера они

уже занимали перекресток в пятистах метрах к северу от Эмбаха. За ними шли два батальона советской пехоты, и теперь наступали вместе с ними по флангам.

Я получил приказ нейтрализовать катастрофу. Я был должен при поддержке немецких танков добраться ночью до перекрестка, бросить людей в атаку на мост и взорвать его.

– Надо взорвать мост, вы слышите! Надо взорвать мост!

– Говно! Говно! Говно! – повторял, как мантру, наш генерал Вагнер, с налитыми, как никогда, кровью глазами.

Все это, конечно, было очень красиво. Но я должен был вернуться в Марию-Магдалину, поднять по тревоге батальон, находившийся первый день в новом составе, погрузить его на грузовики, которые обещали мне подать к десяти часам вечера. Только после этого мы отправимся колонной к западу. Едва ли мы подойдем к неприятелю до полуночи или к часу ночи. Где тогда будут большевики?

Задолго до сумерок два батальона и пятнадцать танков дошли до главного перекрестка за пятьсот метров за Эмбахом: это абсолютно все, что было известно.

Но топографическая карта легко позволяла просчитать продолжение. Одна дорога проходила от захваченного перекрестка почти параллельно реке, затем она углублялась в еловый лес. Этот лес простирался приблизительно на десять километров. Дорога проходила через многие населенные пункты. С семи вечера до полуночи враг, конечно, попытается улучшить, укрепить положение, захватывая как можно больше территории этих лесов и жилых селений, которые в крайнем случае послужат ему оборонительной линией. Для него главным было захватить как можно раньше эту зону безопасности, чтобы в течение ночи обеспечить массовую переброску людей и тяжелой техники.

Я осмелился задать вопрос и Вагнеру, но снова получил в качестве ответа: «Говно!» Растерянность, неопределенность, была полная.
Там, в больших ельниках, красные не должны будут терять время.

***

В девять часов вечера наш батальон был в сборе. Многие были новобранцы, но с большим желанием в сердце броситься в драку. Бывалые передавали святой огонь новичкам. Дух в тот вечер был поистине наэлектризован!

У меня была своеобразная манера начинать бой; она ошеломляла бравых немцев, сопровождающих нас для радиосвязи и посыльной связи: сначала я держал речь!

Наши люди собрались в поле. День умирал, но повсюду в небе вставали розовые гладиолусы горящих деревень. С высоты насыпи я призывал своих товарищей быть достойными нашего старого Легиона «Валлония».

Мои ребята кричали о своей воле победить. Лишний раз мы бросимся врукопашную. Но на этот раз глубокой ночью, через местность, о которой мы ничего не знали, в полной темноте.

Колонна грузовиков тронулась, и мы сразу увидели, что все будет непросто.

Нойэла

Ночная атака никогда не может быть легким делом. Пока наши грузовики двигались к западу, в направлении деревни Нойэла, я пытался обдумать план боя. Я абсолютно не знал, что произошло с конца дня. Где располагался враг? Полная тайна!

От моих размышлений меня оторвали советские самолеты. Они выбросили вдоль дороги сноп светящихся парашютов. Дорога, утыканная грузовиками, осветилась как днем. У нас было десять секунд, чтобы упасть ничком на землю: сотни бомб обрушились на нас, ранили людей, били по машинам. Наше передвижение засекли, это было ясно.

По всей округе мы видели такие же раскачивающиеся в небе парашюты. От разрывов содрогалась земля, горели деревни, вырисовывая на догорающем красно-золотом фоне стропила и распорки крыш.

В одиннадцать часов вечера мы встретили на одной развилке полдюжины немецких танков, которые должны были поддерживать нашу атаку. Но и здесь тоже ко мне подбежал запыхавшийся офицер связи, посланный мной на разведку местности. Он налетел на русских. Они уже продвинулись больше, чем на десять километров за мост через Эмбах. Они уже пересекли большой еловый лес и заняли три деревни вдоль дороги! Их танки шли прямо ночью, их было много. Они внезапно возникли близ деревни Нойэла, как раз точно перед нами. Только присутствие духа прислуги батареи противотанковых пушек, которые сразу же навели стволы на танки, сдерживало еще этот напор на выходе из населенного пункта.

В моем распоряжении был грузовик с очень совершенной радиосвязью. Я передал эти важные сведения в штаб боевой группы. Чуть позднее я получил неизбежный ответ:

– Атакуйте!

Мои четыре роты по шестьдесят человек каждая построились на входе в деревню. Я изложил офицерам ближайшие задачи. Сначала надо было отбить Нойэлу, затем занять дорогу, ведущую в другую деревню. Но эта дорога входила прямо в лес. Офицеры должны были дать пример и встать во главе своих солдат. Действовать надо было быстро. Мы начали атаку.

***

Было час ночи. Крепко поддерживаемые шестью танками, наши люди опрокинули первые части врага. По обыкновению быстро наши роты ворвались в Нойэлу, гранатами отвоевывая дома, захватывая много пленных. Эти пленные были пацаны с головами садовых сонь, в основном лет шестнадцати, худосочные как сушки, изнуренные маршами и недосыпанием. Они пришли пешим маршем от Плескау, преодолев за четыре дня двести километров, подгоняемые прикладами офицеров, как только замедляли ход. Но у них был хитрый вид – большинство были одеты в немецкие пестрые масхалаты. Они надели их тайно, чтобы привести в замешательство немецких солдат. Но этот обман был очевиден. Но ведь это были мальчишки, они были очень испуганны. Они сбивались в стайки, как щенки.

Наши танки яростно лупили по танкам неприятеля, многие из которых горели. Другие уползали на полной скорости. Надо было использовать это замешательство. Я дал приказ перейти ко второму этапу атаки: броситься на дорогу, в лес.

Русская пехота крепко держала край леса. Стояла кромешная темень, не было видно пулеметов, бивших со всех сторон.

Наши солдаты с криками бросились на противника. Один из моих лейтенантов, командир взвода, которого я отчитал накануне, ответил мне: «Я исправлюсь». Это был великан с лицом кирпичного цвета, голубыми глазами и льняными волосами. Он рванулся, как болид, прошел через все, что было на пути и в темноте, победитель, бросился на советский пулемет. Он был продырявлен как дуршлаг, ранен в руку, грудь и ноги. Он сдержал свое слово и пробил брешь, в которую устремились его люди. Я на ощупь прикрепил Железный Крест на его залитую кровью гимнастерку.

Русские бежали. Наши люди продвигались по обе стороны дороги бегом. Наши танки, уверенные в своих флангах, глубоко очистили дорогу. В три часа ночи второй населенный пункт был занят, его защитники рассеяны.

Мы отбили две деревни из трех, отвоевали у Советов половину территории. Еще пять километров усилия, еще взять автоматом и гранатой одну деревню, и мы могли бы перед мостом дать решающий бой.

Это было реально, при условии, если немедленно развить успех. Но для этого мне необходимо было по меньшей мере пятьсот человек. За два часа я потерял восемьдесят человек, и у меня оставалось не больше ста пятидесяти. Также мне нужно было двадцать танков. У меня их было шесть в начале. Один из них был подбит в заварухе под Нойэлой, а мы подходили к самым серьезным преградам.

***

Этот ночной бой был успешным только потому, что неприятель, измученный, на исходе длительного напряжения, был выбит мощным броском. Хотя нас было совсем немного, мы достигли поставленной цели. На самом деле, нашей целью не было уничтожить все скопление неприятеля, но прорваться сквозь его порядки к мосту, хоть с двадцатью, десятком оставшихся в живых. Каждый из наших взводов в тот момент должен был сам попытать счастья, какой бы ни была участь остальных. Я дал им заряды, необходимые для взрыва. Мы прекрасно поняли, что для этой задачи нас приносили в жертву. Мы были готовы. Среди нас было в десять раз больше добровольцев, чем требовалось для завершающего удара.

Порыв атаки, темнота, эффект неожиданности, паника в рядах противника, только это все и могло помочь нам довести дело до конца. К несчастью, на выходе из деревни мы были на время зажаты. Там стояло много советских противотанковых пушек, обстреливавших нас. Пришлось вступить в отчаянные рукопашные бои на подходе к ельнику с его массой ловушек. Половина наших офицеров были убиты, остальные снова увлекли солдат за собой. В течение получаса длилась драматическая бойня.

Русские танки виднелись повсюду. Был подбит второй немецкий танк. Немецкое командование стало очень скупым на свою боевую технику. Офицеры-танкисты имели приказ проявлять осторожность. Однако, чтобы победить здесь, надо было рисковать и, несомненно, пожертвовать этими четырьмя оставшимися танками: тогда, вполне вероятно, нескольким из наших людей удалось бы пробиться к мосту и взорвать его.

Мы с изумлением смотрели на четыре отступавших немецких танка. Повсюду на земле лежали наши убитые, раненые тащились без единого стона. Красные, видя отход наших танков, перегруппировались, пришли в себя. После солдат-детей, что были до этого, нам предстояло иметь дело с батальоном штрафников – курносых гигантов с бритыми черепами. Тем не менее, эти мужики не сломили наших парней, упорных и упертых как мулы.

Но вышли советские танки и разорвали воздух ужасной пальбой. И снова они вошли в количестве пятнадцати штук в горящую деревню. Немецкие танки не ответили, они остановились на выходе из деревни. Они спешили к Нойэле, стараясь выйти как можно раньше из этой длинной и гибельной траншеи, которой была эта дорога, прорубленная в ельнике. Уже в предрассветных сполохах начинали белеть противопожарные полосы. Наши солдаты, далеко обойденные советскими танками, с большим трудом добрались через три километра сосняка до деревни, откуда начиналась наша атака. Четыре немецких танка пыхтели там, делая все возможное для того, чтобы сдержать напор красных танков. Я установил перед ними импровизированный заслон.

Наша атака провалилась. У меня оставалось только сто десять человек. Наши четыре немецких танка составляли нашу единственную тяжелую силу. Пленные из разных неприятельских батальонов, допрошенные мной, подтвердили, что более тридцати советских танков за ночь пересекли реку Эмбах. Десятка полтора из них, как будто играя в бильярд, один за другим взрывали дома, возле которых мы отбивались.

Тридцать два

День 25 августа 1944 года был самым драматичным за всю битву за Дерпт.

Было еще только полпятого утра. Несмотря на нашу ночную контратаку, солдаты и техника Советов взяли верх. Теперь они наносили мощные удары за десять километров к северу от Эмбаха. Однако Дерпт находился на южном берегу реки. Все обещало необычные развороты событий.

Как мы будем сопротивляться с сотней солдат на наших импровизированных позициях у Нойэлы? Даже если мы сможем сопротивляться, не попадем ли в окружение? И другие дороги выходили из леса, далеко справа от нас…

Я послал радиограмму генералу Вагнеру о нашем критическом положении. Никакого ответа не было. Да и понятно: русские только что форсировали Эмбах, на этот раз на восточном участке! В девять утра Дерпт в центре всей диспозиции был одним махом взят Советами. Не мешкая, русские устремились на другую сторону реки.

Мы сами были в такой перепалке, что не могли думать об остальной части фронта. Мой КП подрывался дважды за два часа. Я выжил, получив по каске несколько деревянных брусков и кусков строительного мусора. Но мой радиопередатчик был разбит, моя машина тоже была с четырьмя пробитыми осколками колесами.

Я обосновался в своем лагере, откуда мог командовать остатками своих людей только с помощью связных, что как белки сновали между деревьями. Я видел, как один за другим проходили мои несчастные парни – раненые, изувеченные, измазанные кровью и, тем не менее, с улыбкой. Позади нас

проходила дорога от Дерпта до Ревеля: они добирались до нее, взбирались на грузовики и исчезали в серой пыли.

***

Каждая рота ощетинилась ежом, стараясь преградить наступление Советов, работавших как волы, перетаскивая вручную через сосняк свои маленькие противотанковые пушки, устанавливая их за нашей спиной.

Главное для нас было блокировать основные пути. Армия не может тащить тяжелую технику через сосняк и овраги. Только два советских танка смогли пройти. Они возникли у нас на левом фланге, как два слона, метрах в двадцати. Мы позволили им ползать, довольствуясь тем, что изолировали их. Они было отрезали дорогу на Дерпт и в конечном счете были подбиты, как и следовало ожидать.

Настал полдень. Мы по-прежнему отбивались вдоль высот, контролирующих выход из Нойэлы, примыкавший к дороге Дерпт-Ревель.

Связной передал мне приказ срочно явиться на КП к генералу Вагнеру. Зрелище того, что я увидел в километре за нашими позициями, было апокалипсическим. На сколько хватало взора, повсюду царила самая страшная паника. Все то, что Эстония считала солдатами из коренного населения, бежало по песчаным дорогам. Тысячи людей, сняв башмаки, тащились и неслись посреди невообразимого караван-сарая. Тысячи крестьянских повозок вперемешку с грузовиками. Повсюду дорога горела. Женщины плакали, избивая палками изможденных коров, не могущих идти. Кюветы были завалены бочками, тюками, цинковыми тазами, дохлыми баранами, жбанами, птичьими клетками. Через эту кутерьму гражданские люди, эстонские солдаты, весь человеческий поток валил к Ревелю в полном смятении и с мрачным шумом.

Армейские генералы, похожие на молодых ротных командиров, старались кое-как собрать последние остатки немецких подразделений, чтобы организовать отпор неприятелю.

У генерала Вагнера меня ожидал новый холодный душ. В дополнение к обороне Нойэлы я должен был немедленно организовать на плато у Дерпта заслон Пярну-Ломби-Кеерду. Существовала опасность соединения сил русских, шедших с запада и с востока. Все, что было на складе, было вывезено на это плато в тот же вечер.

У меня не оставалось больше никого, кроме легко раненых и штабного персонала. Я побежал в сторону Марии-Магдалины, вдоль прекрасных голубых озер, искрившихся всеми летними бликами, равнодушных к разгрому на соседних дорогах. Я хотел взять только добровольцев. Я сразу увидел, как вышли вперед наши старые ребята из вспомогательных тыловых служб. На что мне в настоящий момент могла сгодиться эта административно-хозяйственная часть? Бухгалтеры закрыли свои регистры. Легионеры в возрасте более шестидесяти лет, которые с 1941 года резали на кружки колбасу и считали буханки хлеба, бросили свои топоры и счетные листы, чтобы взять оружие.

Бесполезно было плакаться. Все наши раненые, у которых были целы ноги, выстроились перед полковым священником. Из двух офицеров, бывших в моем подчинении, у одного была перебита рука, другой был ранен осколком гранаты в

грудь. Но оба встали в первый ряд этой маленькой геройской группы. Всего их было шестьдесят.

Я повел их. Через два часа они вышли к непосредственной близости от Советов, спешно окопались, замаскировались за скирдами. Наступала ночь. Они были готовы.

***

На высотах у Нойэлы днем все предвещало скорый тотальный разгром. Отправив в Ломби наших раненых, каптенариусов и бухгалтеров, я быстро побежал к холму, где у нас так жарко было до обеда, утром. Мои пехотинцы продолжали держаться.

Наступила тишина. Наш заслон остался непоколебим. Между тем, командир смог подтянуть свежие силы к нашим двум флангам. Из Ревеля на грузовиках подвозили всех способных воевать немцев.

К ночи, бесспорно, ситуация улучшилась. Видимо, русские сами были измотаны. Конечно, для нас и речи не могло быть, чтобы еще раз попытаться прорваться к пресловутому мосту через Эмбах, но катастрофа была предотвращена. Бои дорого обошлись всем: русским, побитым во всех местах, немцам и нашим солдатам, сдержавшим врага, только позволив исколошматить себя в течение двадцати часов.

***

Все, что осталось от четырех моих рот, под Нойэлой восемь дней и восемь ночей цеплялось за эту высоту. Это были всего тридцать два человека, тридцать два человека из двухсот шестидесяти, которых утром 25 августа я повел в атаку через предательскую ночь…

Невозможно было найти днем их пулеметные и стрелковые позиции. У них были землистого цвета лица, поросшие жесткой, как иглы, щетиной. Они зарылись в гнезда, населенные ужасными ночными птицами.

Главнокомандующий армейским корпусом, восхищенный их подвигами, наградил всех их скопом Железными Крестами – жест, почти уникальный на фронте.

Я принес награды в дождливую ночь, проползая вдоль склона. Я пролез в каждый окоп: солдаты не спали, дрожа от прохлады на мокрой соломе. Русские были в десяти метрах. Я вешал ленту и Крест. Я целовал их в небритые щеки. Они шептали мне на ухо, что будут держаться столько, сколько потребуется, что я могу быть спокоен, что русские не пройдут.

В десяти километрах от этого места другая рота из раненых, старых поваров, буфетчиков, бухгалтеров, сжатая до размеров одного взвода, была с такой же верой и с такими же сияющими глазами людей, победивших других, но главное, победивших самих себя…

Роммель и Монтгомери

В конце яростной битвы обычно тот, кто победит и тот, кто будет побежден, оба готовы свалиться с ног. Выигрывает тот, кто сильнее сжимает зубы, кто напрягает нервы в последнем усилии.

Так было на плато под Дерптом в последние дни августа 1944-го. Большевики заняли город, они форсировали Эмбах, они заняли на севере от реки площадь глубиной в десяток километров. Но это не было целью их операции. Их целью, как говорилось в пропагандистской листовке, броситься на Ревель, обойти фронт под Нарвой, опрокинуть немецкие армии в море или принудить их к капитуляции. В течение дня 25 августа 1944 года все было возможно.

Эстонские части отступили, рассыпались в незабываемом бегстве. Советских танков было много. Тысячи советских солдат взбирались по склонам холмов, прорывались к железнодорожным узлам. Русские были в большом выигрыше.

Однако, на самом деле, они проиграли, так как были блокированы. Они имели дело с немецким командованием, как всегда несравнимым, как всегда в абсолютном самообладании, без непродуманных шагов, без минуты расслабления, несмотря на малое количество имевшихся средств.

В штабе генерала Вагнера никто не спал с неделю. Ряды штабных грузовиков были закамуфлированы под елями. Враг был в пятистах метрах, снаряды разрывались повсюду вокруг КП. Грузовики оставались там. Генерал Вагнер оставался там. И, наконец, победа осталась там, в руках более умного и стойкого.

***

Немецкие части были численно слабы, но очень высокого качества. Походные подразделения, сильно потрепанные, были рассредоточены как мы, как и мы служа мишенью для безумных приступов противника.

Тяжелая техника с прекрасной обслугой поддерживала нас. Танки и бронированные разведмашины целую неделю, день и ночь были в бою, наступая на восток, возвращаясь на северо-запад, непрерывно в перестрелке, малыми группами по четыре-шесть человек против пятнадцати-двадцати солдат противника.

Половина немецкой техники была разбита или непригодна к бою, пропахав по холмам и оврагам. Но другая ее часть не давала передышки врагу, менее осторожному, менее мобильному и потери которого были огромны: поле битвы под Дерптом было усеяно черными каркасами советских танков. Бронечасти противника были полностью дезорганизованы: это было главным в поражении русских.

Наши солдатики, которым чего-то не хватало, обожали взбираться на танки, врываться в боевые порядки противника, уничтожая все гранатами.

Осторожные экипажи танков Рейха и валлонская пехота, с бурлящим динамизмом образовывали исключительно товарищеские соединения. Все немцы знали, что валлонцы были самыми страстными добровольцами на Восточном фронте. Они объяснялись между собой смешной мимикой, долго спорили, говорили о том и о сем. Они прекрасно понимали друг-друга, используя невообразимую русско-германскую тарабарщину, своеобразное новое эсперанто Восточного фронта. Каждый бой усиливал это боевое братство.

Пока каждый километр фронта у Дерпта сопротивлялся натиску противника, с юга смогли подойти значительные силы немцев.

Мы смогли держаться еще с неделю. Тогда и было подготовлено контрнаступление: свежие силы ударили по русским, на несколько дней отбросив их от Эмбаха. Они заставили Советы уйти через реку в полном беспорядке.

Несмотря на первоначальный успех, русские все же проиграли битву при Дерпте. Позднее, немцы по приказу Гитлера оставят Эстонию, чтобы перегруппировать рассеянные силы. Но войска сделали все не спеша, размеренно, потратив месяц для перезагрузки дивизий и тяжелой техники в направлении линии фронта Рейха и Литвы.

Боевая Группа Вагнера оставило место новым частям. Она со славой выполнила свою миссию и спасла Эстонию в тот момент, когда ее внезапное падение и последовавшая бы капитуляция войск и потеря боевой техники означало бы для немецкой армии тяжелое поражение.

***

От наших бравых рот начала августа немного осталось. Глядя в последний раз на плато Дерпта, его низкие ели, сероватые поля, город с разбитыми, еще дымящимися колокольнями, я видел рядом с собой лишь горстку товарищей: я потерял убитыми и ранеными, эвакуированными в госпиталь восемьдесят процентов моих солдат, не говоря о многих легкораненых, отказавшихся ехать в тыл. На самом деле, за несколько недель девяносто пять процентов наших людей были задеты вражеским огнем.

Их мужество покрыло славой наше имя. Генерал-полковник Штайнер, в течение этих эпических недель три раза цитировавший их имена на заседаниях командования армейского корпуса, вручил им более двухсот Железных Крестов. Он захотел сам вручить награды бойцам. Он закончил свою речь коротко, зато: «Это много!»

Но силами в четыреста пятьдесят человек наши волонтеры сделали огромную работу. Они не хвастали этим. Это была традиция. Они сделали то, что сделали валлонцы в Донбассе, Харькове, на Дону и Кавказе, в Черкассах.

Они уже забыли свои лишения и свою славу, резвились, как дети, спрашивая у генерала Штайнера, знал ли он имена последних солдат, которых он только что наградил. Одного звали Роммель: предки немецкого маршала были родом из наших Нидерландов; их могила с гербом Фламандского Льва еще существует в Брюгге. Другого награжденного звали Монтгомери, как английского маршала. Это были две знаменитости Легиона: Роммель и Монтгомери, валлонские волонтеры, которые бок о бок на Восточном фронте получили Железные Кресты второй степени.

***

Наши солдаты опять спустились к Ревелю. Эстонские газеты были заполнены сообщениями об их подвигах. Их завалили бутылками с шампанским, которые они радостно выпили на корабле, везущим их к берегам Рейха.

Что касается меня, я был вызван к Гитлеру, где получил из его рук высокие награды, в том числе самую высокую в пехоте – «Золотой знак ближнего боя», которым награждали тех, кто лично участвовал в пятидесяти ближних боях, официально и по правилам зарегистрированных.

Я шел в самолет близ Тойлы, в прощальный раз посмотрев, как блестит заря на белой скале и бледно-голубых водах Финского залива. Под самолетом скользили бесконечные сосновые леса и грустные березняки с серебряным отливом, заросли дрока, здоровые менгиры и пастушьи хижины, затерянные в зелено-рыжей долине, деревянные черепицы нескольких одиноких ферм. Иногда большое коричневое пятно и металлический каркас напоминали о советских истребителях, наш самолет прыгал, как гончая собака через холмы на бреющем полете.

Затем была Рига, самолет фюрера, изгиб берегов Литвы, почти полностью занятой Советами, и, наконец, аэродром Генерального Штаба.

Наши убитые остались там, в глубине Балтики, чтобы навсегда сказать, что в трагической битве, которую Европа вела за свою жизнь, сыновья нашего народа полностью выполнили свой долг, ничего не прося и не ожидая взамен…

Нам не нужно было завоевывать там земли, никаких материальных интересов у нас там не было. Мы были не поняты многими, но мы были убежденные и счастливые.

Мы знали, что чистый и пылкий идеал есть прекрасное благо, за которое молодой мужчина с сильным сердцем должен уметь бороться и умирать.

VIII. АРДЕННСКИЙ КЛАПАН

В то время, как разворачивалось сражение за Эстонию, в августе и сентябре 1944 года весь Западный фронт сломался и рухнул. Мы слушали радиосводки с помощью наших маленьких полевых радиоприемников: сражение на берегах Сены, взятие Парижа, прорыв американских танков к Сомме и Реймсу… Затем дошло до Бельгии: Турне, Монс, Брюссель.

Каждый из наших солдат думал о своем очаге. Что стало с нашими семьями?

Затем был взят Льёж. Когда я прибыл к фюреру, союзники собирались в Голландии, в Эльзас-Лотарингии и перед городом Экс-ла-Шапель.

Тем не менее, я нашел всех в цветущем настроении. Гиммлер шутил за столом, интересовался всеми вопросами, заданными мне в течение десяти минут – ровно столько потребовалось ему, чтобы поглотить свое спартанское блюдо и несколько соленых кренделей с тмином, смоченных стаканом воды, выпитым залпом.

Заместитель фюрера Мартин Борман, упитанный, кругловатый, шумно спорил с генералом СС Зеппом Дитрихом, прибывшим самолетом с Западного фронта.

Твердо расставив сильные ноги, с медным, как грелка, лицом, Зепп долго распространялся о мощи англо-американцев и о разрушениях, причиненных союзниками. Но он не был особенно взволнован, шутил, попивал коньяк, каждый раз, как вздыхал, и ушел в свою комнатушку в пять часов утра, заботливо поддерживаемый четырьмя гигантами охраны.

Гиммлер готовил десяток новых дивизий Ваффен СС. Он доверил мне командование дивизией «Валлония» – 28-й дивизией СС, в которую, кроме нашей ударной бригады, войдут тысячи рекситов, убежавших от оккупации и бродивших по Рейху.

В общем, окружение Гитлера соглашалось с тем, что отступление на западе было ощутимым ударом, но в тишине и секрете готовился контрбросок.

Вечером Гиммлер удалился для своей обычной ночной работы, чтобы принять пятнадцать-двадцать человек, иногда ждавших аудиенции до утра. Тогда высшие офицеры вполголоса сообщили мне, какие сюрпризы подготовили новые армии. Они придерживались не проверенной информации. Царила атмосфера веры.

***

В частности, я был удивлен, видя, как за шесть месяцев Гитлер обрел свежую, новую энергию. Его походка была спокойной, уверенной, лицо – отдохнувшим, удивительной свежести. С начала войны он сильно поседел, его спина ссутулилась, но все его существо излучало жизнь, жизнь размеренную, дисциплинированную.

Он наградил меня, затем подвел к маленькому круглому столу. Он производил впечатление, что никакая забота – ни назойливая, ни срочная, – не

волновала его. Ни одно слово разочарования не таило в себе и малейшего сомнения в конечной победе.

Он быстро завершил военные дела и перешел к вопросу буржуазного либерализма. Он с чудесной ясностью объяснил мне, почему падение буржуазного либерализма было неизбежным. Его взгляд сверкал хорошим настроением. Он страстно заговорил о будущем социализма. Его тщательно выбритое лицо дрожало. Его тонкие, правильные руки делали простые, но выразительные жесты – живые спутники оратора.

Эта дискуссия вселила в меня уверенность. Если Гитлера занимали социальные проблемы настолько, что он говорил о них целый час, жил ими, ясно излагал их, – то это говорило о том, что об остальном он был спокоен.

Тем не менее, на этой неделе дивизия, десантированная Черчиллем, пыталась вступить в Голландию близ Арнема…

В момент моего отъезда, как бы желая навсегда оставить более личное воспоминание, Гитлер взял мои руки в свои…

– Если бы у меня был сын, – медленно и с чувством сказал он мне, – я хотел бы, чтобы он был такой, как вы…

Я смотрел в его светлые глаза, такие чувствительные, с простым и светлым огнем. Он ушел под ели по дороге, усыпанной иголками и веточками. Я долго смотрел ему вслед…

Театральный трюк

В низменных и грязных деревнях под Ганновером худо-бедно устроили тысячи бельгийских беженцев, убежавших от англо-американских танков.

Я добился того, чтобы моя новая дивизия проводила боевое обучение в этой провинции Рейха с тем, чтобы каждый из наших солдат смог вне службы поддержать свою семью в изгнании.

Вдруг случился один театральный трюк. Я только что взял слово на завершении конгресса европейской прессы в Вене. Неделей раньше я встретил министра фон Риббентропа, который доверительно сказал мне таинственным тоном:

– Скоро будут изменения к лучшему.

Я подумал, что он шутит, потому что ни по чему не было заметно о грядущих изменениях положения. Я вспоминал, конечно, что мне объяснили два месяца назад в окружении фюрера. Но была уже зима, шел снег, приближалось Рождество. Что нового могло произойти? По возвращении из Вены я остановился в отеле «Адлон» в Берлине.

Вечером после ужина я встретил одного высшего чиновника из министерства иностранных дел. У него был сияющий вид.

– Вы не знаете? – спросил он у меня, – Мы в разгаре наступления!

– Наступление? Где это наступление?

– У вас же! В Бельгии! Наши войска уже в центре Арденн!

***

На следующий день официальные круги в Берлине ликовали. Появились невероятные уточнения: Льёж отбит! Восемь тысяч новых немецких самолетов участвовали в наступлении.

Мне доставили телеграмму от Гиммлера: это был приказ немедленно отправиться в Бельгию с моей дивизией. Мы переходили под тактическое подчинение к генералу Моделю, командовавшему наступлением и генералу Ваффен СС Зеппу Дитриху, командовавшему группой армий.

Формально нам было запрещено участвовать в боях на нашей территории. Мы отправились на фронт, чтобы помочь избежать ошибок немецкой оккупации 1940-1944 годов: это были валлонцы и фламандцы, которые реорганизуют Бельгию!

Я проехал в машине всю ночь. Грузовики, прибывшие из Ганновера, утром загрузили первую партию солдат, они незамедлительно должны были сопровождать меня к границе, остальная часть дивизии проследует скорыми поездами.

Наши беженцы подбегали к порогам дверей, плача от счастья при мысли вскоре вернуться в свою страну… Несчастные люди, в каких условиях увидят они ее через шесть месяцев!

На рассвете мы проехали Кёльн.

Рождество в Бельгии

Кёльн в декабре 1944 года представлял собой груду развалин. Я встретил гауляйтера Грохе в бункере, сооруженном на выходе из пригородов, в парке со срубленными деревьями, распиленными и изрубленными.

Оптимизма у этих подземных обитателей было меньше, чем в Берлине на Вильгельмштрассе.

– Англо-американцы? Но они же в тридцати двух километрах отсюда!

И это было точно! Карман, выступ союзников у Экс-ла-Шапель протянулся на несколько лье к западу от Рейна. Гауляйтер верил реальности. Один новый удар по его сектору, и танки янки спокойно могли оказаться перед его маленькой бетонной лестницей!

Каждый помещает на порог своего жилища порог всего мира. Тем не менее, если джипы союзников 24 декабря 1944 года находились в тридцати минутах на северо-западе от кёльнского собора, было бесспорно, что в тот же момент на западе и юго-западе Рейнской области англичане и американцы бросятся галопом на Маас и Семуа.

Гауляйтер указал нам, где находится, почти у кромки бельгийской границы, КП генерала Дитриха. С волнением в сердце, мы тронулись.

Редко, короткими вспышками, показывалось солнце. Мы слышали рокот английских «Типфлигеров», но защищенные закрытым небом, смогли быстро переброситься к юго-западу.

Мы дошли до холмов Эйпена. Дорога скользила вглубь очаровательной долины. Городки с их старыми домами вдоль ручья, средневековыми оградами, массивными дверьми, сторожевыми башнями были еще относительно нетронутыми. Маленькие городские площади, зажатые между домиков с

длинными вывесками, были облагорожены ратушами с приземистыми аркадами и широкими точеными камнями.

В глубине долины блестели фиолетовые крыши и голубые колокольни, что говорило о солнце и черепице. Снег на полях был чистым и блестящим. На каждой доминирующей высотке были наши очень мощные орудия.

Мы были под приятным впечатлением: колонны грузовиков продвигались без помех. В четыре часа дня мы прибыли к Зеппу Дитриху. Он возвратился из экспедиционной поездки.

Зепп совсем не подтвердил мне ложные обнадеживающие известия, кружившие над Берлином, как листья по ветру. Льёж отнюдь не был отбит. Но немецкие танки дошли до Либрамона и Сент-Юбера. Они захватили Ла-Рош и Марш. Далеко уже за этими городами, перейдя Арденны, они находились в нескольких километрах от Намюра и Динана. За три дня был полностью пройден Арденнский массив. Урт прошли без боя. Наступление в направление реки Маас было таким же стремительным, как в мае 1940 года.

***

Я спал в холодном, заледенелом доме, над которым постоянно с мрачным воем проносились длинные краснохвостые кометы немецких Фау. Сильно морозило.

В десять часов утра я был на церковной Рождественской службе. Мы вышли из собора, все перемешавшись: старые крестьяне, солдаты с мечтательным видом, малыши с красными носами.

Мы едва успели броситься в снег: англо-американские истребители кружили вокруг церкви. Бомбардировщики бороздили небо, оставляя длинные белые полосы, скрещивавшиеся, как лыжные следы. Бомбы падали на убогие крестьянские хижины, на людей. Горели фермы. Оттуда спасали, выводили женщин, девочек, желтых от штукатурки, со следами крови, обсыпанной пылью.

Только что началась контратака союзников, не на земле, но в воздухе. В течение десяти дней нам предстояло узнать одно и тоже королевское солнце с рассвета до ночи. И также ночи были сказочно прозрачны, они четко вырисовывали в долине каждую стену, каждую хижину, светлые кубики с четкой линией гребня, такие же белые, как свежее белье, что сушилось на солнце.

Солнце будет более убийственным для немцев, чем две тысячи танков, шедших в наступление. Благодаря этому солнцу тысячи союзных самолетов смогли систематически разносить дороги, деревни, перекрестки и зенитки, старавшиеся оградить небо.

***

КП Зеппа Дитриха переместился на Рождество между Мальмеди и Сен-Витом. Мы тоже тронулись в путь. Прошло всего несколько часов с восхода солнца, а разрушений было уже не счесть.

Конечно, большинство бомб падало рядом с целью, вырывая бессмысленные огромные воронки, серые в снегу полей. Они валили целые ряды елей. Тем не менее, падало столько бомб, что все же сотни попадали, куда хотели. Горели

автомашины, зияющие дыры возникали на горных дорогах. Дома складывались гармошкой и полностью преграждали путь.

Эти бомбардировки не были неожиданностью, поэтому большие группы русских и итальянских пленных были подтянуты ко всем критическим точкам. Они быстро разбирали завалы, заполняли воронки, впадины. Но для этого нужно было время. Целые колонны транспорта останавливались. Английские самолеты пикировали на них, поджигали многие грузовики, что создавало дополнительные трудности. С этого дня было уже ясно, что транспорт будет в затруднении.

Я использовал большой командный автомобиль. Он был с исключительно мощным мотором, ползал, как танк, через все преграды, но глотал свои семьдесят литров горючего на сто километров.

Я потерял как-то пять минут, чтобы путем переговоров достать канистру горючего на одном перевалочном пункте. Эта канистра спасла мне жизнь. Без нее я бы оказался в Сен-Вите как раз в тот момент, когда город взлетел на воздух.

Мне оставалось около трехсот метров от этого городка. Я выехал из леса и спускался по большому склону серпантином, когда увидел в воздухе эскадрилью союзников.

Было примерно шестнадцать тридцать.

Это было зрелище конца света. Едва были сделаны первые выстрелы зениток, как вдруг целая улица взлетела в небо. Ни одного дома не осталось, ни снопов обломков.

Но целая улица, прямо в небо! Она поднялась одним махом на высоту в десять метров, затем рухнула с ужасным грохотом.

В течение двадцати минут эскадрильи сменяли одна другую. Люди, маленькие синие точки в снегу, носились вдалеке среди полей. Затем сильный грохот авиамоторов удалился к солнцу, освещавшему на западе верхушки елей.

Город был уничтожен.

Были видны ступни, головы, женские или солдатские туловища, торчащие из нагромождения рухнувших балок. Улицы были на уровне земли, как рухнувшие от щелчка пальцем карточные домики.

Нам удалось перепилить несколько толстых деревьев, перекрывших дорогу. Вскоре наши усилия оказались напрасными. Все вокруг рухнуло, проезд был невозможен для всех и всего. Мой вездеход встал, как и другие.

Эти двадцать минут принесли такие разрушения, что населенный пункт Сен-Вит в течение всего наступления станет непроходимым.

***

Мы попытались обойти эти апокалипсические развалины по полям. Моя машина валила изгороди, буксовала в снегу. Я добрался до одной траншеи на западном хребте от Сен-Вита. Там лежала шеренга убитых американцев. Они были точно выложены в ряд. Они сохранили здоровый кирпичный цвет лиц хорошо питавшихся парней, напоенных свежим воздухом. Их накрыли очереди из танков. У двоих лица были плоскими, как конверт, но эти лица, лишенные выпуклости, сохранили выражение впечатляющего благородства.

В траншее не было пустого места. Каждый из этих ребят остался на своем посту, не смотря на волну из пятидесяти или ста танков, поднявшихся к ним по склону и след гусениц которых можно было проследить на толстом слое снега.

Мы хотели добраться до северного выхода из Сен-Вита и вступить на дорогу в Мальмеди, но все выходы были непроезжими.

Полевая жандармерия была перегружена, не знала куда, на какой побочный, окольный путь направить блокированные колонны. Мы всю ночь пробирались по лесным дорогам, забитым укрывшимися там грузовиками.

Только к рассвету мы подошли приблизительно на восемь километров от Сен-Вита к одному хутору, затерянному в долине. Маленькая церковь на холме была окружена простыми могилами крестьян со скульптурами Христа из черепицы. Северный фронт был совсем близко, мы слышали яростную канонаду артиллерии. Ночью к опушке леса подтянулись американские пушки.

Зепп Дитрих располагался в белом домике, одиноко стоявшем в верхней части городка. Я познакомился там с генералом Моделем. Это был пожилой, низкорослый мужчина, розовощекий, с хитринкой в глазах. О его храбрости ходили легенды. В 1945 году он покончил самоубийством, чтобы не видеть разгрома своей Родины.

Сопротивление врагу на севере от Мальмеди до Моншау было упорным: знаменитый полковник Скорцени, освободивший и увезший на самолете Муссолини в сентябре 1943 года, попытался проникнуть в Мальмеди неожиданно, с несколькими сотнями людей, которых он сам готовил. В этой заварухе он потерял много своих солдат, но добился победы и был ранен. Его лоб пересекала царапина. Заплывший глаз еще более добавлял мрачности его испещренному шрамами лицу.

***

День и ночь неустанно выли Фау-1, пронося по небу свои длинные огненные розовые хвосты. Один из них два раза описал круг над деревней, затем уткнулся носом в соседнее поле.

По картам за три дня положение не намного изменилось. Это были опять одни и теже названия: Бастонь, Сен-Юбер, Марш, Динан, Сине.

Немецкий план был обширным: он смог бы на несколько месяцев серьезно изменить положение на западе.

Маневр был, так сказать, в три этапа. Стояла задача не только пробиваться к реке Маас или Северному морю. Это была одна из просчитываемых операций. Второй этап операции имел целью обойти и окружить союзников, находившихся на востоке Льёжа, на плацдарме Экс-ла-Шапель. Это должна была быть работа Зеппа Дитриха, силы которого были дислоцированы на севере от Арденн. Третий этап операции состоял в том, чтобы оттянуть и сократить силы союзников в Эльзасе.

Там тоже немецкий фронт был готов к атаке. Гиммлер лично находился на Рейне, ожидая успеха прорыва при Льёже и Седане, чтобы повторить маневр 1940 года на линии Мажино.

Натиск в направлении Льёжа (операция номер два) поначалу не имел серьезных успехов. Дорога Льёж-Экс-ла-Шапель держалась. Поэтому силы Зеппа Дитриха собирались повторить операцию выше по течению Мааса. Реку надо было форсировать при Юи. Только после этого развернется настоящее сражение, которое отрежет от своих тылов двести тысяч англо-американцев в районе Экс-ла-Шапель и окружит их вместе с техникой.

Зепп Дитрих показал мне на карте пространство Тронгерен-Синт-Трёйден на северо-западе Льёжа, затем с горящим взором он положил большой палец на название Экс-ла-Шапель, священный город империи.

В тот же вечер ударные дивизии Ваффен СС просочатся к северо-западу и выстроятся в линии на высотах Барво и Льернё. КП Зеппа Дитриха расположился на мельнице в одном поселке, расположенном на второстепенной дороге между Уффализ и Ла-Рош.

***

Мы присутствовали на матче, как трепещущие от волнения зрители. Мы прошли через наши красивые арденнские деревни с совершенно белыми фермами, на стенах которых можно еще было прочитать написанные нами в дни великих политических сражений буквы: «REX».

Мы спустились до деревни Штайнбах в нескольких километрах к северо-востоку от Уффализа. Там был старинный пустой холодный замок. Мы остановили возле него нашу маленькую колонну. Арденнские крестьяне вышли из домов, вышли нам навстречу с трогательной теплотой, добросердечностью. Каждый вспоминал моих деда и бабушку, живших здесь, вспоминали речи, что я говорил. Они угостили нас едой в своих низких фермах, освещенных старыми керосиновыми лампами. Жареный картофель с салом дымился на красивых тарелках, разрисованных цветами, все как в детстве.

Эти суровые и благородные лица, несущие на себе отпечаток крестьянского труда, были любимыми мною лицами. Мы дышали полной грудью, наши души лучились. В протопленных фермах, полных таинственного мрака, у огня мы опять с теплотой вкушали общение с нашей землей, с людьми из нашего народа…

Потерянные дороги

Чудесное солнце продолжало ласкать своими золотистыми лучами белые долины, большие рыжие, фиолетовые и голубые леса, взбиравшиеся по склонам. Со все более яростным постоянством союзническая авиация пропахивала каждую проселочную дорогу, каждое узкое перепутье, перекрестки дорог.

Сотни бомбардировщиков искрились в воздухе, как стаи голавлей. Немецкой армии удался невиданный прорыв, но она не смогла захватить ни одну из двух главных связующих дорог север-юг: дорогу Экс-ла-Шапель до Льёжа и дорогу от Трев до Арлона.

Девятьсот танков и триста тысяч солдат, принявших участие в немецком наступлении, двинулись по второстепенным дорогам, довольно медленным для транспорта. Эти были изрыты гусеницами танков, а потом покрылись толстым слоем снега. Прохождение войск по маленьким деревням было малоэффективным и немобильным: существовало много крутых поворотов между домиками, стоявшими почти вплотную друг к другу. Тысячи бомб падали на эти дороги, разрушая их повсеместно. Потом эти деревни и прелестные маленькие городки взлетели на воздух.

Уффализ, остававшийся абсолютно целым в глубине своей глубокой долины между суровыми, крутыми скалами, на берегу поющей реки, дважды подвергся

массированной атаке. После первого штурма по главной улице еще можно было проехать. Дома зияли окнами без стекол, но дорогу быстро освободили от обломков. На другое утро вернулась авиация союзников и учинила тотальный разбой. Дорога, спускавшаяся с восточной стороны, делая изгиб очень высоко над долиной, была буквально оторвана и висела над пропастью.

В глубине долины у одного одинокого домика, окруженного невероятными воронками, крыша была покрыта слоем земли, как сад. Ели стали серыми и грязными. Уффализ был буквально ламинирован. Проход через него был больше невозможен.

В Ла-Роше отступавшие американцы оставили целым мост; самолеты союзников вернулись потом, чтобы исправить это маленькое упущение. Они превратили своими бомбами очаровательный городок в чудовищную груду развалин, под которыми лежали убитые мирные жители.

Арденны были отутюжены за несколько дней. Трагедии не удалось избежать ни одному населенному пункту, ни одному перекрестку.

Это был ужасный способ ведения войны за счет женщин и детей, раздавленных в подвалах, но средство, беспощадно использованное англо-американцами, быстро оказалось решающим: через неделю все дороги, использовавшиеся для прохода колонн Рейха, стали практически непроходимыми.

Пришлось идти на авантюры, проводить огромные колонны снабжения, боеприпасов и горючего по лесным дорогам дровосеков, дорогам узким, где грузовики буксовали в снегу, создавая бесконечные пробки. За целую ночь колонны проходили пять-шесть километров.

Битва в Арденнах была проиграна немцами не только на подходах к Маасу и в Бастоне, но в этих ельниках и в этих буковых лесах, где вдоль невероятных дорожных путей останавливались тысячи машин, опасно свешиваясь на вершинах откосов.

Армия только тогда побеждает, когда за ней быстро и регулярно следует обоз с вооружением, едой, боеприпасами и горючим.

***

Первый облом, с самого начала проиллюстрировавший эту элементарную истину, произошел тогда, когда танки, двинувшие на Динан, способные легко взять город, были вынуждены остановиться в деревне Сэл, в восьми километрах от Мааса, и не потому, что, как смеха ради говорят, их остановила очкастая мегера, но потому, что полностью не хватило горючего. Немецкие экипажи ждали два дня, их радиопередатчики безрезультатно передавали сообщение за сообщением. Ни капли горючего не прибыло к месту. Чтобы покончить со всем этим, им пришлось поджечь свои прекрасные танки.

Положение с каждым днем становилось все серьезнее. Надо бы было воспользоваться эффектом неожиданности, как это сделал Роммель в 1940 году. Плод созрел, все было готово. Тылы союзников были пусты, не было никакой преграды, только перемахнуть Арденны.

Но горючего не подвозили, хотя на границе его было в избытке: недалеко от Сен-Вита находились склады, где были многие миллионы литров! Дивизии, устремившись и победоносно пройдя определенный путь, оказались изолированными и лишенными горючего, потому что ослепительное солнце

затопило с утра до вечера Арденны на десять дней, позволив огромному воздушному флоту американских бомбардировщиков неукротимо разнести в пух и прах все узловые коммуникации.

Чтобы выйти из положения, немцам было достаточно, как это часто бывает в туманных Арденнах, десяти дней тумана. Продовольствие, боеприпасы, миллионы литров горючего прошли бы к месту. Но удача оставила Рейх, и августовское солнце не покинуло снежные пейзажи декабря.

***

Даже сообщение, взаимодействие посредством эстафет, связных и отдельного транспорта днем стали невозможными. Едва кто-то появлялся на дороге, как «Типфлигеры» пикировали вниз. Они бороздили парой, затем еще пара, затем еще две другие замыкали группу. Они контролировали каждый километр дороги. Дороги были отмечены сгоревшими грузовиками и легковыми машинами, это было ужасное зрелище.

Находясь много дней без вестей от германского командования, я попытался добраться по дороге до КП генерала Дитриха. Едва я успел полюбоваться бело-коричнево-голубой панорамой Арденнского плато, как на полдороге между Уффализом и Ла-Барак-Фретер один «Типфлигер» бросился на нас, пролетев почти над головами. Две пули толщиной с большой палец пробили мотор, третья стукнула меня по каске, пройдя точно между моими ребрами и левой рукой. Один грузовик, встретившийся нам, сделал безумный пируэт в кювет и превратился в настоящий факел.

Мы смогли вытащить из этого костра одного более-менее невредимого солдата. Другие, придавленные под машиной, сгорали заживо. Было видно, как подпаливаются их ноги. На протяжении четверти часа самолеты заходили на нас непрерывно, с отменным азартом, каждый раз посылая нам в упор зажигательные очереди. Вдоль всех дорог это была одна и таже охота на человека и машину.

Дни ожидания

Мы провели новогоднюю ночь среди наших арденнцев из Штайнбаха. Повсюду наши солдаты были как члены семьи. Крестьяне звали их по именам, они вместе делали рагу из различных сортов мяса с каштанами и репой.

Эти славные люди просили только одного: мира. Пусть им позволят работать! Пусть с ними не говорят больше о политике. Быть спокойными у себя дома, заниматься своей семьей, своим домашним скотом, своими полями!

Они, конечно, были правы и только повторяли на своем мягком тягучем наречии желания крестьян поэта Вергилия.

Я поел у них вафли в сочельник. В полночь люди обнялись, поцеловались запросто, эти смуглые от солнца крестьяне и женщины с пушком усов на лицах.

У меня даже защемило сердце. Я смотрел, как пели мои товарищи. Но я думал и о снегах, среди которых на подходах к Бастони, вдоль Урта, в лесах Льернё и Ставелота сражались наши солдаты. Я думал о разорванной Арденне, горевшей в бело-розовой ночи…

Куда приведет нас этот Новый год?

***

На следующий день мы должны были передать наш ледяной замок под полевой госпиталь, не знавший, где укрыться, и разместивший здесь, в мрачных залах, раненых, прибывавших из сектора у Бастони. Мы отошли на три километра оттуда, в одну богатую деревню под названием Лимерле. Теоретически я должен был бы взять в руки административную реорганизацию этих районов. Главнокомандующий военными операциями маршал Модель только что официально, письменно передал мне полную политическую власть на бельгийской территории, отвоеванной у союзников.

Но повсюду все представители гражданских властей сбежали, кюре сделали тоже самое. Терроризированные англо-американскими бомбежками семьи с начала января выживали, как могли, чаще всего зарывшись вглубь подвалов. Не время было лезть с декретами и реформировать Конституцию!

Я ограничился тем, что дал жителям Лимерле и Штайнбаха молитвенное утешение: наш полковой священник СС из аббатства святого Траписта Форж-ле-Шиме Р.П. Штокман сопровождал нас. Не взирая на самолеты врага, колокольни деревенских церквей отзвонили, чтобы созвать гражданских и солдат в лоно любви, к Божьему алтарю мира и милосердия.

***

Я послал по всем направлениям связных, чтобы получить сведения о ситуации в коммунах, освободить заключенных товарищей, собрать коллегии журнала «Монитор» и газет.

Рассказы наших освобожденных товарищей леденили кровь. Они описывали нам дикое обращение, которому подвергались по всей Бельгии тысячи мужчин и женщин, заключенных в ужасных условиях. Их унижали, пытали, оскорбляли, над ними издевались, даже убивали, потому что они исповедовали идеи, отличные от тех, что были в сентябре 1944 года.

Газеты Брюсселя, Льёжа, Арлона, которые приносили нам наши эмиссары, представляли собой исключительно ненавистнические и яростные воззвания к животным инстинктам толпы. Они кормили своих читателей бесконечными списками наших славных парней, заключенных в камеры политических победителей за то, что когда-то разделяли наши взгляды или подписывались на наши газеты. Толпами, приблизительно в сто тысяч человек, их бросили в тюрьмы, в казармы, подвергая насилию бешеных надсмотрщиков. Около полумиллиона бельгийцев было вытеснены, изгнаны из своей нации.

Самое волнительное зрелище мы увидели, когда прибыли человек пятнадцать детей, убежавших из исправительной тюрьмы города Сент-Юбер. Этот исправительный дом для преступников и малолетних ущербных имел мрачную репутацию в Арденнах. Тем не менее, туда по безумию и наглости заперли некоторое число детей из семей рекситов. Отцы и матери были брошены в тюрьмы, детей вырвали из семейной среды и относились к ним как к умственно отсталым, смешав их с ненормальными малолетками, съедаемыми самыми худшими пороками!

Преступлением, за которое грозил срок или смерть, стал не только факт наличия отличных от власть придержащих идей. Даже девушек и женщин толпами сажали в тюрьмы, стригли наголо, грубо обращались с ними, часто насиловали; матерей многодетных семей отрывали от их детей и варварски бросали в камеры; стариков бросали в камеры за преступления родственников, и они погибали от нищеты и боли; малыши платили за все самым беззаконным образом!

Вымещали злобу на семьях, старались измазать, коррумпировать и отдать порокам детей, ничего не знавшим о политике! Все это, разумеется, во имя Права и Цивилизации!

Мы могли бы ответить за это позорное обращение с людьми и отомстить за эти преступления. Мы клянемся перед Богом: мы были над властью, выше злобы и ярости. Хотя возмущение переворачивало наши души, мы не пролили ни капли крови за те недели. Все то, что авторы брошюрок, эти журналюги смогли рассказать с тех пор о якобы имевших место экзекуциях, совершенных нами в бельгийских Арденнах или с нашего согласия, – все это либо полицейский заговор или самая отвратительная клевета. Мы были свидетелями страданий наших соотечественников, сотрясаемых бомбардировками и окруженных со всех сторон военными действиями, боями. Мы не могли добавлять еще несчастья.

Мы также знали, что ничего нельзя построить из мести. Мы хотели примирить различные страты нашего народа, смирить ярость, вместо того, чтобы продолжать ее кровавыми репрессиями. Ни один из нас не нарушил этих братских обязательств.

Однажды утром…

В конце декабря 1944 года главным для немцев было отрезать, быстро зажать и сломить военный потенциал союзников на Западном фронте. Это сражение на уничтожение через неделю стало нереальным для немецкого командования.

Шестьдесят часов хватило моторизованным частям Рейха, чтобы совершить чудесный прорыв через весь арденнский массив; большая железнодорожная ветка Люксембург-Брюссель была пересечена в районе Жемель; в западном направлении леса и горы были пересечены из конца в конец; немецкие дивизии вышли на просторные долины Кондрозы и Фаменны.

На исходе трех дней беспорядочное бегство союзников было в самом разгаре. Если бы немцам удалось пополнить запасами горючего и боеприпасов свои танки и дальнобойную артиллерию, они свободно развили бы успех в полной мере.

Даже в этот конец 1944 года эти дивизии были замечательно экипированы. Конечно, для рутинной работы были вспомогательные части, в частности, гримасничавшие части монголов для затыкания дыр, желтолицых, одетых в полевую форму, растерянные толпы которых мы захватили в снегах Бастони.

Но танки генерала Мантойфеля, продвинувшиеся до Динана, но Фау-1 Зеппа Дитриха, но вереницы сверкающих свежей краской грузовиков из моторизованных частей были еще способны совершить смелый и сенсационный рейд.

Конечно, всего лишь было девятьсот штурмовых танков. Но сколько их было у Роммеля в Абвиле в 1940 году, в Эль-Аламейне в 1942-м? Сколько было у

англо-саксов, когда они входили в Брюссель и Антверпен 3 и 4 сентября 1944 года?

Сюрприз для союзников в Арденнах был полным. Дороги были открыты. Пятьдесят тысяч мотопехоты, двинувшихся 26 и 27 декабря на Намюр, Анден и Юи могли бы сразу обеспечить форсирование реки Маас.

Именно в этот момент под сенокосным отвесным солнцем авиация союзников уничтожила на земле возможности массированного передвижения и переброски горючего.

Каждый день ситуация ухудшалась. Германия потеряла возможность завести свои двигатели, ей не удалось даже обеспечить достаточное снабжение продовольствием частей, брошенных на сто пятьдесят километров вперед от линии Зигфрида. Скоро положение этих дивизий станет трагическим.

Если Зепп Дитрих не смог зажать в свой железный кулак северный выступ фронта, то генерал Мантойфель не смог достаточно разгрести свой левый фланг на юге Бастони. Надо было бы беспрепятственно занять Арлон и Виртон, расширив зону безопасности.

Там, также как и при Мальмеди, оказалось несколько тысяч солдат союзнических войск, и они, вместо того, чтобы по примеру других убежать, сопротивлялись с таким мужеством, которое вызывает уважение у любого солдата. Они дали себя окружить, сдержали напор и выиграли время.

Это сопротивление противника под Бастонью осложнило, затруднило наступление Рейха на всем левом крыле.

Но опять же, Бастонь, как и Мальмеди, могли бы быть легко отбиты, если бы бронетанковые части, вовремя обеспеченные горючим и боеприпасами, смогли максимально использовать начальный прорыв, двинуться еще дальше, посеять панику, завладеть складами, исключив для противника возможность перегруппировки и контратаки. По причине того катастрофического положения, в которое немцев бросили солнечные дни, начиная с третьего дня, Мальмеди и Бастонь, изолированные и фактически обреченные точки сопротивления, смогли сыграть главную роль.

Почти через неделю для маршала Моделя жизнь стала абсолютно невыносимой. Его дивизии продвинулись вдоль длинного коридора в сто пятьдесят километров, снабжаемого только по второстепенным дорогам, методично расстреливаемым врагом или по сильно забитым снежным дорогам.

По обеим сторонам этого вытянутого мешка, далеко позади головных немецких частей, каждый день сжимались англо-американские тиски по линии Мальмеди-Бастонь.

План ближайшего и двойного флангового контрнаступления союзников можно было увидеть невооруженным взглядом. Исход дуэли не оставлял больше сомнений. Немцы – реалисты. Они сразу начали маневры по отступлению войск.

***

Этот маневр был проведен с тщательностью и с полным хладнокровием, которыми всегда отличались приказы Верховного командования Рейха.

Дивизии Ваффен СС были брошены на оба фланга, в самые горячие точки, в то время, как поэтапно рождественские победители методично отходили от Мозанского района, затем от Сент-Юбера и Марша, затем от долины реки Урт.

Американские части, поднимавшиеся с юга, английские войска, спускавшиеся с севера, сближались все больше, постоянно угрожая разрезать в самой середине полосу отступавших немецких солдат, растянувшихся от Урта до Эйпена.

В начале второй недели января, между двумя наступательными волнами, английской и американской, оставался только узкий коридор в двадцать километров. В конце концов, осталась только одна единственная дорога для обеспечения маневра немецких войск.

Мы переживали дни и ночи сильнейшего напряжения, но восхищение было доминирующим чувством. Ни один батальон не поддался паническим настроениям. Подразделения, сформированные несравненным духом дисциплины, принимали отступление с таким же настроением, с каким двумя неделями раньше они шли через реку Урт. Тысячи солдат отходили к востоку ледяными ночами, под грохот бесчисленных орудий янки и англичан. На каждой развилке, как огромные сторожевые псы, стояли танки прикрытия. Они пыхтели, бросали назад свои огненные языки. Колонны шли в снегу ссутулившись, молча, размеренно.

Все было кончено. Мы попытались победить, попытка не удалась. Солдат уходил, как и пришел, навстречу новым сражениям – Бог один знал куда, к новым страданиям – Бог один знал их меру. Не было слышно ни одного ропота. Такая служба: служба есть служба…

***

В то время как маршал Модель маневрировал в Арденнах со своими отличными дивизиями Вермахта и Ваффен СС, другие дивизии, с таким же боевым духом и также хорошо снаряженные, напрасно ждали перед границей Эльзаса приказа о наступлении через восточные районы Франции.

У Гиммлера был свой план. Он цеплялся за него до последнего, даже после начала наступления в Арденнах, потому что любое замешательство в действиях врага, даже ценой больших потерь, любое смятение в разработке наступательных планов неприятеля представляли более, чем когда-либо, неисчислимую ценность для Рейха. Выиграть три месяца передышки, три месяца, что еще позволило бы, может быть, завершить разработку, сделать и применить новые виды вооружений и переломить ситуацию.

Германия с нечеловеческим героизмом, движимая этой последней надеждой, все поставила на карту, поэтому наступление в Эльзасе осталось лишь в планах. Его начало было намечено на середину января 1945 года.

Но в тот момент русские, ускорив наступление, прошли Варшаву, бросились на Данциг, Познань и Бреслау, смертельная опасность нависла над Берлином.

Рухнула надежда на успех на западе, и дивизии, вернувшиеся из Арденн, как и те, что были готовы в Эльзасе, спешно направлялись во главе с Гиммлером в направлении жестоких сражений на Восточном фронте.

***

Мы оставались в Лимерле, пока не приблизились танки союзников. Немецкое командование вот уже три дня, как располагалось на территории Рейха.

А мы, мы должны были оставить нашу родную землю, нашу страну, наших людей… Мы не могли оторваться от этой последней деревни. И, тем не менее, нам абсолютно нечего было делать. Всякая надежда на выправление положения умерла.

Мы бродили вокруг дома, по снегу, рассеянно глядя на белевшие поля, курившиеся вдали крыши маленьких ферм, черепичные крыши церквей, похожих на голубые церкви нашего детства. Надо было решиться. Мы обняли старую добрую арденнскую мать, что приютила нас и дала нам кров. Это был последний поцелуй на Родине.

Мы в последний раз обошли длинную розовую ферму, прошли вдоль черных елей: граница была близко. Сыны Европы, мы были также сыновьями своей малой родины, и с болью в сердце мы закрыли глаза, чтобы ничего больше не видеть…

IX. БИТВА НАСМЕРТЬ В ПОМЕРАНИИ

Фантастический прорыв Советов в середине января 1945 года обозначил конец войны на Западном фронте. Бои еще продолжались. Между Экс-Ла-Шапель и Рейном еще наблюдалось отчаянное сопротивление, когда, оправившись от памятной взбучки в декабре 1944 года, союзники пошли в наступление.

Но дела на востоке были такими, что немецкое командование должно было выбирать, и оно пожертвовало Западным фронтом, оттянув оттуда самые мощные дивизии и самую значительную часть танков.

На левом берегу Рейна не было больше ничего, кроме частей прикрытия. Все, что представляло ценность, было брошено на беспощадную битву, разворачивавшуюся между Вислой и Одером.

Никогда еще Советы не включали в бой столько живой силы и особенно такой совершенной техники. Когда они проходили, все трещало, как замшелый лес. Пали Лодзь, Познань, русские танки тысячами катились к Бромбергу, как и к Бреслау, Восточная Пруссия была раздавлена. Спешно спасали мощи Гинденбурга прежде, чем взорвать знаменитый памятник Танненберга. Повсюду разливалось наступательное море противника. Тысячи деревень были в огне пожарищ. Дикий лай газующих танков раздавался уже внутри самой территории Рейха, сея ужас.

Зима в этом месяце была исключительно суровой. Жители регионов миллионами бежали перед угрозой захвата большевиками, жестокость которых наводила страх на каждого немца.

Уцелевшие и сбежавшие, кто видел советскую оккупацию в самом ее начале, рассказывали в нетронутых еще деревнях отвратительные подробности. Целые провинции снимались с места и уходили.

На всю технику, способную катиться на колесах, грузили население больших городов: десяткам тысяч женщин и детей приходилось оставаться в пургу дни и ночи, по пятьдесят-шестьдесят человек на открытых платформах железнодорожных составов. Многие умерли в дороге от холода. В каждом составе были дети, замерзавшие у материнской груди. Железнодорожные насыпи были усеяны окоченевшими трупами, брошенными с поездов, чтобы дать хоть немного места задыхавшимся от тесноты беженцам.

На одном пути около Бреслау стоял брошенный поезд: сто пятьдесят два тела мальчиков и девочек лежали замерзшие на открытых вагонах.

Чтобы не сеять ужас и панику среди населения Берлина, вот уже почти две недели страшные караваны проводили по внешней автостраде.

***

В конце января 1945 года наша дивизия тоже получила приказ отправиться на Восточный фронт через Штеттин. Грандиозная автострада от Берлина до Штеттина представляла собой гигантский след страдания и боли. Там, на пронизывающем холоде, были две или три сотни тысяч женщин и детей, с обритыми головами.

Колонны из тысяч повозок могли занимать только правую часть автострады, так как война продолжалась. Она продолжалась до такой степени, что в каждый момент кровожадные эскадрильи советских самолетов прилетали для того, чтобы расстреливать эти жалкие вереницы, хотя было очевидно, что речь шла о бедных, беззащитных людях.

Экипажи повозок шли так плотно друг к другу, в два ряда, что каждый сноп разрыва приводил к ужасным жертвам. Лошади дергали копытами среди опрокинутых тележек для перевозки снопов, раскидывая по снегу свои кишки. Женщины, дети цеплялись за обломки, на их спинах были коричневые точки. Кровь большими каплями текла по черным чулкам. Валялись красные вспоротые перины.

Несчастный народ, из месяца в месяц опускавшийся в самую глубь адских трагедий, каких не знал еще мир…

Они вынесли годы решений и неслыханных бомбардировок. Они узнали о смерти неизвестно где в русских снегах сына, двух сыновей, отца. Теперь их, все потерявших, умирающих от холода, миллионами выгнали на дороги и очереди зажигательных пуль довершали эти истязания, преследования, охоту на них!

Если хотя бы они были у завершения страданий. Но, глядя на их трагический бесконечный кортеж, мы думали о тысячах советских танков, мчавшихся по их следам; мы знали, что рано или поздно они попадут в руки варваров, что эти видные девушки, такие чистые и ясные, будут изнасилованы, осквернены, отравлены; что тысячи младенцев умрут от отсутствия молока; что эти старые мамы, двигающиеся на холодном ветру, однажды превратятся в жалкую, темную и безжизненную массу, на краю нищеты и лишений…

Зачем бежать? Надо было остановиться, ждать, ждать когда Монгол силой раздвинет вам ноги, ждать, когда загорится крыша твоего дома. Но жизненный инстинкт бросал их, плачущих и обезумевших, в толкотню дорог…

***

Я пересек Одер и поехал по дороге на восток. На вершинах насыпей и холмов в тут же осыпающемся песке лихорадочно рыли километры траншей. Грузовики выгружали тысячи новых лопат для тысяч мобилизованных женщин.

Я начал обгонять моих солдат, выгрузившихся на вокзале Штеттина и своими средствами двигавшихся к Штаргарду. Жалкими, убогими были эти средства. Они тащили сами, как тягловый скот, свои повозки. Мы не получили вовремя нашу долю лошадей. Солдаты взяли себя в руки, со смехом впряглись и перешли эти тридцать пять километров снега, отделявшие нас от противника. Солдаты приветствовали мою машину, счастливые от близости боя и зная, что я с ними.

Я проехал вдоль озера Меду, простиравшееся далеко к югу, затем увидел величественные башни, квадратные и красные, церкви Штаргарда. Старые входные ворота города из бруса были исполнены изящества и величия. Город вел свою историю со Средних веков. Вся эта померанская сторона имела глубокое властное и грустное обаяние, со своими красиво выложенными стенами, перекрытиями с шарами вверху, своими ландами и елями, бледными прудами со шлепающими по воде бортами лодок.

Население целиком и полностью было настроено бежать. Штаргард походил на сплошной шумный рынок. Люди бежали со всех сторон. В одной школе я нашел КП генерала, ответственного за оборону района.

– Говно! – крикнул он.

Всего у него было два бронепоезда, остатки разрозненных частей и несколько батальонов старичков из нестроевых частей. С утра русские находились километрах в двенадцати.

Под Штаргардом

Прорыв армий СССР в немецкую провинцию Померания во время второй половины января 1945 года случился как сильный ураган. Считалось, что они еще в Бромберге, когда уже один из их танков разведки, как бешеный двигая все перед собой, появился на вокзале Шнайдемюля!

Советское наступление шло по трем векторам-стрелам, как копья вонзившихся в древнюю померанскую землю: одна на восток, чтобы отрезать Данциг от Рейха; вторая на знаменитый городок Кольберг на Балтике; третья – к Штеттину.

Штаргард был последним большим городом на этом пути, который надо было взять, всего лишь в тридцати пяти километрах от нижнего Одера.

Утром 6 февраля, когда мы прибыли в Штаргард, положение было почти отчаянное. Русские танки сделали глубокие прорывы к юго-востоку, югу и юго-западу города. Оборона, можно сказать, была нулевая, ее доверили бравым старым папашам вспомогательных частей, они делали все, что могли, но добивались больше бронхитов, чем побед.

***

Важно было закрыть брешь на юге. Нас немедленно послали в Кремцов и Репплин, населенные пункты в трех лье от Штаргарда на Арнсвальдской дороге. Эта дорога пересекала полосу лугов, слегка пересеченных балками, шириной в несколько километров, с населением в шесть деревень, между двумя реками: одна Ина – Ина обыкновенная, которая спокойно, как буржуа, текла своим путем, без сюрпризов настроения; другая Ина явно более симпатичная – она, мечтая на своем пути, из развлечения делала грациозные изгибы, или потому что замечала какой-либо уголок симпатичнее другого. Обе Ины, несмотря на различия характеров, сливались в конце пути, как семья, которая в конце концов приходит к миру и согласию. Тогда единая Ина пересекала Штаргард, затем, пройдя через леса севера, впадала в залив Одера ниже Штеттина.

Я получил приказы. На нас рассчитывали. Через несколько дней немецкие танки будут здесь, а пока надо было спасти Штаргард. Если мы отступим, то советские танки ворвутся в город через час.

Я сразу же бросил людей на крайнюю оконечность сектора, до городка Репплин. Один советский отряд прибыл туда немного позже нас.

Для одних и других позиция была удобной, потому что она доминировала над всей окрестностью. Большевистский патруль должно быть отметил это на несколько часов раньше, когда городок был еще был пустым. Поэтому

подразделение неприятеля подошло небрежно: нос кверху, руки в карманах. Наши люди дали экипажам и войску проникнуть глубоко в этот городок, а затем со всех сторон бросились на них. Один единственный красный солдат смог уйти через кладбище. Эта первая удачная заварушка придала силы духа моим мордоворотам и подарила нам сорок восемь часов, чтобы обосноваться.

Туман стал сильнее, начался дождь. Грязь, похожая на мастику, клеилась к сапогам и мешала двигаться. Мы забаррикадировались в длинных ямах свекольного силоса, чтобы избежать воды, накапливавшейся в окопах стрелков.

Русские угрожающе продвигались к юго-западу, занимая крупные населенные пункты на нашем правом крыле. Дождливыми ночами виднелись грязно-розовые сполохи пожаров.

Смелость советских танкистов была невероятной. Возвращаясь из Штаргарда, куда был вызван для получения распоряжений, я увидел один танк, шедший прямо на меня. Но в тот момент я находился в семи километрах за моими позициями. Этот танк прошел через всю местность до нашей мощеной дороги. Он двигался открыто, совсем один. Один немец, к счастью, имевший фаустпатрон, спрятался в терновнике и подбил его, когда тот проходил мимо.

В планшете молодого русского офицера, погибшего вместе с танком, я нашел свеженаписанное письмо. Он с победной гордостью писал своей семье: «Мы победим». Затем в заключение трогательно добавил: «Ждите меня домой».

***

Несколько немецких штурмовых орудий прибыли, наконец, на наш участок. Было решено, что в пятницу, 9 февраля 1945 года, на рассвете будет контратака между озером Меду и рекой Ина. Мы получили приказ форсировать «ленивую» Ину, двинуть один из наших батальонов в направлении юго-запада, взять штурмом высоты, затем дорожный узел Линденберг, по которому регулярно проходили колонны немецких танков. Мы выступили в половине шестого утра в абсолютной тишине…

Линденберг

Масса советских войск, ворвавшаяся в Померанию и старавшаяся форсировать проход у Штаргарда, располагала мощной техникой и тысячами храбрых солдат, возбужденных и вдохновленных непрерывными победами.

Контратака 9 февраля в нашем секторе имела всего одну определенную цель: сбить напор русских, отвоевать несколько километров территории, отбить дорожный узел Линденберг.

Мы должны были добраться до него через пашню со стороны деревни Штребелов; что касается немецких штурмовых орудий, прибывших с озера Меду на северо-западе, то они должны были штурмом взять несколько деревень, прежде чем соединиться с нами на перекрестке.

Прикрываемые малыми группами пулеметчиков, по нашей старой схеме до зари просочившихся в расположение врага, мы довольно легко смогли пробраться до высокой глиняной горы, откуда в двух километрах от нас был виден ельник, накрывавший гусиную лапу Линденберга.

Противник засел слева в кустах. Но молниеносный стиль боя валлонцев всегда был решающим элементом в атаках. Громыхнули наши противотанковые пушки; наши молодые командиры рванулись вперед во главе своих подразделений, развернувшись, как атаковали раньше.

Я был вооружен только тростью, мои офицеры имитировали эту браваду. Работа не затянулась надолго. Несмотря на грязь, в девять тридцать пять мы были хозяевами круглого отрезка территории, куда сходились дороги. Русские танки, потрепанные нашими пушками, спешно ретировались к югу.

Я увлек первую волну атаки к краю соснового леса, бросил две группы в бой за перекрестком и быстро развернул мои пушки: на южном выходе из леса, чтобы парировать возвращение противника, и на северо-западном выходе, чтобы защитить нас от прорыва советских танков, если немецкие танки, победив, потеснят их в нашем направлении.

Разведка вернулась скоро. В чаще в восьмистах метрах от нас скрывалась группа танков противника. Наши люди заметили там сильное оживление. Это не предвещало ничего особенно мирного.

Перекресток был неплохо расположен. Дороги перекрещивались у нас в тылу или пересекали лес по глубокому оврагу. Местность была возвышенная, окаймленная на востоке отвесным рвом. Холм был полностью заросшим ельником, на юго-востоке земля была болотистой.

К несчастью, кроме этого лесистого холма защиты не было никакой. Вся местность вокруг него простиралась голая, как ладонь. Если бы нас выбили из нашего маленького сосняка, то у нас и орудий не осталось бы никакого пути отхода, кроме четырех километров этой разбитой долины, по которой мы прибыли.

Подобный отход под преследованием вражеских танков был бы практически невозможным. Теперь, раз уж мы были там, надо было зацепиться за высоту, за этот холм Линденберг, ожидая подхода немецких танков.

***

Мы очень рано захватили эту территорию. Мы смогли с горящими глазами следить за яростным боем танков Рейха, продвигавшихся с севера.

Они дошли до самой близкой деревни на нашем перекрестке. «Юнкерсы» воющими струями ныряли на советские танки и артиллерию, чувствовавшими себя в серьезной опасности. Нормальное отступление в юго-восточном направлении было им отрезано. Они не пытались отступить и в нашем направлении. Их танки даже выстраивались на дороге к югу, пыхтя и отстреливаясь. «Юнкерсы» громили деревню с фантастической силой, все горело.

Два-три раза на несколько минут, в течение которых мы думали, что немцы окончательно сломили сопротивление, все стихало. Но всякий раз бой возобновлялся.

В полдень дрались по-прежнему с той же яростью. В бинокль мы видели, как танки шли в розово-золотистом урагане горящей деревни. Артиллерия не сдавалась. Отступающая колонна советских танков давала нам огромные надежды, но затем она снова бросалась в атаку.

***

В одиннадцать часов утра два танка противника вышли из рощи на юго-востоке и атаковали нас. Один из наших людей проскользнул с фаустпатроном и подбил один танк. Вылазка прекратилась.

Через час мы опять услышали лязг цепей. Между елями мы видели пять идущих на нас танков, вскоре еще три присоединились к ним. Они одновременно обрушили на нас град снарядов, осколки которых срубали ветки сотнями. Кричали раненые. Танки обстреливали нас в упор, почти невозможно было поднять голову. И, тем не менее, надо было стрелять, обороняться, отстреливаться фаустпатронами, иначе танки обошли бы или пересекли бы лес и окружили бы нас.

Я бегал от одной группы к другой, чтобы оторвать от земли тех, кто, уткнувшись носом в землю или свернувшись ежиком, затаился на дне окопов. Ели, мощные и плотно посаженные, частично защищали нас: благодаря им танки не могли подобраться к нам и раздавить своим весом. Наши противотанковые пушки яростно отстреливались.

Четыре раза русские танки подходили на несколько метров от наших окопов на краю ельника и четыре раза они вынуждены были отступить. Два советских танка были подбиты в упор. Из строя было выведено одно из наших орудий. Вокруг лежало много убитых и раненых. Но мы не были ни отрезаны, ни окружены.

Надо было сохранять хладнокровие: слева простиралась грязь болот, справа двадцатиметровая скала. Отступить означало погибнуть.

В три часа дня шум боя со стороны озера Меду затих. Деревня в двух километрах к северо-западу от наших позиций не была взята. Немецкие танки заняли вокзал, часть города, но русские, фанатично сопротивляясь, закрывали дорогу. Наше соединение становилось все более проблематичным.

Наш успех имел бы значение только в том случае, если бы фронт выдвинулся вперед, закрепился, и победа танков обеспечила бы укрепление новой линии. Но нам надо было оставаться в пустоте, предоставленными самим себе на нашей одинокой высоте, чтобы рано или поздно нас окружили и уничтожили.

Мелкий дождь леденил нам кости, приближалась ночь. Зазвонил маленький ротный полевой телефон: это был генерал из Штаргарда. Поскольку их атака не удалась, то соединение с нами оказалось неосуществимым, поэтому немецкие танки под покровом темноты собирались отступить. Мы сами должны были в одиннадцать часов вечера без шума отойти на наши утренние позиции.

Едва мы совершили этот обходной маневр по топкой грязи, как я получил телеграмму послать одну из моих рот в деревню Крюссов, расположенную на нашем правом фланге и занятую несколькими потрепанными группами солдат.

Этот населенный пункт охватывал обе стороны дороги Линденберг-Штаргард. Надо было ждать натиска русских, приободрившихся и осмелевших от своей победоносной обороны накануне.

Наши парни прибыли в Крюссов как раз одновременно с советскими танками, смявшими их и отбросившими на другой берег реки Ины.

Это было ужасно. Командир роты организовал оборону на правом берегу. Он ничего не мог поделать, так как его послали в Крюссов слишком поздно. Но деревня была важным пунктом. Наши офицеры неохотно воспринимали поражение. Они были гордые.

Без всякой манерности или позы, но с потрясенной душой, наш молодой ротный привел в норму боевые порядки, сообщил мне по телефону свой план, затем в одиночку побежал по дороге в сторону Крюссова и был убит у его стен.

Бескорыстная смерть, но смерть за честь эполет, за честь погон, за знамя!

***

На следующий день немецкий командующий безуспешно попытался отбить Крюссов с десятком танков и всеми «Юнкерсами», бывшими в распоряжении. Все попытки провалились, замок запылал, деревня взлетела на воздух, а русские остались, как привязанные, у своих противотанковых пушек и своих танков, крепко засев в развалинах. Тем временем пал большой населенный пункт Даммлиц. Новости были все печальнее.

Меня вызвали в поезд к Панке, где находился штаб армии. Ее командующим был никто иной как генерал Штайнер, наш бывший командир на эстонском фронте под Нарвой и Дерптом. Он доверительно сообщил мне о скорой попытке изменить положение. Было подготовлено большое немецкое наступление на восток. В назначенный день будут выдвинуты огромные клещи, одна клешня из Померании, другая с юго-востока Рейха. Зепп Дитрих находился в этом деле под Бреслау. Что касается группы армий, к которой относились мы, то она должна была действовать под личным контролем Гиммлера. В наш сектор должно было подойти много танков, их первой задачей было совершить дерзкий прорыв от Штаргарда до Ландсберга. Вторая атака должна была привести нас из Ландсберга навстречу наступающим частям, которые спустятся от словацкой границы.

Я вернулся в часть, воодушевленный огнем предстоящей битвы. Разумеется, на карту будет поставлено все. Но сколько отваги, силы может быть в действиях командира, который, зажатый со всех сторон, отвечает военной наукой и волей головокружительным извержениям мощи! И какой будет театральный трюк, если армии, соединившись с севера и юга, окружат и уничтожат, как в начале лета 1941 года, массу советских войск, задействованных вдоль территории Рейха!

***

Все было покрыто тайной и тишиной, как при Арденнах. На передовые позиции как любитель и не без некоторой удали прибыл Геринг. Он имел яркий успех среди наших солдат, к которым он обращался с подкупающим добродушием. Он был нарочито объемным, покрытым несколькими пальто, нависавшими одно на другое, удивительного цвета коричневой резеды. Его можно было принять за огромную кормилицу, одетую как сербский генерал. Из своих грудей он доставал толстые сигары, как бутылочки с соской. Каждый получал свою часть из этого чудесного запаса.

В ночь с 15 на 16 февраля 1945 года неожиданно открылась неизбежность крупных военных операций: на нашу узкую полосу для броска в непрерывном грохоте прибыли три бронетанковых дивизии танков, пушек и грузовиков.

Наши валлонские полки до этого момента ничего не знали о плане наступления. Поначалу солдаты посмотрели друг на друга, удивленно вытаращив глаза: «Что происходит?!» Скоро затем их охватило радостное воодушевление. На восходе танки пошли вперед. Это было наступление!

Последнее наступление

16 февраля 1945 года на Восточном фронте верховное немецкое командование бросило в контрнаступление все, что оставалось из мобильных сил и, в частности, бронетанковые части.

Гиммлер направил войскам зажигательную речь. В этой речи он повторял, с силой акцентируя мысль: «Вперед, солдаты возмездия!»

Дойдя до Ландсберга, мы должны были обойти и окружить огромную советскую армию, уже достигшую и форсировавшую Одер напротив Берлина. Если бы успешно прошло наступление Зеппа Дитриха за Бреслау, если бы все мы в завершение всего соединились в Польше со стороны Лодзи, то эхо этой зимней победы было бы оглушительным.

Гиммлер надеялся здесь на успех операции, не удавшейся на Западном фронте в конце декабря 1944 года; вместо клещей Арденны-Эльзас должны были быть клещи Померания-Словакия.

Генерал Штайнер, армия которого должна была нанести самый мощный лобовой удар, накануне сражения ликовал:

– Мы победим! – повторял он, с чувством хлопая меня по плечу.

Но в штабах больше внимания обращали на трудности и препятствия. Атмосфера была такой же, как при Монмирайем, когда Наполеон бросал свои последние молнии, трепетные как огонь, но так же и самые призрачные, эфемерные.

Военных специалистов фантазии не обольщали. Но каждый, специалист или нет, знал, что на кровавое сукно будут брошены последние карты.

***

Валлонцы, как немоторизованные части, не участвовали в первом ударе. Мы должны были пропустить волну атаки и подстраховать ее на случай фланговой контратаки врага. Немецкий командующий опасался ответных действий Советов с целью отрезать бронетанковые дивизии Рейха на западном фланге, где начиналась атака, когда они бросятся в контрнаступление на южный край коридора.

Чтобы предотвратить эту опасность, в ночь перед большим походом мы получили приказ расширить зону безопасности, в частности, отбить и занять пресловутый хребет Линденберг, взятый нами приступом 9 февраля на заре и откуда мы отошли следующей ночью.

Во второй раз операция удалась. Усиленная подкреплением рота крепко обосновалась на холмах. Ей командовал герой эстонского фронта лейтенант Капель, молодой гигант с лицом кирпичного цвета, стойкий, скромный, излучавший самые чистые достоинства и добродетели.

Наш боковой авангард тоже выдвинулся к юго-западной части хребта, то есть по линии высот, и отбил у неприятеля одну стратегическую точку в двух километрах за нашей главной линией.

С десяти часов утра, благодаря привычной валлонцам быстроте, задачи были выполнены, поэтому я смог отправиться на южный участок Репплина, откуда должны были двинуться моторизованные дивизии…

С первых же минут я был неприятно удивлен. Атака не началась в пять утра, как предписывали приказы. Танки двинулись в наступление только в десять часов.

Я устроился в одном из наших пулеметных гнезд и не терял из виду ни одной детали. У немецких танкистов еще сохранился их высокий стиль. Они были с меньшим боезапасом, но также прекрасны в слаженности боевой работы.

У русских было огромное количество противотанковых орудий. Многие из наших танков вспыхнули, похожие на фруктовые деревья в цвету, пока остальные не добрались до леса, покрывавшего склон напротив. Но другие танки шли по флангам. Они прошли лес, и пришло время пехоты с той же скоростью броситься в атаку.

Но эта пехота оказалась вялой. Это уже были не те молниеносно атаковавшие части былых времен. Многие миллионы солдат пали на Восточном фронте. Чтобы заполнить пустоту, в обескровленные дивизии отовсюду набрали каптерщиков и резервистов, у которых отсутствовали боевой задор, здоровье, вера, военно-техническая подготовка и тренированность победителей первых летних кампаний. Не было больше и прекрасных младших офицеров, чтобы командовать и тренировать вновь прибывших.

Лишь к двум часам дня была занята первая деревня, Бралентин, которая по замыслу должна была быть взята утром, с восходом. Из-за этих проволочек эффект неожиданности был потерян.

С середины ночи, среди грохота немецких танков на марше, мы ловили русские радиопередатчики, запрашивавшие срочную помощь, подкрепления. Прошедшие часы позволили неприятелю перегруппироваться.

***

Допросы пленных тоже поразили нас. По их словам, первый советский заслон под Бралентином был укреплен еще двумя танковыми группами на участке двадцать на двадцать километров. Пленные говорили, что вся территория вокруг нас была усеяна русскими танками. Они называли названия населенных пунктов, где были сосредоточены эти танки, приводя детали, не позволявшие усомниться в их искренности.

Я не видел, как можно было опрокинуть все это силами утренних резервистов. У нас тоже было много танков, только на нашем участке их пошло в атаку шесть десятков. Двести пятьдесят других танков и штурмовых орудий одновременно врезались в советские боевые порядки в Померании. Но им ответили вдвое большие силы, втрое большие, если дать им возможность опомниться, прийти в себя. Они значительно превосходили в вооружении. Их можно было победить только скоростью, а начало этого сражения не было таким.

До ночи были заняты еще две деревни. К югу прорыв был на десяток километров. Это был весь результат.

Но штабы уже отмечали быстрые контратаки русских. Те ворвались в третью деревню, где разыгралась яростная дуэль.

Штаргард, самый центр наступления, с приходом темноты был подвергнут массированной атаке русской авиации.

В двадцать два ноль ноль, при ослепительном свете прожекторов, началась бойня. Вскоре запылали огромные пожары. Склад из восьмидесяти тысяч бутылок ликеров, знаменитых ликеров Мампе, вспыхнул. Затем загорелся склад, где было сто миллионов сигарет. Затем вспыхнули целые улицы. Воздушная бомбардировка продолжалась непрерывно, волна за волной, в течение нескольких часов.

В десяти километрах к югу от города из наших маленьких постов мы чувствовали, как вибрирует земля, словно натянутая кожа барабана. До самого места, где были мы, небо было розовое. Во всей округе было светло, как днем.

В два часа ночи меня вызвали на КП корпуса, и мне пришлось пересечь на своей машине этот гудящий костер. Генерал располагался на одной вилле выше Штаргарда. Я получил приказы.

Выходя от него, я углубился в какой-то сад. Подо мной город представлял собой один горящий корабль.

Старые квадратные башни средневековых церквей, прямые и мрачные, вырисовывались на фоне гигантских факелов. Они сопротивлялись в этом урагане, как-будто желая еще бросить в небо последний призыв веков цивилизации, погибавших в этом пожаре.

Они были величественны, черные на красном и золотом фоне. Никогда они не были так красивы, никогда они не несли такого грандиозного свидетельства.

Бедные башни Штаргарда, черные мачты пылающего корабля, пять веков они были доблестной опорой христианской Европы.

Эта Европа, сгоревшая заживо, была родной страной каждого из нас. Эти квадратные, мрачные башни востока были сестрами больших башен Сен-Ромбаита де Малин и серых дозорных башен Брюгге.

Все наши страны Европы перекликались, как колокола. Я слышал в сердце отзвук этих песней боли.

И я не смог удержаться от слез, один на этом озаренном возвышении, перед лицом этих старых башен, что еще торчали из пучины, такие сильные и такие черно-скорбные в своем горе.

***

День 17 февраля 1945 года должен был быть решающим. Поскольку русские с такой дикой скоростью проявили себя в воздухе, то на земле нельзя было терять ни минуты. Или мы используем и тот час разовьем полууспех, или грянет ответный удар.

Немецкие танки, атаковавшие с озера Меду, тоже продвинулись вперед. По плану наступления эти танки с северо-запада должны были в первый же вечер обеспечить соединение с танками Рейха, двигавшимися с юго-востока. Таким образом, все силы русских, задействованные между рекой Иной и озером Меду, должны быть окружены без возможности реагирования.

В действительности же, небольшой успех накануне оказался поражением, поскольку маневр по окружению был раскрыт до его завершения. У противника была целая ночь, чтобы поставить заслон в двух направлениях. Запоздалая атака определенно была бы более трудной.

Но партия не была проиграна. Частям был дан приказ любой ценой осуществить соединение двух линий наступления. Едва рассвело, как дуэль достигла наивысшего накала. Десятки танков пылали на поле битвы. «Юнкерсы» целыми эскадрильями пикировали перед нами, как стрелы с небесных высот…

Поражение

По логике развития ситуации, под угрозой двух бронированных лап, что сближались за их спиной, войска и техника Советов должны были бы отступить от уже почти завязанного мешка под Штаргардом. Накануне коридор для выхода русским был сокращен наполовину, его ширина составляла максимум двадцать километров. Эти двадцать километров будут несомненно отрезаны с утра второго дня наступления.

Ночью наши разведчики внимательно вслушивались в тишину, чтобы различить признаки отступления врага. Советские танки, задействованные в Крюссове, определенно должны были отступить под покровом темноты, также как и тяжелая техника.

Действительно, ночные передвижения были интенсивны. Но шум, который мы слышали, прямо указывал на действия, противоположные нашим предположениям и желаниям. Переброска шла с юга к востоку. Таким образом, русские укреплялись в этом псевдомешке, вместо того, чтобы удирать!

На немецкую угрозу в своем тылу Советы собирались ответить, угрожая самим немецким тылам. В конце ночи они с яростью атаковали за пятнадцать километров за спиной наступавших дивизий Рейха, и именно наш невезучий опорный пункт под Линденбергом должен был получить самый суровый удар.

***

Это было понятно. Тот, кто держал хребты Линденберга, держал под контролем многие коммуникации района. Русские, отступившие с этого холма, думали, что он вскоре послужит местом начала второй атаки с целью развязать мешок, как только он закроется на юге.

Обе стороны рисковали максимально, как бы в удовольствие: наступавшие, – перенося всю мощь на южный выступ; обороняющиеся – укрепляясь на востоке внутри самого сектора, на три четверти окруженного.

Этот советский ответный ход не мог не понравиться немецкому командованию, если оно было уверено в успехе. Все, что оно хотело – это уничтожить и захватить максимальное количество живой силы и техники.

На восходе войска и техника Советов были еще на половине своего размаха. Они так хорошо себя чувствовали, что обрушились на нас с воем и грохотом.

И речи быть не могло, чтобы уступить. Русские, как и немцы, весь день должны были выложиться по максимуму. Победит тот, кто бросит вперед последний танк и последнего солдата.

Немецкое командование в Штаргарде хорошо отдавало себе отчет в том, что участь, ждавшая наших сто семьдесят солдат, оседлавших высоты Линденберга, будет особенно жестокой. Не было ни одного танка, чтобы их поддержать. Все танки, все противотанковые орудия, вся артиллерия были на юге. Оттянуть

технику для оборонительных действий на флангах означало уменьшить шансы закрыть мешок и диктовать волю противнику.

17 февраля в моем распоряжении действительно не было никакой тяжелой техники, за исключением двух бронепоездов Люфтваффе. Они не могли продвигаться дальше на юг, так как железнодорожная линия была отрезана. Поэтому их по царски подарили мне. Они нам эффективно помогали, хотя и были быстро обнаружены и облиты дождем ракет «Катюш». Но они не смогли помешать неотвратимому.

Советские танки со всех сторон обстреливали наших товарищей. Через несколько часов их снабжение стало невозможным. Ужасное месиво простиралось по их флангам и тылам; редкие проходимые участки полностью контролировались советскими танками. Утром с большим трудом доставили раненых, протащив через месиво под непрерывным обстрелом. Мы попытались послать подкрепления: только полдюжины солдат смогли пройти через пули советских заслонов, остальные были скошены и сгинули в болоте.

Лейтенант Капель сохранил полное хладнокровие. Через каждую четверть часа он сообщал нам по радио краткое изложение ситуации. Русские танки умело держались вне досягаемости фаустпатронов. Метр за метром они сметали огнем наши позиции. Было уже много убитых. Но сопротивление наши товарищей было достойно восхищения.

Капель получил приказ продержаться на высотах двадцать четыре часа, двадцать четыре часа, которые должны были решить победный исход или поражение общей операции по окружению. Советские танки так яростно атаковали его, что волонтерам пришлось покинуть позицию и, вооружившись фаустпатронами, ползти на открытой местности навстречу танкам противника.

Один из наших молодых офицеров показал пример солдатам: дважды раненый, чувствуя, что погибнет, он предпочел пожертвовать собой, чем ждать смерть: истекая кровью, он подполз поближе к танку и выстрелил из фаустпатрона, но его снаряд не пробил броню танка, разорвавшего нашего героя.

Ночью Капель по-прежнему непоколебимо держался. Были подбиты два танка противника, но другие раздавили и заняли много наших позиций.

***

На юге немецкие клещи по-прежнему не были сомкнуты. Танки Рейха продвинулись вперед, но Т-34 были почти неуязвимыми. Один из них, широкий, как баобаб, загородил дорогу, оставаясь целый час поперек пути на выходе из деревни. Никто не мог его сдвинуть, так как он даже уперся в стену дома.

В такой отчаянной ситуации в дело вступили «Юнкерсы». Весь выход из деревни был изрыт бомбами. Каждый был уверен, что на этот раз все было кончено. Облака пыли осели на землю, и что мы увидели? Из вздрогнувших развалин выполз вражеский танк. С обломками стен и крыши на броне он бросился в атаку. Его обстреляли снарядами. Он невредимый продолжил свой путь и исчез в роще на южной стороне.

К ночи нам оставалось преодолеть еще четыре километра. Только четыре километра! И все. Такие четыре километра!..

Немецкие танки с востока и с запада десять, двадцать раз бросались в атаку. Советские танки, противотанковые орудия, пехота не отступили и своими

контратаками не позволили завязать горловину окружения. Пришлось остановиться и перенести завершающий удар на следующий день.

Немецким танкам не суждено было соединиться. День 18 числа прошел в отчаянных усилиях. Вместо преодоления четырех километров, чтобы завершить, наконец, окружение, на рассвете две немецкие наступательные стрелы сдали позиции.

Противник успел подтянуть подкрепления. За сорок восемь часов прибыло множество советских танков и противотанковых орудий, обрушившихся на немцев, изнуренных своими атаками, и отбросивших их за много так дорого доставшихся нам деревень.

Пришлось не только отказаться от мысли о большом наступлении на Ландсберг, но даже и первая стадия, начальная фаза операции не была завершена. Тиски разжимались. С этого момента операция была обречена.

***

На своих высотах Линденберга наши горемычные товарищи с яростью выполняли полученный приказ. Никто из них не допускал мысли, чтобы однажды кто-либо мог сказать про них, что они не дошли до самых границ самопожертвования, чтобы дать возможность друзьям-немцам, сражавшимся на юге, попытать свой последний шанс!

Наши раненые сражались как и остальные, обливаясь кровью, предпочитая погибнуть в бою, чем быть добитыми прикладами или лопатками.

У лейтенанта Капеля оставалось еще шестьдесят семь солдат. Они погибли на месте, сражаясь с восхода солнца до трех часов дня.

Капель спокойно доложил нам о последних фазах агонии. Советские танки были повсюду. Люди отчаянно бились малыми очагами сопротивления. Наконец, остался один маленький островок командного пункта, окруженный воющей ордой головорезов.

Когда рукопашная подходила к концу, Капель, тяжело раненый, но еще стрелявший из пистолета, распрямился в рост, как смог, перед русскими, бросившимися на него. В полутора метрах от них он застрелился.

Только четверо раненых, по шею увязших в болотной воде, видели последние минуты драмы. Ночью через ужасную топь они добрались до нас. Двое из них умерли от изнеможения в грязи. Двух других, полумертвых, нашел наш патруль.

Это самопожертвование валлонцев у Линденберга вызвало мощный подъем духа среди немецких дивизий в Померании. В сводках новостей сообщили и затем зачитали перед строем во всей армии об этом геройском подвиге. Герои были названы в сообщении ставки Верховного главнокомандования.

Капель посмертно был представлен к Рыцарскому Кресту. Скромно, тихо, как и шестьсот героев в истории Бельгии, павших за Честь и Веру.

***

На юге поражение казалось неминуемым. Последняя немецкая попытка выпрямить фронт на востоке провалилась. Все же можно было надеяться, что потери боевой техники противника замедлят его наступление на Штаргард.

Эта надежда не оправдалась. Вышедшие из строя советские танки сменили еще более многочисленные новые. Пришлось отступить на наши позиции, затопленные грязью.

Напротив, бронетанковые и моторизованные дивизии Рейха отступили также быстро, как и пришли; поскольку план прорыва в сторону Ландсберга был оставлен, танки и грузовики исчезли следующей ночью. Они были нужны под Кюстриным, а нам они оставили глубокие незакрытые проходы, позиции без артиллерии и открытую угрозу с юга.

Германская сводка едва упомянула об этом неудавшемся наступлении, бывшим последней надеждой Восточного фронта. Оно было обозначено несколькими фразами как локальная контратака местного значения.

Мы отошли к нашим прежним стрелковым гнездам-окопам. За нашей спиной, как разрушенное кладбище в руинах, стоял мрачный, раздолбанный, разодранный Штаргард.

Потоп

От немецкого наступления 16 февраля 1945 года в направлении Ландсберга, от прохода танков, грузовых машин и пушек, что мы наблюдали в течение четырех дней, в качестве всех трофеев осталась лишь скромная деревня Браллентин и несколько хуторов.

Материально война стала невыносимой. На западе крупное наступление Арденны-Эльзас тоже провалилось. На Западном фронте не было больше никакой другой возможности отвоевать приоритет, тем более преимущество.

На востоке аналогичная неудача постигла контрнаступление, задуманное Гиммлером. Стало очевидно, что любая попытка отрезать советские войска была напрасной. Русские были в десять раз сильнее нас в живой силе и особенно в вооружении. С этого момента только волшебное применение нового оружия в последнюю минуту могло отвратить победу Советов, как и англо-американцев.

Рейх держал волка только за уши. Запад был без войск. Восток был совершенно обескровлен. Несколько танковых дивизий еще носились там и сям, что-то предпринимали повсюду от Штеттина до Кюстрина, от Кюстрина до Дрездена. Кроме них, фронт представлял собой отдельные измотанные очаги сопротивления, можно сказать, без танков и боеприпасов.

Один крайне строгий, суровый приказ, переданный по телефону, запрещал мне, равно и как и всем командирам дивизий на фронте в Померании, расходовать в день более шести или десяти снарядов в зависимости от калибра!

Что? Русские шли в наступление?.. Тогда наши пушки стреляли несколько минут и затем молчали до следующего дня!

Армия, разорванная фантастическим свинцовым ливнем, должна была испытывать удар вражеских частей, почти не задетых потерями, в сопровождении танков числом в пять, десять, двадцать раз большим, чем у нас!

На каждом участке дуэль проходила в одинаковых условиях: несколько сотен солдат, лишенных всего, изнуренных усталостью, грязью и тысячами снарядов, должны были противостоять лавине противника, залезшего на броню многочисленных ревущих танков, сметавших все на своем пути.

***

После провала последнего наступления мы оказались более одинокими, чем когда-либо. Наш участок имел форму длинного рыбьего хребта. Хвост был в Штаргарде, голова у деревень Кремзов и Репплин, на юге. Наш левый бок проходил по реке Ина (основное течение) и по большой трассе Штаргард-Щёнеберг. Правым флангом (запад) была линия притока Ины, к деревне Штребелов и через хутор Коллин. Оба последних населенных пункта постоянно обстреливались с того момента, как высоты Линденберга оказались в руках Советов. Крыши были разрушены, последние домашние животные побиты в хлевах.

Пути связи были практически непроходимыми, их обстреливали сотни снарядов. Нам приходилось нестись с сумасшедшей скоростью на наших «Фольксвагенах», как только раздавалась пальба по дороге.

Русские укреплялись все более и более. Мы это видели, мы это чувствовали, но мы ничего не знали точно. Вот уже с неделю не было взято ни одного пленного. Красные, окрыленные успехами, с танками по бокам, были неуязвимы. В последние недели войны на востоке в 1945 году надо было брать больше солдат, чтобы взять одного языка, чем захватить целый район в СССР в 1941 году.

Но эти языки, будь то лохматый монгол, позеленевший калмык или сибирский зек были нужны командованию. Поэтому мы получили приказ из армейского корпуса, по которому подняли ночью две сотни людей, чтобы заполучить одного языка.

Нам обозначили цель – большую ферму под названием Карлсбург, расположенную на западе от Штребелова, просторный четырехугольный кирпичный дом с длинным хлевом и подсобками, где крепко засели русские.

Мы должны были обойти противника, выманить его на рукопашную, потерять десять солдат, двадцать, если потребуется, чтобы один или два ошеломленных, лохматых и вонючих пленника сказали в штабе о том, что замышляется против нас.

Операция началась в девять часов вечера. Часть нашего отряда из Коллина тронулась с наступлением сумерок, проходя по болотам, чтобы в самой полной тишине пробраться на западную часть Карлсбурга, то есть в тыл врага. В это время остальная часть совершала отвлекающую атаку с севера.

Для таких атак валлонцы не имели себе равных на Восточном фронте. Они с кошачьим проворством бросились на неприятеля. Успех был просчитан с математической точностью.

В двадцать сорок пять наша пушка открыла огонь по ферме в Карлсбурге. Амбар вспыхнул. В тот вечер был сильный ветер. Сараи, где были огромные количества шерсти, вспыхнули феерическим огнем. Шестьсот баранов сгорели заживо в двусторонних яслях. Миллионы золотистых нитей взлетели в небеса, поднятые ветром.

Тогда наши люди бросились с севера и с запада, чтобы оттеснить противника к нашим позициям. Враг фанатично отбивался в этом пекле. Вокруг всех строений были видны огни автоматных очередей. Это было словно театр теней, что прыгали, бегали, падали.

В двадцать один сорок пять взметнулась зеленая ракета – сигнал того, что языков взяли и что наши ребята отходят к своим позициям.

У нас были относительно высокие потери. Хотя мы не захватили ничего, никакого клочка земли, поскольку наши атаки разбились об оборону неприятеля. Только священный душевный пыл наших людей и их неукротимый порыв позволили завершить дело. И еще произошел курьезный случай: к концу боя два азиата, несмотря на пожар, пушечный грохот и всеобщую пальбу со всех сторон, по-прежнему спали, как убитые, в своих наблюдательных укрытиях перед фермой! Пришлось их разбудить и вести к нашим позициям. Карлсбург горел всю ночь, линию горизонта мела огненная пурга.

***

Я отправился к генералу в армейский корпус, чтобы доставить несколько медноликих мужиков, нужных ему. Допросы убедили нас. Они показали немецкому командованию, что наступление на город Штаргард было готово, что основной удар будет нанесен к востоку от Ины. И действительно, на следующий день русские сразу покатились на Браллентин и Репплин, обороняемые немецкими и голландскими войсками СС. Они форсировали Ину в основном течении и подошли к Шёнебергу примерно в двадцати километрах к юго-востоку от Штаргарда.

Как можно было удержать фронт, лишенный тяжелой оборонительной техники? Шёнеберг пал. Несколько немецких танков, затерянных в этой бреши в три десятка километров, безуспешно попытались остановить поток наступления, вырвавшегося на оперативный простор. Советские танки вспороли весь участок немецкого фронта к востоку от нас и словно в авторалли устремились по трассе Шёнеберг-Штаргард.

От них нас отделяли лишь Ина главная и легкий склон. Толстые землистые спины неприятельских танков выстраивались в боевом порядке перед нашими глазами, один за другим достигая высоты нашего КП. Со следующего дня бой шел у нас за спиной. Нам приходилось поворачиваться на северо-восток, чтобы наблюдать продвижение русских танков.

Несмотря на ураганный штурм, наши Коллинские укрепления на юго-западном выступе выдержали. От разбитой деревни, пустынных улиц, усеянных тысячами осколков и обломков, веяло катастрофой и смертью.

Но наши люди не были выбиты врагом ни из разрушенных домов, ни из своих пулеметных гнезд. И все же напрасно было надеяться, что ситуация сможет еще измениться к лучшему.

Мы получили приказ отойти от Коллина и Штребелова и все силы из этих населенных пунктов перебросить на Кремзов-плацдарм, закрывавший второй путь на Штаргард.

***

Я доверил оборону одному из самых известных ветеранов Донбасса и Кавказа майору Жюлю Матье. Он держался со своим отрядом в этом плотно сдавленном врагом городке вопреки всему.

Русские попытались обойти Кремзов с запада. Наши укрепления там были подготовлены в спешке, на скорую руку и были почти открытыми. Они были десять раз проутюжены, прочесаны и взрыты врагом, но все десять раз были

опять отбиты рукопашными схватками. Повсюду в жиже валялись тяжелые, как свинец, набухшие трупы.

Только танки могли спасти нас. Я добился от армейского корпуса четыре немецких танка – четыре! Они пришли нам на помощь. Предварительно пришлось собрать все запасы горючего, остававшиеся у нас. Едва танки выдвинулись на позицию под Кремзовым, как два из них у нас забрали, а у двух других было всего по четыре снаряда. Но нам даже не пришлось использовать и их, потому что они тоже были отозваны со всем своим прекрасным боезапасом, оставив нам заботу выкручиваться самим.

Их отводили, потому что на дороге Шёнеберг дыра становилась все более трагичной. Все открывалось, фронт обнажался. С нашего КП мы не теряли из виду ни одной детали. Русские танки двигались вдоль домов и вдоль кладбища.

Когда они прошли уже много километров за наш участок, мы получили приказ оставить Кремзов и более-менее выровнять линию. Но линейное выстраивание было иллюзорным…

Так как в нашем тылу не только грохотали советские танки, но и слышалась стрельба пехоты, сопровождающей танки и ночью перешедшей главное течение Ины. Ни малейшего сомнения не было в окружении наших войск в достаточно короткое время.

Штаргард в руках Советов

В субботу 3 марта 1945 года Штаргард пал.

Между старым померанским городком и нашей временной, выстроенной как попало линией располагалась всего одна большая деревня Виттишоф и перекресток дорог близ Клютцова, где стоял сахарный завод.

За две недели до этого вся территория и ангары этого завода кишели немецкими танками, прибывавшими для наступления. Теперь же это была пустыня, по которой колесила моя машина.

С утра танки противника двинулись в направлении юго-восточных пригородов Штаргарда. Советская пехота еще раз форсировала Ину совсем рядом с городом и за нашей спиной отрезала песчаную дорогу на Виттишоф.

Я сразу же бросил туда одну роту. Слишком поздно, дорога была непроходимой. Пули сотнями свистели вокруг нас. Одна из них пробила ворот моей шинели на уровне шеи. Повсюду мы дрались на короткой дистанции.

У наших людей, перемолотых усталостью и тревогой, были изможденные оливкового цвета лица. Они обстреливали врага, прильнув к скользкой или каменистой насыпи или погрузившись в силосную яму желтой и серой свеклы с тяжелым запахом.

Мужики сотнями возникали из топей, коричневые и фиолетовые, как квакающие земноводные.

Душой обороны под Виттишофом был один старший офицер бельгийской армии майор Хельбот, в то время начальник штаба дивизии, богатырь и совершенный идеалист. Сын и внук двух бельгийских генералов, оба которые были военными министрами, он носил на своей униформе рядом с Железным Крестом первой степени боевой орден Боевого Приклада, завоеванный под Изером в 1918 году.

Вдохновленные его отвагой, наши солдаты не дрогнули на юге Виттишофа, хотя они все время находились на восемь километров впереди под стенами Штаргарда, с утра атакованного русскими танками. Оставшись последними на южном и юго-восточном участке, они цеплялись, вгрызались в землю, полностью обойденные с востока и под постоянной угрозой с юго-запада.

Роты стоически выдерживали все до конца, их громили одну за другой. Со спиной, разорванной осколком снаряда, агонизировал второй предводитель рекситской молодежи младший лейтенант Поль Мезетта, поэт, пылкая душа, настоящий рыцарь, который, несмотря на ужасные раны с Кавказской кампании, изъявил желание вновь занять свое место в бою.

От батальона Дитриха осталось всего с сотню бойцов. Они посылали проклятия, стреляли, контратаковали, катались в кровавом месиве с киргизами и монголами, но ничто не могло их сломить.

***

По шуму танкового боя мы определили, что русские должны быть теперь у самого Штаргарда. Наше положение было невероятно сложным. Хотя мы находились на конце изолированного южного выступа, под постоянной все более определенной угрозой окружения, с середины дня от нашего дивизионного КП мы не получили ни одного приказа, ни одной ориентировки. Было пять часов вечера. Мы должны были неотвратимо попасть в руки русских.

Мне казалось неслыханным, невозможным, чтобы нас вот так просто бросили на произвол судьбы. Я прыгнул в машину и поехал к генералу. Ни на минуту не допуская, что все уже могло быть кончено, я въехал в Штаргард, и едва успел крутануть руль и свернуть в пригород: русские танки входили на улицы. Рядом с вокзальным мостом, среди своих чемоданов лежали кучи тел убитых женщин, сраженных очередями из танков. На северо-западе города советские танки выстроились в боевой порядок по обеим сторонам дороги на Штеттин.

В нескольких километрах оттуда, в армейском корпусе я узнал, что наш штаб, находившийся в Штаргарде, был сметен наступавшим противником во второй половине дня: генерал исчез, как в какой-то ловушке. Армейский корпус послал нам запоздалый приказ отступить, но связных мотоциклистов, видимо, перехватили по дороге.

Я круто развернулся и рванул к Виттишофу. Мне повезло добраться до одного нашего телефонного кабеля. Я обрезал его, подключил портативный аппарат и таким образом смог вовремя скомандовать и скоординировать отход своих людей.

Мои солдаты, чтобы не попасть в окружение, направляясь с юго-востока, совершили обходной маневр в западном и северо-западном направлениях вдоль озера Меду. Оттуда они должны были подтянуться в направлении Штаргарда, чтобы занять позицию на северо-восточной части города.

Изнуренным, разбитым этими десятью днями и десятью ночами боев, несчастным бойцам предстояло с налета совершить ночной марш-бросок на двадцать пять километров, в липкой, вязкой грязи и сыпучих песках, под постоянной угрозой обстрела врага, который мог отрезать пути отхода.

***

Хватало и смешных историй.

Один из наших взводов, двигавшийся до ночи по дороге из Виттишофа, не совсем точно понял устный приказ и не оценил диспозицию. Предпочитая срезать путь, он направился прямо на Штаргард, как сделал в конце дня я. Этот взвод прошел строем с оружием на перевес через город, занятый Советами уже несколько часов назад.

Ночная тьма отсвечивала от воды, бывшей повсюду. Посты красных солдат были на железнодорожном мосту. Наших людей они приняли за своих. Наши же приняли их за немцев.

Они прошли через весь город и без малейшего окрика или тревоги вышли на северо-западном направлении. Тогда они увидели перед собой выхлопные огни русских танков. По команде они обогнули их через глину черных полей.

***

Я прибыл на наше новое расположение в девять вечера и нашел полный беспорядок, полную анархию. Два батальона организации Тодта, командированные для строительства новой линии укреплений, отступали в безумной спешке:

– Танки! – кричали землекопы.

Один немецкий танк, отступавший с востока, был принят за советский и стал целью всеобщей пальбы.

Очень сложно было получить какие-либо сведения. Русские, действительно, должны были продвинуться далеко на северо-восток от Штаргарда.

Для мотоэстафеты у меня не было ни одного солдата, со мной всего было двое. Я оборудовал свой КП в соответствии с полученными приказами и расположил своего мотоциклиста на три километра впереди деревни на пустой дороге, чтобы он мог сообщить о появлении танков противника.

К восходу дорога была еще пуста. Наши люди подошли с западного направления разрозненными, необнаруженными группами, по уши в грязи, пошатываясь из стороны в сторону как метрономы, ничего не зная, ничего не соображая. Командование корпусом требовало поставить их на позиции немедленно. Это было равнозначно тому, чтобы сложить каменную ограду на вершине горы.

Эти люди не были способны драться ни минуты. Я отправил их к пустым фермам: вскоре Легион храпел как эскадрилья «Юнкерсов». Чисто символически я поставил на юго-восточном направлении младших офицеров. Противник, должно быть, тоже был измотан, поскольку до ночи не было никакого движения с его стороны.

На следующий день, в восемь часов утра я выдвинул своих немного встряхнувшихся, приободрившихся людей на их наблюдательные посты. Они не успели поскучать там: на нас ураганом двинулась волна из пятнадцати советских танков, затем другая из двадцати одного.

Под преследованием танков

5 марта 1945 года мы по-прежнему находились на Ине. Но вместо того, чтобы быть на южном участке от Штаргарда на песчаном массиве, разделявшем два рукава реки, мы были на севере, оседлав одну лишь Ину по обеим берегам.

Опять взошло холодное солнце. Две деревни, Любов и Сааров, были расположены одна напротив другой, по обе стороны реки. Левый берег, частично покрытый лесом, был выше. Правый был голым, монотонным пейзажем с бурой, слегка пересеченной местностью, перерезанной только железнодорожным полотном за домами Любова.

Первая волна советских танков всколыхнулась на подходе к этому населенному пункту. Я как раз выверял по карте наши позиции вблизи Саарова, когда все началось. На каждом берегу у нас было всего по одному потрепанному батальону.

Ни одного немецкого танка не было на нашем участке. Пятнадцать тяжелых советских танков тотчас рванули через Любов. Наши солдаты сопротивлялись, перебегая от дома к дому. В ста метрах от них по другую сторону реки я выставил все наши пушки, чтобы сдержать советскую пехоту, наступавшую вместе с танками под Сааровым.

Через полчаса наши солдаты были отброшены в долину за фермами: мы видели, как они пытались бегом добраться до железнодорожной насыпи, чтобы образовать там новую линию обороны, но советские снаряды сыпались вокруг них. Всякий раз два-три человека оставались лежать зелеными пятнами на рыжей земле.

Другим валлонцам, прижатым к реке, ничего не оставалось, как пуститься через нее в корытах для стирки, и вот так эта импровизированная флотилия добралась до нашего берега.

***

На этот раз на подступах к Саарову в атаку пошел двадцать один танк. Мы только успели увидеть, как вокруг нас рухнули стены: эти монстры были уже в центре деревни.

Одному из наших людей, укрывшемуся за дверью церкви, удалось на несколько минут приостановить эту атаку, подбив из фаустпатрона головной танк.

Но что было делать! Только те кто выжил после этих ужасных недель конца войны на Восточном фронте, могут воскресить в памяти эту бойню, что была тогда. У нас, по сути дела, не было бронетехники. Наш третий танковый корпус сохранил только десятка три танков, из которых осталась только дюжина. И эти несколько танков должны были день и ночь контролировать участок в семьдесят километров!

Зато у русских только на померанском направлении было четыре тысячи танков! В тот понедельник только на две наши высотки их двигалось тридцать шесть штук. И не было ничего, чтобы их остановить! Ничего, кроме собственной груди и фаустпатронов!

Отбиваться фаустпатронами хорошо только в кино. На самом деле, удачные попадания были редкими. Надо было ждать подхода танка, чтобы выстрелить в упор. Если он был один и если снаряд попадал, к счастью, в жизненно важное место, – это была удача! Но часто танк не был подбит, к тому же часто танки шли

волной, предварительно сметая все на своем пути. Язык пламени от фаустпатрона, длинной в пять метров, выдавал стрелявшего. Даже если он подбивал танк, другой танк через полминуты прошивал стрелявшего пулеметной очередью.

В каждой части были великолепные герои, которые до последнего дня уничтожали танки фаустпатронами. Это было очень необходимо, так как ничего другого у нас не было. Но солдат, шедший на этот риск, был почти уверен, что погибнет.

***

Приказы были по драконовски жесткими. Они не учитывали никакой стороны нашего положения: ни психологической, ни моральной, ни политической. Принималось в расчет только одно ужасное: сопротивляться!

Нельзя было отступать. Даже если тебя обошли со всех сторон, надо было держаться, цепляться за землю, подставлять себя под уничтожение. Генерал, сдававший позицию, был обречен. За месяц боев в Померании у нас восемнадцать раз сменилось командование!

Командующие армией, корпусом, дивизией летали как теннисные мячики. В конце концов, мы даже не знали, кто нами командует. Но каждый генерал, чувствуя непостоянство своего положения, отдавал жестокие приказы независимо от того, можно или нет было их исполнить.

Мой батальон под Любовым, преследуемый танками и наполовину разбитый, был блокирован на правом берегу Ины. После отступления от Саарова у меня осталось всего сто пятьдесят солдат и ни одного танка, чтобы обороняться. Мой КП находился в одной деревне непосредственно на северо-западе от обоих захваченных деревень. Эту деревню абсолютно невозможно было удержать горсткой солдат, остававшихся у меня. И, тем не менее, от меня требовалось держаться.

Вся долина была усеяна нашими ранеными.

Побледнев от боли и ужаса, мы видели как их добивали: советские пехотинцы, шедшие между танками, разбивали черепа наших несчастных товарищей саперными лопатками. Один из раненых напрасно размахивал белым платком над головой: как и всем, ему разбили череп.

На моем участке еще оставалось несколько немецких пушек. Я поставил их на позицию на входе в деревню и по своей старой привычке приказал ждать совсем последней минуты, чтобы выстрелить в упор по танкам противника.

Под этим огнем красные танки отошли к дубраве и временно занялись обстрелом домов, которые стали рушиться на спины моих штабных офицеров и связистов.

На юго-восточной окраине деревни наши люди поставили импровизированный заслон. Их дух был невероятно крепок, несмотря на гибельное положение. Они хорохорились друг перед другом, подзадоривали друг друга, тем более, что я посылал им всех отбившихся от своих, какой бы они ни были национальности. Они принимали их, распределяя между собой.

Я регулярно информировал о ходе событий новый штаб, который, несомненно, должен был продержаться всего несколько часов. Этот штаб ревниво оставил при себе двенадцать танков, приписанных к юго-восточному и

восточному участкам. По телефону этот штаб великолепно и категорично говорил мне, что «против вас нет ни одного советского танка»! Короче, положение было райским.

Но одновременно с получением этих формальных заверений я собственными глазами видел, как наши несчастные раненые были в полной власти безжалостных танковых снарядов. Они бросались на землю, пытались ползти, но снаряды не щадили их. Если враг мог расходовать столько боеприпасов на эти игры ужаса, то что же могло ожидать нас после этого?

***

Я послал в тот штаб одного из моих офицеров связи, лейтенанта Тони Гомбера, высокорослого, очень проницательного ума. Теоретически, он служил связным, но на самом деле его роль состояла в том, чтобы прислушиваться и приглядываться.

Тогда, когда мне спокойно передавали, что мы можем быть совершенно спокойны за наш гребень высот, где мы были у черта на куличках, немецкие разведывательные самолеты только что сообщили этому штабу, что на нас движется колонна из сорока одного танка!

Сорок один танк! Наш офицер прыгнул на мотоцикл и полетел предупредить меня, но к тому времени мы уже отбивались среди рухнувших домов. Танки наседали на нас со всех сторон.

И еще один сюрприз ждал нас. Пытаясь установить связь с нашим правым флангом, один из наших патрулей нашел пустое место. Наши соседи исчезли. Русские прорывались через эту брешь в юго-западной части леса.

На востоке наш левый фланг тоже был атакован и, совершенно потрепанный советской пехотой, к вечеру перешел Ину, довольно далеко за нашей линией обороны.

И вот в таких условиях мы принимали на себя удар ревущей массы из сорока одного танка. За десять минут они в двадцати местах прорвали наш заслон. Рассеянные на многочисленные группки, наши ребята расстреливали последние фаустпатроны, изо всех сил стараясь под градом огня добраться до западного участка леса.

Русские ворвались на улицы поселка. По телефону штаб неустанно повторял мне:

– Спокойно! Держитесь! Все нормально!

Спустились сумерки, и тогда мы увидели потрясающее зрелище: советские танки зажгли фары, как автомобили на шоссе до войны. Они рвались прямо в лес, откуда уже несколько часов как отступила немецкая артиллерия.

В деревне русские крутили дьявольскую пляску, заняли все фермы. Нас оставалось человек пятнадцать, зацепившихся за северную часть деревни, на краю леса. Я смог чудом дотащить туда свой телефон, по-прежнему целый и невредимый. Среди этого грохота я позвонил в штаб:

– Советская пехота наступает со всех сторон. Фронт полностью сломан. Верьте или не верьте этому, но здесь сорок танков. Нет ни одной пушки, чтобы закрыть лес. Русские танки сейчас туда войдут. Вы понимаете?

Чтобы ответить мне, нашлось только одно слово:

– Держаться!

И потоком ветра остановить сорок один тяжелый танк.

***

В восемь часов вечера мы были еще вчетвером. Мой телефон погиб только что. Всякая связь была окончательно потеряна. Много танков устремилось на нас, чтобы преодолеть первый заслон на пути в лес. Мы пожертвовали последним фаустпатроном, остававшимся у нас. Это в тоже мгновение стоило нам разрыва танкового снаряда прямо перед нами, который свалил одного из трех моих уцелевших солдат и ранил другого.

Я должен был попытаться любыми средствами собрать моих солдат, рассеянных в сосняке. Мой шофер подтащил раненого и убитого к моему «Фольксвагену», замаскированному в кустах. Через хрустящий и трещащий сучьями и пулями лес мы добрались до одной деревни на опушке в пяти километрах к северо-западу.

По дороге мы не встретили ни одного поста, ни одной противотанковой засеки. Несмотря на неминуемую опасность, для противника все было чисто и свободно.

Деревня вытянулась на один-два километра и была полна оборудованием для полевых госпиталей и штабными всех рассеянных частей. Никто ни о чем не догадывался. На каждой ферме с аппетитом ели вкусную пищу, на столах дымился суп.

Мне хотелось еще надеяться, что советские танки не пройдут через этот большой незнакомый лес ночью. Густыми хлопьями начал падать снег. Что стало с моими солдатами? Как они, рассеянные среди этих сосняков, выйдут из этой бойни? Дойдут ли они вовремя до поселка Аугустенвальде по ту сторону леса, где я дал приказ офицерам собрать своих солдат, если в темноте танки отрежут нас друг от друга?

Я представлял, как они по компасу идут через этот сосновый лабиринт многие десятки километров. Потом передо мной опять являлись танки со своими огромными фарами. Где они были теперь?

Аугустенвальде

Было одиннадцать часов вечера. Бой был в разгаре, создавая большой шум, но мы не впервые переживали такую бурную ночь. Мы хотели, отдохнув несколько часов, добраться на рассвете до Аугустенвальде, затем до Альтдамма, где в соответствии с полученным приказом из корпуса должны были перегруппировать остатки нашей дивизии.

Снег валил еще гуще. Уже несколько раз входил шофер, говоря, что пули рикошетят в стену. Я позволял им рикошетить, раз уж это им нравилось.

Рядом с нашим домом раздался мощный рев. О, мы знали этот трагический рев. Только танки могли реветь так сильно и глухо. Я прыгнул к двери. На въезде в поселок, как розовые языки светились вылетавшие снаряды. Танки прошли уже пять километров леса!

На заснеженном горизонте было видно, как в небо повсюду взлетали букеты ночных цветов. Сотни грузовиков неслись в обоих направлениях. Колонна

немецких машин, идя с автострады, шла прямо на танки противника. Другая колонна хотела любой ценой пройти против течения. Дорога была узкой. Пули отскакивали от стен и пробивали крыши машин. Отсвет пожаров и взрывов был такой, что было светло, как днем.

Но не было ни малейшего сомнения, что скоро весь этот восточный базар будет разметен в клочья. Советские танки ломились в эту кучу, был слышен их ужасный рев.

В своей машине мне удалось пробраться к заснеженным полям. Проехав по ним, мы добрались до автострады раньше русских. Позади нас были сплошные розовые сполохи, выстрелы и разрывы снарядов советских танков. Какое сопротивление могла оказать им эта смешанная и суматошная орда врачей, шоферов, поваров и писарей, бежавших наугад в ночи?

Большие грузовики штаба корпуса, почуяв неладное, исчезли четверть часа назад. Все остальное войско было обречено, без всякой надежды. Я бы не дал ни пфеннинга за судьбу сотен машин, сгрудившихся в ложбине, куда яростно рвались танки Советов.

***

По автостраде протянулся этот все более и более ужасный горемычный кортеж. Десятки тысяч женщин и детей стояли в заторе в своих несчастных повозках, покрытые свежевыпавшим снегом. Некоторые из них растерянно смотрели в пылающие небеса. Они ждали. Скоро танки противника доберутся до них. Казалось, что они ничего не понимали. Глаза у них были пустыми. Волосы и полузакрытые глаза больше не шевелились.

Я прилег в одном заброшенном доме в нескольких километрах оттуда, среди бесформенной груды солдат.

На рассвете я еще немного, насколько мог, прошел в сторону русских, чтобы подобрать кого-нибудь из своих солдат, который, возможно, задержался из-за поломки транспорта. На автостраде все было тихо. Скорее всего, русские совершили обходной маневр, чтобы продолжить наступление наискосок через лес. Но эти леса вряд ли были проходимыми. Я с трудом представлял, как могут отважиться танки на то, чтобы пройти сквозь деревья, по этим песчаным лесным дорогам, настолько узким, что всего несколько противотанковых пушек могли бы наверняка приговорить их к уничтожению. И, тем не менее, советские танки должны были быть где-то поблизости. Но их не было на большой дороге.

В десять утра я прибыл в Аугустенвальде. Этот поселок находился на северо-западном выступе леса, в дюжине километров на восток от Штеттина. Он казался настолько защищенным лесным массивом, что подразделения армейского корпуса вчера вечером остановились там.

Я направился к генералу. Начальник штаба, полковник Бокельсберг, привязанный к своему телефону, делал мне отчаянные знаки. Он тыкал пальцем в карту по мере того, как докладывал. Затем он вытер лоб и сказал:

– Все кончено.

Но нам еще со времени боев у Днепра были знакомы эти дни, когда все рушится.

Грузовики корпуса армии были там, значит, ничего особенно катастрофического не было. В конце концов, я собрал в деревне часть наших

солдат и офицеров. В лучших военных традициях уже повсюду пахло жаренной домашней птицей, тщательно перевязанной на вертелах.

Мы молодецки принялись вкушать ее.

***

Несколько пуль отрикошетили от фасадов. Одна из них, наиболее шальная, разбила стекло и впилась в перегородку.

– Мимо! – невозмутимо заметил майор Хеллебаут, – Кур стреляют.

Тридцать, сорок пуль просвистели около нас. Я позволил себе замечание:

– Я думаю, что много кур побили.

Каждый продолжил есть свою курицу.

Но на этот раз весь дом содрогнулся от разрыва снаряда.

Я продолжал настаивать, говоря, что и снарядами кур убивают, и передал соседу блюдо с сочными фруктами, найденными в банке в подвале сбежавшего хозяина.

Я немного приподнялся и увидел, как всюду бегали люди. Мы подошли к двери и увидели сильнейшую толкучку, беготню. Большие грузовики армейского корпуса спешно срывались с места, даже не снимая своих радиоантенн длиной в десять метров. Стреляли отовсюду. Пробегая мимо нас, солдаты кричали:

– Русские танки!

И правда, лес был проткнут, как вертелом, танковым прорывом. На тридцать километров советские танки не встретили никакого сопротивления.

Наши солдаты, проворные как белки, цеплялись за грузовики армейского корпуса. Русские уже достигли вокзала на юго-западе и мели дорогу, по которой весь караван шел в Аугустенвальде.

Машины резко останавливались, как лягушек сбрасывая головой вперед в снежное месиво штабных офицеров. Невозможно было сообразить какую-либо оборону: ни одного немецкого танка, ни одного противотанкового орудия не было здесь. Весь участок был во власти противника. Сама дорога Аугустенвальде-Штеттин была отрезана. Нам пришлось спускаться по южному склону до дороги на Штаргард. Оттуда мы добрались до Альтдамма.

Там нас ждала основная часть наших солдат. Отступление было организовано умело. За ночь потери были небольшие. Но наша дивизия была в плачевном состоянии. Уже в Штаргарде два наших пехотных полка пришлось слить в один. Теперь два батальона этого сводного полка насчитывали всего лишь около четырехсот человек. Многие офицеры погибли. Не было ни одной полностью укомплектованной роты.

Русским удался впечатляющий прорыв. Теперь нужно было несколько дней, чтобы их боевая техника прошла через лес. Из Альтдамма было проведено несколько контратак. Значит, можно было надеяться на некоторую передышку.

Я добился недели, чтобы реорганизовать свой личный состав и слить моих потрепанных солдат с только что прибывшими к нам с вокзала в Штеттине подкреплениями.

Но мне хотелось оставить у себя только самых отчаянных. Я собрал всех людей, поблагодарил их за чудесное мужество. Я прямо описал им положение и суровые бои, что еще предстояло им выдержать. Каждый был свободен выбирать огненный путь или остаться в роте переформирования.

Все пришли в Легион добровольцами. Почти не оставалось больше надежды: я принимал только ту кровь, которую люди прольют добровольно. Больше никто не сможет сказать, что в последних битвах хотя бы один валлонец погиб против своей воли.

Восемьдесят солдат предпочли больше не возвращаться в бой. Я отнесся к ним с таким же уважением, как и раньше. Я не был рабовладельцем. Впрочем, большинство из этих парней были на исходе сил. Я обеспечил им отдых и питание за тридцать километров северо-западнее Одера.

С шестью сотнями остальных уцелевших за этот ужасный месяц и новобранцами я сформировал один ударный батальон. На шестой день, до рассвета, мы с песней отправились в сторону доков и мостов Штеттина.

***

Командиром этого батальона крутых парней был майор Диерикс, с необычным «колониальным» лицом, прошедший через девственные леса Конго до снегов степей. С фуражкой, сбитой на затылок на манер диверсантов, он был смельчаком из смельчаков, по типу героя, прошедшего через Катангу. У него было сердце рбенка и он отдавал свою верность с искренностью и чувством, от чего у него сразу накатывались на глаза слезы.

Линия фронта, куда я привел его батальон, сильно сжалась за неделю. В обороне еще нуждалась часть залива на Одере на северо-восточной части Штеттина. Эта линия обороны шла вдоль автострады на западе от Аугустенвальде, перекрывала Альтдамм и шла дальше до большого бетонного моста.

Мы заняли позицию примерно в центре участка этого фронта перед Финкенвальде, длинным поселением, служившим продолжением пригородов Альтдамма.

Русские занимали выше нас многие высоты на правом берегу Одера. Они установили там более тысячи орудий и непрерывным огнем громили позиции, дома и улицы Альтдамма и Финкенвальде, а также три моста. Никогда с 1941 года мы не видели такой мясорубки.

Штеттинский мост

В середине марта 1945 года жизнь на правом берегу Одера, у Штеттинского моста стала абсолютно невыносимой. Дома Альтдамма и Финкенвальде были разрушены или совсем рухнули поперек улиц, столбы трамвайных линий были сбиты, деревья искалечены, изрублены или обрублены как стебли папоротника. Повсюду путь преграждали огромные воронки.

Артиллерия Советов обстреливала каждую улицу, любое продвижение. Чтобы добраться до наших позиций, нам надо было пройти через лётное поле, на котором остались только обугленные каркасы самолетов. По лестнице, усыпанной осколками стекол, мы могли подняться на террасу аэровокзала. Оттуда открывалась впечатляющая панорама: было видно каждый танк красных, выстроивших машины по краю леса на востоке, видно каждую из батарей противника на высотах.

Наши части больше не владели ничем, кроме одной длинной полосы от северной части Альтдамма до моста через автостраду, эта полоса была шириной только в три-четыре километра. Русские яростно бросились в наступление, чтобы отрезать и занять эту лагуну и сбросить нас к Одеру.

Даже ночью связь с частями была почти невозможной. Тысячи снарядов непрерывно рвались вокруг. Каждый КП роты, быстро вычисленный по передвижениям взад-вперед, сразу становился мишенью неслыханной пальбы. Улицы были усыпаны трупами солдат.

Приказы были фантастически суровы. Беглецов немедленно вешали. Фельджандармы вешали их у начала моста, связывавшего Альтдамм и Штеттин. Ужасно было видеть окоченевшие трупы этих немецких парней, которые, физически раздавленные этими неделями ужаса, поддались минутной слабости. Их тела с табличкой «Трус» раскачивались на ветру. С мертвенно-бледным цветом лиц, с высунутыми синими языками они мрачно болтались на концах веревок, встряхиваемые бесчисленными разрывами, передаваемыми через провода трамвайных линий…

Каждый солдат знал, что его ждет, если он побежит… Лучше было оставаться впереди, под обстрелом и среди воя танков.

***

Потери были ужасные: за три дня шестьдесят защитников нашего сектора были убиты или ранены. Засевшие в свои норы-окопы, когда на поверхности были лишь голова и руки, они часто получали ранение осколками снарядов или ракет в голову и в лицо.

Они подбегали ко мне с ужасной кровавой дырой вместо челюсти. Часто их язык еще лепетал что-то, еще розовый, дрожащий, ужасно длинный в этой кровавой массе.

Бывало двадцать пять-тридцать раненых сразу. Некоторые, кого пуля настигала на бегу, получали ранение в половые органы, которые ужасно тряслись, принимая фиолетовый оттенок. Надо было командовать, следить за всем, среди этого запаха сгустившейся крови и экскрементов, размазанных по всему нижнему белью.

Укрытия уничтожались одно за другим. С первого дня, когда я только что ушел с моего КП две минуты назад, прямым попаданием он был превращен просто в пыль.

Ледяной подвал в Финкенвальде, где я провел последнюю ночь, командуя боем при свете свечи, получил снаряд, полностью прошивший потолок и, не разорвавшись, он упал посреди присутствовавших.

Я поспешил к нашим небольшим передовым постам, так как на нашем правом фланге русские только что прорвали фронт в час ночи. Наши люди мужественно бились, зацепившись за железнодорожную насыпь. Они не отступили. К нам подошли три немецких танка, очень старой модели, но с геройскими экипажами. Только стволы их пушек виднелись над насыпью. За полчаса они уничтожили пять русских танков, прибывших с другой стороны насыпи. Расстояние было такое, что можно было перекрикиваться от одного танка к другому. Мы были полностью ослеплены серебряным светом орудийных залпов.

***

В конце этой ночи генерал, руководивший обороной, обозначил мне новый КП в другом подвале Финкенвальде, ближе к своему, но дальше от позиций валлонцев. Мне предстояло связываться с различными КП роты под носом у русских.

Как дисциплинированный офицер, я сразу же обустроился и послал связистов найти мой штаб, телефонистов и радиопередатчик.

Пули летели со всех направлений. Сначала я увидел, как взлетел на воздух мост автострады. Затем русские пробились через Финкенвальде справа от меня. Они добрались до Одера. Их пулеметы, противотанковая пушка и танки держали под обстрелом путь возможного отступления.

Генерал, час назад бывший на своем КП в пятистах метрах позади меня, не подавал признаков жизни, его телефон больше не отвечал. Я остался один, совершенно бесполезный, спрашивая самого себя, что происходит. Я старался уважать и следовать приказам. Это чуть было не вышло мне боком.

Я спасся в последнюю минуту, и то только благодаря присутствию духа одного фламандского мотоциклиста. Встретив отступавшего генерала, он смело напомнил ему, что я должен быть на моем изолированном КП. Генерал всплеснул руками, он забыл про меня в этой суматохе. Мотоциклист рванул ко мне и взял меня в коляску. На узкой дороге лицом в песок лежало много убитых при отходе немецких солдат. Обстреливаемые пулеметами и пушками из танков, мы добрались до укрытия генерала, как раз в тот момент, когда его только что отстранили от командования.

***

В то утро все казалось потерянным, однако от нового командира мы получили приказ держаться на позициях, остававшихся у нас. Это было мудро. Массивное отступление под открытым небом в такой кутерьме привело бы к настоящей бойне. КП должны были все оставаться на правом берегу, и сам генерал остался там.

Железнодорожный мост в свою очередь тоже взлетел на воздух. Оставался только мост в самом Штеттине. Советская артиллерия обстреливала его непрерывно. Одни снаряды рикошетили о капоты машин, другие поднимали огромные снопы вокруг мостовых арок или раскачивали повешенных, как манекены.

Советская авиация поливала нас сотнями бомб. Эскадрильи пикировали, возвращались, проносились над самыми крышами. Целые куски стен рушились, падали вниз. Позади нас рухнул санпост роты: из кучи обломков доносились крики заживо погребенных раненых.

На высоте линии железной дороги Финкенвальде наши солдаты, поддерживаемые несколькими танками, держались с таким же героизмом, как и их немецкие однополчане среди руин Альтдамма.

И, как всегда, когда партия бывала проиграна, валлонцы отличались своим азартом и хорошим настроением. Они пробирались через сараи в лагерь противника. Некоторых русские захватили и увели к лесу на восточных высотах, но те, воспользовавшись сильной стрельбой немецкой артиллерии, убежали и

после изнурительного бега добрались до наших позиций, за исключением одного, убитого по дороге.

Младшие офицеры подавали пример необычайной храбрости. В батальоне Диерикса у нас был один молодой офицер, бледный и хрупкий, лейтенант Лерой, из Бинша, который, будучи добровольцем, в шестнадцать лет лишился год назад под Черкассами левого глаза и правой руки. Но он непременно хотел вернуться и вернулся на фронт. Он выполнял функции офицера связи. Присутствие в войсках этого рослого инвалида было невероятно воодушевляющим.

Брат Лероя был командиром взвода. За три дня до окончания битвы за Одер он был убит на железнодорожном откосе под Финкенвальде. Наш молодой калека, вместо того, чтобы горевать о потере брата, немедленно попросился занять его место. Я согласился. И мы увидели это чудесное зрелище: высокорослый инвалид дрался три дня и три ночи в рукопашных, стреляя из автомата, с которым ловко управлялся одной левой рукой.

У одной из наших бельгийских медсестер три сына участвовали в боях. Все трое погибли одинаково геройски. Мать, так ужасно потрясенная, не захотела ни на минуту оставить свой пост: напротив, желая быть там, где пали ее ребята, она умолила меня разрешить ей выполнять свои воинские обязанности на первой линии. Среди этого свинцового урагана она помогала нашим раненым с такой отвагой, что была награждена Железным Крестом.

***

Боевой пыл наших солдат был таким, что когда правый берег был оставлен, то честь обеспечить безопасность отхода в последнюю ночь была предоставлена валлонским волонтерам. После отхода всех частей им надо было продержаться три часа на железнодорожной насыпи, пока три дивизии не завершат отступление. Эти три дивизии насчитывали в общей сложности не более тысячи человек!

Битва за Штаргард-Одер длилась пять недель. За эти тридцать пять дней красные предприняли сто атак, потеряли огромное количество боевой техники, принесли в жертву более четырехсот танков, чтобы преодолеть тридцать пять километров, отделявших их от Штеттина.

Эта последняя ночь была в высшей степени патетична. Наши волонтеры при поддержке двух танков проявляли исключительно агрессивную активность. С левого берега реки батареи Рейха обрушили на противника ураган снарядов.

Под их прикрытием остатки трех дивизий, увозя всю технику и свое вооружение, пробрались к Одеру, бесшумно добрались до первого моста, заняли позиции на другом берегу, замаскировавшись среди вороха досок, покрывавших первый полуостров.

Большой порт, освещенный пожарами, еще поднимал свои бетонные доки в семь-девять этажей, не доступные для советских снарядов. В своих мрачных подвалах, где размещались КП, на старых мешках, как в гетто скучились тысячи гражданских русских и поляков.

У Штеттина Одер разделялся на пять рукавов. Только мост через первый рукав, самый широкий, должен был взлететь на воздух к концу ночи.

В три часа ночи каждое подразделение заняло свои позиции на новом участке. Наш первый взвод волонтеров, остававшийся до этого момента на связи в трех километрах за рекой, погрузился на два танка, которые довезли их до самого

конца. Там они быстро сорвались с танков и как вихрь пересекли большой железный мост, с ужасным грохотом рухнувший за их спиной в кипящую воду.

***

Был рассвет. Рядом с нами в лужах оттепели лежали порыжевшие каркасы больших сожженных кораблей. С другой стороны залива Альтдамм вздымал в небо несколько своих красивых кирпичных колоколен. Вверх поднимались облака дыма.

Запоздалые немцы, проспавшие в руинах Финкенвальде и не знавшие об отступлении, прибыли на другой берег с оглушительным криком. Русские преследовали их по пятам. Те бросились в воду: некоторые добрались до нас вплавь, других поглотило течение.

Мы видели, как малыми группами русские подходили к Одеру, как бы боясь засады, однако битва закончилась. Через несколько часов артиллерия прекратила стрельбу с обеих сторон.

Светило солнце. Залив приносил нам запах моря. На конце железных балок у входа на мост, не оторванных взрывом, в тусклом свете маячили трое повешенных, мрачных и зеленых.

Между противником и нами остались только они, со своими белыми табличками, стекловидными глазами и распухшими, скрюченными, фиолетовыми языками.

X. АГОНИЯ НА БАЛТИКЕ

В конце марта 1945 года фронт на Одере был смят окончательно. В этот момент дивизии в Померании переформировывались между Штеттиным и Пазевальком, под водным прикрытием Одера, катившим свою мощную массу, уже взволнованную весенними водами, между двух резко остановившихся армий.

Мы с растущим волнением слушали радио: пала Рейнская область, форсирован Рейн, занят Рурский бассейн, американские танки поднимались в направлении Касселя.

У нас в Ганновере было еще много валлонских солдат: новобранцы на обучении, выздоравливавшие раненые. Кроме этого, семьсот солдат из нашего артиллерийского полка и двести человек из саперного батальона в инструкторско-учебном лагере под Прагой, по всей видимости, тронулись в путь, направляясь к нам.

Я хотел быстро собрать всех. Я оставил своих людей и направился к нашей ганноверской базе, найдя этот район в относительном спокойствии. Прибытие союзников казалось населению лишь дальней перспективой и об этом неприлично было говорить. Крейсляйтер Шпринге спокойно готовил свою свадьбу, назначенную на субботу, 31 марта. Но 29 марта американские танки совершили бросок на сто десять километров. Вечером они находились километрах в сорока от Везера. Еще бросок, и они будут утюжить мостовые Ганновера.

В Гронау, промышленном городе, где находилась еще наша казарма сборного пункта, оказалось невозможным эвакуировать наших раненых. Я взял на себя ответственность немедленно демобилизовать всех выздоровевших.

Оттуда я помчался к югу к населенному пункту Хольцминден: по приказу из комендатуры Ганновера там выставили на позиции, вооружив их фаустпатронами, двести молодых валлонских новобранцев. Эти мальчики пошли бороться с большевизмом, а не для того, чтобы их бросили навстречу американцам и англичанам.

Только после целого дня споров и пререканий было принято решение об их отступлении. Я смог погрузить их на поезд, подошедший в последнюю минуту на вокзал Гранау, привезший моих двести саперов и семьсот артиллеристов, и сразу же отправил полный состав в Штеттин.

Уже слышен был лай союзнических танков, пытавшихся форсировать Везер. Не следовало больше рассчитывать на то, что Рейх будет сопротивляться на Западном фронте. Между американцами и Берлином была полная пустыня, ничто больше не вставало на пути янки. Автострады были пусты.

Зато Восточный фронт сопротивлялся до последней крайности. Верховное немецкое командование решило биться там с яростной решимостью.

Я поспешил навстречу своим солдатам близ Штеттина. Одер блестел на солнце, как большая спящая змея. На линии фронта было спокойно. Фермы были покинуты, всякая живность бегала среди красивого чернозема полей. Воздух был свеж, мягок, пронизан пением птиц. Агония приближалась во влажном запахе астр, примул и лютиков.

Берлин, 20 апреля

Танки союзников заняли Баварию в начале апреля 1945 года. С другой стороны они достигли Эльбы, поднялись к Бремену и Гамбургу.

Но напротив нас Красная Армия не двигалась. Битва в Померании дорого обошлась Советам. Им пришлось оголить фронт у Кюстрина во время контрнаступления немцев в феврале 1945 года, на юге Штаргарда. В течение пяти недель они вели тяжелые бои, чтобы зажать нас и занять правый берег Одера вокруг Альтдамма. Теперь они зализывали свои раны и приводили в порядок боевую технику.

Штеттин был оборудован как автономный плацдарм из восемнадцати батальонов. Третий германский корпус, к которому относились мы, получил в качестве зоны боевых действий район Пенкум. Участок, который мы должны были защищать, как всегда был невероятно протяженным.

Химеры не изжились. В середине апреля 1945 года, за три недели до капитуляции, генерал Штайнер сообщил мне о полной реорганизации моей дивизии: мне должны были дать подкрепление из одного пехотного полка, взятого из немецких частей. Таким образом, моя дивизия должна была быть укомплектована по максимуму.

Кроме того, было решено в ближайшее время создать армейский корпус с дивизией «Шарлемань» (Франция), и меня назначали главнокомандующим.

Я был настроен скептически, я придерживался реальных фактов. С уцелевшими в Померании бойцами, с моими саперами без понтонов, артиллеристами без пушек, я имел ровно столько, чтобы сформировать один серьезный пехотный полк. Я предоставил эту заботу майору Хеллебауту.

Остаток моей дивизии я включил во второй полк, полк сборный, составленный из больных, хромых и старых легионеров, которых невозможно было использовать на передовой.

На одно время эта часть приняла даже сотню соотечественников, работавших на заводах Рейха, которых одел в полевую форму и послал нам один полоумный партийный функционер, не спросив даже их мнения.

Мы были Легионом волонтеров, добровольцев. Я бы ни за какую цену не хотел бы послать в бой, ни даже поставить под ружье в униформе добрых славных парней, не разделявших наших идей и не пришедших к нам по доброй воле. Я произнес им небольшую речь и сказал, что они свободны, дал им паек на три дня и несколько сигарет. Один из моих офицеров привел их в тыл, снабдив документами о демобилизации.

Немного позднее я решил эвакуировать больных и легко раненых. Сопротивление Рейха подходило, образно говоря, к последним метрам веревки. Лучше было спасти и вовремя отдалить от советской бездны тех, кто только обременит нас в последних боях. Это не было прописано в уставах, но я обошелся без этого, подписав на марше кучу приказов. Таким образом, две сотни нестроевых пошли по дороге на Росток, старый порт на Балтийском море.

Потихоньку, но всеми средствами я освобождался от мертвых грузов, стараясь ограничить размеры финальной бойни.

***

Я дрожал при мысли о том, что ожидало добрую тысячу уцелевших бойцов дивизии, остававшихся со мной готовыми к бою на правом берегу Одера. Мы были на крайнем выступе Восточного фронта и могли за два дня отчаянных боев быть смяты или окружены Советами.

С другой стороны, за нашей спиной все быстрее продвигались американцы и англичане. Немецкое командование нашего сектора рассматривало их продвижение довольно доброжелательно, находя его даже слишком медленным! Иллюзии по-прежнему удивляли, многие немецкие генералы с трогательным добродушием воображали, что англо-американцы с часу на час вступят в войну против СССР! По прибытии союзников к Одеру всё, мол, уладится чудесным образом, без сомнения!

Во всяком случае, Верховное командование не принимало никаких мер по обороне от них. Генерал Штайнер говорил даже о том, чтобы поставить в наших тылах лицом на запад большие щиты с доброжелательными надписями.

Я не был так спокоен, как немецкие офицеры. Воспользовавшись временным затишьем на нашем участке, я отправился в Берлин, чтобы расспросить министра иностранных дел фон Риббентропа и чтобы он через нейтральную страну или через Красный Крест уточнил участь, уготованную англо-американцами для наших волонтеров в случае, если мы попадем к ним в руки.

Через неделю на свой КП я получил официальный ответ. Он был ясным: в случае захвата в плен англичанами или американцами, наши солдаты будут рассматриваться как военнопленные. Так должно было быть и в отношении власовцев и всех европейских волонтеров на Восточном фронте.

Это было естественно, правильно. Эта новость ободрила наших парней, поэтому в день краха некоторые из них по доброй воле доверились законности военного командования англо-американцев. Увы, к ним отнеслись не как к солдатам. Эти герои русского фронта, некоторые из которых были один или несколько раз ранены, были отданы ужасной политической полиции Бельгии, брошены в концлагеря, в застенки, преданы поруганию, как обыкновенные международные преступники. Сотни из них были приговорены чрезвычайными судами, отличавшимися бесноватым формализмом, к смерти, многие тысячи – к десяткам лет тюрьмы.

Они были великолепными солдатами, они были только солдатами. Почти у всех были боевые награды, завоеванные в славе и боли. Они сражались с достоинством, чисто, честно, за чистый идеал, с полным бескорыстием. Выдача союзниками этих героев политическим мучителям и извращенцам с моральной точки зрения было низостью, с военной – предательством.

***

Накануне последнего наступления Советов наш Легион получил двойную задачу. Наш первый батальон из шестисот пятидесяти солдат, временно выведенный из моего подчинения, был выдвинут на шесть километров к западу от остатков моста через автостраду близ Одера. Он занимал одну деревню. В случае необходимости он придет на помощь второму полку немецкой полиции, занимавшему высоты на левом берегу.

Мне было поручено командование второй линией обороны в пятнадцати километрах к западу от Одера. Эта линия на четыре лье проходила над широкой болотистой низменностью.

Чтобы занять эту линию, я располагал всего на всего моим вторым пехотным батальоном и одним полком фламандских волонтеров, отделенным от дивизии и переданным под мое командование.

***

К середине апреля русские перешли в последнее наступление. Наш северный сектор от Штеттина до Гогенцоллерна еще несколько дней оставался в странном затишье, но Саксония была захвачена и разрыв перед Берлином сокращался.

На армейских картах у генерала Штайнера я видел устремленные к столице Рейха советские стрелы. Если заслон прорвут, – а он был практически прорван, – то как помешать тысячам советских танков войти в Берлин?

Вечером 19 апреля генерал Штайнер показал мне размеры трагедии: танки красных почти дошли до Ринга, знаменитой окружной автострады Берлина.

Некоторое количество наших парней были с поручениями в Берлине. Даже накануне окружения они с необычайным хладнокровием еще публиковали нашу ежедневную газету на французском языке "L,Avenir" («Будущее»).

Я прыгнул в машину, чтобы оповестить их о серьезной опасности. Берлин был в полутора часах езды от моего КП. В девять часов вечера, проезжая вдоль жалких колонн беженцев, бежавшим по всем направлениям, я въехал в старую прусскую метрополию.

Отель «Адлон» еще работал, несмотря на бомбежки и снаряды, падавшие теперь посреди улицы. В блестяще освещенном ресторане официанты в смокингах, метрдотели в костюмах-тройках торжественно и невозмутимо продолжали обслуживание, подавая куски изысканных фирменных блюд на больших серебряных подносах былых пышных времен. Все оставалось размеренным, изысканным, без нервного слова, без малейшего признака спешки. Несомненно, что завтра или послезавтра здание будет в огне или же приземистые монголы появятся в позолоченном холле. Но «бон-тон» оставался «бон-тоном».

Это было красиво. Костюмы, самообладание, чувство дисциплины немецкого народа, вплоть до самых незначительных деталей и до последней минуты, останутся благородным человеческим воспоминанием для всех тех, кто жил в последние дни Третьего Рейха.

В этом Берлине невозможно было отыскать ни малейшего признака паники. Однако, кто еще мог сомневаться в исходе битвы? Оборонительные укрепления пригородов были смехотворными. Пехотные части – минимального численного состава. Танков была минимальное количество.

Вот напротив Кюстрина были построены настоящие укрепления, но они были взломаны и путь свободен. Всю ночь я колесил по городу, доехал даже до Потсдама. Ни одного следа мародерства, ни одного крика паники. Старики и ребята из Гитлерюгенда ждали врага с фаустпатронами в руках, серьезные, как великие рыцари Тевтонского ордена.

Утром исчезло электричество и перестал работать телефон. Сотни самолетов противника летели над крышами, рисуя многочисленные белые полосы. Снаряды

падали со всех сторон. Тысячи советских пушек вели сумасшедшую стрельбу, в пригородах грохотали танки.

Я собрал своих товарищей в дорогу. В час дня я покинул «Адлон». Один из моих немецких друзей, высокорослый инвалид, получивший в 1941 году под Москвой двадцать одну пулю в тело, вышел проститься со мной под обстрелом.

Он был в сопровождении очаровательных берлинок, нагруженных поэтической жатвой весны. Сотнями фиолетовых анютиных глазок с золотыми сердечками и красных тюльпанов украсили они весь капот моей машины. Они улыбались, простые и мужественные девушки.

Рейх рушился, Берлин тоже. Самые худшие унижения ждали каждую из них, но тонкие, красивые и страстные они еще несли цветы…

Только ценой больших усилий добрался я до старой дороги от Пренцлау до Штеттина. Автострада была уже отрезана Советами. Танки противника долбили сурово. Смешение тысяч повозок и тележек беженцев было неописуемо, они были обречены. Русские наступали.

Когда я подъехал к Брюссову, где находился мой КП, я увидел поднимавшиеся в небо на ширину в тридцать километров огромные, сказочные снопы дыма. Это получил последний удар последний нетронутый участок Восточного фронта.

Как раз напротив наших болот русские выдвинулись по песчаному левому берегу Одера.

Прощай, Одер…

20 апреля, в день рождения Гитлера, в шесть часов утра советская артиллерия открыла неслыханную пальбу по немецким позициям, защищавшим развалины старого моста через автостраду на юге Штеттина.

В течение трех дней мы отмечали необычное оживление на правом берегу Одера: русские обустроились на одном островке вокруг первой арки разрушенного моста. С помощью огромных бочек, понтонов, старых грузовых шаланд и землечерпалок они доставили туда тяжелую технику. Очевидно, готовилась атака.

Части, задействованные в обороне этого особо опасного участка, состояли исключительно из полицейских. Более тысячи русских орудий внезапно обрушили свой огонь на деревню и дюны, где окопались эти доблестные вояки. Они не смогли сдержать мощные советские части, которые, сразу же развивая первый успех, позволили прорваться многим ударным батальонам на ту сторону реки на шлюпках.

Поскольку было нехорошим тоном сообщать о неудачах, командир полицейских предпочел как можно дольше молчать об этом разгроме своих частей.

В результате, когда дивизия, к которой он был приписан, получила известие о трагедии, большевики находились уже далеко на западе от реки и их десант значительно вырос.

Разгром случился раньше семи часов утра: только в два часа дня оповестили батальон, полученный дивизией из резерва. В три часа его бросили в контратаку.

***

До 20 апреля, изучая местность, я и мои офицеры пришли к выводу, что в случае потери левого берега Одера наша контратака будет обречена, если ее не начать как можно быстрее.

Действительно, с холмов левого берега Одера территория спускалась к западу широкими вязкими ландами без складок местности, без естественных препятствий. Идти через эти места перед врагом на возвышенностях означало бы обречь себя на истребление.

Однако, 20 апреля 1945 года, в три часа дня много тысяч русских обосновалось на левом берегу, прошли зону песков и дошли до холмистой местности на шесть километров к западу.

По тактике действий этот валлонский батальон больше не подчинялся моей дивизии. В отличие от меня, некоторые горячие головы, имевшие другие мнения в отношении того, чтобы беречь солдат, отдали жестокий приказ идти в наступление белым днем на целые километры через эти голые поля и отбить левый берег Одера.

Наши бравые парни, без единого слова или отчаяния, с их обычным чувством долга и верности, подчинились. До последнего дня все увидят, что их клятва не была пустым словом.

Надо было хотя бы поддержать и облегчить эту контратаку серьезной поддержкой артиллерии. Но чем стрелять? Какими боеприпасами?

Уже в Штаргарде два месяца назад мы могли расходовать только шестьдесять снарядов в день на каждую пушку. В этой последней битве на Одере приказы, только что нами полученные, были еще более драконовскими: стрельба была ограничена одним выстрелом на один ствол в день! Один снаряд! Один единственный!

Примерно такими же ограничения были и для тяжелых минометов: два выстрела в день! Для легких минометов – один выстрел в день!

В общем – нуль!

У русских напротив нас были тысячи пушек и неограниченное количество боеприпасов. Фронт был абсолютно потоплен советской стрельбой. Нам оставалось противопоставить только безжизненное тяжелое вооружение. Нашему батальону пришлось воевать только с помощью личного оружия. Только в начале операции полдюжины танков поддержали наш подъем и то очень осторожно и издалека. И то русские были потрепаны: три километра были отвоеваны врукопашную менее, чем за час.

Но наши потери были уже очень большими. Наш батальон подходил к дюнам Одера. Бой длился до ночи. Красные успели вырыть пулеметные гнезда на каждом холме, их артиллерия в лоб расстреливала наших товарищей.

Я прибежал на малый КП батальона исключительно чтобы ободрить наших ребят, поскольку, увы, они были отделены от нашей части. В течение вечера я увидел более сотни раненых. Много офицеров погибло. Несмотря на это, атака продолжалась с такой же яростью.

Одной из наших рот удалось достичь деревни, доминировавшей над Одером: наши солдаты смогли вскарабкаться на песчаные холмы в двухстах метрах от воды.

Все-таки они дошли до реки, фанатично исполнив приказ! Но что могли сделать эти несчастные одни на этом берегу? Надо бы было сразу подтянуть за их спиной многие тысячи людей и, особенно важно, артиллерией и авиацией подавить вражеские батареи, а также новые советские части, беспрерывно высаживающиеся на берег.

По песчаным дорогам с тыла подтягивались несколько литовских рот, но что значили эти крохотные подкрепления? К тому же их бомбила советская авиация: все перекрестки были в огне. От каждой деревни в сумрак вздымались серые и красные факелы. Градом сыпались пули, негде даже было укрыть раненых.

Каждая улица была изрыта воронками, каждый дом за шесть-семь километров от поля боя был изрешечен осколками.

***

Ночью русские в огромном количестве высадились на берег и выгрузили со шлюпок много артиллерии и техники. Форсирование реки было практически свободно от препятствий: наша артиллерия без боеприпасов и авиация без горючего больше не могли ничему препятствовать.

Когда встало солнце, советские танки, как крокодилы, были на нашем берегу, осторожные, не пытаясь пока двигаться вперед, но образуя перед разрушенным мостом автострады мощный заслон.

За время ночных боев рота, оседлавшая несколько высот у Одера, потеряла четыре пятых личного состава. Каждый квадратный метр песка был накрыт снарядом или миной.

И, тем не менее, приказы были неумолимыми. Надо было еще контратаковать! Это было какое-то извращение, аберрация! Для успеха такого предприятия больше, чем когда-либо, требовалась мощная поддержка артиллерии, танков, «Юнкерсов» и полдюжины ударных батальонов.

Но мы не собирались ослушаться приказов после четырех лет их выполнения, в каждой атаке неся ужасные потери. Капитан Тиссен, незабвенный Тиссен из Черкасской эпопеи, один из наших изумительных специалистов в рукопашных, получил три пули и рухнул на груду трупов советских солдат. Лейтенант Регибо, семь раз раненый на Восточном фронте, был посечен многими минными осколками, все его тело было в крови. Лейтенант Альберт Верпортен, молодой писатель, полный живого юмора, лежал на земле с раскроенным лбом и двумя оторванными руками.

В течение этого ужасного дня 21 апреля 1945 года шесть раз валлонцы получали приказ атаковать левый берег Одера. И шесть раз они снова бросались в пекло.

Ничто не скажет лучше об их героизме, чем ужасные цифры: из шестисот пятидесяти валлонцев, задействованных накануне в рукопашных боях среди этих дюн, к вечеру 21 апреля оставались невредимыми только тридцать пять человек.

Шестьсот пятнадцать остальных солдат, то есть девяносто четыре процента батальона, были убиты или ранены за дело, которое все тогда уже считали проигранным. Но они верили в бессмертие своего идеала, они пожелали оставаться верными до конца, до конца выполнить приказ, если потребуется, ценой смерти, на земле, которая даже не была их землей…

***

Я провел день, приводя в порядок вторую линию обороны шириной в двадцать километров, что мне предстояло держать на востоке от Брюссова. Но вскоре этот участок почти опустел: от меня рота за ротой взяли всех ребят из фламандского полка, чтобы в свою очередь бросить их к Одеру на трупы наших валлонских солдат.

Таким образом, оборона на второй линии становилась иллюзией. У меня был всего один батальон боеспособных валлонских волонтеров, чтобы защищать двадцать километров территории от противника, потоками высаживающегося на берег Одера.

Русские саперы навели мост через Одер: сотни танков и пушек, целые дивизии прошли по нему, как ураган. В нескольких километрах выше по течению Советы оборудовали два других плацдарма, еще шире, чем у автострады.

Кто теперь мог остановить этот катаклизм? Немецкое командование по-прежнему было категорично: зацепиться! Надо было пожертвовать всем, что оставалось, спасти положение, которое еще можно было спасти.

Но на нас накатывались десятки тысяч русских! Вся местность пылала вокруг нас! Мы непоколебимо стояли на наших позициях под Брюссовым 22, 23, 24 и 25 апреля, поскольку таков был приказ.

Советская авиация полновластно царила в небе. Самолеты со звездами, пронзая пепельный воздух, с ревом ныряли на нас, громили стены, двери, перекрытия. Наш КП постоянно решетили пули.

25 апреля все крыло здания вспыхнуло, затем вспыхнул центр поселка Брюссов. Ревел домашний скот. На земле корчились женщины, пробитые зажигательными пулями, с пожелтевшими руками и ногтями, как шпоры петухов. Каждые четверть часа пальба возобновлялась.

В пять часов вечера прибыла мотоэстафета: армейский корпус отказывался от дальнейшего использования оборонительного рубежа под Брюссовым, далеко обойденного противником по обеим флангам. Мы должны были отступить на новые рубежи на северо-западе от города Пренцлау.

Я сразу же приказал своим людям трогаться в путь. Но жизнь была невыносимой. Последним авианалетом пробило три колеса моей машины, я на скорую руку отремонтировал ее. Вокруг меня во все стороны с диким визгом носились свиньи, вылетевшие из горящего свинарника.

Русские сновали повсюду, как полевые мыши. Открылись хляби небесные. Удастся ли нам избежать гибели в потопе?

На Любек

Пренцлау был старый город с кирпичными церквями, похожими на замки, но с кружевными и освещенными узкими арками. Когда мы проходили через него 25 апреля 1945 года, там тоже только что началась настоящая агония. В течение многих дней советская авиация бомбила улицы. Рухнувшие дома затрудняли продвижение. Обезумевшими стадами уходили гражданские люди-беженцы.

Три тысячи офицеров бельгийской армии только что вышли из оккупационного лагеря в Пренцлау, куда они были интернированы после

капитуляции 28 мая 1940 года. По дороге они пыхтели и обливались потом. Пунцовые генералы с фуражками набекрень вытирали пот, сидя на насыпи или, похожие на раскрасневшихся сиделок, как няни, толкали впереди себя детские коляски, куда они сложили свое барахло. С их стороны нельзя было ожидать особенной спортивности, физической подготовки. Русские бы быстро догнали их.

Мы должны были занять позиции в нескольких километрах к северо-западу от Пренцлау. Я оборудовал свой КП в замке Хольцендорф, кишевший стадами стонущих беженцев. Большинство из них были эвакуированы из Рейнской области на восток. Теперь большевики теснили их к западу, откуда они пришли!

Столько переживаний вконец измотали их. Многие женщины со страхом озирались вокруг. Одна из них тревожно тащила за собой трех блондинистых детишек, прицепившихся к ее юбке. Она ждала четвертого ребенка, и в этой неслыханной толчее несла впереди себя торчком огромный живот. Вечером она, обезумев, легла на спину, рыдала, икала и отказывалась от любой помощи.

На рассвете советские самолеты прогнали ее, растерянную, смятенную, в поток обезумевших от ужаса людей, бесконечно разливавшийся к северу и к западу.

***

С этого времени фламандские и валлонские волонтеры смешались в завершающих боях. На следующий день я попытался добраться до немецкого штаба, к которому тактически мы были приписаны, как одни, так и другие. Я нашел его далеко на западе, в ветхом кирпичном замке, спрятанном в лесу.

Как и следовало ожидать, приказ был один: держаться! Это было все, что я узнал нового. Я вернулся на мой КП в Хольцендорфе через огненный Пренцлау. В золоченый мрак неба поднимались столбы дыма, огромные, светло-серые столбы.

В девять часов вечера шум боя на юго-востоке стал особенно сильным. Наши стекла дрожали. Советские танки лаяли на подступах к Пренцлау. Город едва мог оказать какое-то сопротивление. Он выдержал не более часа.

Утром наши наблюдатели доложили мне, что вражеские танки были очень далеко на юго-западе, за много километров от нашего рубежа. Мне обещали автобус с радиоприемником и передатчиком, но его не было. Я ничего не знал о решениях Верховного командования. В конце концов, в одиннадцать часов утра один немецкий мотоциклист передал мне приказ отступать, датированный предыдущим днем, двадцатью ноль ноль часами! Эстафета прошла через боевые порядки русских и пропала. Теперь она прибыла с пятнадцатичасовым опозданием! Нас просто напросто обошли ночью. Теперь было непросто выбраться из этого осиного гнезда.

Наши ребята лишний раз проявили героизм, сражаясь с восхода солнца. Чтобы освободиться от противника, они совершали отчаянные контратаки.

Один из наших молодых офицеров в одиночку бросился с автоматом в дом, превращенный Советами в бункер. Он устроил там кровавый переполох и полностью потерял одну руку.

Красные, вместо того, чтобы всей силой обрушиться на это сопротивление, отвернули в сторону и прошли глубоко по флангам, открытым как небо.

Отход на запад больше не был возможен: русские были в десяти километрах на западе от Пренцлау. Мы пошли в северном направлении, казавшимся наиболее

безопасным. Города уже оборудовали противотанковые укрепления. Тем хуже для тех несчастных, кто, как и мы, сражались в арьегарде. Нам пришлось с трудом преодолевать эти препятствия, заграждения, а также тянуть через них связь посреди воющих танков противника, преследовавших нас.

***

Немецкое командование, которому мы были тактически подчинены в эти дни, в приказе об отступлении указало мне, что оно переносило свой КП на край леса в десяти километрах к западу от Пренцлау. Я прибыл туда в три часа дня после бесконечных плутаний и приключений.

Естественно, в указанном месте никого больше не было, кроме советских танков, двигавшихся по краю леса! Прокуралесив по пашне и откосам, мотор моей машины готов был взорваться от перегрева. Вот уже неделю мы больше не получали ни капли бензина. Я продвигался только тем, что опустошал мой запас яблочного спирта, собранного в округе, и заливал это крайне бедное топливо, от которого задыхался мотор.

Замаскировавшись в кустах, нам пришлось подождать с четверть часа, пока я ремонтировал ремень моховика вентилятора, а мотор охлаждался.

Русские танки стремительно приближались. Малыми проселочными дорогами мы смогли добраться до развилки под Скарпиным. Там пятьсот французских волонтеров с красивыми сине-бело-красными шевронами находились на позициях в очень боевом настроении, хотя им предстояло выступить с винтовками против волны танков СССР.

Штаб, который я искал, должен был быть поблизости. Ночью с большим трудом я добрался до него. Там меня ждали новые приказы об отступлении! На этот раз нам следовало одним броском преодолеть пятьдесят километров до северной части линии Нойштрелиц-Нойбранденбург.

Я знал, что мои люди измучены. Но надо было собрать все силы:

– Север! Север! Север! Избежать Советов!

Моим офицерам связи не надо было повторять дважды.

Горстки беженцев-женщин прицепились к нам. Что делать? Ничего больше не мешало им попасть в руки большевиков. Их ребятишки валились с ног от усталости. Они умирали от голода и жажды. Молодые мамы, такие красивые в своем отчаянии, знали, что их ждет…

***

Это было 28 апреля 1945 года. На дорогах царил настоящий огромный балаган. Тысячи политических узников в своих белых с синими полосками робах вкраплялись в толчею грузовиков, повозок, сотен тысяч женщин и детей, колонн солдат самых разных родов войск.

Наши два последних пехотных батальона продвигались с трудом, но все же протискивались через эту гигантскую неразбериху. В восемь часов вечера позади нас в безумное небо вознеслись коралловые снопы горевшего и взлетавшего на воздух города Нойштрелица. За четыре года нам казалось, что мы видели самые большие катастрофы, но Нойштрелиц в ту ночь побил все рекорды. Для

последнего фейерверка войны на затраты не скупились. Апокалипсические взрывы раздавались среди шума, похожего на конец света.

Мы прошли по молу, вдававшемуся в маленькое серое озеро, пересекаемое яркими отсветами феерии. Была видна чья-то заброшенная лодка. Из мрака шел запах пены, незабудок и свежей листвы. Это был чудесный уголок, созданный для того, чтобы там вполголоса читать стихи какой-нибудь обитательнице замка с шелковыми волосами. Но тогда в небо взлетал пылающий мир, осыпаясь головокружительными водопадами, сотрясавшими этот весенний вечер. Утром здесь будут русские.

Прибыл приказ о том, что мы должны были отойти еще больше на северо-запад, пройдя за один раз дополнительно шестьдесят километров. Усталость умерщвляла наши конечности, но опасность давала энергию, необходимую для последнего усилия. Мы встряхивали наши старые шинели, пробитые осколками. На юго-востоке все небо горело, еще более красным светом…

На следующий же день нам следовало добраться до города Варена на земле Мекленбург, преодолеть большие озера этого региона и временно остановиться в секторе Тоттинер Хютте.

Ночью много беженцев было убито и лежало по обеим сторонам шоссе. Десятки тысяч женщин, детей, несчастных стариков, завернутых в одеяла, лежали, сжавшись друг на друге в тумане под елями. Три ряда машин теснились плотно, за рулем часто были французские пленные, очень преданные, очевидно, живущие одной семьей с немецкой семьей, погруженной в повозки.

Мои солдаты были в хорошей форме и, не теряя времени, проворно пробирались между машинами, застрявшими в пробках. Они не теряли доброго настроения.

Я посоветовал им ускорить шаг. У меня не было ни малейшей иллюзии. В «Фольксвагене» у меня между колен был маленький радиоприемник, работавший от батареек. Передачи из Англии любезно сообщали мне о ситуации. Однако, вот уже два дня английский фронт в Германии снова перетряхнуло. Томми перешли Эльбу на юго-востоке от Гамбурга. Они стремились к Любеку, в этом не было никакого сомнения. Если они первыми захватят этот балтийский порт, Советы задушат нас в кольце.

Надо было любой ценой, сомкнув ряды, вовремя прибыть в Любек. Потом посмотрим. Мы не должны были опускать руки и, наподобие покорных животных, упасть вдоль дорог и ждать исполнения закона победителя без всяких условий.

От Любека мы могли бы двинуться дальше на север. Я подбодрял своих людей, как мог, но мы были еще далеко от Балтики, а события развивались быстро и торопили.

***

Утром 30 апреля 1945 года в восемь часов утра я узнал по Радио-Лондон поразительную новость: видимо, состоялись какие-то переговоры в окрестностях Любека.

Командир дивизии «Фландрия» прибыл ко мне. Вот уже два дня, как мы безуспешно пытались установить связь с армейским корпусом. Отступление шло в таком ритме и в таких дорожных пробках, что в первый раз с начала войны,

несмотря на все хладнокровие Верховного командования, связь была отрезана, ее невозможно было установить. Было абсолютно невозможно узнать, что надлежало делать нашим дивизиям, ни даже где находился штаб армейского корпуса. Радиомашины исчезли.

Ни одна эстафета не могла больше преодолеть этот потоп повозок и беженцев. Мы полностью были предоставлены своей судьбе. Фашистская Италия только что рухнула. Отвратительно садистски убили Муссолини, его труп в Милане был подвешен за ноги, как животное.

Я тщательно расставил свои батареи, чтобы максимально прикрыть своих солдат в опасности. Прежде, чем покинуть Берлин 20 апреля, я добыл тысячу удостоверений иностранных рабочих, на самый худой случай. Пришло время воспользоваться всем, чем можно, не стесняясь. Утром 30 апреля я конфиденциально раздал эти удостоверения командирам моих подразделений. Таким образом, в момент завершающих боев, если некоторые роты окажутся отрезанными, те из наших людей, кто не захочет сдаваться, смогут с помощью этих фальшивых удостоверений выдать себя за иностранных рабочих, насильно вывезенных в Германию, и добраться к своему дому в Бельгии или в Рейхе.

***

В течение ста часов наши волонтеры шли день и ночь, нигде я не давал им отдыха. Необходимо было не останавливаться перед препятствиями, не терять головы, но, напротив, цепляться за любую возможность выжить, попытаться пробиться в Данию, затем в Норвегию, где, может быть, борьба продолжится, попытать все, везде, чтобы избежать мрачного краха в безвестности поражения.

Нельзя было больше и думать, что какое-либо чудо могло остановить советский натиск, не существовало больше никакого боевого рубежа, никакого сопротивления. Тащиться по дороге обозначало самоубийство.

Для командиров моих полков и батальонов я составил приказы об отступлении к Любеку: они должны были использовать все средства транспорта, погрузить солдат на каждую повозку. Я поставил валлонских жандармов на все перекрестки, чтобы направлять наших солдат от пункта к пункту, подгонять отстающих, дабы избежать любых осложнений.

Во чтобы то ни стало я решил увидеть Гиммлера, добиться от него ясных, четких приказов для моей дивизии и для дивизии «Фландрия», напомнить ему о десятках тысяч добровольцев, отважных среди отважных. Помнил ли он их еще в спорах о Любеке? Собирались ли сбросить их в бездну?

Пока была возможность спасти моих ребят, я хотел ее использовать, и через проселочные дороги, обгоняя все, что было впереди, бросился к Любеку и к Гиммлеру.

Дорога на Любек давала точную картину положения 30 апреля 1945 года. До Шверина разливалась широкая и бурлящая река гражданских беженцев и военных, текущая с востока.

В Шверине все сливалось. Только замок герцогов единственный сохранил свою черепичную крышу, чистоту камней, видевших, как проходили люди и века. Остальная часть города тонула в переплетавшихся потоках, катившихся с востока на запад.

Вот именно там неминуемость конца света в Германии стала для нас ослепительной реальностью. Человеческий поток, спускаясь с Варена, спасался от советских танков. Другой людской поток выливался от Эльбы, убегая от англичан. Обе линии наступления союзников сближались все больше, как две закрывающиеся дверные створки.

Близость англичан обозначалась в небе. Начиная со Шверина, над всеми дорогами с сумасшедшей яростью патрулировали эскадрильи «Типфлигеров». Британские самолеты пикировали на колонны, откуда тотчас вздымались десять-пятнадцать снопов густого дыма. Горели резервуары с горючим, горели покрышки колес, горел багаж беженцев.

На пятьсот, на тысячу метров был один сплошной густой, почти непроницаемый пожар, пересекаемый взрывами. Из разнесенных повозок вываливались пожитки женщин-беженцев. Нескончаемые колонны были брошены на произвол судьбы. Моя машина и автомобиль начальника штаба с огромным трудом продвигались через это скопище обломков и пожаров.

Каждые пять минут нам приходилось бросаться в кювет, и над нашими головами трещали очереди английских самолетов.

Самым трагичным зрелищем были раненые. Госпитали в спешке эвакуировались из этого района, но не было ни одной санитарной машины. По дорогам шли сотни несчастных парней с руками и грудью в гипсе, с забинтованными головами, многие шли на костылях. Они вот так должны были тоже идти к Балтийскому морю, пешком среди горящих машин и в страшной толчее.

Я проехал кое-как свои километры и добрался, наконец, во второй половине дня до Любека, в штаб к адмиралу Деницу.

Один из ближайших его помощников отвел меня в угол комнаты и сказал вполголоса, – это было 30 апреля 1945 года в семнадцать тридцать вечера, – доверительную новость, заледенившую мне кровь:

– Будьте внимательны: завтра сообщат о смерти фюрера!

Гитлер действительно был мертв? Или пытались выиграть время, прежде чем обнародовать эту ужасную новость? Или готовили что-то другое?

Во всяком случае, до исторического заявления адмирала Деница «Битва за Берлин», новость о смерти Гитлера мне была сказана на ухо в самом штабе адмирала. Я еще больше убедился в приближении развязки, когда пришел в отделы штаба Войск СС на севере Любека на берегу залива, заливаемого дождем.

Но никто точно не знал, где находится Рейхсфюрер СС. Мне могли только указать на карте замок, где должен был находиться его КП. Чтобы добраться туда, надо было сначала вернуться в Любек, затем проехать километров сорок по дороге на восток вдоль балтийского берега в направлении Висмара.

Мне пришлось с неимоверным трудом пробираться через тысячи грузовиков, двигавшихся к северо-западу. В любой момент они могли раздавить нас.

В два часа утра, когда мы прибыли в район Кладова, я был поражен удивительным явлением. Длинные белые лучи прожектора освещали соседний берег и небо. Это должно было быть лётное поле Гиммлера. Но если была такая иллюминация, значит, противник терпел ее.

Я представил, как Гиммлер летит в этот час в темном небе. Он действительно летел там. Замок, где располагался его КП, был почти пуст, когда я, наконец, вошел в него, долго поплутав в окрестном лесу.

Это было мрачное сооружение в псевдоготическом стиле 1900 года, настоящая декорация для детективного фильма. Едва освещенные узкие коридоры и лестницы имели мрачный вид.

Флаги гильдий свисали сверху, как в мрачной часовне. В трапезном зале современные картины представляли все категории трапезничающих в виде карикатур, на манер Пикассо. Вдоль зубчатых стен из красного кирпича и под осинами парка несли службу полицейские с продолговатыми пепельными головами.

В глубинах этого замка я нашел всего лишь начальника спецпоезда Гиммлера, услужливого доброго малого, с лицом, испещренным сотнями серых точек, как будто оно служило полигоном для колонии мух.

Он провел меня в кабинет одного полковника с усталыми и бесцветными глазами. Я поздоровался с ним его обычным приветствием «Хайль Гитлер!» Никакого «Хайль Гитлер!» я не услышал в ответ. Я нашел это странным и осторожно спросил об этом. Каждый опрошенный показался мне в сильном затруднении. По всей очевидности, тема Гитлера стала запретной темой для разговоров в этих пещерообразных казематах.

Никто не смог мне сказать, когда вернется Гиммлер. Он улетел на самолете.

Утром он вновь появился, подобно порыву ветра, но остался лишь на несколько минут. У нас даже не было времени увидеть его. Когда мы дошли до лестницы, он уже убыл, бледный, небритый. Мы увидели только три автомобиля, подпрыгивавших на песчаной дороге.

Но все же Гиммлер успел подписать приказ об отступлении дивизии «Валлония» и дивизии «Фландрия» в сторону Бад-Зегеберга, населенного пункта в земле Шлезвиг-Голштиния на северо-западе от Любека, таким, каким я его приготовил ночью.

Он заявил, что хотел бы видеть меня. Я должен был найти место, где поселиться и ждать его возвращения. Я сразу же посадил моего начальника штаба с официальным приказом на одну из наших двух машин и направил его навстречу валлонцам и фламандцам по дороге на Шверин.

Одновременно я послал моего второго офицера по поручениям в Бад-Зегеберг с другой машиной для того, чтобы подготовить подходящее место для наших изнуренных солдат. Кроме того, этот офицер должен проинформировать о приказах Гиммлера посты фельджандармерии и комендатуру Любека.

Оставшись один, я устроился в домике кузнеца у дороги на Висмар, взял стул и сел у порога двери, как делал это у своих родителей вечером в моем родном городе, когда был маленьким.

Грузовики проходили сотнями. Английские самолеты как никогда контролировали небо над дорогами. Очереди трещали на востоке, севере и западе над нескончаемыми полосами красно-серых костров.

Мой ум витал в грезах. Глаза блуждали в пустоте, как будто мир, в котором я так интенсивно жил, уже потерял свое дыхание и растворялся в грустных дымах.

Балтийское море было в получасе отсюда в конце пашен, где пробивалась апрельская озимь.

С наступлением темноты я сел на здоровый коричневый камень. Розовел вечер. Ничего не было слышно из неслыханного шума дорог. Только время от времени какой-нибудь немецкий самолет шел вдоль берега моря, почти по

гребням волн, чтобы оставаться невидимым. Может, и мои мечты умрут, как это бледное небо, охватывавшее ночь?

Я встал, прошел в дом и лег, не снимая форму и снаряжение, рядом с неподвижным кузнецом.

В два часа ночи дверь сотряс сильный стук. Я побежал открывать.

Свеча освещала скромную комнату большими отсветами. Один молодой немецкий полковник, посланный Гиммлером, стоял прямо передо мной с осунувшимся лицом. Я понял без слов и встал по стойке «смирно».

– Фюрер мертв, – пробормотал он.

Мы оба помолчали, кузнец тоже молчал.

Потом две слезы, слезы чистого сердца, проскользнули по его старческим морщинистым щекам…

Маленте

Немецкий полковник, сообщивший мне о смерти Гитлера, добавил, что Гиммлер этой же ночью уедет из этого района и остановится на севере Любека в направлении Киля в Маленте. Это болезненного звучания имя отдавало какой-то вялой лихорадкой. Гиммлер будет ждать меня там днем, 2 мая, в три часа.

Остаток ночи я провел, думая о Гитлере. Я не знал о том, что сказал тогда в своем заявлении Дениц. Никакого сомнения в смерти Гитлера у меня не было.

Я снова видел его, такого простого, с чувствительным сердцем, грохочущим от гения и мощи. Его народ любил его и шел за ним до конца. Ни одно колебание, ни одно сомнение не зародилось во время всей войны в восхитительной верности немецких народных масс к этому человеку, чьи бескорыстие, честность, чувство германского величия нации они знали.

Это был почти уникальный факт в мировой истории: разбитый, подверженный самым ужасным мукам, которые только может вынести народ, этот народ не показал никакого ропота против руководителя, направлявшего и державшего его на этом ужасном пути.

В каждом доме, в каждой повозке беженцев на дорогах, я был уверен в этом, в этот час плакали или молились. Но никто, я не сомневался в этом, не произносил слова упрека. Никто не жаловался. Это его жалели.

Он исчез в апофеозе поверженных богов, среди грохота конца света, казалось, исходившим из хоров Вагнера. Уйти так уже означало с нечеловеческой силой воскреснуть в воображении народов, это означало вписаться в эпоху, что не угаснет больше.

Но что будет завтра? Каким будет первый день этой пустоты? С уходом фюрера Берлин был обречен. Юг Рейха стоял на коленях, север был сметен гигантским приливом.

Армии больше не сражались, не то чтобы не хватало храбрости или дисциплины, но потому, что не было больше ни линии фронта, ни танков, ни боеприпасов, ни связи. Дороги представляли собой километры страданий, голода и крови. Уход Гитлера означал конец борьбы в Германии.

В пять часов утра моя машина остановилась перед вывеской кузницы. Там в Бад-Зегеберге мой второй офицер-порученец уже услышал по радио сообщение о смерти фюрера. Он сразу понял, что скоро все рухнет. Он развернул машину и

опять, через ночь и море отступления бросился, чтобы попытаться спасти меня. Через восемь часов неимоверных усилий ему удалось покрыть сорок километров.

Я немедленно отправился в путь. Тысячи грузовиков загромождали дороги. По мере того, как мы приближались к Любеку, продвижение стало почти невозможным. Но танки союзников, как бешеные, толкали нас в спину.

В десяти километрах от Любека дорога пересекала лес перед тем, как подойти к городу. Там было все фантастически перемешано. Огромные бело-голубые колонны шведского Красного Креста пытались проехать к востоку, чтобы спасти политзаключенных, которые, освободившись, двигались от Варена и Шверина, чтобы тоже избежать войск СССР.

Поскольку хотели проехать все, проехать больше не мог никто. Я пошел на крайние меры и двинул мой «Фольксваген» на трамвайную линию, идущую поблизости. Вот так, как эквилибристы, мы преодолели последние километры с грехом пополам, по рельсам и шпалам.

***

Любек был залит солнцем. Гордый ганзейский городок относительно мало пострадал от бомбардировок. Он еще вздымал в небо, в блестящий воздух свои благородные дома из старого кирпича и готические здания славных веков, когда моряки дальнего плавания Тевтонской Ганзы бороздили воды Балтики и Северного моря.

На каждом перекрестке мои фельджандармы ожидали валлонцев и фламандцев, чтобы направить их в сторону Бад-Зегеберга. В казарме в Любеке я нашел их первую партию. Как только основная часть войск дойдет до нас, мы сформируем в Бад-Зегеберге солидное каре на все случаи, потому что я принял твердое решение: или судьба антибольшевистских добровольцев будет четко решена в момент заключения мира или, составляя иностранный легион, мы не будем вовлечены в переговоры немецкой стороной. Мы будем сражаться, как одержимые, сколько будет нужно, пока нам не будет гарантирована почетная и гуманная капитуляция. Чтобы способствовать такому развитию ситуации, я был готов сдаться бельгийской полиции как создатель Легиона, но при условии, что моя жизнь, отданная, как дань ненависти, будет платой за спасение моих однополчан по Восточному фронту. В противном случае наша борьба продолжиться, как до, так и после перемирия.

Мои солдаты – это были не только цифры в списках. Наш форт Шаброль сопротивлялся бы с доблестью.

Увы, через несколько часов мои планы были разрушены невиданным ураганом. Будучи упорным, я попытаюсь еще реализовать их в Копенгагене и даже в Осло, но тайфун, что сметал всех нас, дул с нарастающей силой.

Я остался в казарме в Любеке до обеда. Я отправил в путь первый отряд офицеров и солдат в Бад-Зегеберг, куда прибыл и сам в конце дня, до моего свидания с Гиммлером. Затем я отправился в Маленте.

Местность, слегка холмистая, была свежа и гармонична: сосновые рощи, березняки, широкие темно-зеленые пастбища, голубые и черные озера с виллами и отелями. Сначала я проехал через маленький и красивый городок Ойтин. С большим трудом нашел я КП Гиммлера за одним лесом, на ферме в стороне от Маленте.

Гиммлера там не было. Новости были особенно катастрофичными: англичане захватили Шверин и отрезали армию, шедшую от Мекленбурга.

Атмосфера в доме была мрачной. В доме фермерского дома бродили и шептались сутулые высшие полицейские чины. С сокрушенным видом они объяснили мне, что Гиммлер уехал неизвестно куда и вернется неизвестно когда, если вообще вернется.

Я опять сел в свою машину. Тем хуже! Я выкручусь один со своими солдатами! И я снова отправился в южном направлении по дороге на Любек и Бад-Зегеберг.

***

Было четыре часа дня. Едва выйдя из рощ, окружавших Маленте, и выбравшись на шоссе на Ойтин, я увидел размер препятствий, ожидавших меня. Каждый километр дороги с оргаистической яростью простреливался британской авиацией.

На откосах, на порогах домов лежали, безрезультатно ожидая помощи, несчастные женщины или девочки с посеченными ногами или разбитыми ужасными зажигательными пулями голенями.

Когда от Ойтина я выбрался на дорогу к Любеку, мне явилось зрелище, как у Данте. Сотни повозок беженцев, сотни санитарных грузовиков пылали огнем. Шоссе представляло собой одну сплошную полосу огня. Все водители грузовиков лежали в кюветах или носились по полям.

Можно было узнать план дорог района, всего лишь только посмотрев на небо: разъяренные как орланы, самолеты выстраивались сразу по шесть, пикировали, стреляли, делали широкий разворот и возобновляли свою адскую работу.

И все же я хотел проехать через это. Я пробирался до того, как «Типфлигеры» начинали пикировать. Тогда я бросал свой «Фольксваген» между двух горящих грузовиков. Это было лучшее место. В вихре пламени и дыма машина была более или менее замаскирована. Когда заканчивался обстрел, я снова прыгал в машину и проезжал пятьсот метров, пока не начиналась новая атака.

Один водитель немец, рядом с которым я рухнул возле одной изгороди, сказал мне, что в Любеке находились англичане. Я не поверил. Утром немецкие войска еще были в Гамбурге. Нет, это были враки, это было невозможно.

Мы добрались до развилки дороги на Бад-Зегеберг. Там обстрел был ужасным. Со стороны боковой дороги, как и дороги на Любек, как безумные носились солдаты. Я подошел к одному майору, опрашивавшего их: у всех поблизости пылали грузовики. Но все сообщали одни и теже новости: Любек был сдан в четыре часа дня без единого выстрела. В госпиталях города было более двадцати тысяч раненых. Мосты были отрезаны. Английские танки двигались по дороге прямо на нас.

А Бад-Зегеберг? Это был последний смертельный удар: Бад-Зегеберг тоже пал. Я вскрикнул: «Невозможно!» И, тем не менее, это было так. Гамбург был объявлен открытым городом, и в тоже утро через него прошли британские танки, прошедшие без боя на сто километров на север.

Самолеты уничтожали все перед ними. Бад-Зегеберг был занят во второй половине дня. Я был обескуражен, подавлен, убит. В полдень я был еще с моими товарищами, избежавшими клещей под Мекленбургом, и за несколько часов невероятный шторм, циклон вырвал их от меня. Я не смог ни спасти их, ни быть с ними в эти ужасные часы. У меня не было больше никого, кроме одного солдата и двух офицеров. Все было разбито. Внезапно, словно колокольня, рухнувшая на прохожих, свалилась на меня эта катастрофа. Ничего не оставалось делать, кроме как попытаться самим избежать надвигавшегося тайфуна.

***

Несмотря ни на что, я надеялся найти в Дании часть моих ребят. Двести наших парней были вовремя отправлены в Росток. Оттуда они определенно смогли уйти морем. Другие, не успевшие вовремя добраться до Любека, тоже должно быть дошли до побережья. Мои парни были мастерами выходить из любого положения. Где никто не проходил, они проходили всегда.

Но сам я был в четырехстах километрах от Копенгагена. Моя машина была на исходе сил. У меня оставалось только тридцать литров картофельного самогона, а дорога была сплошным костром.

Пока оставалась надежда, я хотел надеяться и бороться. Я опять взял направление на север. При каждом пике самолетов я опасался за свою машину, уже прошитую несколькими пулями, не задевшими основных частей.

Сотни горящих грузовиков загромождали весь путь. Министр Шпеер, чья машина тоже застряла в потоке, пытался сам освободить путь. Он был в окружении членов штаба организации Тодта, одетых в ослепительные униформы фисташкового и зеленовато-желтого цветов. Эти карнавально одетые ребята смешно смотрелись среди всеобщего хаоса.

Мне удалось вырваться на моем маленьком вездеходе в поля и проехать несколько километров через пашни. Вдруг я увидел, как с боковой дороги возникла длинная черная машина. За рулем сидел энергичного вида очень бледный человек в кожаном шлеме.

Я узнал его. Это был Гиммлер. Я, обезумев, бросился следом.

Киль-Копенгаген

Я не смог «приклеиться» к мощной машине Гиммлера, но я вычислил направление: он направлялся в Маленте.

Моя колымага произвела сенсацию, въехав во двор виллы Рейхсфюрера СС как раз в тот момент, когда вся рота полиции садилась в машины.

Гиммлер давал распоряжения двум генералам СС. Я узнал в одном из них одного очень хорошего друга, знаменитого профессора Гебхардта – королевского врача при дворе короля Бельгии Леопольда III. Я подошел. Гиммлер одарил меня знаками искренней дружбы.

Его хладнокровие впечатляло. Все было потеряно, особенно для него. Но он был удивительно спокоен. Я спросил у него, что он намерен делать… Он сдержал свое слово. И эта немецкая земля держит в себе его тело, где-то вдоль дороги в сторону Лунебурга.

Он посоветовал мне немедленно выехать в Копенгаген, чтобы собрать там моих солдат. Немецкий губернатор Дании, доктор Бест, был рядом с ним. Он дал ему все распоряжения на этот счет.

Его маленькие живые глаза поблескивали в полусвете сумрака. Он, всегда такой сдержанный и сухой в своих чувствах, с силой сжал мне руки:

– Прощайте, дорогой друг!

Он бросил короткие распоряжения и сел за руль. И вдруг, в момент, как тронуться с места, он опустил стекло и отчеканил свои последние слова:

– Прощайте.

Его машина тронулась в путь. Полтора десятка больших машин бросились за его автомобилем в северном направлении. Моя скромная машина попыталась следовать за этим мощным ревом моторов, но скоро выдохлась и осталась одна едва тащиться на картофельном спирте через кромешную тьму ночи.

***

Час спустя я нашел всю колонну. Она полностью загораживала дорогу, пробитую сотней воронок, и двигалась к югу. В четырех километрах перед нами над Килем проплывал огромный воздушный флот.

Гиммлер направил машины на маленькую боковую дорогу. Бомбы каскадом летели на порт. После небольшой остановки колонна снова тронулась. Но уже подходила новая волна бомбардировщиков. Мы были на подъезде к городу. Пришлось оставить машины на шоссе и броситься в ближайшие сады.

Две секретарши Гиммлера, одна высокая девушка брюнетка, костлявая, с длинными ногами, и другая – маленькая веснушчатая полненькая блондинка, протискивались среди генералов и полицейских. Несчастные девочки, должно быть, потеряли туфли в болоте. Гиммлер строго призывал всех к порядку, приказал всем сесть по машинам, которые снова тронулись к югу в поисках какого-нибудь укрытия. Они больше не вернулись. Таким образом, я расстался с Гиммлером навсегда.

***

Разгром Киля продолжался много часов. Бомбы падали сотнями, очень близко от нас. Земля дрожала, как будто она посылала волны. Гигантские сполохи освещали небо. Наконец, мы смогли протиснуться через груды обломков, сорванных трамвайных проводов и толпу, выходившую из убежищ в погребальной тишине.

Мы проехали мост Киля. Мой маленький автомобиль осторожно проезжал в холодной ночи. Потом мотор начал чихать, сбиваться. Машина слишком много видела, слишком много проработала. В конце концов она остановилась, по-настоящему мертвая, с расплавленными шатунами.

Должно было быть около трех часов ночи. Союзники, вероятно, двигались в этот час по всем дорогам. Мы вот-вот могли погибнуть, глупо погибнуть, побежденные банальной поломкой мотора. Мы заблудились в ночи, не имея карты этого района. Мы находились на одной пустынной дороге.

К счастью, на рассвете проехала одна машина. Мы сели верхом на крылья. Мой бедный автомобиль остался на дороге, печальный, проигравший войну и ждавший англичан…

Утром мы прибыли в Фленсбург, где один генерал дал мне другую машину. В час дня мы выехали на датское шоссе, проходившее среди заливных лугов жирного чернозема, в конце которых вырисовывались рощицы деревьев, мельницы, белые фермы с маленькими голубыми, зелеными и ярко-красными ставнями.

***

В Дании тоже чувствовалось, что все было кончено. Отступавшим германским частям было строго запрещено пересекать германско-датскую границу. Мы целый час были блокированы пограничниками. Потребовался звонок лично маршала Кейтеля, чтобы погранцы решили пропустить нас дальше.

Впереди нас вереница автобусов шведского Красного Креста перевозила сотни политзаключенных, освобожденных из немецких концлагерей. В каждом населенном пункте собирались огромные толпы, чтобы приветствовать их.

Мой маленький автомобиль СС в хвосте кортежа определенно не пользовался таким бурным успехом! Мужчины показывали нам кулаки, женщины показывали другие свои части, впрочем, недурственные, неприлично задирая юбки сзади!

Мы одни были в униформе, невольно смешавшись с этими демонстрациями, непрерывно обновлявшимися. Невозможно было обогнать вереницу, поэтому нам пришлось проехать травянистый Ютланд, по чудесному мосту Фредериция переехать маленькую речку Бельт и затем пересечь весь остров Фюн до порта Ниборг.

Город Ниборг был уже виртуально на осадном положении. Немецкие войска стояли за густыми завесами колючей проволоки, словно сами захотели быть интернированными.

Теперь нам предстояло пересечь Большой Бельт на борту какого-нибудь судна. Атмосфера была ужасно напряженной. Многочисленные немецкие суда, нагруженные тысячами беженцев Рейха, стояли на якорях в порту, но не рисковали выгрузить свой люд.

Начали грузить паром грузовиками шведского Красного Креста. Освобожденных узников приветствовали криками, осыпали цветами. Толпа пела гимны. Мы ждали, что нас с минуты на минуту сбросят в Большой Бельт.

Ожидание длилось четыре часа. Наконец, начался траверс. Злоба персонала была на пределе. На остров Зеландию мы высадились поздней ночью.

Местность кишела партизанами. Нам предстояло покрыть еще сто километров, чтобы добраться до Копенгагена. Было два часа ночи, когда мы прошли заграждения из колючей проволоки, защищавшие подход к немецким зданиям на Большой площади.

***

Мои расчеты оказались точными. Уже целая группа валлонских солдат, прибывших морем, находилась в Копенгагене. Мы радостно бросились в объятия.

Мы достигли договоренности с генералом Панке, командующим Войсками СС в Дании, что наши люди по мере их прибытия будут переправлены в Норвегию, где мы переформируемся и будем готовиться к дальнейшим событиям.

Там находился последний антибольшевистский фронт. Триста тысяч немецких солдат, собранных там, были хорошо вооружены и накормлены. Они могли долго защищаться. Их сдача будет последней и, без сомнения, на лучших условиях.

Я определил все детали для переброски моих людей. Было договорено, что отправление валлонцев в направлении Осло начнется прямо на следующий день.

Эти планы успокоили нас. Солнце было теплым. Мы, облокотившись на подоконники, смотрели в окна. Большая площадь Копенгагена кишела оживлением. Это был базарный день. Публику веселили клоуны и жонглеры. Мы смотрели на этот спектакль радостными глазами туристов.

***

Генерал СС предоставил мне жилье в своем деревенском домике Хаус Викинг на выезде из города у моря. Дом был свободен, я мог бы там немного отдохнуть. На следующее утро самолет доставит меня в Осло.

День был чудесный. Вилла была выстроена с совершенным вкусом. Море мирно простиралось вдаль, синее и серое, испещренное крохотными волнами, прямо в конце лужайки.

Вечером нам подали обильный ужин. Несмотря на войну, Дания жила хорошо: сладости, масло, сметана, яйца, сыры, сало, свинина, – всего было в изобилии.

Но я был на стороже. Мой телефон связи был рядом со мной. Было примерно половина восьмого вечера: мне показалось, что из передачи немецкого радио я понял, что говорилось о капитуляции Дании! Я побежал от радио к радио и наконец услышал эту роковую фразу о капитуляции. Я попытался позвонить в отделы СС, но в аппарате услышал только бредовый вой толпы, бравшей приступом здание. Звонили во все колокола города. Напрасно мы пытались бежать. Мышеловка захлопнулась.

Партизаны и англичане

Это было вечером в пятницу, 4 мая 1945 года. С двумя офицерами-порученцами и шофером мы подвели своеобразный итог: сдача армий группы «Север» Рейха и Дании была фактом, мы были одни на окраине Копенгагена, в абсолютно не знакомом квартале; мы занимали виллу генерала СС, что определенно не могло улучшить наше положение!

Самый молодой из моих офицеров нервно щебетал:

– Завтра, – повторял он, – будет слишком поздно. Надо найти решение немедленно. Я сейчас же отправлюсь в немецкий штаб!

Он увел шофера, положив на колени автомат. Через четверть часа он бросился в центре города в бредовый омут восстания, уличных смут, где мятежники хватали отдельных солдат, не успевших вовремя определиться. Офицер, шофер и машина потонули в этой темной, мрачной трагедии.

В одиннадцать вечера исход становился все более и более простым: нас оставалось только двое, у нас больше не было автомобиля, у нас не было никакого адреса.

***

Скрипнул ключ. Дверь открылась. Вошел человек.

Это был гражданский немец, долечивавшийся в Копенгагене. Мы не знали этого, но он жил на одной вилле с нами. Этот парень пошел к морю с обеда, чтобы прогуляться. Теперь он возвращался, чтобы спать. Война была закончена? Это было не его дело. Он не был солдатом, поэтому он философски ждал дальнейших событий.

Он разделся, надел пижамные штаны бледно-зеленого цвета и с коричневым, как у мальтийца, бюстом набросился на остатки закуски.

Мы вернули его к реальности. Наше положение все же показалось ему чуть сложнее, чем его.

– Не знаете ли вы кого-нибудь, кто живет поблизости? – спросили мы его.

Он медленно прожевал яйцо в майонезе и, немного подождав, ответил:

– Да, немецкий наместник Дании живет в пяти минутах отсюда.

Мы не заставили его повторять это дважды. Мой последний офицер-порученец надел гражданскую одежду и тотчас отправился к доктору Бесту.

Тот, обезумев на своей кухне, рвал на себе волосы от отчаяния среди девятнадцати чемоданов. Он не видел больше никакой возможности выбраться из этого муравейника – Копенгагена.

– Я попробую все, – сказал он, – Если это еще возможно, через час один морской офицер придет за вами и попытается взять вас на борт.

Мы прождали всю ночь, растянувшись в вестибюле. Никто не пришел.

Утром на вершинах всех матч всех соседних вилл развевались красно-белые флаги. В море перед нашей террасой в пятистах метрах патрулировал катер. По бульвару проехали грузовики с вооруженными солдатами в касках. Каждый показывал рукой на виллу Хаус Викинг. Видимо, нам недолго предстояло ждать их нападения.

***

Слуги пошли на разведку. Город был в сильном волнении. Немцы были расстреляны толпой. Многие тысячи партизан были хозяевами улицы. Немецкие дома в центре Копенгагена были окружены разъяренной толпой.

И, тем не менее, мы почти завидовали нашим окруженным там товарищам. Они, по крайней мере, были вместе, могли собраться в кулак до прибытия британских войск, а нас двоих с часу на час могли разорвать на части.

Из города доносился шум яростного боя. Стреляли из автоматов, даже из пушек. Это была какая-то шумная капитуляция!

Мы спрашивали себя, когда и как мы сгинем. Вдруг прекрасный голубой лимузин с датскими номерами остановился перед дверью. Оттуда выбежал человек:

– Переоденьтесь в гражданское и быстро прыгайте в мою машину!

За несколько секунд мы натянули гражданскую одежду поверх мундиров.

– Попробуем пересечь город, – сказал наш шофер, двухметровый джентльмен, одетый с совершенным шиком.

– А если нас атакуют?

– Тогда ничего не поделаешь. Надо оставить здесь все свое оружие, даже ваши пистолеты. Войска Дании капитулировали. Мы должны уважать слово Рейха.

Мы опустошили карманы. Машина рванула по проспекту.

***

Наш водитель был офицер в штатском. Доктор Бест, верный долгу, приказал ему сделать все, чтобы нас спасти. Он рисковал. Немецкие корабли еще занимали часть порта в Копенгагене. Мы попытаемся добраться до них, но для этого надо было пересечь весь город.

Едва выехав на бульвары, мы столкнулись с первыми препятствиями. От перекрестка к перекрестку шесть партизан с выставленными вперед автоматами преграждали путь.

Наш гид делал тогда вид, что останавливается, затем он делал часовым приветственный знак старого друга. Те думали, что они имеют дело с тем же другим партизаном: пользуясь эффектом неожиданности, наш немецкий офицер давил на газ.

Так мы проехали с полдюжины постов. Но чем дальше мы продвигались к центру, тем более загромождался проезд. Весь Копенгаген был на улицах. Автомобиль продвигался с большим трудом. Нас как-то странно все рассматривали.

Мы сворачивали на разные маленькие улочки и наконец выбрались на бульвар в пятидесяти метрах от рычащей толпы, берущей штурмом одно здание. Нескольких в штатском тащили по земле. Группы партизан занимали шоссе.

У нас была всего одна секунда, чтобы свернуть в перпендикулярную аллею. Когда машина въехала туда, отступать было уже поздно: мы въехали прямо во двор казармы, занятой партизанами, установившими там сторожевые пулеметы.

Наш водитель невозмутимо влетел, затем в немыслимом вираже объехал противотанковый бетонный барьер и мастерски выехал из ловушки.

Мы проехали вблизи толпы и на полном газу помчались по соседним улицам.

***

Наш шофер прекрасно знал Копенгаген. Боковыми улицами ему удалось добраться к порту. Каждую минуту мы видели толпы, осаждавшие здания. Наполовину оглушенных людей заталкивали в грузовики. Каждый раз нам приходилось делать крутые виражи, чтобы не попасть в середину толпы.

Чтобы добраться до порта, надо было проехать через вокзал. Как нам не застрять при попытке проехать по длинному проходу через железнодорожные пути?

Вот тогда еще раз моя звезда улыбнулась мне.

Как раз только что раздалась сильнейшая пальба. Датские коммунисты попытались овладеть портовым складом горючего в нескольких сотнях метров от нас. Немцы яростно ответили из всех бортовых орудий. Суматоха была страшная.

Штатские, террористы, часовые, все убегали, бросаясь в дома.
Одна секунда от Бога! Наша машина стрелой пролетела тридцать-сорок метров по проходу, сделала большой вираж, сбросившись вниз, и остановилась перед шлагбаумом: мы были спасены, мы были у входа в порт!

***

Но даже и там датские партизаны с револьверами в руках, немецкие обезоруженные солдаты, смешались одни с другими. Я незаметно показал одному морскому офицеру свой орден, держа его спрятанным в ладони. Он с невинным видом посадил меня и моего офицера-порученца в катер, который отвез нас к флагманскому кораблю командующего восемнадцатью минными тральщиками.

Зрелище копенгагенского рейда было впечатляющим. Напротив этого обезумевшего города в голубой бухте стоял целый немецкий флот, состоявший из прекрасных боевых единиц, таких, например, как «Принц Ойген». Флаги военно-морского флота по-прежнему гордо развевались на мачтах.

Двадцать тысяч человек были на борту. Но эти великолепные корабли сегодня вечером или завтра утром будут добычей союзников. Я избежал террористов, чтобы теперь быть схваченным англичанами.

Командующий минными тральщиками был решительным человеком.

– Наши армии в Норвегии не капитулировали, – повторял он, – Может быть, есть еще шанс добраться туда!

Но, проконсультировавшись, адмирал ответил, что любая мысль об отплытии в Норвегию должна быть оставлена.

***

Город искрился на солнце. В три часа дня командир показал мне радиограмму: скоро с воздуха должна была высадиться дивизия англичан.

Через четыре часа британский самолет пролетел над нашими мачтами, сделал разворот и приземлился на наших глазах на аэродроме Копенгагена.

В пять часов вечера небо наполнилось мощным ревом: безупречным строем подлетали сотни тяжелых транспортных самолетов англичан. Они садились на аэродроме в нескольких километрах от нас.

В шесть часов вечера из чревов самолетов выезжали мотоциклы и грузовики. Томми устремлялись в город, их приветствовала возбужденная толпа. С минуты на минуту мы должны были увидеть их на пирсе.

У моего командира горели глаза. Он по братски взял меня за плечи:

– Нет, нет, – закричал он, – Никто не скажет, что Германия бросила вас!

Он крикнул одного молодого командира минного тральщика.

– Вы пробьете проход, – сказал он ему, – Я хочу, чтобы вы прибыли в Осло с Дегреллем!

Подошел красивый военный корабль, серый, как вода, тонкий и узкий, как гончая собака. Я надел мое широкое овчинное пальто и прошел на борт. Перед носом англичан, постреливавшим и громыхавшим по мостовым набережных, в половине седьмого вечера мы отдали швартовые и на полной скорости пошли в направлении шведского берега, затем прямо на север.

Осло, 7 мая 1945 года

Стоя на носу военного корабля, на котором я в последний момент вырвался из Копенгагена, в грубом запахе моря я обрел удивительное успокоение.

Вечерние тени умирали на шведском берегу. Совсем рядом был пляж. Я смотрел на выбеленные стены домов, длинные розовые трубы на крышах, на темневшие вдали холмы. Со стороны датского берега вырисовывались более романтичные, чем когда-либо, зеленоватые крыши Хельсингёра.

Море напоминало широкую реку. Мне не терпелось оставить эту водную горловину, добраться до Каттегата, увидеть, как растворятся краски враждебного вражеского неба.

Наступил вечер, английские самолеты не достали нас. Дул озорной северный ветер. Облокотившись локтями на борт, я мечтал, глядя, как под светом миллионов звезд от кормы бурунились свежие снопы морской воды. Море дрожало, искрилось до бесконечности. Его звуки успокаивали меня.

Наш корабль шел быстро. Если мы хотели избежать массированной атаки с воздуха, то надо было дойти до норвежских фьордов рано утром.

Никому на борту не было разрешено спать, поскольку в любой момент мы могли нарваться на мину. Но море было широкое, места в нем хватало и для мин, и для нас. Мы не встретили ни одну.

В течение ночи мы слышали над мачтами шум авиации союзников. Моряки объяснили нам, что на море авиация донимала их также, как и на сухопутных дорогах.

Ночь была великолепной и светлой. Английские самолеты каждый раз спускались очень низко, почти до самой воды. Мы воздерживались от какой-либо реакции. Они, должно быть, спрашивали себя, что мы там делали в Каттегате, тогда как война в Дании закончилась. Они не настаивали на преследовании.

В восемь часов утра мы увидели коричневые и черные скалы Норвегии. Мы входили в ослепительный фьорд Осло. Ни одной лодки, ни одной шхуны на горизонте. Вода была гладкая, как металл, ледяной голубизны, где переливались серебряные блестки.

По берегу деревянные виллы, выкрашенные в синий, в коричневый, в белый и в зеленый цвета, наполовину утопали в елях. Я думал о флоте Рейха, что высаживал войска таким же светлым утром в апреле 1940 года. Черноватые скалы были великолепны. Они глубоко спускались в фьорд, с блеском опрокидывались в блестящую воду.

Наш маленький серый корабль шел впереди два часа. Залитые солнцем берега все более и более сближались. Вдали вырисовывались крыши, башни церквей, доки, элеваторы.

Это был Осло.

Было десять часов утра. Нам ответил звук сирены. Мы пришвартовались рядом с двумя красивыми «карманными» подводными лодками, размерами чуть более гоночной яхты, желто-зеленого цвета, как сухие листья табака.

***

Город Осло инкрустирован в глубине самых сияющих бухт Европы. Он еще дремлет. Воскресенье. Проезжают редкие трамваи. Мы позвонили по телефону. За нами пришла машина и увезла нас в горы, что идут вдоль фьорда Осло на юго-запад. Погода была чудесная.

Тысячи девушек с прекрасными телами, завернутые в легкие пижамы ласковых цветов, крутили педали велосипедов вдоль дороги, среди скал и черных елей.

Все эти лесные нимфы направлялись к травянистым склонам. Вода сверкала темно-синим отливом, бурлила вокруг огромных камней, отдыхала в спокойных блестящих бухтах. Два раза мы спрашивали дорогу. Прогульщицы, рассматривая нас, говорили «нет» кивком головы. Несмотря на солнце, блеск весны, кокетливые красные и синие шорты и светлые шевелюры волос, война и ее враждебность были на первом месте…

Мы прибыли на вершину одной горы в замок наследного принца Олафа, где я должен был встретиться с немецким гауляйтером Норвегии, доктором Тербовеном. Тот сразу же меня принял с замкнутым, ничего не выражавшим лицом и своими маленькими моргающими глазками, как у Гиммлера.

Я объяснил ему свой план. Я хотел бы немедленно отправиться на Северный фронт Норвегии. Пока будет длиться война с большевиками, мы хотели отметить в боях участие нашего Легиона. Другие валлонцы без промедления примкнут к нам.

Доктор Тербовен должно быть получил очень обескураживающие новости. Он качал головой. Он сказал мне о Швеции и Японии. Я подумал о Нарвике и о северном мысе.

Он приказал принести старого французского коньяка и предложил мне приличные сэндвичи. С террасы замка открывался вид на залив – огромную незабываемую симфонию темно-голубых, белых, коричневых и зеленых тонов. Почему же ярость терзает сердца людей, когда земля так прекрасна?

Доктор Тербовен забронировал мне квартиру в Осло. Он будет держать меня в курсе событий. Я опять спустился в сияющую долину. Страна была чудесной, но я больше не представлял, как я отсюда выберусь.

***

Я принял ванну, установил радиоприемник в комнате: союзники напирали. Я был усталый и проспал всю ночь.

На следующий день, когда я проснулся, – это было 7 мая 1945 года, я услышал крики солдат по Радио-Лондон. Они уже били в барабаны – капитуляция Рейха была решенным делом, вопросом нескольких часов, может быть, нескольких минут!

Премьер-министр Квислинг, которого я еще не знал, пригласил меня к себе в Королевский дворец. Я пошел туда к одиннадцати тридцати часам, побродив по улицам города. Дворец впечатлял. На почетной лестнице из белого мрамора лежали два больших ковра. Королевская мебель также была великолепна. Перед дворцом на огромном жеребце зеленой бронзы восседал классический монарх.

Квислинг, казалось, был подавлен. С полчаса мы поговорили о том, о сем. Тербовен попросил меня успокоить его. Это снимало большинство вопросов.

Создавалось впечатление, что что-то грызло его изнутри. Лицо было распухшим, глаза бегали, пальцы барабанили по столу. Человек чувствовал себя пропавшим.

Я был его последним посетителем. Во второй половине дня он отправился на шведскую границу, откуда был отправлен обратно, ночью вернулся в Осло, не зная больше, в какой фьорд броситься.

***

Бургундское в стекле не было испорчено событиями. Я выпил его за обедом целую восхитительную бутылку, но радио помешало мне насладиться им в полной мере: в два часа дня оно сообщило заявление нового министра иностранных дел Рейха.

В подобных обстоятельствах я отгадал каждый абзац речи этого господина, не услышав ни одного слова!

Капитуляция войск вне Рейха была полной: в Богемии, в Литве, на Крите, во французских портах Атлантики. Триста тысяч солдат в Норвегии сдавались, как все другие.

Почему Германия должна еще бороться, жертвовать немецкие жизни, когда последние метры ее земли были завоеваны противником от Шлезвига до Судетской области?

С войсками Рейха в Скандинавии обойдутся корректно. Их обещали репатриировать и освободить. Немецкие части на Крите тоже получали воинские почести: они вернутся в свои земли с оружием на английских кораблях.

Но для нас, последних иностранных добровольцев, все выглядело как катастрофа, как бездна.

Весь день я просидел у окна. Зачем грустить? Я сделал все, что мог. Я держался до конца, упорно, не теряя присутствия духа. Теперь же не было больше средств подняться: Северный полюс тоже капитулировал.

На улицах собиралась толпа, еще более внушительная, чем в Копенгагене. Девушки размахивали флагами. Немецкие солдаты еще свободно передвигались, никто из норвежцев их не задевал. Стычки, смертные приговоры и самоубийства начнутся только с приходом партизан, которые спустятся с окрестных гор на следующий день.

Я ждал новостей от доктора Тербовена. В шесть часов вечера он вызвал меня во дворец князя Олафа.

***

Я снова повторил чудесную прогулку вдоль фьорда, я вновь увидел ослепительную панораму города.

Доктор Тербовен принял меня вместе со своим другом генералом Редисом. Они были совершенно спокойны и, тем не менее, на следующий день утром их найдут обоих мертвыми с револьверами в заледеневших руках, не пожелавших, ни тот, ни другой, передавать Норвегию победителям.

Мы еще раз взглянули на потрясающий пейзаж. Метрдотель в смокинге подал нам напитки так, как если бы мы были на пикнике невинным весенним днем.

И тогда доктор Тербовен сказал мне серьезно:

– Я попросил Швецию дать вам убежище. Они отказали. Какая-нибудь подводная лодка могла бы доставить вас в Японию, но капитуляция объявлена полная: субмарины не могут больше выйти в море. Здесь внизу, на аэродроме, есть еще один частный самолет. Это машина министра Шпеера. Хотите попробовать свой шанс этой ночью и вылететь в Испанию?

Мы произвели некоторые расчеты. От Осло до Пиренеев по прямой было две тысячи сто пятьдесят километров. Теоретически самолет мог преодолеть две тысячи сто километров. На большой высоте, чтобы экономить горючее, была возможность добраться туда.

У меня не было выбора. Я согласился.

Вот уже две недели каждый день я ставил на карту мою жизнь. Поставлю в последний раз.

***

Я вернулся опять в Осло, кишевший народом. Отель был совершенно пустым, все двери открыты настежь. Персонал весь исчез.

Надо было ждать, мы не могли вылететь до наступления ночи. Тогда бы все превратилось в рискованную авантюру. Мне надо было тайно пробраться на взлетную площадку. Теоретически, экипаж вел свой «Хенкель» министра Шпеера в Тронхейм. Сам начальник аэродрома не знал реального курса двухмоторного самолета и о присутствии двух тайных пассажиров.

В одиннадцать вечера великолепный пилот с густыми волосами и широкими, как ласты, руками, с золотым немецким Крестом на груди подогнал к отелю маленький автомобиль. Я сел в него вместе с моим последним офицером.

Повсюду на улицах были толпы. Я по прежнему был в униформе Ваффен СС и на шее у меня была лента с Риттеркройцем и Дубовыми листьями. Десятки тысяч высоких светловолосых парней и стройных девушек загораживали улицы, но они с улыбкой отходили в стороны, чтобы пропустить машину.

За городом Осло не было никакого противотанкового заслона. Наш пилот довез нас в темноте прямо под крылья самолета незамеченными.

Три помощника пилота заняли свои места. Через минуту мы были в небе.

Жизнь!

Моим первым чувством, когда мой самолет покинул землю Норвегии, было облегчение. Взлетая в воздух, мы отрезали последние швартовые неуверенности.

Теперь все было ясно: как только аппарат приземлится, то или нам повезет, или мы немедленно погибнем. Кости были брошены на стол: жизнь или смерть! Нам предстояло узнать что из двух с определенностью, окончательно. Не надо было больше взвешивать, думать, комбинировать.

Наступала полночь. Война была в действительности закончена со времени передачи немецкого радио в четырнадцать ноль ноль. И все же, капитуляция официально вступит в силу на следующий день, 8 мая 1945 года. Таким образом, мы находились между войной и миром, как и между землей и небом.

Некоторое время мы пролетали над Скагерраком. С этого момента среди бури нас поведут только компас и чудесное мастерство летчиков; естественно, мы

не могли вести самолет по радиомаяку, у нас даже не было с собой карты Европы. Немецкий начальник аэродрома в Осло передал нашим летчикам замечательную карту… Норвегии, поскольку они летели… в Тронхейм! И они не стали настаивать.

У одного из них была миниатюрная карманная карта Франции. Она по-королевски указывала на три водных пути: Сена, Луара, Рона.

Мы поднялись на четыре тысячи метров, чтобы экономить горючее, но буря, свирепствовавшая на этой высоте, быстро заставила нас лететь ниже.

***

Очевидно, что одинокий самолет, летевший без всякой охраны через две тысячи километров территории, раз двадцать подвергался риску быть сбитым.

По моему мнению, наш единственный шанс к спасению заключался в грандиозном празднике, отмечавшемся, без сомнения, в лагере союзников с обеда. На всех западных аэродромах победители определенно находились в процессе принятия рек шампанского и виски.

Тысячи английских и американских летчиков-истребителей, отныне освобожденных от ночных боев, находились все или на краю или же на дне опьянения в час, когда наш «Хенкель» пересекал их бывшие зоны безопасности и наблюдения. Это была действительно уникальная ночь из всех возможных, чтобы попытать счастья.

И потом, кто бы мог представить, что какой-либо одинокий самолет со свастикой на фюзеляже по прежнему еще так отважно пролетит над Голландией, Бельгией и целой Францией, тогда как война закончена?

На самом деле, мы воспользовались еще одной уловкой, сначала взяв курс прямо на Англию, затем на европейский континент, как будто мы шли с британского берега.

Я смотрел на пробегавшую подо мной чернеющую землю. В темной массе ночи проезжали машины со всеми зажженными фарами. Блестели малые города, похожие на горящие коробки спичек. Повсюду, должно быть, пели и пили…

Было примерно час ночи, когда я заметил тревожное явление: сильный свет зажегся позади нас и шарил по небу. Мое сердце заколотилось сильнее…

***

Несмотря на все земные празднования, нас обнаружили. Теперь огни горели на нашей высоте, другие загорались далеко впереди нас. С аэродромов взметнулись огромные квадраты света. Взлетные полосы сверкали, как белые простыни. Наш самолет шел на предельной скорости, чтобы избежать этих проклятых огней.

Но все время загорались другие прожекторы, протягивая вверх свои лапы, чтобы схватить нас. Блики света плясали вокруг наших крыльев. Начало потрескивать радио. Союзнические аэродромные службы запрашивали нас. Мы ничего не отвечали и летели быстрее.

***

Подо мной находилась Бельгия. Там был Антверпен, сверкавший среди первой ночи мира. Я думал о наших реках, дорогах, о всех этих городках, где я выступал, о долинах, холмах, об этих старых домах, которые так любил! Весь этот народ был там, под моим темным самолетом, этот народ, который я хотел возвеличить, облагородить, привести к пути величия.

Слева от себя я увидел огни Брюсселя, большое черное пятно Суаньского леса, где был мой дорогой дом.

Ах, какое несчастье быть побежденным и видеть, как рушится твоя мечта! Я сжимал челюсти, чтобы не плакать. Вот так, среди ночи и ветров, преследуемый горькой судьбой, прощался я с небом моей Родины.

***

Теперь мы пролетели Лилль. По-прежнему нас дергали аэродромные прожекторы. Но, чем более продвигались мы к югу, тем больше была надежда избежать смерти. Мы приближались к Парижу, над которым наш «Хенкель» пролетел на очень низкой высоте. Я рассматривал улицы, площади, серебристые как голуби.

Мы еще жили! Мы пролетали над Босом, Луарой, Вандом. Вскоре мы подлетели к Атлантике.

Однако, летчики с беспокойством переглядывались. Определенно, мы меньше рисковали быть сбитыми зенитками союзников или ночным истребителем. Кончалось горючее.

Ночь была ужасно темной. Я с тревогой всматривался в землю. Светящиеся стрелки показывали пять утра. Призрачный свет рассеял тень. Я сразу же узнал его! Это было устье Жиронды. Мы были на правильном курсе, мы шли вдоль моря. Мы очень слабо различали линию пляжа, волны. На востоке едва дрожала линия горизонта.

Горючего становилось все меньше. В голубоватом свете панели управления я всматривался в напряженные лица пилотов. Самолет, сбавляя скорость, снижался.

Мы прошли напротив Аркашона. Когда-то я жил там среди пахучих сосен. Порт был освещен словно 14 июля. Мы издалека наблюдали за ландами, продырявленными пятном Бискаросского пролива.

«Хенкель» начал часто чихать. Один из летчиков принес нам спасательные жилеты. Горючее подошло к нулю, с минуты на минуту мы могли упасть в море.

***

С напряжением, жегшим мне нервы, я изучал возможную линию Пиренеев. Медленно высвечивался день. Должны были виднеться вершины гор, но мы их не видели.

Моторы самолета все более и более сбивались с ритма. На юго-востоке небо обвела голубоватая полукруглая линия: там была горная цепь Пиренеев! Дотянем ли мы до испанского побережья?

Из-за бури мы прошли около двух тысяч трехсот километров. Нам пришлось бросить аппарат на левое крыло, затем на правое, чтобы пролить в моторы последние литры горючего из баков.

Я хорошо знал район Биариц и Сен-Жан-де-Люз. Я различил слабо белеющий изгиб Пиренеев в устье Бидассоа.

Но самолет не хотел лететь, почти касаясь воды. Нам предстояло погибнуть в двадцати километрах от иберийского берега. Пришлось пустить красные сигнальные ракеты: два военных катера направились к нам со стороны французского берега.

Какая трагедия! И это тогда, когда вдали мигал испанский маяк!

Странно и необычно было видеть под собой хребты волновых барашков и совсем близкое плещущее море, готовое поглотить тебя! Но мы пока не падали. Берег приближался, подгоняя нам навстречу свои скалы, черно-зеленые камни, едва выступавшие из мрака.

Внезапно летчик поставил самолет в вертикаль, почти полностью перевернул его, ужасно взревели моторы, собрав последние капли горючего, затем аппарат бросился поверх скалистого склона, с ужасным шумом срезая несколько красных крыш.

Мы не успели ничего подумать. Как молния мелькнула песчаная лента. Со скоростью двести пятьдесят километров в час «Хенкель» скользнул брюхом. Я увидел, как взорвался правый мотор, сверкнувший огненным шаром. Аппарат перевернулся и рухнул в море среди волн.

Вода хлынула в раздавленную кабину и наполовину приподняла нас. У меня было пять переломов. На пляже Сан-Себастьяна гражданские полицейские в двуколках бегали туда-сюда между виллами и отелями.

Испанцы, голые, как жители Таити, вплавь устремились к нашему упавшему самолету. Они подняли меня на одно крыло на мотор, затем на спасательную лодку. Причалил спасательный медицинский катер. На этот раз война была действительно закончена.

***

Я жил. Бог спас меня.

Даже сами ранения мои были благословением. Мне предстояло провести в госпитале несколько месяцев, но я сохранил силу и веру.

Я не испытал горечи бесполезно попасть в руки моих врагов. Я оставался свидетелем действий моих солдат. Я смогу отмыть их от грязи со стороны их противников, бесчувственных к героизму. Я смогу сказать, чем была их невероятная скачка через Донбасс и Дон, Кавказ и Черкассы, Эстонию, Штаргард и Одер.

Однажды имена наших павших будут повторять с гордостью. Наш народ, слушая эти славные рассказы, почувствует бодрость в крови, и он узнает и признает своих сыновей.

Без сомнения, мы были побеждены материально. Мы были рассеяны и подвергались преследованиям во всех уголках Европы, но мы можем смотреть в будущее с высоко поднятой головой. Заслуги людей взвешивает история. Мы провели нашу молодость над мирскими мерзостями ко всеобщей жертве. Мы сражались за Европу, ее веру, ее культуру. Мы были до конца искренни в этой жертве. Рано или поздно, Европа и мир должны будут признать справедливость нашего дела и чистоту нашей самоотдачи, потому что ненависть умирает, умирает, задавленная собственной глупостью и собственной низостью.

Но величие, слава – вечны!
А мы жили в величии!

Военный госпиталь
Сан-Себастьян (Испания)
Август-декабрь 1945 года

КОНЕЦ

СОДЕРЖАНИЕ